

Белоглазова Галина

Письма с фронта любимым...

Сборник писем
и воспоминаний военных лет

Барнаул 2020

Издание переработанное и дополненное

Первое издание выпущено в рамках проекта

«Ценность семьи в духовно-эмоциональной связи поколений»

при государственной финансовой поддержке:

Грант Президента Российской Федерации

Краевая целевая программа «Молодёжь Алтая» на 2007-2010 гг.

Автор текстов, составитель-редактор

Г.Н. Белоглазова

В книге «Письма с фронта любимым...» использованы репродукции картин жителя Алтайского края, участника Великой Отечественной войны, художника К.Л. Глушко, предоставленные им лично.

Редакционная коллегия

Г.И. Витовтова, Н.В. Вакалова, Е.В. Репринцева, Н.Д. Ростов, В.Ф. Гришаев, Е.А. Полякова, Н.А. Лямина, Т.В. Скворцова, Е.Н. Сорокина, И.М. Шульман

Рецензенты

В.Ф., Гришаев, А.В. Зуев, С.В. Вторушин, Т.А. Черкова, Т.В. Хохлова

Г.Н. Белоглазова **Письма с фронта любимым...** Сборник писем и воспоминаний военных лет. Издание 2-е дополненное.

В книге собраны письма и воспоминания о военном времени наших земляков, ветеранов и участников Великой отечественной войны и локальных конфликтов XX века. Прошли годы, многие авторы писем с фронта покинули мир иной, а строки, написанные ими когда-то бережно хранят самые трогательные человеческие чувства.

Книга для широкого круга читателей

От автора - составителя

Дорогой читатель, ты держишь в руках второе дополненное и переработанное издание книги «Письма с фронта любимым...». Первая книга увидела свет в 2007 году и стала настольной у тех, кто по роду своей службы и зову сердца занимается патриотическим воспитанием подрастающего поколения.

В этой книге представлены документы без купюр – подлинные письма участников военных событий XX века, жителей Алтайского края и воспоминания их современников, наших земляков.

Во время работы над изданием изучено, прочитано, обработано более тысячи различных документов: писем, дневников, телеграмм, извещений о гибели солдат, фотографий, открыток, газетных и журнальных статей, хранящихся в семейных и музейных архивах. У автора предлагаемого издания состоялось немало встреч, на которых были записаны воспоминания участников военных событий и родственников, чьи письма в последствии вошли в сборник.

Сборник состоит из трёх разделов: письма с фронтов Великой Отечественной войны, воспоминания тружеников тыла, детей войны о военной жизни и военном детстве. Отдельными главами представлены письма участников Афганского и Чеченского локальных военных конфликтов. Письма приводятся в сокращении, с сохранением авторского стиля написания письма. Места сокращений отмечены в тексте значком <...>.

В книге нет описания военных действий. В годы войны в письмах категорически запрещалось передавать данную информацию, нередко подобные строки в письмах тщательно вымарывались цензорами. К сожалению, уже нет в живых близких родственников, которые могли бы в подробностях рассказать об авторах писем. Время неумолимо идёт верёд, нет и большей части очевидцев военной поры.

Немногословны и очень отличаются повествованием письма солдат, служивших в армии во времена Афганского и Чеченского военных конфликтов. Письма, опубликованные в сборнике, отличаются друг от друга, и в то же время они чем-то похожи. Красной нитью в них проходит чувство, что дороже семьи и близких людей у солдата любой войны нет. Документальные материалы сопровождаются стихами наших земляков и авторов писем.

Книга посвящена памяти соотечественников.

Желаем читателям приятного прочтения.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

июнь 1941—май 1945 гг.

*Война! Сердце истосковалось
по всему человеческому...*

Семья, рождённая по переписке

Алекимовы Семён Павлович и
Екатерина Поликарповна

Екатерина Поликарповна и Семён Павлович Алекимовы удивительная семейная пара. Более 60 лет прожили они в любви, мире, взаимопонимании и согласии. История их семейного счастья необыкновенна, ведь зародилось это счастье в те грозные годы, которые называются «Война», по переписке.

Из воспоминаний Екатерины Поликарповны:

«Зарегистрировались мы с Семёном 31 августа 1946 года в селе Генералка, Чарышского района. Я тогда работала в колхозе бухгалтером, с первого дня войны и до последнего. Ну и вот, пришли мы регистрироваться, а секретарь в сельском Совете нам и говорит: «Да вы что, с ума сошли! Что такое 31 августа? Это ничего. Я вас запишу 3 сентября – в день окончания второй мировой войны». Так и записал.

А самое-то главное, что вас удивит – мы с Семёном никогда не виделись, мы только переписывались, заочно знакомы. Семён служил вместе с нашим председателем колхоза Теплухиным Фомой Кондратьевичем. Фома Кондратьевич видит: все письма получают, а Семен - нет. Он и дал ему мой адрес».

10.03.44 г.

«Привет с фронта! Катя, здравствуй. Шлю тебе свой горячий поцелуй и наилучшие пожелания счастья и здоровья. Дорогая! Ты, конечно, не знаешь, кто тебе пишет это письмо, так как ты никогда не видела меня и поэтому ты,

возможно, удивишься, получив данное письмо. Прочитай, Катя, его, оно написано от души.

Сегодня, после многодневных, горячих боёв, мы первый раз имеем немного свободного времени. И вот, на досуге, забыв боевые тревоги, мы с другом вспомнили минувшие денёчки. Нам, почему-то, вспомнились деревенские вечёрки, гулянки и песни под гармошку. <...>

Разговорившись об этом, мы поняли, что очень плохо, если не имеешь хорошей подруги, которая писала бы сюда, на фронт, душевные, нежные письма, письма, полные любви и ласк. Я попросил моего друга познакомить меня с девушкой, которая могла бы быть моим другом, на что он согласился и дал твой адрес.

Катя! Очень трудно знакомиться с человеком, если его ты ни разу не видела. Правда? Так ведь? Но знаешь, иногда даже такие знакомства перерастают в пламенную дружбу. Часто так беседуем мы с другом в окопе или где-нибудь перед линией обороны немцев, в тесной землянке, между широких болот и озёр этого края <...> Мой друг – хороший, задушевный товарищ. Ты его знаешь, ведь вы с ним работали вместе. Я веду речь о бывшем председателе вашего колхоза. Это о Теплухине, которого вы шуточно называете «Николаем».

Так вот, будем знакомы, моя фамилия Алекимов, а зовут и величают Семён Павлович. Я офицер так же, как и Теплухин, который приехал сюда некоторое время назад, окончив военное училище. Мы с Теплухиным одноклассники, то есть, как и он, я с 1918 года рождения. Раньше, до армии, я работал учителем русского языка и литературы в 5-х, 6-х, 7-ых классах, был завучем. В армии я опять учился, и вот теперь выучился на офицера. <...>

Катя! Я желал бы иметь с тобой переписку, если ты не против. Напиши мне, хочешь ли ты иметь знакомство со мной. <...> Катя! Вообще у меня никого нет, ни родителей, ни родных, я рос в приюте. Мне очень хочется иметь хорошую девушку, которая любила бы меня и ждала. Скажи, Катя, можем мы с тобой познакомиться?

Конечно, ты обязательно должна прислать мне своё фото. Правда? Мне хочется посмотреть, какая ты. После получения твоей фотокарточки, я вышлю свою. Хорошо? Договорились?

Напиши мне подробно о себе: как ты живёшь, где работаешь, где училась и т.д. Одним словом, пиши побольше, тебе это ничего не стоит, а мне будет интересно. Кто его знает, как говорят «Чем чёрт не шутит», возможно, мы с тобой в дальнейшем будем хорошими друзьями. Быть может, если будем живы, ещё и увидимся. А? Как ты думаешь?

<...> мне сейчас хотелось бы получать от тебя хорошие, дружеские письма. Короче говоря, вести переписку. Ты, конечно, знаешь, здесь на фронте письмо для нас – это радость, а радости на фронте вообще бывает мало. Здесь мы ждём письма так, как ничего в жизни никогда не ждали, хотя, откровенно говоря, мне совсем не от кого получать их. <...> Катя, напиши что-нибудь. Я буду рад.

Мой адрес Полевая почта 14160 «б»

*Всё. До свидания. Пиши. Буду ждать.
С сердечным приветом Сеня».*

«Вот так мы и начали переписываться. Фотокарточки друг другу выслали. Я переживала, какое впечатление произведу на Семёна. Всегда считала себя некрасивой. Вот я прочитала у Пушкина в «Евгении Онегине»: «кругла, красна лицом она, как эта глупая луна на этом глупом небосводе». У меня лицо было круглое».

Семён Павлович вспоминает:

«Она присылала фотокарточку. Так получилось, что она мне сразу понравилась по её письмам, по её жизненным понятиям, по её пониманию жизни. Она меня привлекла не только тем, что она красива, но и тем, что она умная девушка».

19.06.44 г.

«Привет с фронта!

Здравствуй, Катя. Посылаем мы тебе нашу любимую, фронтовую песню «Тёмная ночь». <...>

Дорогая Катя, храни эту песню, в ней показана вся душа фронтовика, его глубокая грусть и тоска по любимой, его беспредельное стремление жить и презрение к смерти. Мы с другом Фомой Кондратьевичем часто поём эту песню, которая нас всегда сильно волнует. Мы на всю жизнь запомним эту песню, чтобы в будущем, при встрече с вами ещё раз – и не только раз – спеть эту песню <...> за одним столом.

Катюша! Ещё шлю я тебе zdeшний фронтовой цветок, который растёт там, где сейчас идёт война, и над которым рвутся снаряды, сея смерть и разрушения.

Когда пишутся эти строчки, мы сидим на берегу речки, что весело бежит по песчаному и каменистому дну. И вот, решили написать письмо, потому что мы никогда не забываем вас. Родная! Как было бы хорошо, если бы мы встретились с вами! Но если счастье будет – встретимся. <...>

Многому научила нас война. Она выявила наши ошибки, допущенные нами в жизни. Только здесь человек понял цену жизни и прелести её, только здесь он познал сущность дружбы и потребность в близком человеке. Катя! Пишу эти строки, лёжа в траве, густой и высокой, так что прости за каллиграфию.

Катя! Я всегда думаю о том, как бы встретить тебя и когда это будет. Золотко! Пиши, буду ждать. С приветом, твой новый друг Сеня».

12.08.44 г.

«Здравствуй, Катя! <...>

Как я уже писал, что в моей жизни должны будут произойти некоторые изменения. Так оно и случилось. Теперь я нахожусь в другой части. <...> Мы с

Фомой расстались, придётся с ним видаться, очевидно, редко – редко, а, может быть, и <...> (Слова Семёна Павловича оказались пророческими, Фома Кондратьевич вскоре погиб – прим. редактора)

Ну, Катя, кроме меня, теперь некому будет читать твои письма, поэтому пиши обо всём, что тебя интересует, и что ты думаешь. <...> Мне так скучно! Если бы ты знала! Почему не напишешь? Пиши чаще. А то вот я человек некурящий и хочу научиться курить. Только потому, что очень скучно. <...> Прости, пишу о такой чепухе.

До свидания. Пиши чаще. Желаю тебе только счастья и удачи во всём. Целую. Сенья».

Конечно же, преувеличивал в то время Семён Павлович насчёт скуки. «Скучать» фашист им не давал.

Семён Павлович вспоминает:

«Бомбёжку нашей переправы через реку Березина я запомнил на всю жизнь. Налетели вражеские самолёты, вижу, начинает первый пикировать, включил сирену для устрашения и бомбит. Я успел прыгнуть под обрыв. Прыгнул и сразу оказался в воде. Повернулся и руками за ивняк схватился. Думал, тут я и останусь.

Смотрю, следующий самолёт заходит, и опять бомбы падают возле моста. Опять мимо меня. Третий заходит, я держусь и думаю, что этот точно на меня летит, точно на меня. Смотрю летят бомбы, две сюда, другие две туда... Две на берег, две в воду, а я в центре между ними. Я держусь изо всех сил. Бомбы взорвались и тут в голове сразу зашумело. И в какое-то мгновение потерял сознание. Я держусь, а воду выбросило взрывом через меня на берег. Следующий заходит..., а их было семь самолётов. Спокойно отбомбили и улетели.

Мы стали собираться, кто живой остался. Я вышел из воды, голова шумит, сам весь мокрый. Снял гимнастерку, брюки, отжал всё. Подошел к своим ребятам, смотрю - многих на части разорвало, на куски... Один в живых остался, руку вот так отсекло. Страшная картина. Когда идёт бомбежка, состояние у каждого человека – спастись! Инстинкт самосохранения работает в первую очередь. Влезть куда-то, прижаться, скрыться. Причём это происходит неосознанно, механически. Потом только человек начинает соображать. А вспоминать кого-либо, начинаешь не в тот момент, когда тебя убивают. Это только потом человек может подумать. А когда тебя убивают, расстреливают или под бомбежку попадаешь, в этот момент человек стремится остаться в живых».

03.09.44 г.

«Здравствуй, Катя. Имею немного свободного времени и посвящаю его тебе. Катя! Все письма, написанные до сих пор, писались спешно, когда некогда следить за стилистикой. Но не в этом суть, не это главное. За ученическими столиками, в аудиториях, <...> напишут за нас сочинения, выдерживающие все требования русской грамматики. Сейчас пишем мы все здесь так, как диктует

сердце, как берет рука. Иногда пишем тогда, когда бы, кажется, совершенно это делать невозможно. <...>

Так что, я думаю, ты не будешь судить слишком строго, зачастую пишем под огнём. Часто начатое письмо подолгу носится в кармане, так как при всём желании невозможно бывает выбрать время, чтобы дописать. Пришлось бы туго, если б я писал ещё кому-либо. <...>

Быть может, ежедневно получая мои письма, ты приходишь к выводу, что я здесь занимаюсь только письмами и точу балясы? Увы, нет! Иногда, а зачастую не иногда, приходится время урывать ото сна, от отдыха, хотя они бывают здесь так непродолжительны. <...>

Но если б, друг мой, я не желал дружить с тобой, если б не имел в виду кое-что, когда думаю о тебе, я бы не стал тебе писать так часто и не вкладывал бы в свои письма свои сердечные чувства, и не ожидал бы от переписки того, чего желает сердце. Сейчас некогда заниматься пустословием, когда вопрос идёт о жизни и смерти, когда решается Гамлетовский вопрос «Быть или не быть?». Несомненно, я не могу точно знать то, что ты думаешь. Но мне хотелось бы с твоей стороны только искренности и правдивости. <...>

Катя! Будь такой, какая ты есть, делай так, как тебе диктует благоразумие, совесть и сердце. Я тебе прямо говорю: мне очень нравится твоя искренность и простота, как я могу судить через твои письма. Мне нравится то, что ты пишешь и как пишешь. Я хорошо понимаю тебя. Катя, давай будем дружить и по-настоящему ценить друг друга.

Вот стал я получать от тебя письма, и будто сделалось легче, и жить стал веселей. Катя! Ты внесла в мою бывшую жизнь свет и тепло. Я этому бесконечно рад. <...> В моих письмах ты, быть может, встречаешь слишком много сентиментального и, возможно, от этого тебе от них становится приторно. И в самом деле, между прочим, я сам удивляюсь, откуда у меня выскакивают слова «дорогая», «милая», и т.д. Перечитываю иногда свои письма и вдруг встречаю эти слова. Это, видимо, получается так потому, что я очень соскучился по той, которой пока что нет, и которую я желаю иметь. Катя! Быть может, это не нравится тебе? Прости меня, Катя, за эти излишества.

Но, друг мой, война! Сердце истосковалось по всему человеческому и хочет ласки. <...> Поэтому, очевидно, частенько вырываются нотки нежности и накопившейся ласки. <...> Ты только не сердись на меня за всё это, хорошо?

Катя! Пиши мне чаще. Ещё раз чаще и чаще. Очень прошу тебя. <...> Целую крепко-крепко. Сеня».

Семён Павлович вспоминает:

«Мы переписывались два с половиной года. Сначала я с гитлеровцами воевал, потом с японцами, и всё время переписывались. Столько писем было! Моих и её. Выбираешь каждую минуту, секунду свободную, чтобы письмо написать. На письмах даже указано «писал лежа». Писал лежа, действительно, была такая ситуация.

Так как я был офицером, у меня всегда с собой была полевая сумка, в сумке ручка, бумага и флакончик с чернилами. Однажды, вместо чернил разводил порошок из немецких сигнальных ракет, письма получались красными. Писали тем, что найдешь. Конечно, при желании можно было и чернила найти, если кто хочет. Кто ищет, тот найдет. Одним словом, всячески старались, чтобы было чем письмо написать.

Однажды весной Катя в письме мне прислала засушенные цветы, которые называются марьин корень. Она засушила цветы в книге и прислала в письме. Было радостно.

Я демобилизовался, когда служил на Дальнем Востоке. Попросил об этом, потому что был дважды контужен, и устал от войны. Ведь я ещё и в финскую воевал. Во время финской я на передовой не был, но получил обморожение, мне сделали несколько операций и уволили из армии со снятием с учёта. А тут война Отечественная, потом японская, всё это я прошёл. Устал уже и больной, голова шумела и до сих пор шумит. Не проходит шум. В общем, попросил я, чтобы меня демобилизовали, хотя оставляли служить ещё. Оттуда я поехал к Кате на Алтай.

Написал с дороги, что еду. Приехал в Алейск, а до её деревни еще 180 километров. А время уже ближе к осени - август и сильные дожди шли. Я несколько дней жил в Алейске, не зная, как дальше добираться: транспорта – никакого. На моё счастье подвернулась машина и то только до райцентра. Добирался до их деревни около восьми суток.

В Чарыше позвонил в их колхоз. Вот тут, по телефону впервые услышал её голос! Катя была рада, что я приехал, начала думать, как помочь мне добраться, - к ним от Чарыша нужно еще 35 километров ехать в горы. И тут подвернулась оказия: в Чарыш почтальонка верхом поехала и прихватила с собой лошадь для меня.

Выехали из Чарыша, а дождь, как назло, все идет и идет. Горно-лесистая местность. Ночь. Я знаю, конечно, что такое горы, лес, я в Маньчжурии все это испытал. А тут незнакомая местность. И вот мы едем, с горы на гору, с горы на гору. Бесконечные ручьи, реки, горы и лес – всё как в сказке. Устал я, еле держусь в седле, да ещё мокрый весь. Взмолился: давай, мол, где-нибудь маленько отдохнем. Уже вторая половина ночи, скоро утро.

Проводница моя согласилась, что надо передохнуть, и мы заехали на пасеку, от их деревни в километрах пяти. Попросили пасечника, чтобы нам дали немного пива - силы поддержать, в себя прийти. Пасечник добрый человек оказался, нам по кружке крепкого пива медового налил. Я возле стола сел, облокотился и уснул. Казалось, что только задремал, а проснулся – уж совсем светло и солнце всходит. Я говорю проводнице: «Давай скорей поехали!».

Приехали в село Генералка, когда солнце уже совсем взошло. Через всю деревню надо было проехать, чтобы к ним попасть. По деревне весть быстро разнеслась, что едет какой-то человек, едет к Катаевой Екатерине...

Приехали, спешились, лошадей оставили у калитки. Я стою, смотрю на крылечко. Выходит девушка, заулыбалась и в то же время застеснялась. Смотрит на меня, я на неё. Так мы увидели друг друга первый раз. Познакомились. Меня

пригласили в дом. Мать была дома. Она, конечно, знала, что такой Сеня есть, ведь два с половиной года переписывались. Завтрак приготовили, за стол посадили, познакомились, и вот я уже как в своей семье оказался.

А через три дня, уже мы решили расписаться в сельском Совете. Зарегистрировали нас, и мы стали мужем и женой. Вот так и живем до сих пор».

Вспоминает Екатерина Поликарповна:

«Когда я первый раз его и увидела, - ну, человек молодой, такой нормальный, в форме, с погонами. Он уже был старший лейтенант. На груди ордена и медали - надел специально (смеется). Позавтракали, мама - на работу, а я взяла и не пошла. Подарки мне привёз, шелка разные, китайские. «Вот здесь деньги – это все, что мы с тобой имеем. С этого и будем начинать жить», - такие он слова сразу сказал. С приданным жених оказался.

А потом была свадьба. Настоящая. Полдеревни пришло. Водки совсем не было, но у нас все держали пчёл и делали медовуху. Из настоящего мёда она лучше шампанского получается! У меня для свадьбы специально платье шёлковое было припасено, купила в Змеиногорске на барахолке. Оно было не совсем белое, а такого бледно-желтого цвета. Красивое платье, с оборочками. Без фаты, правда... Всё было на столе: медовуха, кур зарезали, но хлеба - ни крошки. Август: старый урожай уже съеден, а до нового - далеко, только начинается уборка...».

Много десятков лет прошло с того времени. Выросли и уехали из родного дома дети, подросли внуки, народились правнуки. Но при каждом удобном случае собираются они вместе в Барнауле в родном родительском доме и не устают вспоминать историю начала своей семьи - Екатерины Поликарповны и Семёна Павловича Алекимовых. Семьи, рождённой войной.

Использован материал из семейного архива Алекимовых, воспоминания Екатерины Поликарповны и Семёна Павловича, г. Барнаул.

Отец и сын Агеевы

Говорю с вами, как и всегда, только в письмах...

Михаил Агеев второй слева

Семья Агеевых до войны жила в селе Калманка Калманского района. У Степана Андреевича и Евдокии Гавриловны было четыре сына: Михаил, два Степана и Владимир. Старший сын Степан трагически погиб под колёсами трактора на глазах у матери в десятилетнем возрасте. Младшего сына было решено назвать Степаном - в честь отца. Семья жила не богато, но никогда не унывала. Трудились все не покладая рук, но и отдыхать умели. Степан Андреевич слыл балагуром, первым гармонистом на деревне. Ни одна гулянка без его залиистой гармошки не обходилась. Грянула война. Старший Степан в июле 1941 года был призван в армию и его сразу же отправили на фронт. Единственная ниточка, что связывала семью, Михаила и отца - стали письма.

24.07.41 г.

«<...> Здравствуй, дорогая Дуся, сынок Миша, сынок Стёпа и сынок Володя. Я вам сообщаю, что нахожусь в дороге. Путь держим неизвестно куда, кушаем хорошо. Едем уже десятые сутки. <...>

<...> Дорогая жена Дуся, ты мне пишешь, что живёте вы пока хорошо. Я тому очень рад, но только одним плохо, что вы получили мало хлеба, всего 28 килограммов. Но это всё ничего, как-нибудь проживёте. Надо переживать трудности, потому что сейчас вся страна в трудных обстоятельствах, так

как Гитлер нарушил нашу весёлую жизнь, разрушил наши города и сёла. Скоро подойдёт тот день, когда гитлеровским псам придёт могила на русской земле, и этим закончится война. Жив буду – приеду домой, и опять будем жить так, как жили до войны. <...>».

26.01.42 г.

«<...>Получил ваше письмо, за которое благодарю. <...> Моя дорогая Евдокия Гавриловна, <...>служится мне пока хорошо. Обут, одет, кормят хорошо, хлеба хватает. <...>Посылаю я своему сыну Степану Степановичу небольшую посылку – 5 рублей. Пусть купит что-нибудь».

22.06.42 г.

«<...>Дорогая моя жена Евдокия, я как получил письмо и убедился, что вы огород посадили, на душе сразу стало легче. Я рад тому, что хозяйство вы не упускаете. <...>Пишите, как в колхозе прошла посевная, как вы поживаете. <...>Крепко жму вашу правую ручку и целую вас. <...>».

Не так много сохранилось писем отца в семейном архиве Агеевых, но все они пронизаны заботой и любовью, буквально в каждом письме слышатся тревожные нотки за семью, за деток. Страстные переживания за то, что не может помочь семье, понимает, какая забота легла на хрупкие плечи любимой жены. Отчаянное желание на расстоянии оградить семью от бед, которые принесла война.

21.12.42 г.

«<...>Как дела дома, как обеспечились вы на зиму, как с топливом и кормом для скота и для себя продуктами? Опишите мне всё подробно».

20.04.43 г.

«<...>Жена, пиши мне про брата Ивана, как он убит. Как вы живёте. <...>Постарайся как можно лучше обработать огород и как можно больше сади картошки. <...>»

Летом 1943 года в Калманку пришло извещение, что Степан Андреевич погиб. Старшим в семье Агеевых стал Михаил.

Мария Ивановна Дуда, подруга Михаила, вспоминает:

«До войны нас, подростков, отправляли на прополку пшеницы, на всё лето увозили в трудовой лагерь, который располагался вблизи поля. Мы жили в шалашах, сделанных из веток деревьев. Жили дружно, как одна семья, много работали. В таком трудовом лагере я подружилась с Михаилом Агеевым. А в селе вечерами, как стемнеет, гуляли с Мишей, дружили. Болтали о всякой ерунде и смеялись много. Моя и семья Агеевых жили бедно, наши дома недалеко друг от друга на одной улице в селе находились. Несмотря на семейные трудности, я

десять классов закончила, а Миша только семь классов – надо было идти работать, чтобы выжить и помогать растить младших братьев».

В 1942 году в селе Калманка был сформирован девичий взвод из 30 девушек. Все они были военнообязанные. Им выдали военную форму: юбка и гимнастёрка защитного цвета, ремень, сапоги, пилотка. В девять утра девчата собирались на учения, там они учились стрелять из винтовки и автомата, рыли окопы. Из них готовили настоящих бойцов Красной Армии. Вскоре девушек стали забирать на фронт. Однажды вызвали в военкомат и Марию Ивановну. На фронт не взяли, как бы она не просилась, направили работать учителем в деревню Александровку. Мария собрала вещи и пошла туда пешком. Провожал её Миша Агеев. Каждый выходной Маша приходила домой, а Миша всегда ходил её встречать. Осенью 1943 года пришла повестка с призывом на фронт и Михаилу.

Из воспоминаний Марии Ивановны: «Погоревали мы, собрались все вместе, посидели, выпили и поехали провожать Мишу до станции. Я ему платочек со словами на память вышила: «Мише от Маши». Мы очень хорошо простились. Он был очень добрый, бескорыстный, очень хорошо ко мне относился.

Тётя Дуня, мама Михаила, принимала меня за родную. Говорила со мной тихо-тихо и всё уважительно так: «Маня, Маня». Тогда меня больше Маней называли. Я стеснялась заходить к ним, а, если мимо иду, тётя Дуня окликнет меня: «От Миши ничего не было? И нам уже давно уж ничего нет».

Михаила призвали служить в танковые войска и сразу отправили на Дальний Восток. В семье Агеевых сохранились письма, адресованные маме. Письма по-сыновьи трогательные, с нотками заботы, любви и беспокойства за семью.

23.01.44 г.

«<...>Здравствуй, многоуважаемая моя мама. <...>Как вы живёте и как ваше здоровье, хватит картошки на зиму или нет? Мама, картошку береги к весне: весна придёт – посадишь. Будь с тёткой Машкой дружней, вы с ней всё сделаете вместе. <...>

Посылаю в письме дорогому братцу небольшой посылоч – 2 рубля и картинку. <...>До свидания, дорогая мамочка. Сын Михаил Агеев».

07.02.44 г.

«<...>Мамочка, находимся мы все вместе, как нас и проводили. [Вместе с односельчанами. – прим. ред.]. На этом листке я рисую свою руку. <...>»

Михаил Агеев

03.08.45 г.

«Привет из Забайкалья. В таком сердечном настроении илю, мама, я тебе привет и ожидаю с нетерпением, когда пришлѐшь ты мне ответ. <...>Мама и дорогие братцы, в настоящее время я переменил место, но адрес не изменился. Живу я хорошо, всего у меня хватает, но только очень скучаю о вас. Мама, обо мне вы не расстраивайтесь, а думайте сами о себе. <...>

Сообщите, как вы живѐте, как идѐт работа в колхозе, и как у вас в огороде. <...> Да, мама, я знаю, вам трудно, но я не могу вам помочь, потому что нахожусь очень далеко. <...>Дорогая мама и дорогие мои братцы, целую вас в алые губки и крепко жму ваши белые ручки. Ваш сын Агеев».

24.04.46 г.

«<...>Я слышал, что пришѐл [с войны – прим. ред.] Трубников и Тишаков Пѣтр. Ну, что ж, мама, и я когда-нибудь приду. <...>Охота посмотреть мне на вас, ведь не видел вас уже два с половиной года. <...>Я не знаю, что будет в моей дальнейшей жизни, но я ожидаю изменения, потому что настало время, и мы опять будем жить хорошо, как и жили до войны. <...>»

20.05.46 г.

«<...>Получил от вас письмо, узнал, что скот ходит уже на воле, и что на вас наложили налоги. Но ничего мама, если есть возможность, то плати, а если тебе трудно и не хватает сил заплатить, а также плохо обеспечивают вас дровами, то пиши мне, я, конечно, позабочусь. <...> Да, мама, скоро будем жить хорошо. Всего будет предостаточно, ещё лучше будут расцветать колхозы. <...>»

09.06.46 г.

«<...> Мама, вы пишете, что сильно соскучились обо мне. Я вроде бы привык, но как вспомнишь, где жил, где ходил, то сразу станет плохо на сердце. Но надо привыкнуть<...>»

Письмо брату Владимиру.

15.03.47 г.

«<...>Дорогой братец Володя, пишешь, что прибыли домой Донков и Бормотов. Ну, что же, если им такое счастье, пускай живут дома. И я, дорогой братец, через некоторое время приду, ведь не всем сразу. <...>Узнал про вашу скотину. Вообще-то вы стали богаче жить без меня, а когда приеду, так вообще заживѐм лучше. <...>Адрес у меня скоро изменится, вы мне пока не пишите. <...>»

28.11.47 г.

«<...>Я рад, что вы работали на совесть, что вам дали две премии. Очень доволен вашими успехами. Мама, я очень сильно благодарю вас, что вы работали не покладая рук и что боретесь за выполнение Сталинской пятилетки. <...>Обо мне не беспокойтесь, думайте о себе, как лучше провести вам зиму, а там может, и я приеду. <...>»

12.01.48 г.

«<...>Я уже вас не вижу пятый год. <...>»

28.03.48 г.

«<...>Что-то стали вы забывать меня, не пишите. Чем дольше не получаю от вас письма, тем хуже становится у меня на сердце, и не могу находить себе места. Всё думаю о вас, может, что случилось с вами. А может, времени у вас нет на меня? Что-то сейчас хуже стало, чем было в начале службы. Сначала я не так скучал, а сейчас все мысли о доме и о вас. <...>Эту весну, дорогая мама, проведёте без меня. Я думаю, мне осталось меньше года. <...>»

30.11.48 г.

«<...>Здоровье моё хорошее, но одним не важно – очень скучно. Молодые годы проходят у меня. Ведь скоро, дорогая мама и братцы, будет мне 23 года, а уехал я в 17 лет. И это своё молодое время провёл где-то далеко от вас. <...>»

27.12.48 г.

«<...>Я вас хочу поздравить с Новым Годом, с новым счастьем, и пожелать вам ещё лучших успехов, ещё лучшей жизни в новом, 1949 году. <...>»

10.01.49 г.

«<...>Как у вас сейчас насчёт сена и дров? <...>Дорогая мама и дорогие мои братцы, пишите, как у вас здоровье и как идёт учёба у братцев Стёпы и Володи, как они провели свои каникулы. <...>»

14.01.49 г.

«<...>Посылку я вашу получил, за которую очень сильно благодарю. <...>В посылке 2 кг свиного сала, пряники, печенье, 2 пачки папирос, рукавицы, носки, перчатки, 16 конвертов и 2 карандаша. <...>Я покушал домашних пряников, свиного сала, а затем покурил ваших папирос и как будто побывал дома, но только не видел вас и не говорил с вами. Говорю с вами, как и всегда, только в письмах, и придётся мне говорить с вами так до тех пор, пока не вернусь домой. <...>»

04.03.49 г.

«<...>Просите, чтобы я посоветовал насчёт избы, покупать вам её или нет. Дорогая мама и дорогие мои братцы, смотрите, какая она есть. <...>»

05.04.49 г.

«<...>Вы пишете, что живёте сейчас плохо, ни дров, ни сена. Да, дорогая мама, это, конечно, очень плохо, но как-нибудь переживайте эти трудности. Сейчас уже весна, скоро вам будет легче. <...>

Я узнал, что избу вы пока не купили, ждёте меня. Но я, мама, и сам не знаю, когда приеду. Но прошу вас, не расстраивайтесь, пройдёт время, и я приеду. <...>

Дорогая моя мама и мои братцы, если вас там обижают, пропишите открыто мне, я буду знать, и буду хлопотать здесь, чтобы приняли меры. <...>До свидания, крепко жму ваши белые колхозные ручки. Ваши колхозник, а в настоящее время солдат, а также сын и брат Михаил».

Это было одно из последних писем Михаила на родину. Из воспоминаний Марии Ивановны: «Так и не дождалась семья своего защитника, а я своего жениха. 17 июля 1949 года в Маньчжурии экипаж танка, в котором служил Михаил, подрвался на mine. Ни в одном письме ни мне, ни матери он никогда не писал, что обстановка там беспокойная. Много позже пришло письмо от товарища Михаила, в котором он подробно описал тот трагический случай. Война давно закончилась, а люди гибли».

Использован материал семейного архива Л.В. Корниковой, г. Барнаул.

И.С. Береговых

СОЛОВЬЕВА ПЕРЕПРАВА

*Катит волны величаво
Днепр за сотни верст,
Соловьева переправа –
Деревянный мост.
За соседним перевалом
Рвется тишина,
К переправе грозным валом
Катится война.*

*Над рекой с утра оравой
«Юнкеры» висят,
Соловьева переправа,
Что крошечный ад.
Бомбы рвутся слева, справа,
Грохот, кровь и пот...
Соловьева переправа –
Сорок первый год.*

Абдикаримов Ахмет Увалович

Письма Ахмета Абдикаримова для книги были предоставлены Краеведческим музеем города Рубцовска. В фондах музея хранится 10 писем и почтовых карточек автора. Кроме писем, скудная информация об авторе - родился в 1922 году, татарин. Призван на фронт в 1941 году. Ни фото, ни воспоминаний о нём. Из писем узнаём, что его семья проживает в Рубцовске и письма говорят нам, как самоотверженно сражается он за свою Родину, с каким уважением и любовью относится он к своей семье, к родным людям.

03.02.42 г.

«Здравствуйте, папаша и мамаша! Горячий, сердечный, курсантский привет брату Кусаину и сестрам Шарипджамале и Нагиме. В первых строках своего письма я сообщаю вам о своей протекающей жизни. Я живу хорошо и свои знания дополняю тем, к чему стремлюсь в настоящее военное время. Будьте уверены, что это мое обязательство выполню. Каждый из нас должен стремиться к одной цели, как и все народы нашей необъятной великой социалистической Родины под руководством великого Сталина. Я знаю, что вы, отец мой, стремитесь тоже к одной цели, работая в тылу за двоих и троих.

Мое желание стать военным человеком, о котором я все время думал, исполнилось. Брат Кусаин, ты пишешь письмо с разной чепухой, и ни разу не написал о своей успеваемости, а также успеваемости Шарипджамалы. Папаша и мамаша, обращаюсь с чистым сердцем, прошу от вас маленькую посылку (с тетрадями). Вышлите штук 10 тетрадей, бумаги не хватает. Вы должны дать мне ваше фото и особенно Нагимы, соскучился по ней. Передайте приветы от меня тем, кто меня знает. Как получите это письмо, так пишите быстрее и посылку не затягивайте (не больше бкз.) Пока, до свидания. С приветом к вам Ахмет – Ували».

19.11.42 г.

«Здравствуй, папа! Горячий, сердечный, красноармейский привет от вашего сына Ахмет-Уваля. <...> Папа, я из дому регулярно получаю письма и каждый месяц посылаю деньги – 400 рублей. <...> Живу, папа, пока ничего. Сейчас, папа, я не миномётчик, а автоматчик в отдельном лыжном батальоне. В этой части, папа, я вступил в кандидаты партии, как передовик. Получите моё письмо, пишите ответ, с нетерпением жду. <...>»

12.02.43 г.

«Здравствуйте, папа, мама! Горячий, сердечный, командирский, пламенный привет брату Кусаину и сестрам Шарипджамале и Нагиме.

Пишу это письмо под огнем артиллерии в жарком бою против немецкой нечисти, не жалея ничего для разгрома немецких гадов. Посылку вашу не

получил. Ночью во сне видел вас всех и плакал перед вами. Не знаю, что будет дальше. Передайте привет всем родным, знакомым и друзьям.

Ваш Ахмет-Ували».

10.03.43 г.

«<...>Последнее ваше письмо получил, за которое очень благодарю. После того был я ранен легко, и написал вам письмо из Тулы. (Сейчас) я нахожусь в Рязанской области, в г. Раненбурге, в госпитале. Но прошу не беспокоиться за меня, я через неделю буду опять на фронте, для дальнейшего продолжения своей работы против немецкой гадины. Живу в настоящее время хорошо, но беспокоюсь за ваше здоровье, жите и бытё и т.д. Крепко вас целую. Ждите».

27.03.43 г.

«<...> Из госпиталя я выписался 20 марта и сейчас нахожусь в дороге, точного адреса нет. Родные, на счет вас не знаю, а я соскучился о вас, давно писем не получал. Папа, когда я Вам дам мой адрес, прошу Вас от всей души выслать Ваше фото. Хочу посмотреть, может увидимся или нет. Я уже, как Вы знаете, второй раз ранен легко. Еду на фронт уже третий раз.

Писал Ваш Ахмет-Ували».

20.09.43 г.

«Папаша! Прошло много времени, как я от вас не получал писем и не знаю, как вы живете и какие дела, а также кто где работает, какое у вас здоровье. Также интересуется, какие посевы на 1943 г.

Я живу пока ничего. В резерве я находился 2,5 месяца. Та часть, в которой я находился, уже прославилась как гвардейская, и получила звание «Орловской» за освобождение ...¹ (замазано). Я сейчас нахожусь в одной из гвардейских частей, и тут встретил одного земляка из Рубцовска. <...>

Ваш Ахмет-Ували».

15.01.44 г.

«Здравствуй Кусаин!

Горячий, сердечный, гвардейский, пламенный привет отцу Юсупу, матери Айтжамале, сестрам Шарипджамале и Нагиме от вашего Ахмет-Увалия. Вот, пишу вам письмо после долгих боев с немецкими оккупантами, освободив от немцев города Мозырь и Калинковичи. Живу пока ничего, по-старому, только думаю о вас. Вы просили выслать справку. Я сам писал в военкомат, что б помогли вам. Они, конечно, знают, что вы - семья военнослужащих.

У меня только одна мечта.... Не могу получить награды. Мои товарищи все получили ордена, все награждены высокими орденами. <...>

Ваш сын Ахмет-Ували».

¹ Название населённого пункта затушёвано цензором

02.07.44 г.

«Здравствуй Кусаин. <...>

Кусаин, за время с 1 июня по 1 июля получил от вас только два письма, а мы за это время прошли от Пинска до Бреста, освобождая наши села и города. Разумеется, в честь взятия города Бреста отметили «Московской горькой». В настоящее время отдыхаю, чувствую себя слабо. После отдыха пойдем выполнять приказ товарища Сталина № 70² - уничтожить фашистского зверя в его собственной берлоге. О твоей жизни я знаю, только не могу установить, где ты работаешь - в клубе или на заводе. Я более спокоен, что отец выздоровел. Ведь я об этом думал и мечтал. Вы сами знаете, сколько за шесть месяцев выслал денег по переводу, не считая по аттестату. Но это все пустяки. Вы (спрашивали), как я реагирую насчет колхоза? Во-первых, для меня всё равно, где бы вы не были, смотрите сами. Вам виднее, чем мне, где вам легче и удобнее находиться - в колхозе или в городе. Во-вторых, аттестат могут перевести туда, где вы будете находиться.

Кусаин, твои ноты я получил, пока играть не на чем. В общем, мы идем вперед<...>. Мне непонятно, откуда вы взяли, или слышали о награде. Мне ее никогда не получить, никаких подвигов еще «не делал». Насчет этого мне не везет. Если на Днепре не получил... Хотя минометы оказывают большое влияние, но это не учитываем. Когда, Кусаин, я начинаю думать, или говорить о том, что вы слышали по радио, сам не знаю, откуда берутся слова и без конца вылетают сами из моих уст. В заключение всего - самое главное - чтобы остаться живым. Но, когда вспомнишь, что прошёл, так невольно вздыхаешь!!! Крепко целую. Жду ответа».

Июль 1944 г.

«Здравствуй, Кусаин!

Кусаин, почему же так долго нет от вас писем, я же каждую секунду жду (их). Ты же сам знаешь, что я так болею душой об отце, мне только надо знать, каково здоровье отца и матери, ну конечно, и ваша жизнь в настоящее время.

Дорогой брат Кусаин, сообщаю, что настало время, которого мы ждали, чтобы покончить с ненавистным немецким гадом. Около трех месяцев обучались овладению своим оружием, чтобы крепче бить зверя, чтобы не мог он поползти до своей берлоги. На привале и в марше мы все чувствовали себя свободно, не думая, что впереди, что мы идем в бой. На одном из привалов я взял гитару, и так все хорошо выходило, что хотелось целый день играть<...> Посмотрели кинокартину «Ты жди меня, я приеду», то есть не так, «Жди меня». Эта кинокартина произвела впечатление, я её не буду описывать. Вот, во время, когда я вам писал письмо, получаю от вас письмо, за которое не знаю, чем отблагодарить. Ну, большое, большое спасибо. Сейчас посылаю вам другую мою фотокарточку. <...>»

² Приказ 70 о праздничном салюте в городах а в тексте идёт речь о другом

23.09.44 г.

«Здравствуй, Кусаин! Я ваше письмо получил на дороге за Псковом. Спасибо за ваши поздравления с орденом, конечно, я его еще не получил. Ваше письмо очень обрадовало меня тем, что вы стали жить лучше, а также ваше здоровье. Вы же сами знаете, что каждый человек, находящийся на фронте и в бою, в походах, помнит имена своих родных. О себе: живу хорошо, только чувствую себя слабо, опять делали поход от Пскова километров 170. Скоро Рига будет наша. С приветом, Ахмет-Ували».

Абдикаримов Ахмет Увалович погиб в бою 2 ноября 1944 г. Похоронен в братской могиле местечка Мадзельда Латвийской ССР.

Использован материал Краеведческого музея города Рубцовска.

Ахтырский Константин Андреевич

**...завтра начало марта. Не думаешь, и не рассчитываешь
утром дожить до вечера...**

12.08.44 г.

«Милая Галюша! Получил твоё письмо. <...> Ты мне что-то редко, Галочка, пишешь. А сейчас именно, как никогда, нужны твои письма. Сейчас мы на отдыхе, и я имею возможность написать больше, чем когда-либо. Я вполне здоров, но нахожусь очень далеко от тебя. Днепр и Березина, Буг остались далеко позади, а впереди до фашистской берлоги лежит Висла и Одер. Я иду почти по старому пути. Опять Бобруйск, Осиновичи, Минск, Барановичи и Брест. За дни нашего стремительного наступления мы получили шесть благодарностей от товарища Сталина, часть награждена орденом Суворова. Как видишь, мы воевали не плохо и будем воевать ещё лучше.

<...> Я награждён орденом «Отечественной войны II степени». Ожидаю приказа о присвоении очередного звания. Как видишь, твой Коська воевал не плохо. <...> Крепко целую маму, малышей и тебя, свою Галку. Твой Коська».

Письмо, адресованное дочери Алле.

«Здравствуй, моя дорогая Аллочка! Получил твоё письмо во время боя с немцами. Спасибо, что ты меня не забываешь. Очень хорошо, что ты поправилась от брюшного тифа, и хочу, чтобы ты больше не болела. Тебе нужно теперь поправляться и догонять то, что ты пропустила. Надо учиться только на отлично, так, как бьёт немцев твой папа.

Мы всё ближе и ближе к Берлину. Ты, наверное, уже знаешь, что такое Берлин. Когда мы дойдём до Берлина, тогда будет конец войне. Я очень соскучился за вами, а когда приеду, опять будем играть в волка и семеро козлят. <...> Присматривай за Надюшей, целуй крепко маму, бабушку, Надюшу. Передавай привет своей учительнице. Крепко, крепко целую свою дочурку Алю, твой папа».

28.02.45 г.

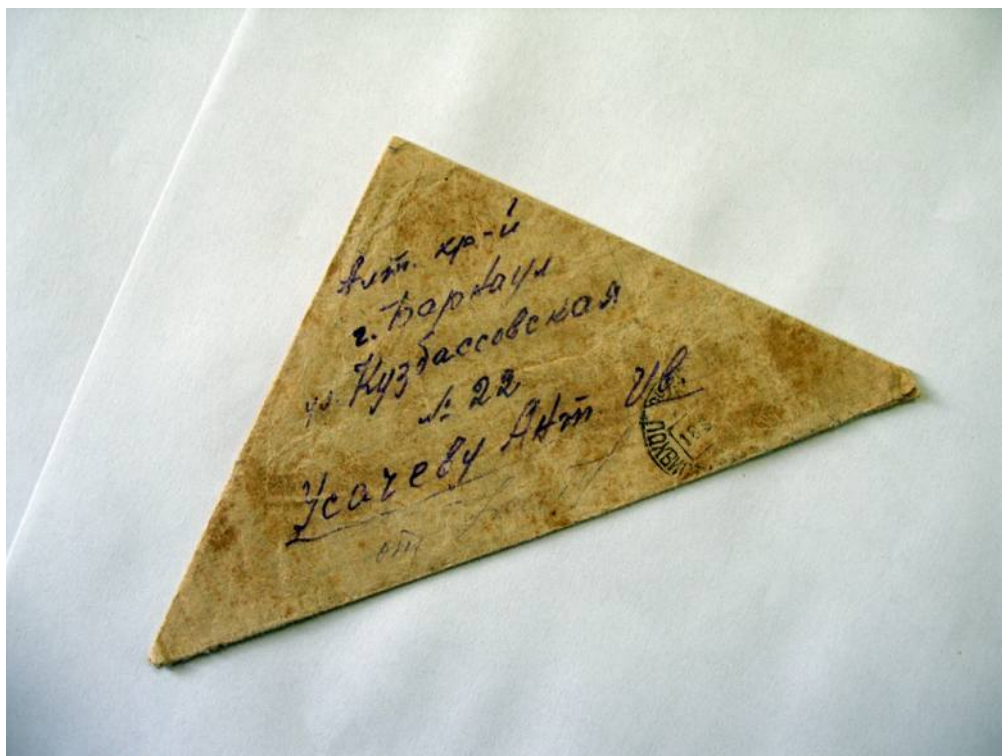
«Галинушка, моя милая! Вот прошёл и тяжёлый февраль, завтра начало марта. Не думаешь, и не рассчитываешь утром дожить до вечера. Немцы ужасно сопротивляются, совершая ежедневно по несколько контратак в день. Но все их попытки кончаются неудачей. <...>

Очень скучаю, когда от тебя нет долго писем, особенно в это время. В день годовщины Красной Армии нас вывели ненадолго из боя. Мы в этот день немного отдохнули. В этот же день, как только прибыли с передовой, нас фотографировали. Я ещё не знаю, каким получусь, но ты уже можешь

представить, как фотографироваться после семи дней не умывания и не брившись.

Погода здесь резко меняется: то снег, то дождь, солнце меняется холодным, пронизывающим до костей ветром. <...> Вчера поймали дикую козу, завязшую в пахоте. Из населения никого не встречаем, все бегут на Запад. Это лучше. Там их соберём всех вместе. А пока, крепко целуй маму и малышей. Крепко, крепко целую тебя. Твой Коська».

Материал предоставлен Краеведческим музеем города Рубцовска.

История семьи, рассказанная по письмам Боярова Леонида Григорьевича

*Только сейчас по-настоящему начинаю понимать,
как прекрасна и дорога жизнь...*

Леонид Григорьевич Бояров служил помощником начальника связи в 347 артиллерийском полку 107 Гвардейской стрелковой дивизии. Командир 24-ого Гвардейского, ордена Кутузова II степени артиллерийского полка. С большим опытом военной службы, с 1921 года в действующей армии. Боевое крещение сполна прошёл во время Гражданской войны, коммунист. Свой накопленный боевой опыт и умения самоотверженно применял в борьбе с фашистской нечистью. Дома в Камне-на-Оби, остались жена, Мария Степановна, отец и трое сыновей. Всю войну связующей ниточкой с родными были письма, переписка не прекращалась все военные годы. Краеведческий музей города Рубцовска предоставил для книги не только письма Леонида Григорьевича жене и детям, но и письма на фронт, адресованные ему. Сохранить письма в боевых условиях было крайне сложно, тем дороже для нас их ценность.

01.10.41 г.

«<...> Маруся, Ким, Володя, Аля, папа<...>

За успешные боевые действия полк представлен к награждению орденом Красного Знамени, а дивизия получила звание гвардейской. Красноармейцы теперь называются гвардейцами. Ты, наверное, читала о «некрасовцах» и «батраковцах»? Некрасов и Батраков - герои, командиры полков дивизии. Мы были переданы к ним в боях за Ельню. Эта битва войдет в историю. <...> От коллектива получил письмо. Сообщают, что семья будет обеспечена всем на зиму. <...>»

Письма папе на фронт от сына Кима.

30.11.41 г.

«Здравствуй, дорогой мой, любимый папа!!! Шлю тебе свой сердечный привет, <...> а главное, быть здоровому и сильному, бить немецкую свору. Папа, я живу хорошо, хожу в школу. Папа, вырезки из газеты «Под Ржевом», я получил и прочитал. Они мне понравились. <...>

Папа, я на другой стороне рисую. Напиши, понравился или нет рисунок. <...> До свидания и крепко целую тебя. Твой сын Ким».

29. 12. 41 г.

«Здравствуй, дорогой папа! Шлю свой сердечный привет, будь здоров и скорее возвращайся домой. Папа, я учусь на «хорошо» и «отлично». В школу не опаздываю. Первого будет ёлка, и мама сшила мне матросский костюм. Все обстоит хорошо, но я по тебе очень соскучился. Скорее бейте фашистов за все наше горе и слезы, причиненные Гитлером. Папа, я внес денег на подарки для фронта. Мама тоже - двухдневный заработок, Альберт отнес в

военкомат свои лыжи. А зима у нас холодная. <...> Вот так все мы помогаем громить врага. <...> Твой сын Ким».

Письмо от папы сыновьям Киму и Але.

07.01.42 г. Действующая армия

«Здравствуй, дорогой мой, любимый мальчик Ким! Шлю тебе свой боевой гвардейский привет с полей Отечественной войны. Желаю тебе успеха в твоей учебе и жизни. Я очень доволен, что у тебя отметки «отлично» и «хорошо». Ким, все твои письма с рисунками получил сегодня. Молодец, что рисуешь хорошо, и стал писать ничего, за исключением, что пропускаешь иногда буквы.

Ким, ты пишешь, что очень соскучился, я также соскучился, и спрашиваешь, когда я приеду. Ким, как только полностью уничтожим фашистскую нечисть, и выгоним её за пределы нашей Родины и будет ликвидирована навсегда гитлеровская банда, мы все, кто будет жив, вернемся с Победой домой. Что б вы, молодое поколение, больше не испытывали того несчастья, которое испытало человечество всего мира. Вся банда уже бежит под напором наших стальных штыков, не выдерживает силу русского оружия, которое известно всему миру. Ким, я тебе пишу тоже часто письма. Это хорошо, что ты смотришь боевые кинокартины. Ну, пока, Ким, до свидания. Остаюсь, любящий тебя отец. Крепко целую. Поцелуй за меня маму. Ким, я послал тебе одеяло. Твой папа».

10.01.42 г. Действующая армия.

«Здравствуй, дорогой мой, любимый, мальчик Аля! Шлю тебе свой боевой гвардейский привет с фронта отечественной войны. Желаю тебе успеха в твоей повседневной учёбе, учиться только на «отлично» и «хорошо», быть дисциплинированным, примерным мальчиком. Быть таким, как гвардейцы, тем более, что ты сын гвардейца и этим должен гордиться.

Аля, я тебе посылаю открытку, где грозный танк «КВ». Как ты видишь, это гроза гитлеровским головорезам, бандитам, наводит ужас и страх. Этот танк давит своими гусеницами фашистские пушки, как картошку и смешает с землёй для удобрения, чтоб лучше был урожай. <...>

Бандиты на подступах к Москве понесли полное поражение, своими трупами устилают дороги, поля и леса, бросая на пути всё своё вооружение и технику. Недалёк тот день и час, когда фашистская банда будет уничтожена полностью, и мы с победой будем возвращаться домой к своим родным и близким. Тогда, Аля, я тебе расскажу очень и очень много интересного, если на твоё счастье останусь жив. Аля, я тебе посылаю блокнот и лыжный шлем. Когда будут ремни, я куплю, также pošлю тебе.

Аля, пиши мне чаще, я тебе буду отвечать, писать, как мы воюем. А ты тоже пиши, как проводишь время, чем занимаешься, как освоил военное дело, азбуку « Морзе», как растут лимоны. Ну, пока, до свидания, остаюсь, любящий тебя папа».

Письма от жены Марии Степановны.

01.06.42 г.

«Здравствуй, милый друг Леонид! <...> Дома все живы и здоровы. Успешно выполняем порученное дело. От всей души и горячего сердца благодарность за твои пожелания и советы<...>».

Только сейчас по-настоящему начинаю понимать, как прекрасна и дорога жизнь. Необыкновенное нынче лето. Я всегда любила природу, дающую блага человеку. В этот год природа выглядит особенно приветливо. Вот уж несколько дней стоит чудесная погода. Особенно хорошо вечерами. Далеко-далеко расступилась красавица Обь. Тиха и зеркальна ее вода. Знаю, что река быстро течет, а кажется, вода стоит на одном месте. На просторе покажется одинокая лодка рыбака, плывущая с добычей к родному берегу. Еще красочнее выглядят берега, острова, вся окрестность близ реки. Тонкой, нежной вуалью покрылись деревья и кустарники. Каждая ветка, насторожилась и старается шелковой изумрудной листвой не нарушить покой природы. Изредка вдали закукует одинокая птица да плеснет рыба. Ей тоже приятнодохнуть свежим, благоухающим воздухом. На горизонте всплывает яркая громада луны. Река становится еще красивее. Розовой дымкой покрываются берега... При виде всей этой красоты начинаешь вспоминать все прожитое с тобой время: наши встречи на берегу реки, все хорошее, что было и что будет. И природа успокаивает. В это время чувствую себя не одинокой. Кажется, ты рядом.

Да, Леонид, время идет быстро. А в будущем, возможно, и увидеться не придется. Война! Но у нас есть дети. И они хорошие дети. Ким ходит в пионерский клуб, занимается в радио-кружке, изучает военное дело - боевую винтовку. Так что можешь быть спокоен: сыновья готовят тебе смену <...>».

18.06.42 г.

«Горячий привет тебе и товарищам по оружию. Письмо и фото получила. Рада и крепко целую. Я не видела вас, гвардейцев, но мысленно представляла крепкими, сильными, высокими и плечистыми богатырями. Невольно вспоминаю при этом слова полковника Батракова, произнесенные им по радио: «Не знаю, за что меня так высоко оценили и представили к награде. Не один я такой, в полку все ребята такие, как я». Видя вас, «батраковцев», радуешься всей душой и гордишься: такие люди не сдаются. Леонид, понимаю, как обидно тебе покидать коллектив. Год воюете вместе, свыклись. Все товарищи по оружию, может, не раз приходилось выручать друг друга. Как, должно быть, тяжело разлучаться. Но ничего, поправишься и с новыми силами вернешься к товарищам <...>».

И снова письма домой от Леонида Григорьевича.

06.09.42 г.

«Дорогие мои Маруся, Аля, Володя, Ким. Фронтовая жизнь идет своим чередом. Незаметно подкралась осень. Хмурое серое утро, солнце ходит где-то стороной и неприветливо светит. Погода временно установилась. Надолго ли? Листья берез кружат в воздухе, медленно опускаются к земле, как будто не желают расстаться с ветками. Время меняет жизнь природы. А вместе с нею изменились и мы, люди - дети природы. Впереди суровая зима. Но что бы ни менялось, цель остается прежней - разгром врага до полного уничтожения. Теперь мы – «гвардейцы». А носить знак «Гвардия» - почетное и ответственное дело. Безусловно, мы - оправдаем это звание. Вверенное грозное оружие будет еще сильнее разить противника <...>»

13.11.42 г.

«<...> Маруся, думаю, пора тебе вступить в ряды коммунистической партии. Могу дать рекомендацию, если потребуется. <...> Вчера отправил ребятам по письму с вырезками из газет для общей читки и для твоего альбома о войне. Сегодня посылаю очерк «Совет в блиндаже». Очень интересно. Это было возле Ржева. Начало - в предыдущих номерах <...>»

25. 11.1942 г.

«Мой милый друг Маруся!

Ты представить себе не можешь, как читаются ваши письма на фронте! Тут не читают, а пьют каждую букву, слово, пьют, как это делает человек, измученный жаждой. И с каждой каплей в организм вливаются могучие жизненные силы. А когда сердце отогрелось, то греет шинель, примерзшая к земле. Когда освежены чувства, то и палящая жара переносится легче, усталость проходит. А если письма нет? Или оно неласково, написано небрежно, с холодком, который между строк сквозит? Тогда за пазуху шинели вползает злая обида и точит сердце, как червь. И какие только мысли не приходят в голову! <...>

А теперь прочти стишок «К тебе издалека».

*Как рассказать о чувстве издалёка,
Тобой во мне рожденном на пути?
В огне орудий, огрубев до срока,
И слов достойных не смогу найти.
Но этим чувством окрылен безмерным,
Вступая в битву не на жизнь, на смерть,
- Я твердо верю, что любовь бессмертна,
И смерти здесь нажиться не посметь.
И пусть мой путь, на запад обращенный,
Лежит не к дому твоему сейчас,
- Здесь каждый шаг, в огне, в крови пройденный,
Верней всего с тобой сближает нас».*

Пришло время служить в армии сыну Леонида Григорьевича – Володе. Успокаивает в письмах супругу, старается уберечь её от бед.

03.12.42 г.

«<...> Хочу словами успокоить и согреть тебя, чтоб не жила в тревоге и ни о чем не беспокоилась. Чтоб крепка была и сильна духом. Возможно, некоторые из моих писем резковаты. Не волнуйся. Это часто бывает от фронтовой обстановки.

Говоришь, проводила Володю, не зная куда. Как же так? Известно же, ушёл в армию. Да, ему будет, трудно первое время. И, безусловно, тебе как матери тяжело. Но пойми, друг милый, такова участь всех мужчин - защищать Родину. А наша задача теперь в том, чтобы упорно, до последнего дыхания биться за каждый метр советской земли. Биться до смерти ради жизни. На поле сражения решается судьба народа. Нет у нашего поколения врага, более злобного, страшного, чем гитлеризм<...>».

27.12.42 г.

«<...> Пока бьется сердце в груди, буду верно, стойко и непоколебимо служить партии. Как в гражданскую войну, так и теперь высокое звание коммуниста, безусловно, оправдаю. Ты знаешь, партийный билет находится в надежных руках. А за дело Ленина, за будущую счастливую жизнь наших детей умереть не страшно <...>»

И долгожданное письмо отцу от сына Альберта, также ставшим защитником Родины.

08.12.43 г.

«<...> Папа, поздравляю с Новым годом. Громите фашистов так, чтобы гитлеровская партия больше не существовала на земном шаре. Я твердо убежден, вы, гвардейцы, это сделаете <...> Папа, ты знаешь о моих похождениях. Побывал на Дальнем Востоке, хотел попасть в морской экипаж добровольцем. Школа там есть для младших авиаспециалистов, называется «Шмас». Не приняли <...> Говорят, подрасти еще годок. Молодой, 1928 год не берем<...>. Папа, все-таки я хочу написать вторично письмо начальнику экипажа, пусть возьмут добровольцем. Хочу на флот. И тебя прошу: напиши-ка ему письмо с просьбой <...>. Будущий краснофлотец Альберт Бояров».

Письмо от любимой супруги.

25.12.43 г.

«Очень, очень рада твоим письмам. Вчера слушали по радио, как столица нашей Родины Москва салютовала вам. Да, вам лично, вашей дивизии гвардейской особенно. Поздравляем! Так всем было радостно. Нет слов,

передать наше ликование <...> Мария».

Письмо сыну Киму от отца.

17.02.44 г.

«<...> Сегодня получил письмо от Володи (из действующей армии) и твое от 2.02. Большое тебе спасибо за все твои пожелания мне. Я как-нибудь постараюсь приехать кушать твоего поросенка. Живем по-боевому. Ким, как у вас картина «Орловская битва» - была или нет? Посмотри, как мы громили немцев. Ким, я тебе пошлю книжку «Непокорённые», очень интересная. Горячо целую. <...>».

Письмо отцу на фронт от сына Владимира.

20.08.44 г.

«Здравствуй, дорогой папа. Шлю тебе свой горячий фронтовой привет, а самое главное быть здоровым. Писем я ещё ни от кого не получал. Прибыл я сюда 16 июля. Мой адрес сейчас п/п 36503. Я пока жив и здоров. Получил лёгкое ранение и сейчас отдыхаю. <...>

Я был в разведке, машину мою подожгли, остались только двое живые. Был в тылу у немцев. <...> Пиши, жду ответа. Крепко целую, твой сын Владимир».

Письмо от командира части, в которой воевал Володя Бояров.

21.12.44 г.

«Здравствуйте, уважаемый товарищ Бояров. Получив от Вас письмо, в котором Вы запрашиваете точные сведения о своём сыне Владимире. Да, Ваш сын находился в моей части и вместе с другими танкистами он воевал в Латвийской ССР. В боях он действовал смело и решительно, хотя вид от него не подумаешь, что он делал. Да, это точно. Он награждён орденом «Красная Звезда». Он был ранен, находился в госпитале, но он снова возвратился в нашу часть, но в настоящее время он переведён в другую часть, адрес которой п/п 68434. Вот и всё пока, до свидания. Желаю успехов в боевых действиях».

Судьба хранила и берегла семью Бояровых. Леонид Григорьевич был дважды тяжело ранен, один раз контужен, но поля боя не покидал, продолжал руководить своими подчинёнными, с поля боя его могли только на носилках унести. За боевые действия награждён четырьмя боевыми орденами и девятью медалями. Для Леонида Григорьевича Боярова, капитана в отставке, начальника связи 24 гвардейского, ордена Кутузова полка, кавалера многих орденов, война закончилась в 1946 году. Вернулся он в родной Рубцовск и потом ещё 21 год отработал в городском узле связи. Начальником конструкторского бюро на Рубцовском заводе запасных частей трудился его сын, инвалид войны, когда то добровольцем записавшись на войну -

Владимир Леонидович. Ушёл в запас и вернулся с орденами с войны капитан-танкист Альберт Леонидович. Младший сын - Ким Леонидович, также пошёл по стопам своего брата тоже был танкистом.

Материал предоставлен Краеведческим музеем города Рубцовска

Бабкина Мария Петровна

Медаль «За боевые заслуги»

Мария Петровна до войны жила с родителями в посёлке Калинина Барнаульского района. В 1939 году Мария после окончания восьми классов поступила в акушерско-фельдшерскую школу в городе Барнауле. Её мечта - лечить людей, помогать появляться на свет малышам, вот-вот должна была стать явью.

Из воспоминаний Марии Петровны: *«Наши планы разрушила война. Я ведь только на втором курсе училась. Всё сразу перевернулось, всё стало другим. Стране нужна была огромная армия медицинских работников для фронта и тыла. Нас стали готовить по ускоренной программе и больше обучали не как роды принимать, а как оказывать помощь и*

лечить раненых бойцов в условиях войны. Вместо 6 академических часов мы занимались по 8 часов в день. Пришлось уплотниться и с жильём. В общежитии нас оставили, но теперь мы спали на койке по два человека. Молодыми были, всё нам было нипочём – постоянно голодными ходили, а кровь сдавали, по ночам дежурили в госпиталях.

В феврале 1942 года состоялся наш выпуск. Заходили в кабинет директора Варвары Николаевны Тихомировой, каждому вручали свидетельство об окончании и направление в военкомат. В течение 24-х часов по прибытии к месту назначения должны были встать на военный учёт. Я получила направление на работу в Красноозёрский район и даже отработала там две недели. А потом меня призвали в армию. Служить определили в дивизию, сформированную здесь же, на Алтае, и вскоре нас отправили на фронт. Всё было, это же война, и раненые, и потеря друзей – боевых товарищей.

Помню, однажды совершали длительный марш-бросок. Шли ночью, от усталости на ходу засыпали. Идёшь, идёшь – оступишься ногой и сразу просыпаешься. Тогда около 40 километров прошли, через каждые 5 километров – привал 5 минут. После марша вступили в бой. Попали под сильный миномётный обстрел врага. Меня спасла моя медаль «За боевые заслуги». Пуля попала в неё, разбила, осколок застрял в партийном билете, а я цела осталась.

Помимо каждодневной работы в полевом госпитале однажды мне пришлось принимать роды у польки, на хуторе, буквально на задворках от

линии фронта. Мать роженицы на коленях просила у нас помощи, положение у будущей мамы было тяжёлое. Просила: «Пани доктор, помоги». Родилась девочка, очень хорошенькая, симпатичная. Посыпались предложения, как новорожденную назвать. Кто-то из бойцов предложил назвать девочку «Победа». А мама малютки спросила моё имя и сказала, что назовёт её Мария.

Было и такое, что оказывали помощь и раненым пленным немцам. Была вылазка в тыл врага, разведчики вернулись с пленными. У одного были прострелены обе ноги. Он не ожидал, что с ним будут возиться. Я сделала укол, перевязала, наложила шины.

Моя родная дивизия участвовала в освобождении Польши, принимала участие в штурме Берлина. Не было предела радости, когда шагали мы по развалинам поверженного Берлина! В день Победы командир напутствовал нас не забывать боевой путь своей дивизии и боевых товарищей. Трудиться так, чтобы не уронить честь своей дивизии. Каждый из нас хотел домой быстрее. У меня отец погиб на фронте, дома мама осталась одна, я самая старшая, а дома ещё пятеро младших братьев и сестёр. Конечно, хотелось помочь чем-то».

Мария Петровна во время войны была командиром медико-санитарного взвода. Выносила раненых с поля боя, трудилась в госпитале, каждый день спасала чьи-то жизни. А мыслями своими часто обращалась к своим родным любимым людям, которые молились за неё и ждали в родном доме. Письма Марии домой с фронта не сохранились, остался лишь памятный листок со стихами, где-то не складными, но от души искренними и трогательными. Листок со стихами подарил в августе 1944 года раненый боец, который находился у неё в госпитале на лечении.

«На память военной подруге Марии от М...а! Помни, храни.

*Подруга, не забудь те дни
О которых я так часто вспоминаю
И ты стихи мои прими
Читать и вспоминать жизнь нашу предлагаю.
Я помню день, когда впервые
В халате увидал тебя.
И мысли далеко вперед шагнули. Подумал.
Ведь ты лечить будешь меня.
И я все силы отдавал в то время
Чтоб ближе познакомиться с тобой.
Халат твой у меня перед глазами
И днём и ночью блистал, как живой.
Вспомни август и утро прохлады
Когда раненый пришёл я к тебе.
Помощь быстро ты мне оказала*

*И назвал я тебя дорогою сестрой.
Много походов прошли мы далёких,
Много раз мы вступали в боя.
Ты на посту многим жизнь сохраняла,
Сохранила и мне, дорогая моя.
И не раз ты так нежно встречала,
Лаской, теплом успокоив меня.
Ты за мать мне в то время бывала,
Расцеловать мне хотелось тебя.
Вспомни, как подошли мы к Бугу,
И форсировали быстро его,
Взяли сопку, пошли на деревню Ровнина,
Полею подход до неё.
Вот и деревня, так красиво глядела,
Но не пришлось до неё мне дойти.
Был я ранен осколком снаряда,
Ниже локтя правой руки.
И опять ты меня лаской встречала
На пороге, с пакетом в руках,
Быстро рану мою повязала,
Направление дала в медсанбат.
И вот я в строй здоровым вернулся,
И тебя увидав – благодарю,
Находку нежную в белом халате
Я забыть никогда не смогу.
Помни, ещё встречи настанут скоро,
Улыбаясь друг другу с тобой,
Я вам руку пожму, дорогая,
Как не встречался с родною сестрой.*

13.09.44 год, МО 108 стрелковый полк.

Бабкиной Марии в дни Отечественной войны».

Победу Мария встретила в Магдебурге. Потом служила в Берлине и Шверине. В 1947 году в звании младшего лейтенанта-военфельдшера демобилизовалась и приехала домой на Алтай.

Использован материал из семейного архива М.П. Дорофеевой, в девичестве Бабкиной, г. Барнаул.

Бадулин Николай Васильевич

Открытка с фронта

«Передо мной лежит невзрачная, пожелтевшая открытка военных дней, адресованная мне, Бадулиной Раечке, ученице 2 класса. Я помню содержание открытки от первой буквы до последней. И всё же я достаю её из заветной шкатулки, как самую дорогую вещь и начинаю перечитывать снова и снова. Я рассматриваю её и всегда чувствую прилив сил, желание жить, мне кажется, что весь мир начинает улыбаться мне, ведь это весточка с фронта, от папы. Эта открытка - мой советчик, оберег, талисман. Она помогает мне жить и делать добро» - вспоминает Раиса Николаевна Нечунаева.

«Здравствуй, дорогая, милая дочка Раечка. Привет от папы сердечный. Желаю я Вам лучше учиться и пришли мне письмо. Пиши сама, какие получила отметки за первую четверть. Дочка, какая у Вас жизнь и здоровье? Я живу хорошо, но только без Вас мне скучно. Я послал Вам гостинцы. <...>Дочка, до свидания».

Когда я думаю о маме,
Припоминаю и отца,
Седьмой десяток нету с нами,
Хоть был нам верен до конца.
Он в бой ушёл от милых пашен
И речек, отчей стороны,
И никогда не станет старше
Солдат, вернувшихся с войны.

Вспоминает Раиса Николаевна: «Мой папа, Бадулин Николай Васильевич родился 19 декабря 1896 года, был старшим ребёнком в семье кадрового военного Василия Григорьевича Бадулина. Мой дедушка в течение долгого времени (1907-1917гг.) служил в Харбине на КВЖД. Воспитанием троих детей занималась бабушка, Татьяна Исаевна. В Сибири они оказались как переселенцы. Жили они в селе Огни Усть-Калманского района.

Вспоминая рассказы мамы и роясь в закоулках своей памяти, перед взором встаёт образ отца - высокого роста под потолок, так мне тогда казалось, красивый, умный, хозяйственный, очень домашний, внимательный к семье и

соседям. Преклонялся перед своей мамой, уважал и оберегал её, не безразличен был к родственникам. А как он гордился и любил первенца-внука Юрочку 1939 года рождения, который остался без отца. Дядя Иван, отец Юрочки и родной брат моего папы героически погиб в 1941 году в боях за Можайск через два месяца после призыва в армию.

Папа был трудяга, мастер на все руки. Каждую зиму в составе хлебного обоза он возил зерно на санях в Бийск. А мы его всегда очень ждали. И вот, открывалась дверь, вначале появлялся белый морозный клуб пара, а затем могучий «Дед Мороз». В своём одеянии папа очень был похож на него: заиндевевшие усы, брови, овчинная шапка, ворот тулупа, а руках мешок с гостинцами. Привозил обязательно сушки, сдобные булочки, конфеты и всегда говорил - «это вам зайчик из леса передал».

Помнятся долгие довоенные зимние вечера: папа у печки валенки подшивает, мы с мамой шерсть теребим и все вместе песни поём, аж хата дрожит. В семье все хорошо пели, особенно мама, а папа любил слушать. Были у папы любимые песни: «Вы вейтесь, чёрные кудри», «Отец мой был природный пахарь», но пел он их крайне редко, стеснялся. Какое же счастье царило в тёплой, уютной, большой дружной семье, под керосиновой лампой...

Много лет отец был бригадиром полеводческой бригады колхоза имени Будённого. Управлялся со своим хозяйством очень умело, всем старался помочь, подбодрить, от Бога был добрым и заботливым. Бригадиру гонец и повестку на фронт вручил прямо в поле. Припоминаю состояние семьи, когда он показал эту бумажку. Вначале наступила тишина, а затем плачь мамы с причитаниями.

Войну, как она началась, я не помню, а может до детского ума не доходило тогда, что она где-то бушует. Лишь только в день проводов на фронт папы и односельчан я ощутила, что-то не так. Этот день я помню всю свою жизнь. Большая толпа собралась у сельского совета. Мы, дети, шмыгали здесь же, суетились среди взрослых, не понимая и не вникая, о чём они так возбуждённо говорят, женщины тихо плачут. Затем все двинулись на гору, где была «пожарка». С того дня и до сих пор называют это место - «гора слёз». Впереди шли повозки, на них смеясь, сидели маленькие дети. Мой папа нёс нас по очереди, передавая маме маленьких. А так как я старшенькая мне больше пришлось тогда идти пешком. Детская память хранит крик, стоны, слёзы, пляски, обрывки песен, частушки, стук колёс бричек.

А потом... всё дальше и дальше удаляющихся от «пожарки» наших пап. Последние взмахи шапками, носовыми платками и слабо доносившиеся голоса: «Крепись, береги детей. Я вернусь, обязательно вернусь». Горизонт и второй холм поглотил и растворил в своих недрах повозки... Всё стихло, только слышались тихие причитания, долго ещё стоявших на горе женщин, стариков. Это был день - 9 октября 1941 года.

С этого дня началась непосильная работа у мамы и у нас. Все женщины в деревне трудились с раннего рассвета и до темноты, а мы боялись спать одни в избе, так на завалинке или на крылечке уложимся и спим, пока мама не

придёт. На нас, детей, передавалась тревога ожиданий печальных вестей с фронта. Мы боялись громко смеяться и шумно играть, боялись ещё более опечалить одноклассников, в дом которых уже постучалась горькая беда.

Зимой учились в промёрзших классах, а летом пололи, пока не доросли до другой работы. В поле нестерпимый зной, мухи, слепни кусаются, пить охота. Выпросимся у звеньевой искупаться, а потом она нас из речки выгнать не может. Дети же.

Врезалась мне в память сказка «Шапка-невидимка», рассказанная моей учительницей Евдокией Ефтифьевной Филимоновой. Мы были заморожены, сидели, открыв рты, слушали сказку и верили. И мне так хотелось, чтобы мой папа нашёл эту шапку-невидимку и обязательно вернулся домой. Евдокия Ефтифьевна убедительно говорила нам: «Дети, скоро ваши папы с победой вернуться домой, они обязательно зайдут в школу, тихо постучат в дверь и скажут: «дочка или сынок, я вернулся, идём домой, порадуем маму и деток младших». Дети, только в это надо очень, очень верить, ждать и ждать!» Я верила, и все мы с нетерпением ждали весточек с фронта.

Отец очень любил лошадей, мастерски с ними обращался. Всю упряжь для лошадей папа делал сам, вплоть до саней. И на фронте не расставался с лошадью, подвозил снаряды к орудиям. Судьба моего отца не очень баловала. В апреле 1943 года немецкий снаряд взорвался в воздухе, папу контузило и полностью засыпало землёй. Он долго пролежал в земле, пока его нашёл и откопал земляк-сослуживец. Затем госпиталь. Получил сильное переохлаждение, пневмония. 21 июля 1943 года он умер.

Весной 1985 года, по приглашению поискового отряда «Поиск» из села Мятлево-Алексеевка Калужской области я вместе со своим сыном ездила к месту гибели отца. Этот священный уголок земли ухожен, шумит над могилами листва берёз и плакучей ивы. Возвышается на постаменте скульптура солдата и медицинской сестры. А внизу у основания обелиска расположено 7 плит. На них золотыми буквами в алфавитном порядке увековечены фамилии 126 солдат. На первой плите мы нашли – рядовой Бадулин Н.В. Это наш родной отец и дедушка».

Слёзы, как свинец горячи

Лёд безжалостный студит душу.

Подожди, мой сын, помолчи...

Слышу голос отца... Послушай!

Это ты пришёл, внучок?

Ожидание долго длилось.

Ну, какие слова приберёг?

Как семья наша? Сохранилась?

Да, дед, разрослась семья,

Снова дом детский смех наполнил

Твои внуки и правнуки растут, шумя,

Завещанье твоё мы помним .

Барило Павел Ильич

*Будь проклята, война!
Что бы это никогда не
повторилось!*

Павел родился 30 декабря 1922 года в селе Вострово Алтайского края. В 1937 году его мама умерла. Павла и его сестру Ольгу растил и воспитывал отец, Илья Афанасьевич. Потом он женился второй раз. Но жена бросила его, когда Илью Афанасьевича, в 45 лет, призвали на фронт.

Отец всегда мечтал видеть своих детей образованными. Павел после окончания 7 класса продолжил учёбу в Волчихе, что 25 км от его родной деревни. Жил на квартире и только в субботу, после уроков, пешком, в любую погоду приходил домой. А в воскресенье возвращался.

Вспоминает Валентина Ивановна Барило: «Я с Павлом училась в одном классе. Романтиками мы были в то время, патриотами своей страны. Так как на границах Родины было не спокойно, мы по призыву комсомола очень усердно изучали военное дело, много занимались спортом, зимой бегали на лыжах. Всем классом занимались в кружке радистов, который велся по радио. Собирались у кого-либо в доме и записывали буквы, цифры азбукой Морзе. У каждого были муляжи ключей, передающих азбуку Морзе. На них мы тренировали руку.

Павлу я нравилась с восьмого класса. Я это знала, чувствовала. Он сидел на первой парте, а я на третьем ряду - на последней. Часто, во время урока, я ловила на себе его взгляд. А однажды мне по почте пришло странное письмо. Оно было написано азбукой Морзе».

куда-то спешили из конца в конец по селу – шла мобилизация, создавали народное ополчение, отправляли на фронт. Мы все думали, что война пройдет быстро и не будет столько потерь. Верили в то, что наша Красная Армия самая сильная, несокрушимая и непобедимая. А на самом деле оказалось далеко не так, как мы думали. Стали наших ребят забирать в армию.

Первым, в августе месяце, из нашего класса призвали в ряды РККА Барило Павла. В феврале 1942, ускоренно окончив сержантское училище, он ушёл на фронт. Получилось так, что провожала я его одна, никто из одноклассников прийти не смог. При прощании, я ему сказала, что встретимся мы через 5 лет.

Павел часто писал мне письма. Просил прислать фото, а сам не присылал, говорил, что нет возможности сфотографироваться. Только из училища прислал одну фотографию и всё. В 1943 году был тяжело ранен, лежал в госпитале. Потом рана, полученная в том бою, долго не заживала, беспокоила до 50-х годов.

Тогда я мечтала стать геологом. Двери институтов были открыты для нас, но нужнее была работа. Через три дня после экзаменов за десятый класс я уже сидела за партой в городе Новосибирске, поступила на курсы гидрометеонаблюдателей, при управлении «Гидрометеослужбы». Эта специальность нужна была и на фронте и в тылу. Из памяти не стираются воспоминания о городе Новосибирске того грозного времени. Отряды бойцов с суровыми, непреклонными лицами шли и шли по широкому Красному проспекту. Отряды девушек с тяжелыми ящиками радиостанций за спиной. Они юные, хрупкие, уходили на фронт.

И кажется, что никогда не стихала песня, рождённая в первые дни войны: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой! ...». И казалось, будто это не песня была, а клич всей Земле нашей «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой..»

19.08.41 г.

«Барнаул, 11 часов ночи. Здравствуй, Валечка! <...> я нахожусь в Барнауле в миномётном училище. <...> Я, всё-таки, обиделся на наших учеников. Хотели проводить, да так и не пришли. ... Ждал, ждал, но так ни один и не пришёл. Может быть и увидеться не придётся. <...>

Сегодня сильно скучно было. С полным удовольствием уехал бы домой. Ох и скучно! Валя, пиши, как вы живёте. Скоро, наверное, будете учиться? Жаль, что мне не придётся. <...> Пиши, Валюша. Жму твою руку».

24.08.41 г.

«<...> Так вот, Валя, давай договоримся писать письма друг другу. Знаешь, как здесь скучно. В город не пускают. Учиться нам 6 месяцев, пока война не кончится, а если скоро кончится то, может быть, добавят время обучения.

Прости за грязь в письме, писал на койке, и тут нас увели на концерт. Продолжаю дописывать на земле. <...> Нам, может быть, больше встретиться не придётся. <...> Сильно жалею, что мало пожил я дома. Валя, может ты на меня обижаешься, в чём виновен – прости, пожалуйста. Как там Нюська поживает с Кузькой? Сдал или нет Кузька химию? <...>

Сейчас я лежу и под пластинку «Любимый город» вспоминаю Волчиху. Эх! Чёрт возьми, и жизнь наша стала! <...> Чувствую себя пока ничего, как забуду о доме, но как вспомню, так чёрт знает, что бы сделал. <...> Прошу, пиши ...»

03.01.42 г.

«<...> Теперь, Валюша, я не один здесь из бывшего 9 класса. Первого января поговорил с ребятами. А ты думаешь с какими? Алёшка Безденежный и Ванька Сериков здесь! Увидел их и не поверил, что они. А впрочем, несколько и не изменились. <...>

Пиши обо всём, что только твориться в Волчихе. А каникулы нынче есть для вас? Передавай ребятам привет. Вот теперь-то вас осталось – чепуха. Да как бы последние ребята не улетучились. Жму крепко твою руку, твой друг Пашка».

Вспоминает Валентина Ивановна: «А нас, действительно, в 10 классе оставалось всё меньше и меньше и к концу 1942 года осталось 6 мальчиков и 8 девочек. Мы учились в самой маленькой классной комнате, было холодно, но мальчишки открывали форточку и как всерами обмахивались тетрадками и говорили: «Мы презираем холод». А на фронте они, наверное, также презирали смерть, наши гордые мальчишки.

Вот имена моих одноклассников, ушедших на фронт:

Вася Зиновьев	Феоктистов Миша
Вася Долгов	Зотов Коля
Лёня Безденежный	Фокин Пётр
Коля Исаков	Сериков Иван
Вася Чернухин	Гусев Миша
Миша Хортов	Олешко Вася
Ваня Задорожный	Карпов Володя
Русаков Саша	Афанасьева Ася.

Кроме учёбы, мы помогали фронту. В 10 классе все девушки учились на курсах медсестёр. Ходили в гимнастёрках. Ночами дежурили в больнице. Летом работали в колхозе. Меня поставили работать на комбайн, отгружать зерно. Раньше комбайны были не совершенные. Зерно сыпалось в бункер, а из бункера должен был выгружать человек. Для этого у основания бункера был

пристроен подвесной дощатый полук. Стоишь на нём, подставляешь мешок, открываешь заслонку люка, и зерно насыпается.

А вплотную к комбайну движется бричка с огромным ящиком. В бричке мальчик-подросток, он управляет лошадьми и вытряхивает зерно из мешков. Пустой мешок бросает на полук, я наполняю его зерном и бросаю в ящик. Иногда прозеваешь, в мешок много зерна насыплется, а мешок этот потом в бричку надо загрузить. Поднять трудно, жилы трещат, а отсыпать зерно некуда. И так целый день тягала эти мешки, не понимала, что это вред здоровью. А тогда о себе никто и не думал, все старались, как можно больший вклад в Победу внести».

01.02.42 г.

«<...> Валечка, мне осталось здесь жить считанные дни. Я думаю, нам с тобой не стоит прерывать дружбы, да ещё в такое время. Нас с тобой сейчас разделяет 400 километров, а скоро разделят тысячи. <...>

Видел тебя во сне. Будто ты с Нюсъкой провожала меня. Жил, будто, я в Волчихе в качестве курсанта и ночью убежал к тебе. Ходил к тебе на квартиру, а к утру возвратился. Ты даже что-то мне в дорогу собирала. А потом я проснулся. Всё это пустяки, но провожать тебе меня не удастся, а я скоро уеду отсюда.

Прошу, на меня не сердись. Посылаю тебе фото, маленькое, на открытку сфотографироваться не было возможности. <...> Крепко целую, твой друг Павел»

Письмо Валентине от одноклассника Ивана Серикова.

21.04.42 г.

«Здравствуй, Валя. С курсантским приветом к тебе Иван. <...> Учусь, заниматься приходится много. <...> Плохих оценок не получал ни одной за время обучения. Да и какой курсант в это время может получать плохие оценки, когда страна требует учиться на «отлично». <...>

Здесь много земляков. Но нет среди них одного, за которого я бы променял всех остальных, за которым я готов идти в огонь и в воду. Но его уже со мной нет. Паика Барило уехал на фронт. Как жаль, что мне не пришлось его проводить. <...> Прошу написать мне его адрес. <...>»

От Павла.

13.04.43 г.

«Здравствуй, Валюша! <...> У тебя, оказывается опять изменения. Ты работаешь, но я вижу, что тебе очень хочется учиться. Давай-ка, Валя, до конца войны поработаем, а потом, если я останусь в живых, то дело будет видно. <...> Я сейчас тоже не против побыть на школьной скамье, как это было в 1940-41 учебном году. Собраться вместе на радиокружок, а главное, увидеть тебя, сходить в лес. Помнишь? Озеро Жирное... Эх!...»

26.04.43 г.

«<...> Живу по-старому, но настроение очень плохое, весна навевает хандру. Да ещё писем ни от кого не получаю. Даже не знаю, существуют ребята, или нет. <...> Валечка, сейчас ты в Новосибирске, попробуй сфотографироваться, почему, сама знаешь, ведь фото даст много воспоминаний. <...> Целую тебя, твой Павел»

Письмо Павлу от Валентины.

12.05.44 г.

«Дорогой Павлик! Много хочется сказать на этих страницах, но не получается почему-то. Как-то сухо получается, может потому, что сегодня день такой. Вот сейчас передо мной стоит чудесный букет черёмухи и марьяны коренья, а за окнами огромными хлопьями падает снег. Это причуды сибирского климата. <...>

Милый мой, часто думаю о тебе и, иногда, о встрече. Будет ли она, не знаю. Помнишь, я тогда сказала – «встретимся через 5 лет», значит осталось два года? Конечно наивно, по-детски задавать такие вопросы. Но встретимся мы обязательно! Запомни это и поверь мне, так будет, поздно или рано.

Ты совсем ничего о себе не пишешь. <...> Если бы ты знал, что несколько слов о том, как ты изменился, как преобразил тебя фронт, были бы самыми дорогими и родными для меня. <...>

Пиши, я всегда жду твоих писем. Не знаю, знаешь ли ты, что Василий З. погиб. Крепко целую тебя, твоя Валентина».

Рисунок из письма Валентины

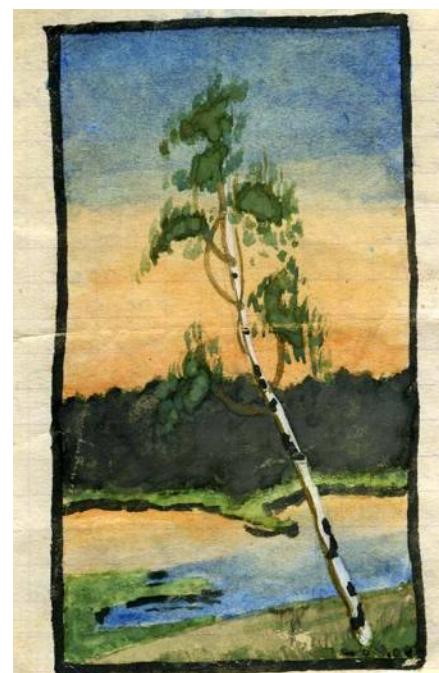
От Миши Феортисова.

20.03.45 г.

*«<...> За улыбку твою среди дня или ночи
Я готов с самолётом подняться ввысь
Пронестись над тобой, устремив свои очи
Но в ответ мне прошу – улыбнись!*

Здравствуй Валя, с курсантским приветом Михаил! <...> Получил твоё письмо, за которое благодарю. <...> Ведь, Валя, как приятно и радостно становится на душе, когда где-то в далёкой стороне получишь письмо от товарища или от знакомой девушки. <...>

Ты пишешь, что время проходит скучно, однообразно, насчёт развлечений «стопроцентное замерзание». Действительно, трудно даже поверить, что лучшие года девушки в 20 лет проходят в такой обстановке. Ведь молодость требует своё: веселья, развлечений, кино, клуб,

танцы и т.д. Но ничего, Валя, после войны будем жить культурно и весело, как говорится «с колокольчиками». <...>

С учёбой дела обстоят пока хорошо. Много времени приходится уделять подготовке к занятиям, ведь чем лучше будешь знать свою технику, тем легче на ней будет воевать. <...>»

Вспоминает Валентина Ивановна: «Мне писали многие одноклассники, ушедшие на фронт. Последнее письмо от Васи Зиновьева я получила в 1943 году, он писал, что бои идут жестокие, что они воюют там, где воевал Григорий Мелехов (герой романа Шолохова «Тихий Дон»), и что у него накопилось много фронтовых записей, он должен переслать их мне. Но переслать не успел, он погиб при форсировании Днепра.

От Васи Долгова последнее письмо пришло в 1944 году. Он писал, что награждён орденами, что ему присвоено звание «лейтенант», что бои идут кровопролитные, но что бы не случилось, так и писал: «Мы не посраим честь нашего класса!

Записная книжка капитана П. Барило

На фронтах Великой Отечественной войны погибли многие мальчики из нашего класса: Вася Зиновьев, Вася Долгов, Вася Чернухин, Коля Исаков, Миша Хортов, Лёня Безденежный, Ваня Задорожный. Прошло много лет, а сердце и мозг не хочет мириться с гибелью этих ребят, и они для нас остались навсегда живыми и навсегда восемнадцатилетними.

А потом была долгожданная, выстраданная Победа! Последний день войны я встретила в селе Родино Алтайского края, где я работала на метеорологической станции. Я работала в ночную смену. Радио у нас на станции не было, был только телефон для передачи авиа телеграмм о состоянии погоды. И вот утром с телеграфа позвонили и поздравили с Победой: «Война кончилась! Победа! Кончилась война! Победа!!!» Хотелось на весь мир кричать эти слова.

Было жарко и сухо, хотя только начался май. Все мы бежали к центру села на площадь. Творилось что-то необыкновенное. Всё село собралось сюда. Стихийно возник митинг. Многие поднимались на трибуну и говорили о радости Победы и о горе утрат, о перенесённых страшных страданиях, о гибели родных людей. Я хорошо запомнила выступление одной женщины, она привезла на Алтай эвакуированных детей из Ленинграда. Дети были маленькие, двух, четырёхлетние. Она рассказывала про Ленинградскую блокаду, про обстрелы города, о страшном голоде, о тысячах людей, погибающих от голода. И что в таких нечеловеческих условиях город выстоял и не был сдан врагу.

Люди на площади обнимались и плакали, была великая радость: отстояли Родину! Победили! И было тяжёлое горе – погибли миллионы людей. У многих односельчан погибли сыновья, мужья, отцы, братья, сёстры. Горько было сознавать, что не дожили до Победы. «Победа!» Но какой ценой она досталась. «Будь проклята, война! Что бы это никогда не повторилось!»»

Письмо Павлу от Валентины

15.06.45 г.

«Здравствуй, Павлик. Наконец сегодня получила от тебя письмо, бесконечно рада. Оно разогнало дурные мысли. Я снова спокойна. Дни идут обычно, в ожидании писем. <...>

«За меня будь на фронте спокоен

Я верна лишь тебе одному

А вернётся с победой, мой воин

Крепко, крепко тебя обниму!

А теперь пока, будь здоров, до скорой встречи, целую крепко, крепко, Валентина»

29.04.46 г.

«Здравствуй, Валя! С приветом Павел. Валя, сижу в вагоне и еду. Куда? «Приветствую тебя, пустынный уголок, Приют спокойствия, трудов и вдохновенья ...» и так далее. Встречу назначаю в 6 часов вечера на второй год после войны. Там, где мы когда-то вырезали на соснах свои имена! В бору, недалеко от нашего дома. Помнишь?! Еду в вагоне, трясёт, поэтому так написано плохо. Целую крепко Павка!»

Войну Павел закончил командиром миномётной батареи в звании капитана, и встретился с Валентиной 8 мая 1946 года. Павел приезжал в отпуск, но его быстро отозвали назад. Звал Валентину с собой, но она не смогла в короткий срок оформить документы на увольнение. Поехал Павел тогда один до места службы, а в августе вернулся совсем, и тогда они поженились. Было это 25 августа 1946 года.

Материал предоставлен Барило Валентиной Ивановной, г. Барнаул.

Баталин Анатолий Иванович

С малых лет судьба не жаловала Анатолия. Ему было почти два года от роду, как умерли его родители. На воспитание его забрала в свою семью двоюродная сестра матери Баталина Евгения Степановна. Так он стал Баталин. Воспитывали и растили его как собственного сынишку, в любви и заботе. После окончания 10-ого класса поехал Анатолий из Рубцовска поступать в Томский государственный университет и в 1938 году стал студентом исторического факультета. Но не суждено было Баталину изучать древних скифов и Пунические войны. Начавшаяся война скорректировала учебный процесс, уже в июне 1941 года Анатолия призвали в ряды Красной Армии. Теперь он курсант Новосибирского пехотного училища. Свою приёмную маму в письмах называет Женя.

01.10.41 г.

«Здравствуйте, Женя, Нюра!»

Пишу вам третье письмо из Новосибирска, почему нет ответа? Что случилось? Или вы опять в командировке, или больны? Я убедительно прошу, сразу же отвечайте мне на письма, а то писать неохота делается, да и беспокоюсь. Сегодня исполнилось ровно 2 месяца и 10 дней моего пребывания в рядах РККА, а именно в Новосибирском пехотном училище. Учиться осталось около 2-х месяцев. 20 октября заканчиваем второй период обучения. Скоро сами будем обучать бойцов. Дней через пять выходим снова на тактические занятия в поле на неделю. Бр! Бр... холодно, но ничего, это закалка. Жить будем в поле и как Робинзоны. Ха! Ха!

Теперь в связи с этим у меня к вам такая просьба. Есть возможность достать комплект теплых вещей для бойца в городе. То есть: пара теплого белья, портянки, рукавицы, носовые платки, носки и т.д. Я как раз ходил в этот выходной в город, подбирать очки, (я уже писал вам в первом письме, что вижу неважно, а это мешает стрелять). Очки купил за 13 рублей с оправой, футляром. Сегодня стрелял в них, выполнил на «хорошо» и «посредственно» (ручной пулемет). Еще не хватает выдержки, но как-нибудь привыкну.

Ну вот, дело в том, что комплект стоит около 35-40 рублей, а их у меня сейчас как раз и нет. 36 рублей я получу только в конце месяца, а на сентябрьские купил очки. Остальное, в городе, истратил на батоны (между прочим, в городе продают хлеб по повышенным ценам - батон стоит 5 руб. 20 коп.). Это удовольствие очень редко случается, в город нас не пускают. Короче говоря, Женя, если у вас сейчас есть эти деньги, то будьте добры, пошлите мне. В дальнейшем мне денег не надо будет, а сейчас холодно, и зимнего обмундирования пока не выдают. К письму прилагаю удостоверение.

Крепко целую. Ваш Анатолий».

26.11.1941 г.

«Здравствуйте, Женя!

Из теплых вещей я еще почти ничего не приобрел (кроме рукавиц и перчаток). Сейчас совершенно нет возможности попасть в город, даже в баню и то ходим по ночам. Правда, вчера ходили в театр, смотрели постановку «Ленин». Видел в роли Ленина народного артиста РСФСР - Скоробогатова, в роли Горького - Черкасова, народного артиста СССР.

Корчагину- Александровскую знаете? Ту, что бабушку Горького играла в кинокартине «Детство Горького». Здесь сейчас и народный артист Симонов, но вчера не был занят в постановке. На днях был джаз Утесова, но нам не пришлось побывать. Сегодня выходной день, но свободны мы только сейчас, перед ужином, днем работали (делали городок) и строевая подготовка.

Нас, курсантов, сейчас тренируют для киносъемки «Сибирь поднимается»; снимать будут на площади Сталина. Так что смотрите меня на экране, на левом фланге, а меня обязательно поставят на видное место, так как я вроде считаюсь лучшим строевиком. Каждый раз командир роты кричит: «Где Баталии? Давай жизни!» Ну, я и даю, так, что подошвы у двух пар сапог уже разбил.

Вы спрашиваете, как я учусь? Как вам ответить?! Плохо дело у меня со стрельбой. Из трех упражнений по винтовке выполнил на «хорошо» - два упражнения. Их ручного пулемета - первое на «посредственно», второе - на «плохо». Причина - плохо вижу цель на 300 метров, впрочем, с пулеметом плохие дела почти у всей роты. Большинство выполнило с трудом на «посредственно». Я буду это упражнение перестреливать. Зато итыковой бой и строевая подготовка у меня «отлично». Особо люблю итыковой бой, думаю, что пять фашистов обязательно заколю, затем тактика - отрывка окопов, переползание, метание гранаты - также на «отлично». В общем, все практические военные науки, кроме стрельбы, у меня идут. Приближается время выпуска, а, следовательно, и фронта. Ну вот и все. Крепко целую вас».

08.02.44 г.

«Здравствуйте, Женя!

Пишу с опозданием, дело в том, что я сейчас нахожусь в 50 километрах от Ташкента, т.е. на курсах переподготовки. До этого полмесяца я болтался, ожидая назначения на новое место службы в Самарканде - Ташкенте.

Как живу сейчас? До этого я служил в Иране, как и писал Вам. В настоящее время я слушатель, т.е. почти одно и то же, что и курсант в 1941 году в Новосибирском пехотном училище. Срок обучения 4 месяца, а там куда пошлют, возможно, и на фронт еще раз. Занимаюсь в день 12 часов, заниматься нелегко, так как все изрядно забыл. Но ни чего, экзамены думаю сдать, хотя я и пропустил целых полтора месяца обучения, так как опоздал к сроку. Питание, безусловно, недостаточное по сравнению с тем, что было, но это и понятно. Жаловаться не приходится, война. Последнее письмо Ваше получил в декабре 15-16, а 20 выехал в СССР».

13.05.44 г.

«Здравствуйте Женя!

Получил Вашу поздравительную телеграмму, она запоздала, так как шла по старому адресу. Я теперь нахожусь в Фергане. Закончил курсы «Выстрел». Экзамены сдал на «отлично». Пока ожидаю назначения в часть, возможно, останусь в Фергане. Живу нормально, здоров. Последнее время был очень занят, так как наряду с подготовкой к экзамену, готовился к концерту офицерского ансамбля. Я теперь вроде профессионала - танцора, так как состою в танцевальной группе 1-го офицерского ансамбля САВО (Среднеазиатского Военного округа). Это, так сказать, моя личная жизнь и удовольствие. В Фергане сейчас стоит жара, 35 градусов, говорят, что в июле - самое жаркое время лета. Много фруктов, но все дорого.

Урюк -100 руб. за 1 кг, орехи - 120 и т.д. Как сейчас в Рубцовске, как жизнь? Передавайте привет всем знакомым, кого встретите. Интересно, кто сейчас из моих одноклассников вернулся в Рубцовку (Шевченко Костя, Щипачев Володя и др.), как бы я с удовольствием услышал о них, а еще лучше побывать в Рубцовке, ведь Вас я не видел 4 года... Помните, я уехал в августе (15-го) 1940 года. Ну все. До свидания. Крепко целую. Ваш Анатолий».

Письма Анатолию от его приёмной мамы Баталиной Евгении Степановны.

08.09.44 г.

Полевая почта 888 09296 «Ф» Баталину А.И.

«Милый, родной Толюнька!

Крепко целую. Давно ты мне ничего не писал. Неужели не хватает 15 минут, чтобы черкнуть о себе? Что-то не верится. Немного о себе. Работаю все директором кинотеатра, живу там же, с мамой вдвоем. Она уже очень старенькая, говорит, что вот бы Толюньку еще увидеть и умирать можно. Да, эвакуация, бомбежка на баржи, тонула в Волге, очень отразилось на ней, да плюс моя болезнь и операция немало отняли её здоровья. Пиши, как здоровье, как учёба. Знай, что твои письма для меня дороги, так как я одна, и ты где-то далеко. Да еще и молчишь, ты меня очень этим обижаешь... Ты же сам писал, что не виделся 4 года, а сам молчишь. Жду твою фотокарточку. Крепко целую. Твоя Женя».

12.01.45 г.

«Добрый день, родной мой Толюнька! Еще раз поздравляю тебя с Новым годом, хотя и прошло уже 12 дней. Получил ли ты мою открытку? Рисовал ее Юра Жилев, помнишь в школе 112 учился, художник. Сообщи, получил ты ее, или нет, чтобы знать, как работает почта. С Новым годом, желаю быть здоровым, это самое основное в жизни, в здоровом теле - здоровый дух. Ну, и конечно, с Победой приехать в этом году обязательно домой, так как я очень

соскучилась о тебе, да и ты, я думаю, тоже, да? Я ждала, что ты после курсов заедешь, а получила письмо с фронта, всплакнула, но что ж делать, все мы пока живем для Родины.

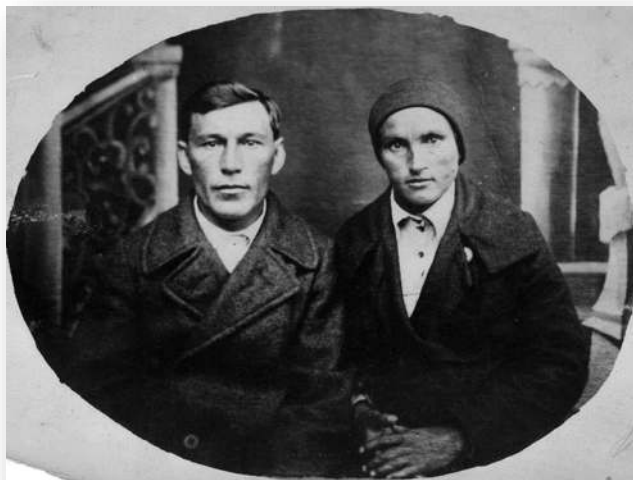
Я порядком устала от работы без отдыха, пятый год. После операции тоже не пришлось отдохнуть как следует. По-прежнему работаю директором кинотеатра, в который ты любил ходить. Живем все в прежней квартире, т.е. вернее в большой комнате и кухне, в маленькую - уплотнили. Мама просит, чтобы написала от нее привет... на 85 году своей жизни осталась все же ещё жить. «Не судьба»- как она говорит. Толюнька, хотя ты и пишешь, что не любишь писать, но знай, что мне тяжело не иметь долго от тебя (весточек), исполни мою просьбу, пиши по чаще. Если есть фотокарточка, вышли. Они и для тебя потом будут интересны.

Я дала согласие работать в педучилище по искусству, чуть не забыла написать - по совместительству. Да и знания свои надо передать ребятам, ведь красивое, все-таки, и останется красивым. Ну, родной мой, пока. Целую. Женья».

Письмо вернулось с пометкой - «Адресат выбыл». А потом пришло извещение: «Ваш сын, красноармеец роты, младший лейтенант Баталин Анатолий Иванович, убит 2 февраля 1945 года». Похоронен в селе Борочка, Будапештской области. Венгрия.

Материал предоставлен Краеведческим музеем города Рубцовска.

Бобровников Алексей Семёнович

На фото Алексей с супругой Анной. Практически единственное, что осталось на память в семье Бобровниковых об Алексее и четыре почтовых открытки, которые он отправил по дороге на фронт. В августе 1941 года Алексея Семёновича призвали в армию. Нужно было защищать свою Родину, но до фронта он так и не добрался, не суждено ему было воевать.

Бобровников Алексей Семёнович погиб при бомбёжке эшелона.

21.08.41 г. Бийск.

«Здравствуй Нюра! Доехал хорошо, благополучно. Самочувствие и здоровье хорошее. Получил обмундирование, вещи выслал через часть домой. Получи, проверь. <...> До свидания. Лёня».

27.08.41 г. Свердлов.

«Добрый день, Нюра! Хочу передать тебе, что я нахожусь в здоровом состоянии и дорога на меня нисколько не подействовала, чувства прекрасные. <...> Не пиши мне, пока не пришло адрес с места. Одно только прошу, организуешь малышей в детский сад и ясли. А Клаше и Люсе передай, что прошу их учиться на отлично. Прошу, не скучайте. Ваш Алексей».

28.08.41 г. Киров.

«Здравствуй, Люся! Пишет тебе папа из командировки. Люся, проси маму, что бы она отпустила тебя на площадку (детский сад). Ты там будешь лучше расти. Люся, я жив и здоров, скорей расти. Я скоро вернусь из командировки, вернусь и будем с тобой опять играть, как играли раньше. До свидания. Твой папа».

29.08.41 г. Вологда.

«Здравствуй, Нюра! Передай привет бабушке Клаше, Лене, Люси и Вите. Скажи, что я жив и здоров. Желаю вам успеха в работе. Числа 30-31 пропишу адрес моего нахождения. А пока я в дороге, писать нечего, кроме того, что состояние моего здоровья очень хорошее, чего и вам желаю.

Не скучайте, а советую, лучше работать и не делать прогулы и опоздания. Жму крепко ваши руки. Ваш Бобровников».

Использован материал Алтайского государственного краеведческого музея.

Богомоллов Геннадий Георгиевич

Неси быстрокрылая птица моё письмо в далёкие края...

Очень скудна информация об этом милом юноше, известно только, что Геннадия забрали на войну, когда ему было неполных 17 лет. Родился он на Алтае, жил в Барнауле, учился в школе на горе. На фронт он ушёл добровольцем. Его мама, Александра, всю жизнь хранила письма Геннадия. В настоящее время письма хранятся в школьном музее.

21.08.43 г.

«Здравствуйте, дорогие родители, мама и папа. Шлю я вам горячий привет и желаю всего самого хорошего в вашей жизни. Сообщаю о своей дорожной жизни. Я пока жив, здоров, еду хорошо. Едем по территории, которая была занята немцами. Заметны следы их разбоя, сожжены дома, развалены мосты, здания.

Мама, я пишу вам письма, а не знаю, доходят они или нет. Едем мы на Орёл или на Елец. Передавайте привет Любе и другим моим товарищам. Ваш сын Геннадий».

В письме незатейливый карандашный рисунок – домик, который несёт птичка и надпись: «Неси быстрокрылая птица моё письмо, в далёкие края, неси, где мать с отцом, любимая девица. Неси туда, где родина моя!»

28.08.43 г.

«<...> Я сейчас нахожусь в гвардейской части. Наша рота прибыла на пополнение гвардейских частей. Здесь нас расформировали. Ребят я потерял. Они рядом со мной, но я их не вижу. Продвигаемся всё ближе к передовой, но «Фрицы» бегут, и мы их догоняем. Скоро, наверное, вступим в бой. Мама, я уже видел пленных фрицев. Они такие в точности, как их рисуют. Все обросшие, оборванные, голодные.

Мама! Ты, наверное, очень скучаешь? Не скучай! Скоро немец побежит до Берлина. Они бегут, так, что мы за ними еле успеваем. Недаром пленные «фрицы» говорят: «Гитлер капут». Пока до свидания, крепко целую, ваш сын Геннадий».

28.09.43 г.

«Здравствуйте, дорогие мои родители, мама и папа. <...> Сообщаю, что я жив и здоров, нахожусь пока всё на старом месте. Бью фрицев. Мы уже перешли реку Днепр и её приток Припять. Здесь фриц оказывает сопротивление, но мы его сломим. <...>

Мама, ты наверное очень скучаешь одна? Ты ходи чаще к соседям, в кино, только обо мне не скучай. Ты сама должна знать, что фрицам скоро конец. Тогда я снова вернусь домой. <...>

Живу я здесь пока ничего. Правда, иногда вспоминаешь о доме, о вас. Кормят нас 2 раза в сутки. Хлеба дают 900 граммов. Так что жить здесь ничего. Не знаю, как вам сейчас там, дают хлеб так же или нет. <...>

Крепко целую, ваш сын Гена. Иду в бой в пятый раз. Пишите ответ, жду с нетерпением».

8.10.43 г.

«Здравствуйте, дорогие мои родители. <...> Посылаю я вам свой гвардейский, горячий привет. Сообщаю, что я жив, но немного не здоров. 28 сентября утром я был ранен. Сейчас нахожусь в госпитале. Ранен я в ноги. Левая нога уже зажила. В неё попал маленький осколочек, выше колена. Правую ногу задело пулей разрывной, побило немного кость ниже колена. Всего три раны. Две уже зажили, осталась только одна. С поля боя я, опираясь одной рукой на винтовку, как на костыль, а правой на бойца добрался до медсанбата.

Мама, вы обо мне не беспокойтесь. Рана скоро заживёт, и я снова пойду гнать фашистов. Это небольшая передышка. Мама, как прибуду в постоянный госпиталь, сейчас я нахожусь в полевом, так дам свой адрес. Хотел бы я знать о вас и о вашей жизни и здоровье? Вот пока и всё. Пока, до свидания. Крепко целую, ваш сын Геннадий».

Но не суждено было Геннадию написать письмо со своим адресом. При переезде в госпиталь в тыл страны, поезд бомбили немцы. Геннадий Богомолов погиб.

Использован материал музея «Наследие» МБОУ «СОШ № 125», г. Барнаул.

Болдин Илья Иосифович

Жив, здоров буду, увидимся...

Илья Иосифович родился в Барнауле в 1914 году. Окончил церковно-приходскую школу. В 1935 году его призвали на службу в армию. На службе был поваром для офицерского состава части. Отслужив, вернулся в Барнаул, женился. Алевтина Сергеевна племянница вспоминает его, как очень ласкового, заботливого и внимательного родственника. Вместе с семьёй Ильи проживала его мама, Он очень любил и уважал её, как и своих детей. Их было у него двое сын и дочка. Двери его дома были открыты для всех, принимал родню и всегда всем помогал.

Алевтина Сергеевна вспоминает: «Дядя Илья называл меня Ливочка – налибочка. Когда он приходил к нам в гости, для меня припасал коврижки, которые покупал в буфете, где он работал. Коврижки были чуть шире вафли и очень вкусными».

Когда началась война, его опять призвали в армию. Он ждал этого, был настроен решительно против врага. Всё песню напевал: «Наша поступь тверда и врагу никогда, не гулять по республикам нашим». И он ушёл на фронт. Сохранилось всего одно письмо, адресованное старшей сестре Шуре. Письмо писал из госпиталя.

28.11.41 г.

«Здравствуйте, мои родные, Шура, Серёжа и племянники Верочка, Женя и Вовочка. <...> Шурочка, я уже поправился, раны мои зажили, 30 числа выпишут из госпиталя и куда пошлют, не знаю. Я живу пока хорошо. Частенько бывает кино, стали ходить на прогулки. У нас есть гитары, гармошка. Я часто играю на гитаре, лежащие со мной, просят меня поиграть и петь песни «Соколовский хор у яра» и многие другие. Всё я им исполняю. В общем, время летит.

Шурочка, на счёт продуктов здесь очень плохо. Картофель за килограмм 5 рублей, масло сливочное 50 рублей, молоко 35 рублей четверть, мясо 30-35 рублей. Всё дорого, вина белого нигде нет, только разливное красное, за литр 35 рублей, а как у вас на счёт продуктов?

Получил от Тани (жена Ильи) письмо, в котором она выслала мне карточку с сына, я очень был рад. Теперь только и гляжу на карточку. Шурочка, как вы там живёте и как учатся дети. Глебочка вышел хорошо на карточке, только что-то у него один глазок прищурен, наверное болит <...>.

Очень соскучился обо всех об ребятишках, о сыночке и доченьке. Передай привет всем моим знакомым, кто меня знает. Ну, Шурочка, прости, что мало написал. Целую крепко, накрепко. Поцелуй ребяток за меня. Жив, здоров буду, увидимся. Остаюсь, твой брат Илья».

Летом 1942 года домой пришло от Ильи последнее письмо. Погиб Илья Иосифович под городом Харьков.

Использован материал из семейного архива А.И. Кухаренко. Г. Барнаул

Отражение атаки. Художник К.Л. Глушко

Бородкина Анна Петровна

Пшеничные колоски

Аня Бородкина слева

Анна Петровна приехала жить на Алтай в перестроечное время, переехала ближе к детям. Всегда с теплотой вспоминала свою родину – Казахстан, где в бескрайней казахской степи прошло её детство, юность, где она отдала воспитанию подрастающего поколения более сорока лет педагогического труда в средней школе села Теренюзьяк. Она родилась в селе Тихоновка Тоцкого района Оренбургской области 2 сентября 1930 года. В 1938 году семья переехала в Казахстан, в город Кзыл-Орда. Отец устроился разнорабочим на железную дорогу, затем, окончив курсы путейцев, был направлен на разъезд № 3. За добросовестный, ударный труд вскоре отец был назначен дежурным по разъезду.

По разъездам школ не было, дети железнодорожников учились в школе в городе Кзыл-Орда. За символическую по тем временам плату дети проживали в интернате, в котором было три группы: мальчиковая и две группы девочек: с первого по четвёртый класс и с пятого по седьмой класс. Там же была столовая, кухня, изолятор для больных, в этом же здании была квартира для директора интерната.

Из воспоминаний Анны Петровны: «В день нам давали 500 г хлеба: утром – три куска хлеба, в обед – четыре куска и на ужин, как и утром – три. Была и другая еда, кроме хлеба, но почему-то всегда вспоминается песенка, которую мы распевали: «Интернат, интернат, хорошая пища. Утром чай, в обед чаёк, вечером чаище».

Война нашу семью застала на разъезде, я уже перешла учиться в 5-й класс и была на каникулах. По всей стране и в нашем околотке начали забирать мужчин в армию. Всё для фронта и всё для Победы. Таков был призыв. Мужчины отправлялись на сборные пункты в Кзыл-Орду. Отца не взяли, он, как железнодорожник, уже считался на военной службе, у него была «броне». Я в семье старшая была, и ещё младшая сестра и брат. На нашем разъезде № 3 проживали только казахи, наша семья была исключением, русская. Но я не помню, чтобы были конфликты между семьями, жили мы очень дружно, хорошо и в трудную минуту соседи помогали друг другу.

Уже летом 1941 года на наш разъезд и в город Кзыл-Орда прибыло много эвакуированных с западных территорий, занятых врагом. Руководил всеми делами на разъезде: решал все вопросы, принимал эвакуированных, распределял по квартирам, устраивал на работу председатель. Называли его «молда» – большой начальник, ему подчинялись все.

В те годы рядом с нашим разъездом было очень много озёр и на подходе к озёрам непроходимые заросли камыша. Камыш заготавливали почти в промышленных масштабах. Из заготовленного камыша делали щиты, плели циновки, большие корзины и многое другое. Молда среди эвакуированного населения нанимал рабочих. Расплачивались за такую работу продуктами, желающих поработать на таком объекте всегда было предостаточно. Частенько всё мужское население разъезда поднимали по тревоге, это когда искали дезертиров, они могли скрываться в непроходимых зарослях камыша. Мужчин заставляли цепью прочёсывать заросли, искали дезертиров.

Жили голодно, еды не хватало, сейчас и вспомнить трудно, как и где родители добывали еду. Мы, ребята, по убранному хлебному полю собирали полёгшие или отломленные от стебля колоски пшеницы, но не дай бог попасться на глаза надсмотрщику за полями. Кнутом так исходит, что долго помнить будешь. И радовались, что не заявил куда следует – иначе тюрьма родителям неминуемая. А если удастся собрать колосья, принесёшь их домой тайком, чтоб никто не видел, по темноте. Колосья шелушили руками, освобождали от мякины, веяли на ветру, потом мама брала у соседей «дермень» (это такие жернова), садились вдвоём с мамой друг против друга, крутили круг, зёрна сыпали в центр круга – зёрна мололись в муку. Просидишь несколько часов за этим делом, спина отнимается, а мама испечёт всего две лепёшки и мука вся кончилась.

Отцу иногда удавалось на охоту выбраться. Много километров зимой пройдёт по степи, когда с пустой сумкой придёт, когда зайца принесёт, рыбачил. Мама в русской печке рыбу коптила, а мы потом бегали к проходящим мимо поездам – продавали рыбу пассажирам. Мама моя мастерица и рукодельница была – шила, вышивала, вязала на заказ. А ещё она очень хорошо казахский язык знала, легко объяснялась и могла уговорить любого хоть что-то купить у неё. Ходила по ближайшим разъездам, искусно сплетённые кружева выменивала на продукты. На вырученные деньги родители потом хлеб покупали, да на одежду для нас тратили. А ещё я помню, что на каждую

Анна Петровна с учениками

семью спускалась определённая норма связать шерстяные носки для бойцов Красной армии, сколько пар – не помню. Мы с сестрой шерсть теребили, мама пряжу пряла, а потом мы с мамой вдвоём вязали носки.

Раз в неделю приезжали из города люди и забирали готовые изделия. Железнодорожникам выдавались продуктовые карточки, приходила лавка, и по карточкам можно было отоварить мыло, сахар, муку и ещё что-то, уже не помню. Соль была в достатке, Аральское море в 5 часах езды, там соль заготавливали. А вот питьевую воду расходовали бережно, её привозили по железной дороге 2 раза в месяц в огромных чанах. Возле дороги был сделан большой колодец. Платформу с чаном подгоняли к колодцу и при помощи шланга по жёлобу заполняли водой, и только потом воду разрешалось разбирать жителям нашей станции. Скорее всего, на воду тоже были талоны, я не помню, чтобы воды набирали, кто сколько хотел, воды, как и хлеба, всегда не хватало.

Когда в сентябре начиналась учёба, мы уезжали в интернат в Кзыл-Орду, среди учёбы редко удавалось домой приехать, только на каникулах, да и за билет на поезде нужно было платить. Иногда выпадало счастье знакомого встретить, который ревизором в поезде по проверке билетов был, попросишься к нему, если добрый – возьмёт, а нет, так нет. Идёшь назад в интернат со слезами. Не все поезда делали остановку на разъезде, только ход сбавляли, бывало, приходилось на ходу из поезда выпрыгивать. Я отчаянная была, без страха прыгала. Однажды в очередном прыжке приземлилась неудачно, упала и потеряла сознание. Народ сбежался смотреть на меня, «живая ли?». У мамы тогда ноги от расстройства отнялись. Долго после этого случая мама болела.

Денег лишних у меня никогда не было, но когда ехала домой на выходные, я старалась хоть маленький, но подарочек сестрёнке и братику привезти, экономила для подарочка копейки. Однажды везла бутылочку лимонада, в поезде парни увидели лимонад и отняли у меня бутылку. Такое горе у меня было, и деньги жалко и обида душу съедала. Чтобы праздники какие-то устраивали в то время – не помню. Как-то всё серо и обыденно всегда было. О том, что день рождения может быть праздником, поняла, когда уже окончила педучилище и получила свою первую зарплату. Всю зарплату до копеечки маме принесла. А мама мне сказала: «Пойдём, дочка, в магазин, выбери себе платье, ведь у тебя сегодня день рождения». Я до сих пор помню фасон платья и рисунок цветов на ткани».

Анне Петровне 14 лет было, когда война окончилась. «Я тогда в интернате была, – вспоминает Анна Петровна, – все спали. Вдруг зашла повариха Полина Кузьминична и радостно сообщила: «Девочки, война кончилась!» Как мы все соскочили, по кроватям прыгаем, подушками начали от радости кидаться, кричали все «Ура!» А нас никто тогда не ругал! Занятия отменили, были митинги, на улице что творилось! Смех, слёзы, радостные крики, музыка, танцы. Весь народ на улицу вышел. У кого слёзы радости за победу, у кого слёзы – что не дождались родных живыми с фронта. Было очень

многолюдно, невозможно было пройти, протолкнуться! Это нужно было видеть! Все радовались и веселились, как дети!»

Много лет прошло с времён лихих, военных. Но осталась у Анны Петровны привычка хлеб беречь, до последнего кусочка использовать. Не истёрлись из памяти те колоски, которые она, будучи ребёнком, тайком на полях собирала.

Использованы материалы семейного архива семьи Барановых и воспоминания А.П. Бородкиной, г. Барнаул

Бузакина Екатерина Яковлевна

*Если бы я знала куда посылать
мои счастливые письма...*

О Екатерине Яковлевне, к сожалению, известно очень мало. Знаем только, что на фронт она попала в самом начале войны, профессия у неё была военная. Сохранилось много писем Катерины, из которых можно проследить её боевой путь. Она участвовала в боях по защите Кавказа в 516-м батальоне аэродромного обслуживания 5-й воздушной армии в должности наблюдателя-метеоролога, была награждена медалью «За оборону Кавказа». Сержант Екатерина Бузакина очень хотела жить и мечтала увидеть своих родных в далёкой Сибири.

09.08.41 г.

«Здравствуйте, дорогие Мама, Коля, Валя и Василк. С приветом к Вам Катюша. <...> мама пишет, что купила мне на платье шёлкового маркизета, но сейчас ничего не надо, а сшейте Валюше платье из него, пусть девочка пофорсит. Я себе заказала 19 августа будет готово. [платье – прим. ред.]. Чисто-белый маркизет. <...> Опишите, Мама, где Георгий [родной брат Кати – прим. ред.] и напишите ему мой адрес, пусть он напишет мне письмо. Бузакина».

Письмо Кати, адресованное другу.

Август 1941 г.

«<...> Если бы я знала, где ты, если бы я знала, куда посылать мои бесконечные, бестолковые счастливые письма. Я пишу их, не переставая, с самого твоего отъезда. Долгожданный мой! Ты ворвался в мою жизнь так стремительно!

Каждый верит в счастливую судьбу и ждёт счастья. Ты дал мне его! Эти восемь дней, подаренные мне судьбой, я жила, затаив дыхание, как в сказке, как во сне. Жила, не веря, что это со мной, жила, боясь спугнуть чудосон. Я гнала прочь мысли о войне, всякие мысли. Но прогудел паровоз, и поезд увёз тебя, милый, в пугающую гибелью неизвестность. И вернулась война, охватив меня тысячглазым страшным чудовищем. Но заплаканная до дурноты, я счастлива!

Живу тревогой и воспоминаниями, воспоминаниями и тревогой – но счастлива! И назло войне надеваю это белое маркизетовое платье – в одиночестве, наедине с тобой, для тебя. <...> Где ты, что с тобой, дай весточку. <...>»

Сентябрь 1941 г.

«Здравствуйте, дорогие Мама, Коля, Валя и Василек. В настоящее время живу хорошо, жива и здорова. 17 мая выехала из Кировобабда. Теперь уже совсем. Делать там мне теперь нечего, все вещи со мной, кроме примуса и дорожки на пол. Это с собой я не могла взять. <...>

Пишите, как вы живете, где Георгий и дома ли Николай, что делает Валя с Васильком и чем занимается Мама. <...> В Кировобабде жизнь протекает по старому, правда в отношении веселья там сейчас очень хорошо. Маскировки нет, и жители себя чувствуют свободней. <...>»

16.11.42 г.

«<...> Я часто вижу кошмарные сны, особенно часто вижу Маму и Валью. Нехорошо. Как получите письмо, так сразу пишите ответ, все будет легче на сердце. Сейчас живу хорошо, только вот меня беспокоит здоровье Мамы и всех остальных. От вас не получила ни одного письма и в настоящее время не знаю, как вы живете. <...>

Мама, я о вас очень сильно соскучилась и мне Вас всех очень жалко, обидно, что я живу где-то одна. <...> Я как будто вот сейчас только поняла, что когда я жила в семье, жила как-то одиноко и никто меня не понимал, никто мною не интересовался. Как-то глупо все получилось. И вот теперь я так далеко от вас и совершенно одна, кто виноват, я не могу понять. <...>»

22.12.42 г.

«<...> Только получила Ваше письмо, весьма обрадована известием о Вас, хоть все живы и здоровы. Этого для меня вполне достаточно, а то я так беспокоилась. <...> Сейчас я живу хорошо, спокойно, нахожусь все там же, в Сухуми. Но дня через 3 меня здесь не будет. <...>

Здоровье мое хорошее и ради Бога, прошу, обо мне не беспокойтесь, со мной ничего не случится и после войны я останусь жива и невредима. <...>»

28.01.43 г.

«<...> Получила письмо от Василька, где он просит, что бы я выслала ему денег на ружье. <...> Я вышлю обязательно и даже больше, чем на ружье. <...> Только с отправкой все будет зависеть от того, когда попаду в какой либо город или поселок, где фрицы не разрушили связь и можно будет сделать перевод. А пока, милый Василек, придется обождать, в этом виноват проклятый Гитлер.

После войны, если представится возможность, приеду в Сибирь. <...> Мне надоела такая житуха, как говорится, на колесах. День да ночь – сутки прочь! Но мне, наверное, придется ездить до конца войны. Но ничего, унывать не стану. <...>»

«<...> По)прежнему на колесах. Не так давно пришлось побывать в городе (название зачеркнуто). Признаюсь, страшнее картины я не видела. Что сделали бомбежкой проклятые немцы! Почти нет ни одного целого

дома. На месте домов и улиц – груды развалин и камней. Картина ужасная, жуткая. Но дорого нам заплатят фрицы за свою подлость! Видела очень много пленных немцев. Все они на вид противные, одеты очень плохо, в летнем обмундировании, оборванные. Голодные, как волки. Такие солдаты, можно сказать, не вояки. <...> Я должна сказать, что в этом году я капельку счастливая – до сих пор осталась жива и невредима. <...>»

13.03.43 г.

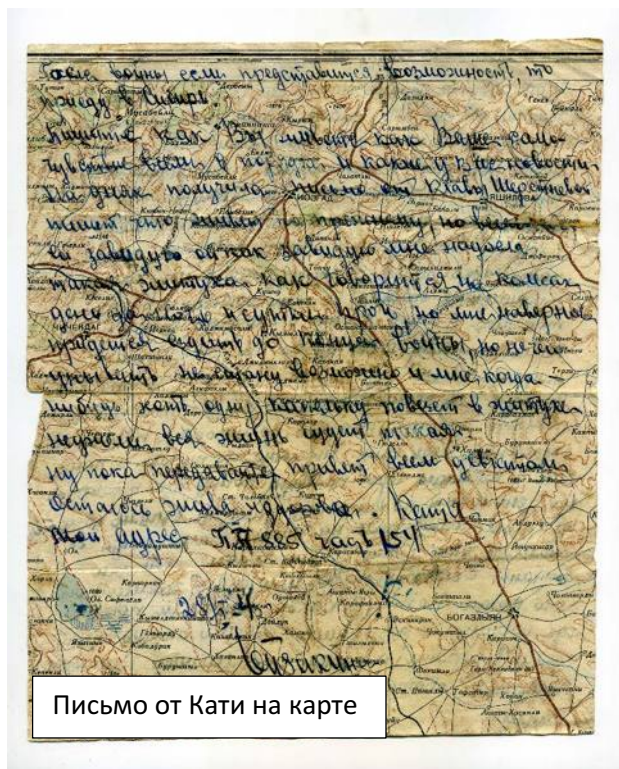
«<...> Интересно, как вы живете, всели у вас в порядке. Ведь сейчас все очень дорого и прожить значительно труднее, чем было раньше. <...> Мама, напишите, можно ли купить у Вас туфли. Я вышлю деньги, вы купите мне положите, в дальнейшем пригодиться.

Сейчас у меня большая неприятность. Мой непосредственный начальник Глеб Пименов погиб, подорвался на mine. Очень жаль. <...> Мама, обо мне не беспокойтесь, я останусь живая и после войны, а может быть и раньше, приеду к Вам. <...>»

07.10.44 г.

«<...> Я не знаю, чем объяснить, что от вас нет уже пять месяцев писем. Я на Вас очень обижаюсь, неужели трудно написать пару слов о Вашей жизни, а то я здесь очень беспокоюсь и не знаю, что с Вами случилось. <...>

Сейчас я болею и очень сильно. Стала такая худая, что наверное меня бы никто не узнал, если бы я появилась у Вас. <...>»

Письмо от Кати на карте

Письмо, адресованное подруге Клав.

20.11.44 г.

«Здравствуй, милая Клаша!!! Только что получила от тебя письмо, которому бесконечно рада. <...> как приятно получить письмо, особенно от лучших друзей. Ведь у меня с тобой вместе прошли самые лучшие годы жизни. Что может быть лучшего, чем годы в 17-20 лет. Вспомни наше детство в Алейском и свободную жизнь в Кировобаре. <...>

Эх! Клаша, Клаша! Видела я многое за годы войны, сколько я городов проехала и сёл, видела, как живут здешние людишки, все их обычаи, привычки и старые традиции. Знала бы ты, сколько здесь интересного. Ну да ладно, если буду

жива, встретимся и потолкуем об этом. <...> Ты не забывай, что я всего-навсего солдат, а солдаты живут – ты возможно знаешь. <...>

Запад – это не то, что наши, русские. <...> Если разобраться, то наши люди во сто крат лучше. <...> Пиши чаще и больше. Целую, крепко, крепко. Катя».

04.12.44 г.

«<...> Нахожусь очень далеко от Вас. <...> Я почему-то представляю, что Вы очень плохо живёте, ведь в Сибири сейчас холодно и голодно, как жаль Вас, но помочь Вам я сейчас не могу. <...> Пока остаюсь жива и здорова. С приветом Катерина.»

Вслед за письмом от Кати в дом Бузакиных пришло извещение. «Ваша дочь Бузакина Екатерина Яковлевна <...>, проявив героизм и мужество, была на фронте, заболела и умерла 6 января 1945 года. Похоронена в Красноненском районе Краковской области».

И ещё одно письмо хранится в семье – от Николая Романовича Николенко, сослуживца и друга Екатерины Бузакиной.

12.01.45 г.

«Здравствуйте, Эмилия Адамовна, Николай Яковлевич и Валя. Письмо это необычно. Этим письмом я извещаю Вас о постигшем нас горе: после непродолжительной тяжёлой болезни в ночь с 3 на 4 января скончалась уважаемая и любимая Катюша Бузакина.

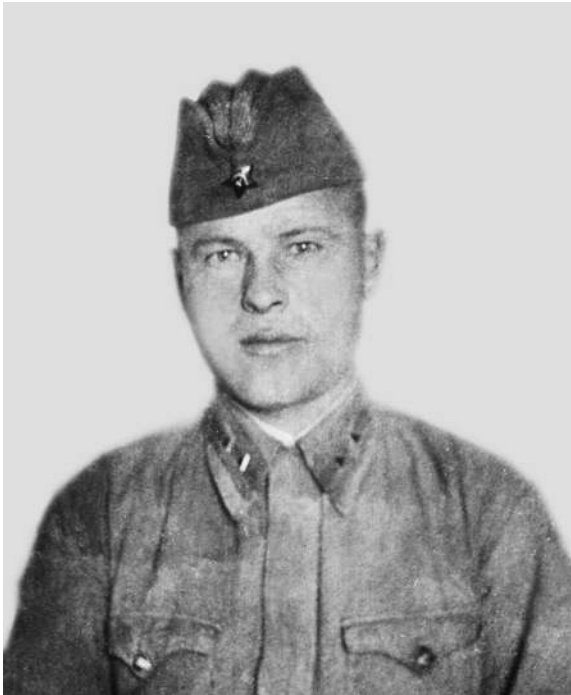
<...> Я не смог сразу же написать Вам – для меня лично это был гром среди ясного неба. Слишком много прошло времени, слишком много пережито! <...> Она всегда будет в нашей памяти».

Использован материал Алейского историко-краеведческого музея.

Привезли ужин. Художник К.Л. Глушко

Быструшкин Кирилл Иванович

Вспоминает Александра Кирилловна Ткачева, дочь Кирилла Ивановича: «Своего отца я не видела, и он меня тоже. Знаю его только лишь по фотографиям. Отца призвали на военную службу 15 июля 1941 года, а я родилась 29 октября 1941 года. Из своего детства я помню, что у мамы были маленькие письма треугольники от отца. О нем она рассказывала мало.

До войны отец работал заведующим РОНО, часто по делам службы был в командировках и разъездах по школам. Как рассказывала мама, накануне начала войны был на учебе в Бийске. Мама вспоминала, что 22

июня он проводил митинг в деревне и успокаивал всех, говорил, что война будет три - четыре месяца, и все вернутся домой».

В семье сохранилось единственное письмо - записка для дочери, написанное Кириллом Ивановичем на своей фотографии.

«Родной Нюре на память. Мартушечка, тебе на память от твоего папы. Не забывай меня. Как дедка Иван приедет из Маерки, то покажи ему [письмо и фото. – Прим. ред.]. Твой папа Киря. 16 ноября 1941 г.».

Вспоминает Александра Кирилловна: «Погиб отец в ноябре 1941 года в Белоруссии. О том, что он захоронен в братской могиле возле деревни Шерстин Ветковского района, мы узнали только в 2005 году. Могила отца искали очень долго. Погиб очень хороший человек. Я его ни разу не видела, но он всегда жил и будет жить в нашей памяти».

Использован материал из семейного архива А.К. Ткачевой, г. Горняк.

Волвенкин Григорий Матвеевич

Григорий Матвеевич Волвенкин - уроженец села Огни Усть-Пристаньского района Алтайского края. До войны работал в колхозе, выполнял любую работу, возил зерно на санях в город Бийск в составе хлебного обоза. Очень любил лошадей, был с ними на ты, к любой сноровистой лошадке знал подход. И лошадки ему отвечали тем же. Сбрую делал своими руками. Всё аккуратно подгонит, красиво кожей и медяшками украсит – любо дорого на лошадку в такой сбруе взглянуть. В те времена подобных мастеров было один на округу, с уважением к такому умельцу относились. Его лошади всегда были ухоженными и красивыми, хвосты расчёсаны, грива аккуратно подстрижена. В праздники украшал сбрую лентами да цветами, любил быстро, с ветерком промчатся на лошади по деревне. А ещё ребяташек в повозку посадит и своих и соседских и для их удовольствия прокатит по деревне. Семью не обижал, детей своих очень любил и заботился о них. Их у него шесть было. Пять дочек и старший сын Вася. Маленьких пестовал, с малолетства к труду крестьянскому приучал, уважение к старшим воспитывал.

Когда началась война, Григорию Матвеевичу уже было 39 лет. Не смотря на его возраст, его снова призвали в армию. И там Волвенкин был при лошадях. Ульяна Семёновна, супруга Григория осталась с дочками, а сына Васю вскоре после отца тоже в армию забрали.

Ульяна Семёновна, как и все женщины в те годы, с избыткомхватила военного лиха. Вместе со всеми работала от зари до зари в колхозе: вязала снопы, скирдовала, молотила и веяла.

А там косьба, ребята в поле,
Хлеб нужен фронту и бойцам,
А сами жили на картошке
Да на пустых крапивных щах.

Дети Ульяны Семёновны и Григория Матвеевича, как могли, помогали матери. Летом занимались огородом, мамиными юбками ловили рыбу на речке. Весной, как сойдёт снег с полей, собирали мёрзлую картошку, толкли её и из полученного картофельного теста пекли оладьи. На горах собирали дикий лук-слизун, сочные репки, молодой щавель, крапиву. Всё шло в дело. Летом собирали лесную ягоду, черёмуху, смородину, малину. Из высушенной черёмухи муку черёмуховую делали, потом в пироги вкусная такая добавка шла, а смородину и малину на лопухах блинами засушивали, а зимой из таких лепёшек кисель варили. Старались выжить в то тяжёлое время.

Жена и дети ждали вестей от отца и брата, надеялись увидеть их живыми и здоровыми. Судьба иначе распорядилась. Не дождалась Ульяна Семёновна с войны своего мужа Григория, в 1944 году пришла похоронка. А позже

принесли похоронку и на сына Васю. В семье сохранилось лишь одно письмо от Григория Матвеевича.

27.09.43 г.

«Здравствуй, дорогая моя семья и вы, милая моя жёнушка Ульяна Семёновна. С большим приветом к вам ваш муж Волвенкин Г.М. <...> Я пока жив и здоров, живу ничего, только тем плохо, очень скучаю по вас. Уля, я получил от вас письмо очень нерадостное. <...> Узнал, что Васю ранило, очень я плакал. Уля, это ничего, что ранило, полежит пока месяца три. Не горюй шибко, это ничего, со мной тоже случалось, это когда я писал вам, что подо мной ранило коня. Также осколок залетел в бок, тоже делали операцию, только я вам об этом ничего не писал. <...>

Не горюй, от своей судьбы никуда не уйдёшь, что Бог делает – всё к лучшему. Уля, я прошу тебя, как свою милую жену, не горюй, не плачь и не убивайся шибко, это к хорошему не приведёт, всё же надо скреплять своё сердце.

Уля, я пока живу ничего, но очень мне скучно, потому что от вас я очень и очень редко письма получаю. <...> Подумай сама, ведь лето прошло, а я не знаю, что дома вы делали в августе. <...> Из письма, писанного 5 августа, я узнал, что у вас засуха. Думаю, ну теперь пропала моя милая семья. <...>

Пишите, как живёте, как кормитесь и как с обущей и одеждой и сколько трудодней, и сколько получили. Уля, всё же я прошу, чтобы вы так не плакали и не убивались. Обо мне не горюй, жив буду – приеду. А если убьют, то тогда поминай. <...> Пока прощайте, посылаю я всем детям по привету и тебе, Уля. Ваш муж Волвенкин».

Использован материал из семейного архива Р.Н. Нечунаевой.

Почтовая карточка

Ваксман Мирра Лазаревна

*От деревень остались торчащие печные
трубы и колодцы...*

30 ноября 1918 года в Барнауле в семье доктора Ваксмана родилась девочка. Назвали её Мирра. Этой девочке суждено было стать продолжателем династии врачей. Мама Мирры – Александра Ефимовна – окончила акушерско-фельдшерскую школу, отец – Ваксман Лазарь Вильгельмович в 1914 году окончил медицинский факультет Томского университета. Был участником Первой мировой войны. В одном из боёв под доктором Ваксманом была убита лошадь, доктор чудом остался жив, но всю жизнь страдал от сильных болей в спине.

В 1917 году Лазарь Вильгельмович, как главный врач привез в Барнаул госпиталь с ранеными. Госпиталь был развернут в сохранившемся до наших дней комплексе зданий из красного кирпича на улице Партизанской, между Ленинским и Комсомольским проспектами. Горожане называли эти здания: «красные казармы».

Мирра Лазаревна вспоминала: «Моё детство было очень хорошим, радостным и светлым! Мы жили при бабушке и маме, – рассказывает Мирра Лазаревна, – я получила всестороннее образование, какое только можно было получить в то время. С раннего детства я знала, что буду врачом. В 5 лет мне подарили книжку «Путешествие капельки крови». Это сказочное путешествие настолько меня заинтриговало, что выбор другой профессии, кроме врача, в дальнейшем мною даже не рассматривался. Я с раннего детства «лечила» всех: няню, бабушку, маму, моими пациентами были все дворовые кошки и собаки.

Хочу упомянуть добрым словом школу № 1, в которой я училась. Моим соседом по парте был Марк Иосифович Юдалевич. Преподавали нам в то время, помимо других предметов, – генетику, и так преподавали, что потом в медицинском вузе мне легко было изучать этот предмет, и всё было понятно! Такие у нас сильные были педагоги.

В 1936 году, окончив школу, я отправилась в Москву поступать в медицинский институт. Папа меня уговаривал не ездить в Москву, настаивал на Новосибирске либо Томске. Но я была упрямой и верила в то, что выдержу экзамен достойно. Я поступила в институт, несмотря на то, что конкурс был девять человек на место. Я никогда не уезжала далеко от родного дома, и Москва произвела на меня огромное впечатление. Медицинский институт был просто

роскошным! Красивые лестницы, аудитории с высоченными потолками, и везде царил чистота.

Мне нравилось в Москве всё! Жила я в общежитии и дружила с сокурсниками. Все получали стипендию, но средств студентам, как правило, не хватало, но деньги на билеты в театр молодежь находила, жертвовали обедами. Завидовали парням из группы, они жили в общежитии, которое располагалось напротив Большого театра. Наши мальчишки зимой приходили в театр без пальто и шапок, когда спектакль только-только начинался, и говорили контролёру, что выходили покурить, а билеты у девушек! Их всегда пропускали.

Последний экзамен мы сдавали 22 июня 1941 года... Вспоминается Москва первых дней войны. Полная неразбериха, во дворах домов возле мусорок выстроенные в ряд бюстики Ленина и в воздухе летающий пепел от сожжённых бумаг. Вовсю шла эвакуация.

Потом все просились на фронт добровольцами. Нас не взяли, сказали: «Достаточно врачей с опытом». Меня распределили на Восток, в Новосибирск. Из Новосибирска вскоре перевели в Барнаул, я снова была дома. В то время я сильно заболела, врачи поставили диагноз «туберкулёз», сказалось переутомление: учеба, экзамены. Я была очень худенькая, слабая, температурила.

Вскоре меня повесткой вызвали в военкомат, я шла туда и думала: «Вот покажу справку, что я больна и меня оставят в Барнауле, не будут отправлять на фронт». Но в военкомате все врачи передо мной показали военному справки о болезнях. И когда дошла очередь до меня, военком сказал: «Вот, наконец, молодая девочка, уж вы то как раз здоровы!». Я не решилась показать справки и рентген, и взяла мобилизационное предписание в воинскую часть. На мое счастье, меня направили врачом в Барнаульское военно-пехотное училище, питание по тем временам было приличное. Полгода я следила за здоровьем солдат и сама тоже поправилась.

После окончания полугодовых курсов слушателей училища я должна была сопровождать выпуск курсантов на фронт. Первую поездку запомнила до мелочей. Ехали в теплушке. Впереди нас шел поезд с курсантами Рубцовского военно-пехотного училища. Их поезд и железнодорожные пути разбомбили. Мы доехали до места бомбежки, а дальше пришлось идти 120 километров пешком по заснеженным полям через полностью сожженные деревни. От деревень остались торчащие печные трубы и колодцы.

Согласно приказа офицерам-преподавателям и врачу полагалось к заданному сроку вернуться обратно в училище – к вновь набранным курсантам. После выпуска вновь ехали на фронт. Дорога занимала месяц, месяц обратная дорога – и новые курсанты. Служба в армии продолжалась до февраля 1945 года».

После войны Мирра Лазаревна 30 лет работала главным врачом поликлиники на заводе ВРЗ. А затем до 75 лет заведовала кабинетом функциональной диагностики.

Головатюк Николай Павлович

*Анастасия и Николай
Головатюк*

«Папка, папка, смотри какой жуук!»

Николай Павлович и Анастасия Федоровна познакомились в Новосибирске, когда учились в институте. Дружили четыре года и осенью 1941 года расписались. Когда началась война, из Подмоскovie в город Ойрот-Тура (Горно-Алтайск) эвакуировали институт имени Мичурина. Николай и Анастасия перевелись в Мичуринский институт и переехали жить к её родителям в Кызыл-Озек.

Николай работал в Кызыл-Озек в подсобном хозяйстве института в должности агронома. В феврале 1942 года у них родился сын Лёва, а 9 апреля Николаю принесли Анастасия Федоровна вспоминает: «Провожали Мой отец к тому времени уже воевал. Помню, как Николай долго держал на руках Левушку, спящего на пуховой подушке. Потом передал подушку с сыночком моей маме со словами: «Мама, прошу вас, берегите моего сына, воспитывайте его. Вернусь – в долгу не останусь». Левушке тогда было полтора месяца.

Потом всех призывников посадили на подводы и повезли в Ойрот-Туру. И я с ним поехала. На перевале сошла. Долго-долго я махала ему рукой, пока видно было подводы. А он мне отвечал».

Николай Павлович целый месяц был в Бийске. Дивизия, в которую его зачислили, была там на формировании. Настя не смогла приехать навестить мужа перед отправкой на фронт. В мае лейтенант Первого батальона стрелковой дивизии Николай Головатюк вместе с другими солдатами отправился на Запад. С дороги писал письма.

13.04.42 г.

«Здравствуйте, мои дорогие Тюсик, Левик и мама. Нахожусь в Бийске. Часть наших ойротских уехали в Омск. <...> Четвертый день нахожусь на карантине – сегодня пойдем в баню и получим обмундирование. Обо мне, мои дорогие, не беспокойтесь. Себя ничем не обижайте, хорошо смотрите за сыночком. Тюсик, если ты работаешь, то смотри хорошенько за собой, ничем не обижай себя. О вас, мои дорогие, очень соскучился. <...> Наверное, через 10–15 дней уедем на фронт. <...>»

Апрель 1942 г.

«<...> Ну вот и стал я почти военным человеком, выдали обмундирование, за исключением обуви. <...> Получили каски, сумки всевозможные, выдали всем железные медальоны для записок с фамилией. <...> Дорогие мои, я о вас очень скучаю, почему-то я вас ежедневно вижу во сне. Сегодня, хотя и спал час, видел Левику. Он уже большой, и когда увидел меня, начал кричать: «Папка, папка, смотри какой жук!». Утром, как только вспомнил этот сон, мне так тяжело стало, что я невольно заплакал. Тюсик, мой дорогой, не тужи обо мне. Я счастлив, я вернусь к вам, мои дорогие. <...> Береги себя и моего любимого сыночка, пусть он растет сильный и здоровый. <...>»

23.04.42 г.

«<...> Милые мои, скучаю о вас. Как мне хочется посмотреть сыночка. О вас, мои дорогие, я думаю день и ночь. <...> Живу я неплохо, назначен стариной. <...> Получил лейтенантское обмундирование. <...>»

28.04.42 г.

«<...> Сижу на вокзале на погрузочной площадке, ждем эшелона. Пишу на лопатке, и поэтому плохо выходит. Плохо выходит еще потому, что я очень нервничаю. Душа моя, все мысли мои там, у вас, вместе с вами, мои дорогие. Сегодня очень многолюдно, много пришло людей нас проводить, а вас я не вижу, сына не вижу. Тюсик, я уезжаю, ты остаешься не одна! Ты остаешься со мной. Пока пусть наш сын будет моим портретом. Когда согласишься на сына – согласишься меня. Тюсик, не тужи, я уезжаю на поле брани. Тебе будет тяжело одной выживать, терпите, мои дорогие. Я, может быть, вернусь. <...> Мамочка, до свидания. Я уехал. У меня большая к вам просьба – вырастить и воспитать до моего приезда моего любимого сыночка. Я приеду и отблагодарю вас во сто крат. Ну, еще раз до свидания, уже подходит «вороной». Крепко вас целую. Ваш сын, муж и отец Коля».

01.05.42 г.

«<...> Поздравляю вас с днем Первого мая. <...> Нахожусь в Кургане. <...> Успешно продвигаемся вперед. Каждый наш шаг вперед приближает к смерти грабителей фашистов. <...>»

Май 1942 г.

«<...> Завтра будем в Омске. Ехать холодно, сейчас идет снег. Еще не известно, на какое направление пойдет наша дивизия. Все. Ждите с победой. Назначен политруком первого батальона. Крепко целую всех. Мои дорогие».

04.05.42 г.

«<...> Скоро Казань. Нашу дивизию будет встречать т. Ворошилов. Наверное, поедет на Ленинградский фронт. <...> Тюсик, как растет сын? Поцелуй его за меня и скажи ему, что я о нем очень скучаю. <...> Ваш Коля».

07.05.42 г.

«<...> С каждым часом сокращается расстояние между нами и линией фронта. <...> Эх, Тюсик, как мне охота домой, хотя бы на несколько часов, посмотреть тебя и Левушку. <...>»

15.05.42 г.

«<...> Сейчас мы остановились в Горьковской области в деревне. Нас поставили на квартиры к рабочим и колхозникам. В каждой квартире находится от 5 до 14 человек. Население живет хорошо и чисто. <...> Нас на квартире двое – я и один командир. Хозяева хорошие, квартира хорошая, есть тараканы, но я их не боюсь, а мой приятель боится. У хозяев сынишка трех месяцев, при первом взгляде у меня сердце заболело, и глаза пустили слезу. Я сейчас еще больше скучаю, увидел домашний уют, в котором мы так долго собирались жить, а прожили очень мало. <...> Ну, ничего, мы еще встретимся, и снова будем вдвоем строить свою счастливую жизнь. <...>»

18.05.42 г.

«<...> Левик, поздравляю тебя с днем рождения. Желаю здоровья и сил. Тебя, Тюсик, тоже поздравляю с трехмесячной жизнью нашего сына. Тюсик, расти сына так, чтобы он был здоров, а я буду защищать вашу честь. Буду драться до последней капли крови и дыхания. Тюсик, я был очень рад, когда увидел и прочел в газетах, что Алтайский край справился со своей задачей в весенней посевной. Ваша доля в этом общем успехе алтайцев тоже есть, за что я очень рад. <...>»

20.05.42 г.

«<...> Вы ждите меня. Мы расправимся с гитлеровцами и приедем. Тюсик, пиши скорее, нет у меня сил больше ждать письма. <...>»

26.05.42 г.

«<...> Только что получил ваше письмо, за которое беспрдельно благодарю. Тюсик, твое письмо я перечитывал несколько раз, трудно представить, не видя меня, мою радость. Долго я ждал весточку от вас, дождался, легче стало на душе. <...> Я очень рад вашей спокойной жизни, рад за тебя, за работу твою. Эх, о сыне не говори, как охота посмотреть, хотя бы одним оком на него, на моего любимого. Ты вышли фото с него, я посмотрю. Живите счастливо, спокойно, а мы пойдем туда, где гром гремит, туда, где идет защита нашего Отечества, где идут бои за свободу, за честь и независимость нашу. Живы будем, приедем все домой к вам, в родное уютное счастливое гнездо. <...>»

А эта телеграмма была последней весточкой от Николая.

06.06.42 г.

«Нахожусь в Воронеже. Жив и здоров. <...>»

Когда собирался материал для книги, Анастасии Федоровне было почти 90 лет. Бодрая, аккуратно причёсанная, при встрече она сразу начала читать стихи, которые посвятила своему мужу. Время много прошло, а боль утраты не отпускала. Время от времени она перечитывала письма своего мужа, перечитывала стихи, написанные в память о нем.

*Он был сын Украины,
А я с Алтайских гор.
Так ясно вспоминается
Все в мыслях до сих пор.*

*Сошлись мы в институте,
Новосибирском СХИ.
Окончили «Мичуринский»
В Горно-Алтайске мы.*

*Мы всюду были вместе,
За партой и в кино.
Война нас разлучила,
Вернуть не суждено.*

*Он призван был в апреле,
С дороги письма слал.
А прибыли в Воронеж,
Уж больше не писал.*

*В то время под Воронежем
Шли страшные бои.
Попали в окружение,
А выйти не смогли.*

*А я с малюткой-сыном
Как будто вместе шла.
И путь его на карту
По письмам нанесла.*

*Шесть лет запросы, поиски
Не дали ничего.
Пропал, говорят, без вести,
Как не было его.*

*Подруга из Воронежа
Землицы прислала.
Где защищал он Родину,*

Остался навсегда.

*Я эту землю бережно
В саду буду хранить.
Там, где орех маньчжурский,
Как памятник, стоит.*

*Послала в Книгу памяти
Все данные его.
В число павших за Родину
Вписали и его.*

*А там, в Кызыл-Озеке,
Поставлен обелиск.
Всем, кто был призван вместе,
В сражении погиб.*

*То место вечной скорби
Сын дважды посетил
И в память о погибших
Букеты цветов положил.*

Использован материал из семейного архива А.Ф. Лопатиной, г. Барнаул

«Выходила на берег Катюша...». Художник К.Л. Глушко

Горковец Елизавета Ивановна

А пожить ещё хочется...

Интервью с Елизаветой Ивановной было записано в 2009 году, в канун 105-летнего юбилея Елизаветы Ивановны. Прожила она долгую жизнь, при встрече на просьбу рассказать о том времени, когда вам и вашей семье хорошо жилось, она со слезами на глазах ответила: «Когда молодыми были и сейчас жизнь очень хорошая, всё есть и покушать и одеть. Жаль, что годы уходят безвозвратно. А пожить ещё хочется».

А лиха хватила эта хрупкая женщина сполна. Родилась она и выросла в многодетной семье, где все умели трудиться и работали не покладая рук. Семья её родителей считалась зажиточной в ту пору. Большим семейным обозом в конце XIX века, приехали они на Алтай. Знали от бывалых людей, что земли здесь богатые, хлеборобные, простору много, работай и благосостояние будет.

Везли в обозах с Украины, помимо домашнего скарба, саженцы вишни, крыжовника, тёрна, черёмухи и вербы. Не знали, что почти всё это на Алтае есть. Выбрали место для поселения, чтобы вода была и земля хорошая, жирная. Рядом русские, а потом немцы поселились. С соседями всегда дружно жили. Это место сейчас село Сугатовка Шемонахинского района (в настоящее время территория Республики Казахстан – ком. ред.). Вначале жили в землянках, а потом уже и дома отстроили. В Сугатовке Елизавета Ивановна и появилась на свет.

В 1924 году замуж вышла. Елизавета Ивановна вспоминала это далёкое время и молодого мужа Никиту Ивановича с улыбкой. «Молода была! Мужа любила очень, и он меня любил, не обижал, уважал. Хозяйство у нас хорошее было. Но недолго мы радовались счастью. Грянула Гражданская война. Жили в постоянном страхе, белые придут – мужиков забирают, красные придут – опять беда. Не знали, кому поклоняться. Помню, как белые нагайками до полусмерти забили соседку, требовали, чтобы она сказала, где её сын. Так и не выдала она сына своего. И у нас тогда весь хлеб забрали, одно счастье, что земли было много, только благодаря земле и выживали. Потом колхозы стали организовывать. Муж мой грамотный был, книжки разные читал, всё про Ленина говорил, верил в него. Поверил и в колхоз, коров, овец, курей, сеялку, лошадей всё сдал. А потом как начался мор скота в колхозе, нам почти всё обратно отдали.

В 1941 году война с немцем началась. Муж Никита, когда на фронт уходил только и просил меня – учи детей, береги, трудно будет, но ты

старайся, выучи, чтобы они грамотными были. Ушёл на фронт, а я с семерыми на руках осталась».

Рассказывает дочь Елизаветы Ивановны Александра Никитична. «Старшая сестра рассказывала, как они с мамой за 18 километров пешком на железнодорожный разъезд ходили папу на войну провожать. Мама целое ведро картошки сварила и огурцов малосольных солдатам в дорогу приготовила. Отец старался волнение скрыть, а мама плакала.

А потом всё на женские и детские плечи свалилось. Работали мы в то время очень много, и учиться хотелось, при лучинке уроки делали, бедно жили, но учебники у нас были. По вечерам, помимо уроков, шерсть теребили, пряли, а потом варежки и носки для фронта вязали. В то время всем детям такие задания давали. Мама постоянно на работе в колхозе была. Утром чуть свет меня разбудит, скажет: «Нищие придут милостыню просить ты не давай сырой картошки, мороз на улице лютый, замёрзнет картошка. Дай картошку из чугунка, варёную».

Всегда мама подавала нищим. Наша семья не голодала в войну. Огород большой был, много картошки садили, свёклы, капусты, моркови. На корове пахали, мама жалела корову, гладила её, только ласковыми словами с ней разговаривала. А по-другому и нельзя было – корова, кормилица наша, без неё пропали бы. А ещё мама из тыквы и сахарной свёклы умудрялась мёд варить. Получалась густая сладкая масса. Намажет нам драник картофельный «мёдом» – вкусно! Хлеба только не было и одеты были, как попало. Помню чулки шерстяные колючие, выше колен верёвочкой завязанные, чтобы не свалились и платья, что за старшими донашивали, штопанные перештопанные.

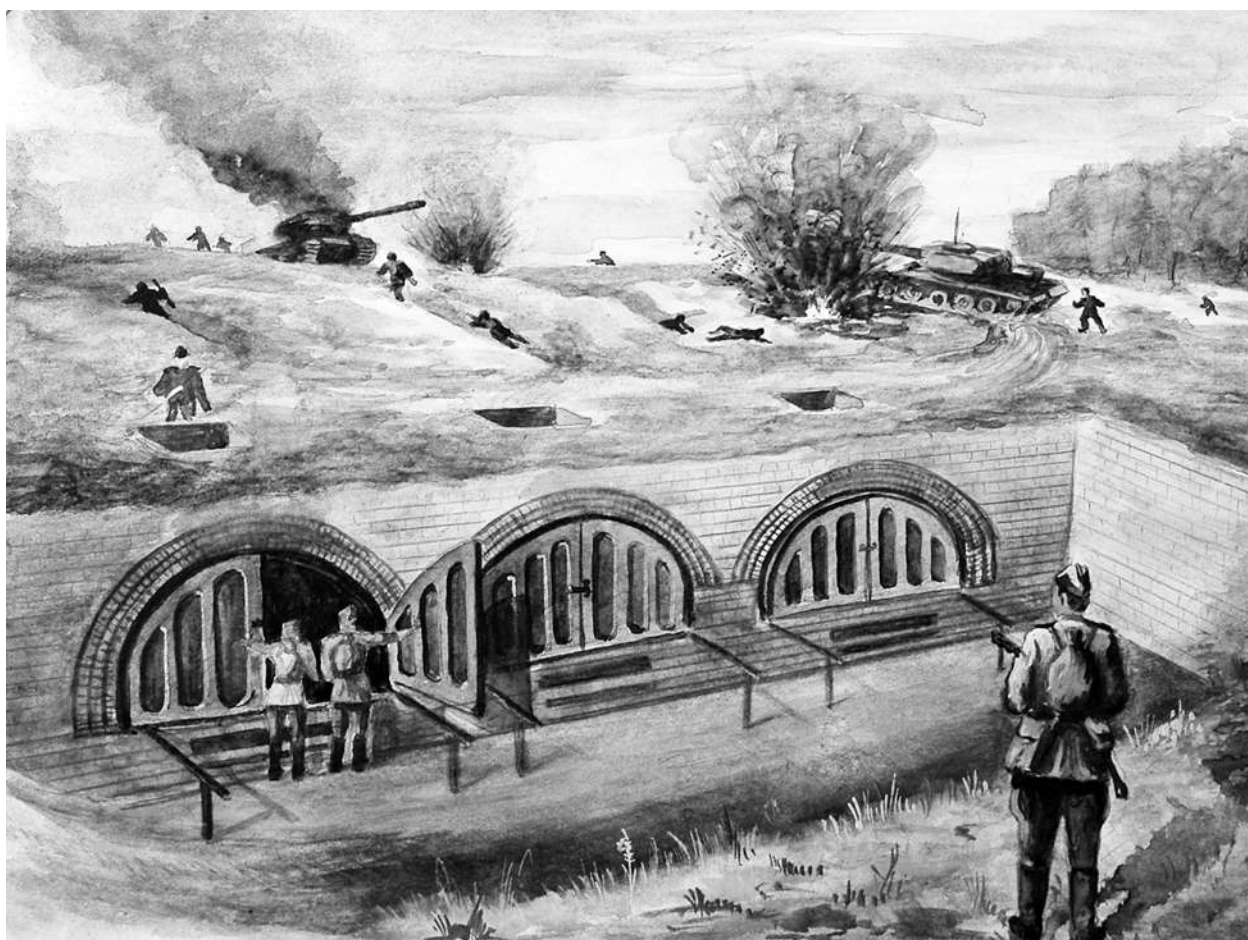
А хлебом так разживались: тайком на полях колоски собирали. Не дай бог увидит кто, тюрьма. Так мы по темноте с мёрзлой земли колоски собирали, потом мама, так же тайком, ночью на мельницу зерно носила, чтобы муки намолоть, получалось несколько горсточек муки, но и этому рады были. Находились добрые люди, помогали. А ещё семечки собирали, так же как колоски, что после косьбы оставались. Соберём упавшие подсолнухи, дома семечки набьём, просушим, а потом мама на маслобойню в деревню семечки носила.

Все трудно тогда жили, но мама всегда старалась помочь голодающим. К нам ребяташки любили приходить в неделю святок, колядовали. Знали, что тётушка Лиза хорошо подаст – большой картофельный драник и кусок сала сверху всегда у мамы был наготове. Но, несмотря на все усилия мамы, к 1947 году из нашей многодетной семьи осталось в живых лишь четверо детей, трое умерли от болезней, косил в то время тиф».

Осенью 1942 года перестали от мужа приходить письма. А в конце 1946 года принесли документ - «Горковец Никита Иванович пропал без вести». Но Елизавета Ивановна не теряла надежды, всё ждала мужа. Как могла, поднимала детей, помня завещание мужа, всем детям образование дала, жила только ради детей, замуж второй раз она так и не вышла.

Жить к детям в Барнаул переехала в 1971 году. Дочери, 8 внуков и 16 правнуков относились к ней с большим уважением и почитанием. А ещё она для своих родных и близких как живая энциклопедия была, помнила всё, что было раньше и рассказывала.

Использованы воспоминания Горковец Е.И. и её дочери А.Н. Горковец, г. Барнаул

Печи крематория. Художник К.Л. Глушко

Дневник из Бухенвальда

В этой самодельной книжечке - стихи неизвестного автора, написанные в концлагере Бухенвальд. Рукописный подлинник на 18 листах, исписан фиолетовыми и зелёными чернилами. Есть простенькие рисунки и следы от вырванных листов. Нижние края книжечки оборваны. На первом листе есть имена и фамилии: Муся, Доев, Крауда и другие. На обороте последнего листа решение математических примеров, есть дата - 21 октября.

Первое стихотворение «Гремит война». Некоторые стихотворения опубликованы в альманахе «Алтай» № 2 за 1975 год.

Дневник передан в Литературно-краеведческий музей гимназии № 27 г. Барнаула писателем И.П. Кудиновым.

Раздумье

Сегодня праздник мой, сегодня именины,
А я сижу в темнице одинок,
Гляжу в окно: вокруг простой чужбины,
Цветёт весна и дует ветерок,
И лес вдали в тумане утопает,
Блестит река, синеют небеса, -
Всё пышно так под солнцем расцветает
И мне родимый край напоминает
И взор мутит мне горькая слеза.

Пустой мой сток – не пенится вино,
Друзей не жду, обитель, как могила,
И в сердце мысль печальная застыла, -
Невольник я, мне счастье не дано.
Я вяну здесь за каменной стеною,
За сей решёткою высокого окна,
И где-то далеко за далью голубой
Пройдёт моя двадцатая весна.

О сыне мать не ведает, не знает,
Погиб ли он, вернётся ли домой?..
А сын в подвалах, в тюрьмах пропадает
Далёк от Родины, голодный и больной.

Прости ему, старушка дорогая,
Он рано вплавь пустился на челне
И им не опытно, несмело управляя,
Он опрокинулся на жизненной волне.
Теперь он глубоко от солнца, от свободы,
Хоть всей душой стремится на восток,

Где льётся кровь великого народа
Полями Родины, как бешенный поток;
Где рёв мотора небо оглушает,
Пылает зарево, свинцовый дождь поёт,
Где чёрный аммонал пути, моты взрывает
И дым столбом под облака встаёт.

На чужбине

Где-то звонко над степью цветущей
Снова птицы поют о весне, -
Я сижу за оградой колючей
И не знает никто обо мне.

Далеко от любимого края
Среди горя, убийства и мук.
Каждый день я тебя вспоминаю,
Сад душистый, и речку, и луг.

Наши первые юные встречи
В сонных чащах весной при луне,
Твои шалью накрытые плечи, -
Только ночью я вижу во сне.

Ты теперь не придёшь, не расскажешь,
Что поёт соловей над рекой,-
Ты, я знаю, меня ожидаешь,
Что вернусь я с победой домой.

Но не жди, не приду, дорогая, -
В этой жизни затерян мой путь,
Днём и ночью меня полицаи
За оградой стальной берегут.

Сердцу больно от грёз, от печали,
Дует, веет весной ветерок,
С ним на крыльях за синие дали.
Мчатся думы мои на восток.

Как мне вырваться с мрачной неволи,
Как мне цепь на руках разорвать,
Почерпнуть сил на жизненном поле
И в борьбе снова путь продолжать?

Прости нам, Родина!

Стихотворение прочитано в шестом блоке перед аудиторией заключённых
вечером 7 ноября 1944 года.

Друзья мои, я всех вас поздравляю
С днём торжества на Родине моей
И в этот день от сердца всем желаю
Всем пережить остатки чёрных дней!

Сегодня там, - на пламенном Востоке
Ликует Родина, горит над ней заря,
Там демонстрации по улицам широким
Цветут плакатами и солнцем Октября!

Прими от нас, Отчизна дорогая,
От нас, невольников, стремленья и любовь, -
Своим стахановцам привет мы посылаем,
И всем ударникам, рабочих у станков.
Без сна - и рук не покладая
Они дают оружие бойцам,
И каждый день, свои ряды смыкая,
Взмывают флаг Победы к небесам!

Привет колхозникам, весёлым трактористам
Они давно в полях убрали хлеб,
Привет учителям, студентам и артистам
Отцам и матерям наш пламенный привет.

Привет вам, девушки, вам, дочери народа
Отчизны гордость и краса.
Вы преданы стране в дни бурь и непогоды
Вы не теряетесь, когда шумит гроза!
Одни из вас сдружились с полями,
Другие с фабрикой, с машиной с молотком
Иные весело ушли на фронт с бойцами
За дело Партии, за битву с палачом.

Привет и вам, друзья красноармейцы,
Танкистам, лётчикам наш дружеский привет!
Весь мир увидел, как на жадность немцев
Жестокий дали вы ответ!
Гордись, отчизна, мужеством и славой
Своих сынов и дочерей.

Имениннику

Ты сегодня много вспоминаешь
О туманном прошлом, о былом,
Но вина в бокал не наливаешь,
Одиноким сидя за столом.

Так, мой друг, проходят именины, -
Праздник твой без песен, без друзей,
Ты скучаешь, вянешь на чужбине,
Далеко от Родины своей.

В лагерях фашистских за оградой,
Где враги свободу нам сожгли,
Три весны в костюме полосатом
Безрадостно, холодно прошли.

Впереди трудностей немало,
Кровью облилось в груди...
Сколько горя позади осталось
Что ожидает ещё нас впереди?..

Но, друг милый, оба мы славяне, -
В наших жилах пламенная кровь,
Сквозь решётки вражеских тираний
Пронесём к народу мы любовь.

И сегодня я тебе желаю,
В день твоих бесшумных именин,
Чтоб дорогой жизненной шагая,
Встретил ты свободу на пути!

Чтоб вернулся к девушке любимой,
Что тебя уверенно ждала,
И в стране свободной и родимой
Для тебя все чувства сберегла!

Использован материал Литературно-краеведческого музея гимназии № 27, г. Барнаул.

Дрыгин Дмитрий Алексеевич

На моих плечах три гимнастёрки за войну сопрело...

Дмитрий Алексеевич в 80-х годах прошлого столетия обосновался на Алтае. Родился и жил в Угличском районе Ярославской области. Впервые с сибиряками свела его война.

Дмитрий Алексеевич рассказывал: «Известие о начале войны я узнал на колхозном собрании. Сообщение колхозники встретили в смятении, душевная боль охватила каждого, услышавшего эту страшную весть. Началась мобилизация военнообязанных и запись добровольцев на фронт. Вскоре в деревне остались престарелые и больные мужчины, женщины и дети.

Я добровольцем в армию не прошёл, 1925 года рождения в начале войны пока не призывали. Направили меня от колхоза на лесозаготовки. Работал с такими же подростками, как и я. Рабочий день от восхода солнца и до тех пор, пока стемнеет. На день выдавали скудный паёк, ночевали в ближайшей от леса деревне. За два месяца тяжёлой работы, сильно истощал, и меня с напарником вернули домой. В сентябре 1941 года фронт приблизился к нашей деревне на 180 километров. Через деревню потянулись пешие колонны солдат, идущих на фронт, а с запада шли эвакуированные, несли на себе и везли на ручных тележках домашний скарб, вели коров.

В конце сентября 1941 года в нашу деревню прибыло подразделение мобилизованных солдат для строительства оборонительной линии в окрестностях нашей деревни. В нашем с матерью небольшом доме разместили сибиряков-строителей. Делали они из брёвен и досок заготовки, необходимые для строительства переправ, да и много чего на войне нужно было. Вот тогда я узнал, кто такие сибиряки и как они умеют работать. Для еды у них был паёк, в который входило: 3,5 сухаря (1 сухарь – высушенный ломоть чёрного хлеба, отрезанный вкруговую буханки), 3 кусочка пилёного сахара, горсть гороха, 1 селёдка на 3 человека.

Работа у них была тяжёлая, всё, что было в припасах у матери, быстро съели. В ход пошли вещи, которые обменивали на продукты, мама специально ходила по соседним деревням. Строители работали полуголодные, и мы голодали тоже. Что бы как-то прокормиться, строители выделяли из бригады людей на поиски пропитания. Собрали всю свою зарплату на покупку домашнего скота на мясо. Не всем удавалось приобрести качественные продукты, зачастую наблюдали такую картину – в поле лежит мёртвая лошадь, через некоторое время одной ноги нет, потом ещё одной, а потом и вся исчезла. Мама тоже такую конину варила, пена через край лилась чугунок. Мама не

могла есть такое варево, а мы ели. Так приходилось поддерживать силы для работы и жизни.

Бани своей у нас не было, да и дров не хватало, иногда напрашивались в баню к соседям. Тогда первый раз увидел и прочувствовал на себе, как парятся по-настоящему. Сибиряки народ крепкий, на каменку поддавали не один раз, я на четвереньках из бани выползал, а им ничего!»

Алексей Дмитриевич в ту пору возил зерно на мельницу, участвовал в строительстве оборонительной линии и ему, как и другим мальчишкам хотелось на фронт, воевать, бить фашистов. Наконец на радость молодому солдату и на огорчение матери в конце 1942 года его призвали на защиту Родины. Алексею Дмитриевичу шёл тогда восемнадцатый год.

Дмитрий Алексеевич рассказывал: «Мечтал стать лётчиком, а зачислили в десантный корпус. Каждодневные многочасовые тренировки. Стрельба по мишеням, тренировка по метанию ножа, рукопашный бой, рация, прыжки с парашютом – это далеко не весь перечень наших занятий. У каждого десантника был свой нож. Однажды нож спас мне жизнь.

Предстояли тренировочные прыжки, десантники готовились, проверяли снаряжение, приводили в порядок оружие. Я долго и тщательно натачивал свой нож и, как потом выяснилось, не напрасно. Самолёт набрал нужную высоту, загорелась лампочка над входом и приказ «Подготовиться к прыжку». Друг за другом десантники ныряли в открытую дверь самолёта. Прыгнул и я, парашют раскрылся. И вдруг, моя нога запутывается в стропах парашюта моего приятеля. Нас начало крутить. С невероятным усилием, в воздухе при огромной скорости падения, сложиться пополам довольно трудно, я достал из-за голенища сапога свой нож и перерезал стропу. Нога освободилась и мы приземлились. Правда, оба очень сильно ударились о землю, но живы остались – спасибо ножу.

Не раз в составе групп десантировался на вражескую территорию, проводили разведку, иногда требовалось взять языка. Возвращаясь с задания, иногда приходилось пройти несколько десятков километров, по болотам, лесам, через линию фронта. За службу на моих плечах три гимнастёрки сопрело. Очень радовались, когда война окончилась. Плясали, обнимали друг друга, стреляли в воздух».

Демобилизовавшись из армии, Дмитрий Алексеевич пошёл работать на Угличский часовой завод, учился, вся его трудовая деятельность была связана с заводом. Вслед за своими детьми на Алтай перебрались и Дмитрий Алексеевич с женой. Несмотря на свой почтенный возраст он был частым гостем в школах города, встречался со школьниками, рассказывал о своей службе.

Использован материал личного архива Д.А. Дрыгина, г. Барнаул

Ерёмин Прокопий Степанович

*Пишите, как живете, а моя жизнь
сейчас минутная...*

Прокопий Степанович родился в далеко от Алтайских просторных полей. Перед самой революцией родители с детишками перебрались с Бесгородской области на Алтай в село Петухи Ребрихинского района. В этом селе проходило деревенское детство Прокопия, здесь он учился жил до 1935 года. Когда обзавёлся семьёй – решили перебраться в Барнаул. Детки родились, сынишка Алексей и младшая дочка Галина, в которой он души не чаял. Работал он на хлебозаводе № 1. Спокойная размеренная счастливая жизнь закончилась разом. Война.

Галина Прокопьевна вспоминает: «Помню из рассказов мамы и старшего брата, когда отца провожали на фронт. Наказывал давал маме: «Аннушка, вернись или не вернись, дай этим малышам, Алексею и Галине, образование, воспитай их так, чтобы они были достойными людьми, приносили пользу государству, чтобы помнили меня».

Отец нас очень любил. Все свое свободное время он проводил с семьёй, как будто чувствовал разлуку».

04.07.41 г.

*«Здравствуйте, многоуважаемая Нюрочка, Ленечка, Галочка. <...>
Сейчас не знаем, в какое место едем. Жаль мне вас, как подумаю про вас – не
знаю, куда бы делся. А вы горюйте обо мне меньше. <...>»*

19.07.41 г.

*«<...> Первым делом хочу сообщить, Нюрочка, в настоящее время
жив. Сейчас каждая минута дорога, прожил – хорошо. Нахожусь сейчас в
окопах, противник нас обстреливает. <...>»*

25.07.41 г.

*«<...> Шлю вам горячий привет. <...> С часу на час ожидаем
противника, самолеты бомбят. <...> Нюрочка, пиши мне ответ поскорее,
хоть бы от вас одно письмо дожидаться. Пишите, как живете, а моя жизнь
сейчас минутная. <...>»*

Прокопий Степанович участвовал в боях под Ельней. 23 августа 1941 года был тяжело ранен и 24 августа умер от ран.

Использован материал Музея боевой славы школы № 70, г. Барнаул.

Ильин Николай Меркурьевич

Житель Рубцовска, погиб в боях за Родину в последние дни войны.

08.03.45 г.

«<...> Многие реки я переходил. Но нет воды слаще, чем в родном Алее. Во многих прекрасных домах мне пришлось побывать, но уютней и теплей родной избы моих родителей не приходилось встречать. Многие женщины кормили и поили меня, воина-освободителя, но нигде лучшие мамы и ласковых сестер этого не делают. Сколько встречалось красивых девушек! Но нет красивей и милей наших рубцовчанок <...>»

Мама, я теперь воюю на вражеской земле. Это она породила Гитлера, который повел черную рать на нашу страну. <...>»

Использован материал Рубцовского краеведческого музея.

ДОРОГА ДОМОЙ

В.Ф. Хрипков

*Цветущим, радостным, зеленым
По склонам и долинам гор
Мелькает мимо обыденно
Весны ласкающий убор.*

*Стучат колеса под вагоном,
Гудит призывно паровоз,
Еще денек – я буду дома,
Там будет море радости и слез.*

*Уж год прошел, как нет войны,
Как смолкнул грохот пушек.
Скорей домой – мы там нужны,
Труду и счастьем с радостью послужим.*

Май, 1946 г.

Ильин Николай Петрович

*Жму вашу правую руку и ещё
целую несчётно раз...*

Семья Ильиных перед уходом Николая
на фронт

Вспоминает Юрий Николаевич Ильин:

«Моя малая родина - село Кашкарагаиха, в переводе с тюркского означает «темный бор». Находится село в 12 километрах от районного центра — Тальменки. Здесь в 1908 году, в живших по соседству семьях Ильиных и Кузнецовых, появились на свет мои родители: Ильин Николай Петрович и Кузнецова Анна Федоровна. В семье Ильина Петра Григорьевича, моего деда по отцу, было 11 детей, а в семье Кузнецовых - 8. В 1926 году мои родители обвенчались в местной церкви, которую когда-то строил мой прадед - Ильин Григорий Ильич.

Мама часто вспоминала, что в семье она по счету была четырнадцатой, рано лишилась родителей, была

малограмотной. Отец же окончил начальную школу. Во время коллективизации молодая семья жила уже отдельно, построили дом, завели хозяйство. Отец работал трактористом в колхозе, мать - на разных работах. В 1928 году в семье родился первенец - сын Иван, а в 1938 появился на свет я. Жили дружно, больших трудностей не испытывали. Отец был (по воспоминаниям родных) - «трудыга». В тридцатые годы семью деда (9 человек) раскулачивают и ссылают в Нарым. А бабушка отца, совсем слепая, осталась у нас.

1941-й. Война... Отец уходит на фронт. В память о тех проводах сохранилась семейная фотография: мать, тринадцатилетний Иван, мне три года, и я у отца на коленях. Смутно помню эти минуты прощания. Мама рассказывала, что отец меня сильно любил. Вернувшись с работы, он всегда садил меня к себе на шею, подносил к образам, висевшим в «красном» углу, и позволял их трогать. Но мое радужное детство было очень коротким.

Сразу после призыва отца направили на восток, а вскоре - на фронт. Трудно было в селе: мужчин нет - одни женщины. Тяжелый, непосильный груз лег на их плечи. Сегодня даже представить невозможно, как они могли вынести все тяготы проклятой войны, наши милые матери. Каждый вечер

перед сном я вставал на колени и просил Бога сохранить моего отца. Мы с нетерпением ждали «треугольничков» с фронта, радовались, получая их, надеялись на лучшее. Мама, отвечая ему, обводила мою руку карандашом, измеряла меня ниточкой, которую тоже вкладывала в конверт - пусть порадует, как вырос Юрик».

30.07.44.

«Письмо от вашего известного мужа Н.П. Добрый день или вечер, дорогая жена Анна Фёдоровна. Шлю я вам свой сердечный привет и низко кланяюсь. Теперь кланяюсь своим деткам Ване и Юрику и заочно целую. О себе сообщаю, я теперь жив и здоров, вышел из боя на отдых. Были в бою десять дней, принимали две атаки немцев, не щадя своей жизни. Своих товарищей всех потерял<...> Отдохну и пойду бить ещё пуце, гнать его дальше, чтобы он не поганил нашу землю. Он не оставляет ни одного села, всё сжигает. <...> Жму вашу правую руку и ещё целую несчётно раз. <...>»

4.10.44.

«<...> письмо получил, за которое был очень рад. Вы пишете, что Ивану купили сапоги и костюм, это всё ничего, хорошо. Но пишете, как вы обходитесь хлебом, и не прописали, что у вас почём стоит. <...> У меня пока всё, конечно, скучно.

Я получил в вашем письме нитку, мерку с Юрика. Большой стал. Теперь я, наверное, его не узнаю. Теперь посмотрел бы, как говорят, одним глазом на вас, но ничего не сделаешь. Наша задача, уничтожить гитлеризм, закончить войну, а потом увидеть родных и детей. Будет тогда праздник для всего мира. <...> Остаюсь жив и здоров, жму вашу правую руку. <...> Ильин».

Но Николай так и не увидел праздника «для всего мира». Жена и сыновья ждали его до самой победы и позже, но 7 сентября 1945 года получили похоронку. В ней сообщалось, что «<...> младший сержант Ильин Николай Петрович погиб 4 мая 1944 года в боях за деревню Усенки около города Белостынь на границе с Польшей. Сгорел в танке».

Вспоминает Юрий Николаевич Ильин, заслуженный учитель РСФСР, ветеран труда:

«Молиться с тех пор я перестал. А мама до последних дней своей жизни таила в себе надежду, что он жив, просто не имеет возможности дать о себе знать. Ведь это уже было в нашей жизни - мы не общались с репрессированными родственниками, боялись сделать хуже им и себе. С войны вернулись единицы. «Счастливики», - говорила мама. Она часто вспоминала, как однажды вместе с другими женщинами они везли на быках зерно на элеватор в Тальменку и около Долгого околка встретился им возвращавшийся с фронта её кум, Пётр Ефимович Бородин. Чувство радости и горечи было так велико, что до самой Тальменки мама плакала. Братья её тоже все остались там, на войне.

Сегодня я бы хотел сказать добрые слова всем женщинам, потерявшим своих родных в годы войны, вынесших всю тяжесть войны на своих плечах и

в своих сердцах. Это смогли сделать наши матери. Сейчас трудно представить, что испытали родные, дорогие нам люди. Работа в колхозе начиналась ежедневно с самого раннего утра. Уходя в поле, матери давали нам, ребятишкам шести, семи лет, задание с вечера, какую работу мы должны выполнить: прополоть 2-3 грядки лука, встретить буренку, натереть картофель на драники, хлеба попросту не было. Возвращались они поздно вечером. Труд колхозников не оплачивался, работали за трудодни. Если не выработал определенное количество дней - под суд, взял несколько колосков - в тюрьму. Невозможно представить те налоги, которыми обложили крестьянина-колхозника: яйца, шкуры, шерсть, молоко. Мы, ребятишки, поздно вечером носили за два километра на молоканку в бидончике с трудом добытые три литра молока.

Дома выращивали табак, сушили его, измельчали и отправляли на фронт. А как происходила подписка на государственный денежный заем! После тяжелого трудового дня, поздно ночью, женщин приглашали в сельский Совет, где уполномоченный из района вёл так называемую «беседу» по подписке. Держали до утра, принуждали подписаться на большую сумму. И это тех, кто денег вообще не видел, в руках не держал.

Мама занимала у сестры, живущей в Барнауле, и расплачивалась за заем. А осенью рассчитывались, продав лук. Тяжело доставалась копеечка. Нагрузив дома мешки, женщины везли их на коровах до станции Озёрки, 20 километров, там грузились на дачный поезд и везли до Барнаула. Ночевали у знакомых, а утром шли на рынок. Не всегда удачной была продажа. Случалось, что обкрадывали наших горе-продавцов.

Много сил отнимала заготовка дров - зимой, по холоду, по пояс в снегу ручной пилой валили лесинки, везли их на санях, заносили в дом, чтобы просушить. Инвалид Иван приходил точить пилы. Его ждали как Бога, за его работу расплачивались продуктами, стеклом или фитилем для керосиновой лампы.

Помню празднование 7 ноября. Накануне праздника варили бражку из свекольного сока. Все женщины собирались в конторе, ставили столы, пекли булочки. Где они брали муку - не знаю, но мы в тот день были как никогда счастливы - ели самый настоящий хлеб! Матери веселились: пели хорошие душевные песни и ... плакали.

Трудная, сложная жизнь того времени. Но детство и юность я вспоминаю с особым чувством. Дети и взрослые были объединены единой целью - как выжить, сохранить себя, свою семью. И это удалось. Не было зависти, все были дружны, доверчивы и доброжелательны, помогали друг другу. Чувствовалось единение. И сегодня хотел бы обратиться к своим детям и внукам: помните и храните добрую память о родных и близких. Берегите жизнь, она не повторяется, будьте добры и внимательны друг к другу, отзывчивы на боль другого человека, снисходительны к ошибкам других, уважайте себя и окружающих людей. Ибо что посеешь - то пожнешь!»

Использован материал из семейного архива Ю.Н. Ильина и Тальменского краеведческого музея

Кальницкий Иосиф Кириллович

*...мы едем хорошо,
настроение веселое у бойцов...*

Семья Кальницких до войны проживала в селе Ельцовка Белоглазовского района Алтайского края. Глава семейства, Иосиф Кириллович, 1896 года рождения, был задействован на партийной и хозяйственной работе. На фронт его призвали в марте 1942 года. Он тогда работал председателем колхоза Белоглазовского района. Дома осталась жена Елизавета Матвеевна с детьми Марией и Спиридоном. Спиридону было 18 лет, Марии – 17.

С дороги на фронт Иосиф писал своей семье:

21.03.42 г.

«Добрый день вам, мои родные. Во-первых, я хочу вам сообщить, что я жив, здоров. Нахожусь в Бийске, но, наверное, недолго. Скоро выедем, куда – пока для нас не известно.<...>

Пожелаю вам всего наилучшего, веселой жизни, жить дружнее, советоваться и друг друга слушать. <...> Мне хочется пока одно узнать, Спиря ещё дома или в армии, как живет Ельцовка после моего отъезда? Пока, до свидания. Живите, обо мне не скучайте, я живу хорошо, живы будем – увидимся. До свидания. Кальницкий».

04.04.42 г.

«Здравствуйте. <...> Сегодня прибыли в город Кирова. Это можно посмотреть на карте, сколь далеко я уехал от вас, и где остановимся, пока не известно. Едем очень медленно. Ожидайте следующего письма с адресом. Хочется узнать, как вы живете. По дороге стоит все дорого: табак осьмушка – до двухсот рублей, хлеб только можно выменять на что-либо, молоко – 15–20 рублей литр. Пока вы живите, обо мне не скучайте, мы едем хорошо, настроение веселое у бойцов. Передавайте всем приветы <...>»

12.04.42 г.

«Добрый день вам, уважаемая моя семья. <...> Во первых строках моего письма мне хочется сообщить, что мы едем все дальше, но очень медленно. Сегодня уже месяц, как я уехал от вас. За это время не имел никакого переговора с вами. Что меня интересует – хочется знать, как вы живете, что-бы вам помочь своими советами. Где Спиря, взят в армию или нет? Да еще много вопросов. Когда я дождусь ответа? Пока у меня нет оп' ределенного места, все находимся в пути. <...> Интересует меня, как у вас идет пашня, думаю, что вы уже выехали в поле. Кто сейчас руководит? <...>

Пожелаю вам жить, трудиться, быть здоровыми. Маруся, ты слушайся мать, не вольничай, уделяй больше времени на ученье и на труд. <...> Пока, до свидания. Жив, здоров. Кальницкий».

Это было последнее письмо Иосифа в родной дом. Так он и не дождался ответа с вестями из дома. Погиб на станции Леньки Ленинградской области и был похоронен в братской могиле. Вольность, о которой писал отец в последнем письме, со стороны дочери Маруси была не что иное, как её заявление добровольцем идти на фронт. Мария, отличница в школе, не могла стоять в стороне, когда над родной страной нависла опасность. Она добилась, и её призвали в войска НКВД. Мария Иосифовна участвовала в европейских походах Красной армии. Окончание войны встретила в Берлине. После войны продолжала служить в войсках НКВД.

Сестра Иосифа Мария Кальницкая

Использован материал из семейного архива В.А. Шкуркина и историко-краеведческого музея лица № 86, г. Барнаул .

Касьяновы Пётр и Наталья

Семья, рождённая войной

Записано со слов Касьянова Петра Митрофановича, учителя, более 50 лет отдавшего обучению и воспитанию детей в школе. Рассказ о войне, о его службе, о его любимой Наташе.

«Когда мне исполнилось 8 лет, умерла моя мама. Родители наши были в разводе и меня с младшим братом отдали на воспитание отцу. С мачехой у меня отношения никак не складывались. Как-то в школу пришли военные, они прослушивали учеников и одарённых приглашали заниматься в духовом оркестре. У меня обнаружились способности. Но туда брали с 14 лет. От школы директор написал ходатайство, что б меня взяли, мол сирота. Пришлось исправить дату рождения, мне тогда уже 16 лет было. Так я стал сыном полка.

На станции Лиски Воронежской области располагался 10-й кавалерийский полк. Закрытая территория. Шёл 1936 год. Чем занимались в этом полку. Туда привозили диких лошадей, обязанность солдат была подготовить лошадь, приучить к верховой езде. Затем лошадей передавали в армию.

Я был в составе музыкального взвода, за каждым была закреплена лошадь. Обязанностью оркестра было сопровождать солдат во всех выездах. Руководители были все военные. У музыкального взвода был отдельный дом, чтобы не мешать солдатам. Мы там жили и репетировали. Я играл на духовом альте.

Руководил оркестром капельмейстер. Играли разную музыку: Чайковского, Бетховена. Это по нотам. А наизусть нужно было знать марши. Оркестр играл, когда солдаты выезжали лошадей. То, что сейчас показывают по телевизору, парад лошадей на Красной площади в Москве, вот то же самое делали наши лошадки. Министром обороны тогда был К.Е. Ворошилов.

Мне хорошо там жилось после мачехи. Кормили на убой. Хлеба сколько хочешь, мы всегда из столовой хлеб прихватывали для лошадей. В полку было своё хозяйство, держали свиней и бычков. Распорядок такой: подъём для музыкантов в 6 утра, у солдат был подъём в 7. Нам нужно было привести себя в порядок, вычистить лошадь, чистили их 3 раза в день. Были комиссии, проверяющий, чистым носовым платочком проводил по лицу лошади, смотрел, чтоб не было перхоти в хвосте. Завтрак, потом занятия и так весь день. Репетиции, занятия с лошадьми, игра для верховой выездки. По субботам играли на танцах в офицерском клубе.

Весёлая жизнь закончилась (смеётся), когда началась война. Вся молодёжь и я том числе, написали заявления добровольцами на фронт. Начальник штаба нас вызвал и сказал: «Успеете повоевать». Рядом с местечком, где располагался наш полк, была крупная узловая станция Лиски и мост через реку Дон. Вечером ужин и вдруг – тревога, наступает немец. Всё побросали, команда на лошадей и выезжать. Капельмейстер меня отправил схоронить в подвале электростанции второй комплект духовых инструментов. Я побежал выполнять приказ. Начался обстрел. Инструменты спрятал, но до утра не мог вылезти из подвалов. В голове одна мысль: «Станцию немец занял, город тоже». Сердечко бьётся, но, сколько не сиди, а выходить надо. Вылезаю. Двери – рып-рып, потом понял, что это сквозняк. Выхожу на крыльцо, стою, а кругом гробовая тишина и никого. Всё пусто. Только возле станции одного рабочего встретил, а больше никого. Часть догнал. По дороге отступала артиллерия, шли танки, стягивали силы, что бы хоть на время задержать врага, отстоять переправу.

Полк, в котором я служил отправили в тыл, в Пензу. Расположились в лесу. Обязанность наша была с оркестром встречать и провожать на станции военные эшелоны, которые шли на фронт. Встречали эшелоны с ранеными. Однажды меня вызвали в штаб, велели прихватить с собой инструмент. Сообщили, что меня отправляют на фронт. Отправили в часть, которая формировалась для отправки. В части были солдаты со Средней Азии. Прибыли мы в Куйбышевскую область, меня назначили командиром отделения. Солдаты русского языка не знают, общались как-то, понимали друг друга. Пехота, начали обустривать землянки. Часть сформировалась. Построили нас, командир дивизии спрашивает: «Есть бойцы таких-то

специальностей. Шаг вперёд». В конце концов, я один в строю остался, с профессией музыкант. Назначили меня ординарцем к комиссару Герасичеву.

Во время войны посчастливилось мне с оказией в Москве побывать. Шёл 1942 год, уже везде в домах вечерами горел свет, до 10 часов вечера. Посмотрел Москву, был там неделю, всё, что мне было поручено, выполнил и вернулся в часть. Так и служил ординарцем. Задача ординарца, чистить обмундирование своего командира, приносить еду, с котелками бегал клевой кухне.

И в боях приходилось участвовать. Первый бой для меня случился в Польше, город Сточке, в бою принимал участие весь штаб дивизии. Выдали винтовки с оптическим прицелом. Погнали мы немцев, в прицел винтовки было хорошо видно, как немцы по окопам бегают. Выкурили их.

Ну и самое главное, для чего мы были собраны в одну команду – устраивать концерты для солдат. Вот когда дивизия выводится во второй эшелон на доукомплектование состава, в это время мы начинаем проводить концерты. Артисты нашей труппы военнослужащие: артиллеристы, связисты, водители, девушки из медсанбата, все те, кто умеет петь, плясать, играть на инструментах. Я играл на различных инструментах и руководил постановкой танцев. Ещё до войны, когда был сыном полка, кроме игры на музыкальных инструментах, я занимался танцами, вот и пригодилось.

Был у нас великолепный хор, руководил хором Шопенко, были солисты, конференсье, танцоры, музыканты, чтецы – всё как положено. Загружали на телегу декорации, костюмы, занавес и на передовую мелкими перебежками, артисты по бесконечному лабиринту окопов подходили к месту выступления. Подыскивали подходящую площадку на передовой, что б сцена в низинке, а зрители располагались на взгорочке, чтоб всем видно было. Устанавливали декорации, занавес обязательно был. У солистов и особенно танцоров были костюмы, заведующий красноармейским клубом дивизии где-то доставал. Происходило всё совсем рядом с передовой, немцы, как концерт начинался, замолкали, слушали нас, а как закончится концерт – миномётный обстрел устраивали.

Однажды отвыступались и по окопам стали в тыл уходить, а Костя Ткаченко попросился товарища навестить, артиллериста. Только он в землянку к ним нырнул, начался обстрел, и мина землянку накрыла, все погибли. А из труппы нашей Наташу ранило, мою будущую жену, она сестричкой в медсанбате служила, танцевала хорошо. А меня, к счастью, ни разу не ранило. Бог наверное берёт. Имею 2 ордена «Красного знамени», орден «Отечественной войны II степени», медали: «За взятие Берлина», «За

освобождение Варшавы», «За победу над Германией» и юбилейные медали. Моя часть, в которой я служил, одна из первых вошла в Берлин.

А как наши концерты ждали. Что ты! У нас же девчонки, они как начнут выступать, солдаты на них со слезами на глазах смотрят. А девчонки в костюмах, в юбочках, сапожки танцевальные из чёрной парусины сшиты, красивые! Репертуар – песни исполняли популярные в то время: «Землянка», «Смуглянка», песню о Днепре. Танцы: Молдавский танец, Поляночка – это целая сюита была поставлена. Духовой оркестр играл.

Запомнился концерт в Молдавии. Начали танцевать молдавский танец, а местные жители, как только музыка заиграла, все в круг кинулись, босиком. Так весь танец с нашими артистами и танцевали.

Писем домой писал редко, с мачехой не хотелось общаться, а как отец погиб, вообще переписка прекратилась.

Вот некоторые говорят, что не боялись на фронте. Врут. Там страшно каждый день, немец как попрёт и конец. Потом со временем привык.

Холод, грязь, необустроенность, это же война. В Ростовской области воевали, грязища! Мы наступали, немцы всю технику побросали, из грязи не могли вытащить, а населённого пункта нет, пришлось в поле окапываться и устраиваться на ночлег. Веток накидали, сбились в кучу, прижались друг к другу – час от силы два можно поспать, потом замерзать начинаешь. Вскидывали и бегали кругами, пока не вспотеешь, глядишь, и ночь прошла. Это же война, от неё никуда не денешься.

А ещё - страсть Божья – вши, заедали. Но потом пропали. Наверное, весело жить стали, мы уже к Польше подходили. Бани нам устраивали, когда на формировании в тылу стояли. Бельё с себя сдавали на прожарку, вшей убивали. И кормили нас на фронте хорошо. Полевая кухня, где-нибудь в овражке устроится, за километр от передовой, приготовят – либо кухню поближе подтянут, либо все с котелками к кухне идут по окопам. У каждого ложка своя за голенищем сапога хранилась. Ложку потерял – хлебай так, через край. 100 грамм на Новый год давали, разведчикам и кто на передовой, тем чаще. В разведку идёшь – 100 грамм.

С женой своей я на фронте познакомился. Дело в Польше было. У нас репетиция шла, танец разучивали. А к ней брат двоюродный повидаться

приехал. Его дивизия, в которой он служил, в 15 километрах от нас располагалась. Его отпустили с условием, что б к утру был. Ко мне поляк подошёл: «Пан, вас солдат просит». Вышел, стоит солдат пожилой, просит с Гредневой Наташей повидаться. «Греднева, иди, к тебе брат приехал».

Репетиция закончилась, чего без неё репетировать. Наташа брата к себе повела. Я вечер устроил, отправил барабанщика за поляками, поиграть с ними в очко, карты. Вот так мы с Наташей и познакомились»

Наталья Дмитриевна, будущая верная подруга Петра Митрофановича, родом из села Поморье Топчихинского района. Там же окончила семилетку и поехала поступать в Барнаульское педагогическое училище. Окончила его в 1940 году и была направлена на работу воспитателем в детский сад от Канифольного завода. Когда училась на последнем курсе училища, как и другие, посещала школу гражданской обороны. Там обучали обращаться с оружием, девушек готовили как санинструкторов. Поработать в детском саду пришлось всего один год.

Война. Рабочую молодежь собрали в клубе, спросили, кто хочет воевать с фашистами. Из трехсот человек лишь одна девушка сказала, что боится. Все были патриотами своей Родины и все хотели встать на ее защиту. Наташа была комсомолкой и тоже решила идти воевать. Призвали ее в начале осени 1942 года. Служила в 266-й стрелковой дивизии в военном медсанбате. Была ранена в левую ногу. В 1945 году познакомилась со своим будущим мужем Петром Митрофановичем Касьяновым. Вместе с Петром дошли до Берлина, там сыграли свадьбу. После окончания войны семья Касьяновых вернулась в село Победим Топчихинского района.

<...>

*Ты помнишь, мама, как в глухой деревне
В большой семье ты детство провела,
Из всех детей в семье последней
Родителям утехой ты была.*

*Вертушка, хохотушка, озорница
Могла для всех и спеть и поплясать,
Мечта твоя была – учиться,
Чтоб настоящим человеком стать.*

<...>

*Веселая студенчества пора:
Соревнования, театры, выступления,
Девичья дружба, грезы до утра,
Счастливое же это было время...*

<...>

*Набиты до отказа эшелоны,
С тоской глядишь на всех ты из окна,
Рыдают матери и жены,
Прощаясь с близкими, быть может, навсегда.*

*Красивые и юные медсестры,
Вы пели песни весь тот долгий путь,
Скрывая страх и слезы друг от друга,
Судьбу же не смогли вы обмануть.*

*Вас бросили под самый Сталинград,
В неравном том сраженьи
Враг уничтожил вас.
Оставшихся бойцов
Фашисты взяли в окруженье.*

*Хаос и паника, стон раненых бойцов,
Неотвратимость гибели, забвения,
Кругом горели небо и земля,
И никому там не было спасения.*

*Но ты хотела жить,
И ты Судьбу молила,
И снова, как в те юные года,
Второй ты раз характер проявила.*

*Встал выбор: смерть в плену,
Концлагерь, унижение...
Ты выбрала – побег,
Побег из окружения.*

*Свершилось чудо! Как же удалось
Двум перепуганным девчонкам
Осуществить побег? Вы до сих пор
Никак не объясните толком!*

<...>

*Вас не предали русские люди
И не отдали фашистам на муки,
Вам помогли найти дорогу,
Передавая из рук в руки.*

*Ну, вот вы и дошли, и нету большие сил,
Голодные и грязные стояли,
А командир вас строго попросил,
Чтоб честно обо всем вы рассказали.*

*После допроса вас помыли,
Солдатской кашей накормили,*

*Вам дали чистые гимнастерки,
Ремни, сапоги и, конечно, юбчонки.
Был в шоке командир, увидев через час,
Не грязных и измученных старушек,
А в лихо стянутых солдатских гимнастерках
Хорошеньких, молоденьких девчушек.*

*А дальше был военный медсанбат,
Тяжелая и грязная работа,
Ты бинтовала раненых солдат,
Трудилась до седьмого пота.*

<...>

*А в это время старикам в деревню,
Сидящим, в ожидании беды,
Обрушилось на головы известие,
Что без вести пропала ты.*

<...>

*Потом уж ты на родине узнала,
Что мать твоя, семидесяти лет,
Над платищем твоим рыдала,
Не выдержав обрушившихся бед.*

*Война катилась к своему концу,
Вы подходили к логову врага,
Бойцы устали, но сражались насмерть,
Чтоб дать отпор фашистам навсегда.*

*Так проходили фронтовые будни
И вот он наступил, победный год.
А ты уже о будущем мечтала,
Беду иль радость год тебе несет?*

*Ты часто видела веселого солдата,
Он в музыкальном взводе состоял;
Гроза всех девушек из медсанбата,
На аккордеоне он играл.*

<...>

*А дальше вы сыграли фронтовую свадьбу
И расписались в ЗАГСе города Берлина,
А в ноябре любимая Наташа
В год победы подарила сына.*

<...>

После окончания войны чета Касьяновых приехала на Алтай.

Клепиков Валентин Трифонович

*Эх, зачем я не птица, улетел
бы сейчас к милой Зое...*

Семья Клепиковых приехала в город Ойрот-Тура (Горно-Алтайск) перед войной. После окончания школы Валентин Трифонович пошёл учиться на землеустроителя. Познакомился и начал дружить с милой девушкой, Зоей. Вместе ходили на танцы, много беседовали, бродили по тихим улочкам городка. Весной 1940 года Валентин уезжает на практику в Усть-Коксу. Почти каждый день Валентин писал своей Зоечке тёплые, ласковые письма.

10.05.40 г.

«Ну, здравствуй, Зоя! С товарищеским приветом Валентин.<...>Вопервых строках своего письма сообщу тебе о своей жизни.<...>Мне здесь скучно, кажется. Повеселиться не с кем и негде. Я живу с техником на одной квартире.<...>Выпускаем свою стенную газету на весь наш коллектив – 2 человека. Мы же пишем заметки, и мы же редактируем газету.<...>».

11.05.40 г.

«<...>Сегодня почтальон вручил мне письмо от тебя. Как я был рад, когда увидел имя милой Зои. Я пришёл в восторг.

Как безумный, конверт я тогда целовал

Бросил всё, за работу принялся,

А в свободное время письмо прочитал

И от радости долго смеялся.

<...>Заичка, я очень счастлив, что получил письмо от тебя. Но когда я узнал, что Заичка без меня скучает, мне стало так грустно и жаль тебя. Заинька, это всё пройдёт, твоя и моя скука останутся позади, будем думать о нашей встрече.<...>Остаюсь преданным тебе и любящим тебя Валентин».

21.05.40 г.

« Шлю на память тебе я цветочек и вот этот листочек.<...>Милая, милая Заичка, ты бы знала, как мне скучно без тебя. Эх, зачем я не птица, улетел бы я сейчас к милой Зое.<...>».

02.08.40 г.

«<...>Заичка, как я был рад, что получил от тебя письмо, но когда стал читать, то немного был огорчён. Я не встретил тех ласковых слов, которые я читал в остальных письмах. Почему так, Заичка? Или я написал письмо, как товарищу, так ведь я не знал, что ты его получишь лично. Ведь я писал на дом, и думал, что если напишу письмо таким тоном, как это, а оно возьмёт и попадёт в руки кому-нибудь из вашей семьи.

А теперь я пишу теми же словами, как прошлые письма.<...> Поверишь или нет, чем ближе подходит то время, когда мы с тобой увидимся вновь, тем сильнее я думаю о тебе, тем сильнее тебя я люблю. <...>».

Зоя Клепикова

04.01.41 г.

«Здравствуй, Зочка. Цвет моих глаз, дыхание моей груди и жизнь моя. <...>Эх, Зоя, если бы ты знала, что делает эта самая Зоя со мной? Поверь, милочек, я уже стал сам не свой, живу мыслью о тебе. Мою голову не покидает мысль о том, что у меня есть Заичка, которая ещё не вместе со мной.<...>

Заичка, но скажи же ты мне: «Когда мы будем с тобой вместе, чтобы ты и я так не страдали...». <...>Жду от тебя ответа. Остаюсь твой вечно и тебя любящий Валентин».

24.04.41 г. Майма.

«<...>С моего отъезда из Ойрот – Тура прошло: 1 ночь и 2/3 дня, но ты знаешь о том, милочек, что я ежедневно, каждый вечер находился с тобой вместе, а вчера тебя не было со мной. Теперь мне так грустно.<...>

О тебе я буду вспоминать всегда и везде. Когда и где бы я ни находился, твоё имя будет всегда со мной, а твоя верность только мне одному, будет придавать бодрость и надежды на будущее.<...>Не скучай, ведь мы встретимся через 3-4 дня. И тогда уже испытаем наши сердца при встрече после этой короткой разлуки.<...>».

15.05.41 г.

«<...>Знаешь, милочек, нам друг без друга обоим жить очень тяжело. Но и сблизиться, чтоб никогда не разлучаться, тоже будет тяжело. Мне

жаль тебя, милочек, ведь подойдёт время, когда мне придётся идти в армию. Как будет нам тяжело. Как тебе будет легче проводить меня в армию - как мужа или как близкого друга?<...>

Я лично над этим вопросом задумывался не раз. И всегда не мог решить, что делать, или оставить до рокового дня, или до июля месяца. Но судя по твоим словам: «Я с тобой согласна пойти на край света, лишь бы быть с тобой», я готов сойтись весной или летом.<...>

Итак, милочек мой, решающее слово только за тобой.<...>Я знаю только тебя, люблю только тебя, предан только тебе, мил только для тебя и живу только для тебя и ради тебя, а больше никого и ни для кого – я весь твой.<...>».

13.08.41 г.

«<...>Милочек, мне Ната сказала про тебя, как ты собиралась ко мне. Ничего, однако, Заичка, не поделаешь, если мы ещё находимся под властью родителей и они могут повернуть нас в другую сторону, хотя, я думаю, любовь нашу друг к другу никуда, никогда, нигде и никто не перевернёт.<...>».

27.05.41 г.

«<...>Я сейчас, милочек мой, совсем стал с ума сходить, думая о тебе.<...>Чувствуется какая то боль в сердце, и думаешь, ну зачем так жить, скучать и страдать. Ведь были такие дни, когда мы с тобой не расставались целыми днями. Мало того, что днём, так мы ещё прихватывали добрую половину ночи. И всегда были веселы и счастливы.

Да, милочек, ты мне не поверишь, что до тебя я не знал, что такое любовь и что можно так ужасно любить, как люблю тебя я.<...>И сейчас я верю, что от любви может человек погибнуть.<...>».

В августе, вопреки желанию родителей, Валентин и Зоя поженились. Но не долгим было счастье молодых, уже больше месяца шла война. Валентина в конце ноября 1941 года призвали в армию. Стал он курсантом военного училища, который был эвакуирован в город Барнаул. По состоянию здоровья его не сразу отправили на фронт.

30.03.42 г. Вагон № 2.

«<...>Был у папы, попрощался с ним. Он пока на месте, сегодня вечером выяснится, куда его определят.<...>Поезд пока стоит, и я тороплюсь, пишу вам.<...>Забыл сообщить о том, что видел верблюда в Бийске – первый раз в своей жизни. <...>».

13.04.42 г.

«Читайте все вместе. Здравствуйте, мои милые. Привет всем, всем, всем. Мой адрес сейчас изменён. Причина перемены – болезнь. В училище я

заболел, меня из училища уволили и направили в часть. Через месяц, примерно, поедем громить фашистских извергов. Обо мне не беспокойтесь.

Как говорят – двум смертям не бывать, а одной не миновать. Поедем – повоюем, это наш долг, защищать отечество. Только одно меня беспокоит, это здоровье милой Заички и жизнь моей семьи. Где сейчас папа, я не знаю.

Крошечка – Зайчоночек, если придётся тебе быть матерью, то будь достойной матерью. Не обижай моего сына или дочь. Мама и мама Зина, помогайте во всём Заичке. Папа, не вспоминай того зла, которого я тебе причинил, украв у тебя твою любимую дочь. Папа, не бросай мою Заичку. Помоги ей доучиться, а она и я (если вернусь) этого не забудем.<...>.

Мы с папой вернёмся только с победой, ибо наше дело правое и враг должен быть разбит. И он будет разбит! Счастливая кружка со мной.<...>С красноармейским приветом ваш сын, брат, зять, милый муж Валя».

16.04.42 г.

«<...>Нахожусь в Барнауле в войсковой части № 7634. Учусь на разведчика.<...>Настроение приподнятое – или на фронт или домой. Но последнее, только в голове. Домой не придётся ехать, пока не будут стёрты с земли ползучие гады – немецко-фашистские налётчики. Нам с тобой не будет счастливой жизни, если они будут хозяйничать в нашей стране. Я должен ехать воевать за ту счастливую жизнь, которая будет впереди, которая нас ожидает, когда я вернусь. А я обязательно вернусь с Победой!<...>».

30.04.42 г.

«<...>Заичка, я как-то писал, чтобы ты не продавала костюм. Ты из пиджака сшей себе жакет, а я приеду, так справим костюм. Потому что ты будешь у меня уже большая (маленькая, милая мама), только не обижайся, милёнок, это я шутя. Мне хочется сейчас тебя обнять, прижаться к твоей груди, но ...ты далеко – не достать. Пока всё. Ожидай с победой домой. <...> Заичка, сохраняй мои письма до моего приезда<...> ».

27.05.42 г.

«<...>Я любил слушать, когда ты пела «Чайку». Но теперь долго не услышу, а может быть и ..., да нет, скоро услышу опять. Я сейчас улечу бы, как чайка к тебе.<...>

Я сегодня видел во сне своего сына, такой маленький, маленький, а уже смеётся. Тебя не было, а я водился с ним. Потом он исчез, а появилась ты, и мы долго разговаривали с тобой, потом подошла мама и я проснулся. Перед утром заснул и увидел, будто приехал на паре вороных коней, в тележке, посадил тебя и повёз в родильный дом. Да круто, под горку, быстро так, что сердце замирает. Хорошо это или плохо?<...>».

05.06.42 г.

«<...>Скоро приедем в город Уфа. Как вы живёте, я узнать не могу. <...>Кто у меня родился, сын или дочь?<...>».

10.06.42 г.

«<...>С 8 июня я являюсь членом ВЛКСМ. Смотри, ты там держись за комсомол, а то я приеду комсомольцем, а ты не будешь членом. Мне командование сейчас доверяет вести работу культмассовую, я ротный агитатор и заместитель командира отделения. Мне оказали огромную честь, которую я должен и обязан оправдать. И оправдаю.<...>

Проехали город Балашов. Едем по направлению моря. Прощайте. <...>».

11.06.42 г.

«<...>Всё время вам сообщал, что еду на запад, но со станции Балашово повернули.<...>Находимся на станции Камышино на берегу Волги. <...>В скором будущем сообщу адрес и буду ждать от вас письма. Ох, и радостным будет у меня тот день, когда я узнаю о вас, о Заичке, а главное, о моём малюсеньком цыплёночке.<...>

Настроение такое, что хоть сейчас готов ринуться в бой с озверелым фашизмом. Только хочется узнать, кто родился, а тогда – в бой.<...>».

«28.07.42.

Здравствуйте, милая жена Зочка и милая дочка Надечка. <...>Сегодня у меня праздничный день – сегодня я получил от вас письмо, за которое не знаю, как благодарить. Ведь больше полутора месяцев я не знал, что у меня растёт дочка. Шустрая же она оказалась, всё время писал в скобочках, а она вылезла из них.

Дочурка, миленькая, какая она есть – не знаю.<...>Значит, родилась дочь, а не сын, да ещё голубоглазенькая. Но ничего, её голубые глаза ещё не одного сведут с ума.

Зочка, милая, именем моим, храни, береги, расти дочку. Ты не представляешь, как мне её хочется увидеть, обнять, целовать мою личную дочку.<...>».

Письмо в действующую армию Клепикову Валентину от Клепиковой Зои.

22.08.42 г.

«Весёлый денёчек, Валечка. С приветом к тебе дочка Надюша и жена Зоя.<...>Сообщу пару слов о своей жизни. Живём пока не совсем хорошо, потому что картошка ещё не выросла, а старую всю съели. Хлеб дают всё так же, но я теперь получаю 800 граммов и мне вполне хватает.<...>

Я тебе, Валя, сообщала, что у меня родилась девочка.<...>Давно уже смеётся, такая забавная, скоро уже будет говорить и ходить. Такая круглолицая, с ямочкой на бородке, голубыми глазками, русыми волосами и маленьким курносым носиком.<...>

Я, Валечка, педучилище кончила, на работу меня в аймак (район - прим ред) не отправили, а оставили в городе.<...>Валечка, я по тебе уже так соскучилась, что не знаю, как описать. Я теперь очень изменилась, не в лучшую, а в худшую сторону. Стала совсем худая.<...>Когда же это, Валечка, дождусь я тебя домой, все «жданки» съела. Ложусь спать одна, встаю одна. Правда, теперь Надежда немного скуку и одиночество разгоняет.<...>Жду от тебя письма каждый день, и каждый час. Пиши. Пока, до скорой встречи. Твоя Заичка».

На этом письме штемпели в два ряда и два адреса: в действующую армию и обратно в город Ойрот-Тура. Письмо это вернулось обратно. Адресат его не получил. Не получала больше писем и Зоя. Ни одной весточки, ни письма, ни похоронки. Много позже пришло извещение «Пропал без вести». Дочка Наденька, кровиночка, цыплёночек – умерла, когда ей было 5 лет.

В семье Зои Ивановны бережно хранят все письма, написанные когда-то Валентином и пронизанные безмерной любовью.

Использован материал из семейного архива Л.П. Шаталовой, г. Барнаул

Коваленко Константин Михайлович

Зачем они, сволочи шли к нам, чего им не хватало?

Константин Михайлович родился 21 мая 1906 года. Воспитывался в детском доме «Октябрь» Острогожского уезда Воронежской губернии. В 1927 году окончил полный курс Острогожской Единой Трудовой Школы, получив глубокие знания не только по общеобразовательным, но и специальным предметам: «Основы Советской просветительной политики», «Гигиена и физкультура», «Изба – читальня», «Ликвидация неграмотности с методикой грамоты и счета», «Библиотека», «Научные основы материалистической психологии». Изучал два иностранных языка - немецкий и французский – и музыкальную грамоту. Был активным участником спортивной жизни уезда. По окончании школы работал учителем в избе-читальне.

В числе еще девяти воспитанников детского Дома «Октябрь» Константин Михайлович, был направлен для ликвидации неграмотности в Сибирь. Там его трудовая деятельность началась в селе Крутой Лог Чистюньковского района Барнаульского округа. Молодого, энергичного, талантливого заведующего школой сразу заметили в районе и уже летом 1929 года назначили заведующим Шиловской 4-х групповой школы.

Вместе с Коваленко в село Шилово приехали еще несколько учителей-комсомольцев. Село встретило их настороженно. Началась коллективизация и молодые учителя кроме учебной работы, должны были принимать участие во всех мероприятиях сельского Совета. С головой окунулись они в кипучую деятельность по организации первой коммуны. Из дома в дом ходили они, убеждая крестьян вступить в коммуну. Комсомольцы участвовали в раскулачивании, сборе семян, разыскивали спрятанные от советской власти запасы хлеба, зимой молотили пшеницу, которая хранилась в скирдах, создавали пункты по ликвидации неграмотности, разыгрывали на клубной сцене сценки и

спектакли.

Константин Михайлович в 1939 году перешёл на преподавательскую работу в Калманскую среднюю школу. Нет в документах домашнего архива семьи Коваленко воспоминаний о тридцатых годах, ведь это годы репрессий, гонений, подозрений, нелепых обвинений честных, преданных партии людей. Таким и являлся Константин Михайлович. Но и у него оказался «грех» перед законами тех лет, он был женат на дочери кулака, поддерживал связь с её родителями

Когда началась война с первых её дней до последних Константин Михайлович - на фронте. Был тяжело ранен. Сохранились дневниковые записи, а в домашнем архиве - более 130 писем с фронта.

08.02.42 г.

«Дорогая, родная Линуська, здравствуй, здравствуйте и мама. Доживаем последние дни в Челябинске, 10 февраля делаем выход. Это значит выходим на трое суток в поле, где будем проводить тактические занятия.? Ночевать под открытым небом. А в Челябинске сейчас холодно. Это будет для нас серьёзным испытанием. А потом поедem не на передовую линию фронта, а в тылы противника – дело опасное, но почётное. <...>

Чувствую себя неплохо. Здоров. Еды не хватает, слишком много тратится энергии. Дорогая Лиина, тоскую и скучаю по тебе. Почему-то эти дни сильно чувствую разлуку. Но будет день, когда мы снова друг друга приласкаем, заживём счастливо и без тревог. А пока будем крепки и вынесем с честью наши испытания. Живите, как позволяют обстоятельства, берегите хлеб. <...>

До свидания, любимая моя. Крепко-крепко целую и нежно прижимаю. Твой Костя».

31.03.42 г.

«Здравствуй, дорогая роднуша. <...> Как хочется знать, как вы живёте. <...> Весной, чего бы это ни стоило, засаживайте как можно больше овощей, это необходимо. <...> Сильно соскучился по тебе и маме. Как мы с мамой не ссорились, не ладили, а вот теперь, в отдалении, я почувствовал, что она мне родная. Поцелуй её за меня. Линуська, ты присматривай за ружьём, за велосипедом. Это ведь ценные вещи. <...>».

19.09.42 г.

«Родные мои! Крепко-крепко вас целую. Письму получил. С каким чувством волнения я вскрывал ящик, смотрел на всё, изготовленное вашими руками. Знакомые вещички... из далёкого родного уголка от дорогих сердцу людей. Спасибо, родные мои. <...>

Я, Линуська, чувствую себя хорошо, пошаливает нога немного. Ну ничего, скоро добьём гадов, а на это время ноги хватит. <...> Сегодня к 25 годовщине РККА ополчились на фрицев с целью захватить «языка». Одного

подбили автоматом, но пока тащили, подох, проклятый. <...> Крепко, крепко целую тебя, родненькая. Твой Костя».

29.10.42 г. Москва.

«Любимая моя! Не сердись, что опять долго не писал. Знаю, что для тебя это тяжело. Прости.

По поручению командования снова в Москве. На несколько дней оторвался от передовой. Был на Бородинском поле у могилы Багратиона. <...> Вчера было свободное время и я сумел попасть в Малый. Ставили «1812 год». Замечательно! Кутузов, Наполеон, Князь Андрей. Если бы посмотреть в другое время... <...> На Москве лежит глубокий отпечаток войны. Как мне жаль её. <...>».

Декабрь 1942 года.

«Любимая, родная моя! Наконец я дождался от тебя весточки. Я так привык их часто получать, а тут такой перерыв. Дума, что случилось с тобой. Родная моя, чувствую по письму, что нелегко тебе и маме. Одно только советую, что в тяжесть – сбывай. А вернусь – наживём. Главное, Лиша, береги себя, береги здоровье. Сильно соскучился.

Ты пишешь, что хотела бы со мной побывать в Малом, а я? Вчера наша часть отмечала шестую годовщину Сталинской Конституции. Сидя в президиуме я вспомнил, как мы с тобой радостно проводили выборы. От этого как было хорошо на душе у меня. Я сильно почувствовал, что я часть Родины. Захотелось обнять рядом сидящего соседа. Да вовремя спохватился, было бы немного смешно в нашем обществе, а во-вторых у соседа по две звезды в петлице. <...>

У нас, роднуша, зима, много снега. Одеты замечательно. <...> А у «наших» фрицев – хренка! Только пилотки отворачивают, да ещё что-то приспособливают. <...>».

28.12.42 г.

«Лиша, родная моя! Сегодня ровно год, как мы расстались с тобой. Помню твои слова, полные грусти и ласки, будившие меня рано утром в день нашей разлуки: «Котичка, вставай, родной». Тяжело было тебе их произносить. Слова знакомые, от родной, любимой... Но как тяжело они упали тогда мне на сердце. Без шума, без суеты простились вечером. Не о себе я думал в тот день. О тебе, родная, за тебя было грустно и тяжело.

Год! Много лишений, невзгод, смотрел смерти в глаза. И везде, везде, родная, ты была со мной. И в тяжёлые минуты ты поддерживала меня. <...>».

10.09.43 г.

«<...> Почти месяц прошёл в напряжённых и упорных боях. Сильно породнился за это время с лопаткой: отточил, как хороший нож. И когда появляются «стервятники» - я уже сижу в ямке. Падали рядом бомбы, но в мои

квартируемые мной ямки, не попадали.

Но главное впереди, родная. Надо гнать и гнать врага. В это самое время навалилась на меня «куриная слепота». Но мы народ находчивый, я с товарищем вспорол только что убитую лошадь, достал печёнку, отослал повару её сварить и много поел. Через ночь, как мне показалось, видеть стал лучше и опасность миновала. <...>

Я тебе говорил, что меня наградили медалью «За отвагу». <...> Родная, крутись, знаю, что тебе трудно. Но дело нашей чести – с честью пройти испытания за нашу Родину и наше счастье».

28.12.43 г.

«Родная моя! В этот день ты мне сказала: «Котечка, вставай, родной...» А вечером, сидя на сундучке, мы простились с тобой... и я поехал выполнять свой долг, а ты осталась выполнять свой. С того дня прошло два года. За это время я не раз смотрел смерти в глаза, защищал товарищей и они выручали себя. А один замечательный парень, защитил меня а сам погиб. Этого человека мне никогда не забыть. <...>

Ты, родная, всегда была со мной. И когда мне было трудно, я вспоминал тебя, родная, и становилось легче. Светлый час нашей встречи близок. После долгой разлуки будем беречь своё счастье светлое, радостное, новое. <...>»

20.01.44 г.

«<...> Прости, долго не писал, были на марше. <...> Несколько дней идут сильные бои. Тяжело, но – вперёд! Наша авиация и «катюши» действуют смело, дерзко, замечательно. Но смердящий немец упирается, с каким то отчаянием. Всё равно припрём. <...>».

17.05.44 г.

«<...> Всё ещё в госпитале. С одной раны уже повязку сняли, вторая подживает. Думаю, что к 21 мая, ко дню моего рождения выпишусь в часть, если осложнений у меня не будет. <...> Сильно скучаю по тебе, родная, а весточки от тебя не смог получить с момента моего ранения, с 29 февраля. Чувствую себя не плохо. <...>».

22.11.44 г.

«Родная моя! Последние дни я от тебя получил много писем. Но ни в одном ты не пишешь, что получила письмо от меня. Это меня омрачило: неизвестность, где я и что со мной. Знаю, это принесло тебе много тяжких дум, волнений, переживаний. Не беспокойся, родная, чувствую себя неплохо, нога не беспокоит. <...> В свободную минуту вспоминаю тебя, Топчиху, Петра Сергеевича, помнишь, ходили охотиться на зайцев.

Сильно скучаю по тебе, как хочется к тебе. Но, Лиша, не делай мне

упрёка в том, что я мог отпроситься домой в отпуск и не поехал. Я солдат, себе и тебе дал клятву – выполнить свой долг до конца. Знаю, что тебе тяжело, но роднуша, разве мне легче. Люблю я тебя крепко и сильно, это теперь моё самое сокровенное, дорогое чувство. Ты всё время со мной. <...>».

7.03.45 г.

«<...> Находимся в пути 20 дней. Пишу тебе из самого фашистского логова. Не уверен, что получишь мои послания, что ни говори – заграница. <...> Наши бойцы не мстят, а как-то даже подчёркивают, что этой цели у нас нет. А ведь у многих есть замученные семьи, многие видели колодцы, наполненные детьми и жёнами на своей родной земле.

Не раз встречали на своём пути своих товарищей, попавших к немцам в плен и страшными пытками замученных на смерть, изувеченных и обезображенных. Многие солдаты задают вопрос: «Зачем они, сволочи шли к нам, чего им не хватало?» В домах находят вещи, вывезенные от нас. Час расплаты настал. <...>

Здесь, за тысячи вёрст от тебя, особенно сильно скучаю и тоскую по тебе, не смотря на то, что день и ночь занят работой. <...> Сильно скучаю. Пиши, родная!»

27.04.45 г.

«<...> Ты пишешь, что я уезжаю от тебя всё дальше и дальше, а я думаю, что мы становимся ближе и ближе. Теряем в расстоянии, выигрываем во времени, а последнее несравненно дороже. Лиша, родная, если бы ты знала, как хочется к тебе, приласкать, помочь! Крепись, роднушка, немного осталось. <...>».

Отличная физическая подготовка помогла Константину Михайловичу выстоять в тяжелое военное лихолетье, но здоровье было утрачено безвозвратно. Вскоре после демобилизации, в конце 1945 года, Константин Михайлович был назначен заведующим районным отделом народного образования, но тяжелая болезнь приковала его к больничной койке. Оказалось, что с фронта он привёз с собой туберкулез в открытой форме. Лишь огромное жизнелюбие, воля, сила духа, а также поддержка самого верного друга - жены Ирины Наумовны, которую он ласково в письмах называл Линой, помогли выстоять, вернуться в трудовой коллектив.

Использован материал архивного отдела с. Калманка Алтайского края.

Кожуховский Диомид Матвеевич

...она по-русски плакать не умеет...

Диомид Матвеевич родился 17 августа 1919 года в Хакасии. Семья была большая, семь детей, Диомид самый старший. Не смотря на финансовые трудности, родители хотели, чтобы он учился. В 1935 году он окончил 7 классов, а работать начал с шестого класса. Было голодно. Диомид трудился в артели по заготовке извести.

Однажды чуть не случилось непоправимое. Родители Диомида получили зерно за трудодни, зерно оказалось протравленным формальдегидом. Отец с матерью опухли, долго болели, к счастью выздоровели.

После окончания семи классов Диомид поступил учиться в трехгодичное горнопромышленное училище, получил специальность «шахтовый электрослесарь». После окончания училища его направили работать на рудник Улень Баградского района в Хакасии. Там он и работал, пока в сентябре 1939 года его не призвали в армию. Служил он на станции Дивизионная, через полгода в армии получил специальность пиротехника.

Когда началась война, его и других солдат срочной службы, перевели в 363 стрелковый полк. Путь Диомида на фронт проходил через город Ачинск, совсем рядом с родным домом. Долго стояли в Ачинске, и была шальная мысль - добраться до деревни, повидаться перед фронтом с родными. Но товарищи отговорили Диомида: не было твёрдо определено время отправки, мог и опоздать и тогда – трибунал. 14 октября 1941 года между Онежским и Ладожским озером его рота получила боевое крещение. В то время финны стремились соединиться с немцами, чтобы блокировать Ленинград.

Диомид Матвеевич вспоминает: «12 апреля 1942 года стал кандидатом КПСС, с августа того же года воевал уже коммунистом. До 21 июня 1944 года держали оборону по реке Свирь. К сожалению, иногда приходилось отступать.

21 июня 1944 года форсировали реку Свирь. После этого дивизия получила название Свирская Стрелковая Краснознамённая дивизия. 5 сентября 1944 года с Финляндией было заключено перемирие. Вчера мы стреляли по финнам, а сегодня мы с ними братались, обнимались».

Затем дивизию отправили на север, на прорыв оборонительных рубежей. Дивизия вышла на границу с Норвегией в районе города Киркенес. Норвегия, чтобы сохранить армию, вывела войска в Англию. Дивизия, где служил Диомид Матвеевич, с марта 1945 года в боевых действиях уже не участвовала. У солдат появилось больше свободного времени, а у Диомид Матвеевича появилась возможность писать.

Он из немецких бумажных мешков для продуктов, изготовил две толстые тетради и стал вести дневник. Делалось это втайне, записывал он туда стихи, песни, популярные в то время. Записывал рассказы однополчан – балагуров, описывал жизнь и был солдат.

Выдержки из дневника Кожуховского Диомид Матвеевича.

18.03.45 г.

«В память пребывания в Норвегии. Ущелье имени Архипова, землянка, образца 1941 года. Горит карбитовая лампа, сделанная из консервных банок, на коленях лежит лист фанеры и стоят чернила. <...>

31.03.45 г.

Мне хочется сегодня, именно сегодня написать что-то особенно хорошее, чтобы ты еще раз могла понять то, о чем я тебе так много писал, мне еще хочется пожелать тебе в этот день счастья в твоей будущей счастливой жизни, в работе, чтобы все твои мысли совпали с действительностью. Мне так хочется много сделать для тебя в день моего отъезда на действующий участок фронта, чтобы ты верила в мою страстную любовь.

Мы с тобой о многом писали, мы так хорошо понимаем друг друга.

О, сколько нежности и благодарности у меня к тебе за то, что ты, только ты могла покорить мое сердце, заставила своей милой, справедливой, гордой натурой полюбить тебя, неся этим что-то большое. <...> Понимаешь меня?

У меня теперь есть точка опоры, есть цель в жизни – это ты. Мне сразу же становится веселее среди голых скал заполярья, где сама природа говорит о пустыре. Я чувствовал себя одиноким, а теперь каждый камень мне будет казаться красным, я буду думать о тебе, ты не сердись, что я так пишу, но это будет так, до встречи с тобой я не дорожил своей жизнью, мне все было безразлично – мое настоящее и будущее, мне даже иногда хотелось умереть, как это не глупо, но это была истина, сейчас мне самому стыдно за себя.

31.03.45 г.

Слушай... мне порой кажется, что я не достоин тебя и твоего образования, которого ты достигла упорной учебой и своей молодостью, прошу тебя все же не думать обо мне плохо, ты убедишься в этом сама,

когда я буду с тобой, все мои указанные пути будут происходить на твоих глазах.

За то, что ты в меня веришь, спасибо. Мне приятно, что ты мне предложила после войны приехать к тебе. Мне немного грустно, ты понимаешь меня. <...> я всегда чувствую твое присутствие. Всюду мне кажется, что ты сейчас сидишь возле меня и читаешь это письмо, <...>.

Все надежды на тебя, только ты можешь развеселить меня в эти дни, когда сама грусть одолевает человека, мы с тобой еще много будем говорить о своих пройденных боевых путях и оно должно остаться или умереть в наших молодых сердцах. <...>

16.04.45 г.

Штыковой удар

С тех пор, как штыковой удар вашей красоты основным уколом поразил мое сердце и нанес рану глубиной полного профиля, я подолгу не могу заснуть после отбоя, я все думаю о вас.

Как хотелось бы мне сейчас обнять шейку приклада, прижать к плечу и плавно опустить поцелуй на ваши алые губки. Я восхищен вами, смотря на ваше фото, как на новый чехол малопехотной лопатки. Ваш ласковый голос можно сравнить с голосом дневального, произносящим любимую команду – приготовиться на обед или отбой.

Из-за вас я стал такой рассеянный, превзошел все законы рассеивания, днем и ночью, с наименьшим безопасным прицелом, веду автоматический огонь своими мыслями через головы миллионов людей по вашему ярко пылающему сердцу, являющемуся отличной мишенью для такого стрелка, как я.

Я отличный стрелок, а согласно законов рассеивания и законов вероятности попадания, ваше сердце должно быть пробито моей любовью, но от волнения я весь дрожу, и не могу удержать линию прицеливания, поэтому из 1000 возможных попаданий я не сделал ни одной пробоины в вашем сердце. В то время как вы с одного укола поразили мое сердце. Но, несмотря на неудачу, я бешено мчусь по траектории любви, эта траектория должна пересечься с горизонтом вашей жизни, а также пересечение это – первая новобрачная ночь на широкой семейной кровати.

Я не раз подходил к вашей квартире и брался за спусковой крючок вашей двери, как меня брала «мандраже», словно перед выходом на огневой рубеж для стрельбы по три упражнения из винтовки. Меня иногда терзают сомнения, и тогда на мое сердце давит такая тяжесть, которую можно сравнить лишь с тяжестью ранца (Сидор Ивановича), давящего на плечи после 50 км марша. Но я никогда не разлучусь с Сидор Ивановичем, потому что в нем на самом дне лежит ваше фото, завернутое в новую портянку «НЗ».

Моя любовь прилетит к вам по азимуту со скоростью пули образца 1930 года, клянусь вам винтовкой отличного боя и малопехотинской лопаткой, что

любовь моя верна, как стрельба в упор на 25 метров. Я по-пластунски ползаю перед вами и умоляю дать мне возможность окопаться в вашем сердце и занять там долговременную оборону. Я уверен, что не пройдет одной недели, как наша новая супружеская жизнь будет переведена к нормальному бою.

Да! Когда дождемся той минуты, когда мы по команде под руку и торжественным маршем, строевым шагом направимся в ЗАГС для принятия присяги на верность друг другу.

16.04.45 г.

Норвегия

Наш народ

И вообще я обнаружил все признаки той мгновенной острой влюбленности, какая бывает подчас в условиях фронта, когда суровые будни войны, повседневная опасность и отсутствие личной жизни, порождают повышенную остроту чувств.

Много дорогих и близких моему сердцу людей отдают свою жизнь на войне за наше святое дело, пусть память их останется на долгие годы.

30.04.45 г.

Норвегия. Землянка в ущелье имени Фёдора Петровича Архипова, наводчика станкового пулемёта «Максим» моего расчёта. Утром ходили в штаб, рыли котлован для строительства ротной землянки. День очень тёплый, снег таял очень быстро и появились большие ручейки. Первый день такой тёплый за этот год. Пришли в свою землянку в ущелье, пообедали. Не прошло 20-25 минут, как нашу землянку стало затоплять водой.

Отлило 26 ведер. 40, 63, 90 ведер! Не успеваем отливать. Решили копать обводную канаву из землянки. Пока копали, вода стала глубиной в полметра. Грунт был каменистый, мы с трудом до вечера покончили с канавой. На полу грязь, пришлось вымостить пол камнями. После чего вызвал командир взвода и дал приказание перейти в другую землянку, но мы отказались. <...> Вот так приходилось вести подготовку к празднику.

01.05.45 г.

12.30

После завтрака закурил папироску и два раза сыграл в домино. Конечно остался «козлом». Выпивка ещё не предвидится, но обещают. В землянке полно грязи, со всех стен течёт. <...> Радостная пора – весна, но голые каменистые сопки наводят грусть на солдатское сердце. Скорее бы выбраться отсюда, из проклятой Норвегии, скорей бы в бой, что является утешением солдатского сердца. Хотя трудно в бою, но знаешь, что этим приближаешь победу. <...>

Сделал бумажный пароходик и пустил по ручейку, проходящему по землянке на полу. Когда только будет то время, когда пройдет грязь, и мы вздохнём вольным свежим воздухом.

06.05.45 г.

Решил бросить курить.

07.05.45 г.

Второй день идёт снег и сразу тает. Второй день не выхожу из землянки, болею. Дров нет, коксу тоже. В землянке холодно. Хочется курить, но держу себя в руках и не закуриваю. Причиной того, что бросил курить является: табаку не хватает, ибо курил очень много, а во-вторых, это отражается на здоровье. <...>

Ожидается окончание войны с немцами в этом году. Но ещё не возражал бы повоевать с японцами, чтобы обеспечить продолжительный мир. По отношению дома и даже мыслей нет.

08.05.45 г.

В конце августа 1941 года разгрузились на станции Поло, в восемнадцати километрах города Кирова. <...> Прошли пятидневку, тронулись дальше. Много ехало эвакуированных. Трудный путь им предстоял, полураздетые и полуголодные. Всё чаще стали попадаться разбитые платформы, вагоны и воронки на железнодорожных станциях от авиабомб. <...> Финны подходили к Виннице и 13 октября 1941 года за *** (населённый

пункт) получили первое боевое крещение. Были убитые и много раненых. Освободили 13 деревень и встали в оборону, задержали наступление белофиннов, сорвали его планы соединиться с немцами под Тихвином.

Записано коротко, но было переносить очень трудно и томительно. По четверо суток не пили и не ели, на морозе, мокрые, а пережили. Все ели дохлятину конскую и в мешках молотили

рожь и парили в котлах. Многие помирали от дизентерии и обмороживались. Соли не было около двух месяцев.

Вечером 8 мая пришёл со штаба полка, где узнал о капитуляции войск в Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии. <...> Утром собирались на занятия, когда пришло до батальона, что 9 мая день торжества, День Победы! Особенно какую-либо радость не ощущали, было безразлично. А когда был собран митинг, и после митинга появился прилив крови, вот тогда невольно хотелось неудержимо кричать «Ура!» и до боли жать руки товарищам. <...>

09.05.45 г.

Ущелье. Снег ещё не растаял. Сегодня в честь победы катались на лыжах.

11.05.45 г.

До красна раскалилась железная печка, но в землянке холодно, из-за того, что землянка с дырами в стенах, из пластов торфа и камня. Все товарищи лежат на «варшавских» койках – нарах и ведут задушевный разговор по отношению демобилизации. <...>

16.05.45 г.

Сегодня покинули землянку в ущелье с её каменным полом и ручейком по нему. Наконец то выбрались с гор на норвежский «простор» и расположились на песчаной низменности в скромной земляночке. Ожидается скорый отъезд из Норвегии. Сегодня получил письмо от Черемисиной Нины. Записываю выдержку из письма.

«<...> Без ваших писем мне будет грустно, я не буду находить ни в ком веселья, ничто не будет меня радовать. Но, Диамид, меня оскорбляют ваши слова, которые говорят, что вы недостойны меня, а я думаю наоборот. Образование здесь не причём. Вы много сделали полезного для Родины, ну а я ещё не успела сделать этого. Мне ещё 19 лет, я ещё не рассталась со школьной скамьёй. Так что, Диомид, вероятно, я не достойна вас. Но это не мешает нашей переписке. Мы можем остаться только как хорошие товарищи, а подругу жизни выбрать можете всегда достойную вам. А мне ещё много, много учиться. Вам же надо подругу жизни после военных невзгод...<...>»

04.06.45 г.

Целый день идёт снег, то пушистыми хлопьями, то в виде крупинки и толщина его больше чем в ладонь. В землянках течёт, а что будет завтра, если будет тепло. В общем, это Норвегия долгие годы останется в памяти.

Кратко напишу обстановку в землянке. Я из своей землянки перешёл в другую, и временно исполняю обязанности старшины роты. Вот сейчас сижу за небольшим столиком, покрытым листом резины для подошв. В прогоревшей дырявой печке горят дрова северной берёзки.

Землянка на метр вкопана в землю и по амбарному закрыта частично плащ палаткой и дёрном, по стенам – койки, сделанные из первоклассной древесины. Свисают трофейные бумажные мешки для защиты от осыпавшегося песка. Место угадали песчаное и от малейшего стука стены обваливаются. Над печкой на проволочных крючках висят два котла алюминиевых и грязное полотенце. Окно сделано из досок ящика патронного и вставлено 5 штук бутылок. Над дверью окно из просаленной бумаги, пол цементный, вернее, только что заготовленный для цементирования, засыпают природным щебнем. Лежат книги: «Два наставления о стрелковом

деле» и «Краткий курс истории ВКП(б)» и несколько пустых консервных банок со всякой дребеденью: пуговицы, крючки и всякая другая мелочь.

Время хотя час ночи, но светло, ибо круглосуточно день. Слышно, как с нарастающей силой, крупинки снега царапают о крышу. В общем, уходят мои молодые года бесполезно в Норвегии, ожидается скорый отъезд в СССР.

09.06.45 г.

Время час ночи.

<...> Налил из небольшого пузырька чернила в ложку-универсал. Когда надо писать – служит чернильницей, а если обедать, то вымоешь и кушаешь, да ещё пол черенка сломано. <...>

08.08.45 г.

Стоим на границе, как бы хорошо не жилось, взор всегда обращён на свою русскую землю, которая находится за заливом. Хорошо видно, что высятся русские постройки рабочего района Никеля. Здесь долго жить не будем, самое большое ещё пятидневку, а то, может быть, уедем и раньше.

Землянки обделали хорошо, внутренние стены обшиты дранкой норвежской сосны.

09.08.45 г.

После трёхмесячной передышки опять находимся в состоянии войны с Японией. Мы первый день сегодня приступили к строительству армейских казарм на территории Норвегии. По новому расписанию дня работаем ночью 8 часов, днём 3 часа учимся. Перешли на вторую норму питания, что не очень-то радует, лучше бы воевать.

12.08.45 г.

Сегодня с двумя солдатами охраняю новостройку. Ночью шёл большой дождь, но сейчас ярко светит солнце. По тракту разгуливают норвежцы, это является для них развлечением. Вот сейчас идут по тракту три пары, посмотрел я на них, что доходяги, до основания тонкие, длинные, у одной ноги, как спички, платье короткое выше колен. Одеты: белые чулки и под коленками с боку болтаются кисточки, как у трёхлетнего ребёнка. <...>

20.08.45 г.

Сегодня выходной день. <...> Вечером ходил на танцевальную площадку, много было норвежцев. Посмотрел на них, как баран на новые ворота, поговорили с одной на пальцах. Дал определение такое, что она по-русски плакать не умеет и разговора с ней не может быть никакого. <...>

11.09.45 г.

Только что пришли с новостройки. Сегодня мне сообщили, что еду с 15 сентября в отпуск. <...>

Отпуск отказали, так что дома не ожидайте, будьте спокойны. Но если не еду домой, то всё равно еду на днях на Родину. Это все равно, что дом, там будет лучше, потому что родная земля и мы за неё дрались

Отпуск мой обломил ввиду переезда дивизии в СССР. Казармы, какие были построены, разобрали, сколотили плоты. И первые плоты через залив погнал я.

15.09.45 г.

*Сегодня вызвали в штаб полка, записали гражданскую специальность и освободили от работ и занятий, дали отдых на подготовку к отъезду по демобилизации. Так что через два дня уезжаю домой, хотя и не верится.
<...>*

19.09.45 г.

Погода стояла тихая. Сегодня получил документы, какие положено для демобилизованного. Забрал вещи и тронулся в путь. В землянке у старшины роты простились. Стригин не сдерживая себя, заплакал.

До переправы доехал на лошади и последним взором смотрел на Норвегию. <...>

22.09.45. г.

<...>Ехал в кабине по той дороге, где год тому назад шёл с боями. Узнавал места, где приходилось вести непрерывный бой, около двух суток. Проехал до места, где погибли «смертью храбрых» мои боевые товарищи. Снял пилотку, шофёр приостановил машину, и я отдал последнюю почесть погибшим товарищам».

К концу сентября Диомид Матвеевич был уже дома. Спустя год, 5 августа 1946 года, Диомид Матвеевич женился на Евдокии Трофимовне, с которой они живут в мире и согласии до сих пор. Работал на шахте электромонтёром в городе Черногорске, а потом по призыву партии и правительства отправился на учёбу в Ташкентскую техническую школу, после окончания, которой в мае 1951 года получил специальность «Мастер по строительству искусственных сооружений». Приходилось ему строить и первый автомобильный мост в Барнауле через реку Обь.

Вспоминая войну, со смущением признаётся, что ни разу не был ранен, только однажды небольшими осколками лицо посекло, даже в госпитале не лежал. Но это совсем не означает, что прятался за чьи-то спины. Его награды говорят о смелости и отваге. Диомид Матвеевич всегда был в строю, возглавлял совет ветеранов посёлка Новосиликатный, помогал растить внуков, с удовольствием работал в саду. Когда перевалило за 90 нашёл для себя увлекательное занятие – собирать нехитрые модели в бутылках и флаконах. Мечтал собрать в бутылке парусник. То что успел собрать – дарил друзьям. На память!

Использован материал семейного архива Д.М. Кожуховского, п. Новосиликатный

Красных Пётр Никифорович

Красных Пётр Никифорович родился 2 июля 1911 года в селе Родино, Родинского района, Алтайского края в крестьянской семье. Его отец в 1917 году принимал участие в партизанском движении на Алтае – служил адъютантом при революционном повстанческом штабе. После этих событий работал в Советских учреждениях секретарём Родинского Волисполкома и сельского совета.

Пётр Никифорович в 1925 году окончил семилетнюю школу, работал и занимался самообразованием. В 1930 году начал работать учителем, закончил

Славгородское педучилище, а в 1938 году сдал экстерном Барнаульский учительский институт. До призыва в армию работал в Родинской средней школе. Жили большой семьёй: четверо детей и бабушка, мама Петра Никифоровича.

Повестка на фронт Петру Никифоровичу пришла 17 июля 1941 года. На фронт его провожали вся родня. Призывной пункт был в селе Родино, а оттуда подводами всех призывников отправили в Барнаул.

Потом он был направлен на учёбу во 2-е Томское артиллерийское училище, которое окончил в декабре 1941 года. В звании младшего лейтенанта получил назначение на Волховский фронт. Командовал взводом в 933-м артиллерийском полку, 377-й стрелковой дивизии.

В феврале 1942 года на плацдарме западного берега реки Волхов под Чудово был ранен и лечился в госпитале в городе Барановичи. После выздоровления, был направлен командиром взвода артиллерийского дивизиона при 167-м запасном артиллерийском полку. В октябре 1942 года стал командиром батареи этого полка.

А в деревне, как и другие жители села, семья Красных жила с надеждой на скорое возвращение мужа, отца и сына, надеясь только на свои силы. Всем подросткам пришлось идти работать. Плохо было с одеждой и особенно обувью. Летом ходили все босые. Работали в колхозе наравне с взрослыми.

Вязали снопы, работали на току, били семечки. Работа учитывалась трудоднями, и с урожая, по количеству трудодней, выдавали хлеб.

В семье все дети жили дружно, помогали матери с хозяйством. Все обязанности в семье были распределены, каждый из детей отвечал за своё дело, но и помогали друг другу. Заботились о младшем братике. Как могли, баловали его. Хотя с едой было трудно.

Хлеб, полученный на трудодни, экономили. Муку мешали с картошкой, добавляли лебеду и пекли оладьи, драники из картошки делали. Делали и так, картошку морозили, толкли в ступке, мешали с мукой и пекли лепёшки. Когда было конопляное масло, мама чуть добавляла его в блюдо, тогда казалось, что ничего вкуснее на свете нет. А масло из конопляного семени добывали сами.

Зимой трудно было с дровами. Собирали и заготавливали кизяки, ими и топили печь. Из-за нехватки топлива жили в одной комнате, где стояла русская печь. Дом полностью натопить было нечем. Но как бы ни было тяжело, в школу ходили. Писали на газетах между напечатанных строчек, чернилами, сделанными из печной сажи.

Зинаида, всегда жила в ожидании писем с фронта. А приходило их много. Зинаида Николаевна придумала, как их все сохранить и не растерять. Она взяла большую цыганскую иглку с суровой ниткой, и все письма нашивала на эту иглу. К возвращению мужа с фронта образовалась толстая пачка. Письмо всегда было событием, и читали его вслух. Ребятишки слушали сидя на печке, а взрослые - за столом. В семье сохранилось около 300 писем. Приводим некоторые из них.

04.09.41 г.

«Добрый день, милая Зинуша и семья! Поздравляю Ларочку с двухлетним возрастом. Жду фото посмотреть, как она выросла. Сегодня опять дежурю по канцелярии, представилась возможность писать чернилами. Да, дела творятся ужасные. К нам прибыли красноармейцы по 40 – 50 лет. Не знаю, что будет дальше. Пока учат всех на миномётчиков в тот же срок, как и молодых.

Зинуша, постарайся меньше беспокоится, береги себя. <...> Как там у тебя насчёт топлива? <...> Сейчас 3 часа ночи, в 6.15 подъём и опять, как заведённые часы до одиннадцати вечера. Ну, да это чепуха, тут всё можно. <...>

Иду, Милуша, спать. Пока, дорогая моя Зинушка».

14.05.42 г.

«Здравствуй, дорогая Зиночка, сын и семья! Уведомляю, мои дорогие, что жив, здоров, чего и Вам желаю. За внимание, дорогая, крепко, крепенько целую. <...> Отвечаю на полученные дорогие сроки. Так говоришь, сыночка растёт и крепнет, скорее бы увидеть его. А Ларуся, оказывается, не слушает Вас. Надо слушать. А вот интересно, Зинок, её разговор черкни, «хохмуша» наверное? Доволен, что тебе удалось вовремя посеять огород. Черкни, как насчёт хлеба у тебя, дорогая? <...>

Как же там мама, говоришь, совсем седая стала. Да, представляю, как вам там, дорогая, достаётся всё это. Пока, дорогая, все будьте уверены в нашей встрече. Целую всех, твой Петя».

29.06.42.

«<...> Получил от тебя письмо, в котором ты отмечаешь, как там Славуня, любит игрушки, выражая свою радость через хныканье. Хотелось бы скорее встретиться с Вами и увидеть всё наяву. Но пока что жить приходится воображением и надеждами. <...>

С питанием у меня дело обстоит хорошо, так Вы об этом не беспокойтесь. Вот сегодня получил сыр, масло. С удовольствием бы угостил всех Вас. Зина, бумагу, которую ты выслала для курения, получил. Большое спасибо, мы её с ребятами покурили. Пока, до встречи. Целую, всегда твой. Будь здорова. Целуй Славу».

26.07.42 г.

«Здравствуйте, дорогие Мама, Зина, дочери и Славик! Вчера получил твоё, Зинуша, письмо, получил открытку от Славы. За всё, дорогие мои, большое спасибо. Очень доволен, что у Вас растёт хорошо огород. Тая, слушайся маму и бабушку, смотри за малышами. Поливай с мамой и бабушкой огород. Помогай им во всех посильных работах, с тем, чтобы хорошо подготовиться к зиме, а на зиму мама по-прежнему устроит вас учиться. Крепко целую Всех. Ваш сын и папа».

Демобилизовался Пётр Никифорович осенью 1945 года в звании капитана. После короткого отдыха после фронта его утвердили редактором Родинской районной газеты «Дело Октября». Потом работал вторым секретарём райкома партии и председателем Родинского райисполкома в целинные годы.

Сейчас большая часть писем с фронта хранится в семье сына Петра Никифоровича Вячеслава, которого отец в письмах ласково называл Славиком.

Использован материал из семейного архива Н.П. Загнетиной, г. Барнаул

Кузьмичёва Галина Ивановна

Галина Ивановна всю свою жизнь посвятила народному образованию, её трудовой стаж в школе более 50-и лет. 1935 года рождения, голодное военное детство, потом учёба в институте и снова школа, теперь уже в роли учителя.

Родилась она и жила с родителями в селе Куличье Троицкого района. Это был рабочий посёлок, организованный в связи с разработкой леса в 1935 – 1936 годах.

Галина Ивановна вспоминает: «Мои родители познакомились в Новосибирске. Отец прибыл с Дальнего востока, а мама, вместе с другими переселенцами приехала в Сибирь с Белоруссии. Отец был грамотным, очень много читал, знал китайский язык, был очень работающим, как и мама, кроме этого, он умел лечить людей. Его в деревне называли костоправ. В тридцатых годах был объявлен призыв на лесозаготовки. Мама с папой завербовались на заготовки векового леса. Так моя семья оказалась в Куличье.

Вначале это место нельзя было посёлком назвать - определили место для будущего поселения и люди сами выбирали, где они будут строить жильё. Вскоре дом был построен, а точнее барак на три семьи. В нашей комнате, узкой, как пенал, была широкая кровать, на которой спала вся семья, 3 маленьких окна на улицу, иконы в углу, стол, лавка, печка-голландка, русская печка и полаты. Благодаря полатам значительно расширилось пространство, и в нашей комнате вечерами собиралось много ребятишек, мы располагались на печке и полатах, папка рассказывал нам сказки, рассказы, а мы слушали.

До сих пор восхищаюсь своими родителями, их работоспособности и милосердию. Скольких кормила мама, отец лечил всю округу, а мама запрещала за лечение деньги брать. Я ласково называла отца – «папка», он для меня был всем – самым лучшим другом, учителем, папкой. Как он много знал, это он познакомил меня с писателями, поэтами, художниками, до школы я прочитала Дюма, единственно, он мне говорил тогда – «Война и мир» Толстого, это тебе рано». Вечерами, когда у нас собирались соседские ребятишки, отец рассказывал сказки, пока все не уснут. А утром я начинала инсценировки. Собирала все сказки вместе и показывала в лицах героев, такие импровизированные спектакли были большим развлечением для моих сверстников. На селе меня называли «Костёй в глаз», либо «Барон Мюнхгаузен».

Место, где мы жили, называлось СИБЛАГ. Туда, кроме добровольно завербованных людей, ссылали семьями и по одному со всей России. Были у нас польские семьи, калмыки, немцы. Однажды маме полячка подарила зонт, папа кого-то лечил из их семьи. В то время даже слово такого «зонт» не знали, а у мамы он был настоящий и красивый. К сожалению, у мамы его потом в Барнауле украли.

Мама старалась помочь этим людям, они жили очень голодно. Шефствовала над бабушкой калмычкой, та жила вместе с маленьким внуком Колькой. Моя обязанность была носить ей суп. Мама нальёт суп в чашку, нужно было отнести её в бабушкин дом. Однажды я принесла чашку с горячим супом, зашла в комнату, а бабушка калмычка лежит на полу и мне ничего не говорит. Колька ревет голодный, ползает по ней и пытается расстегнуть маленькие пуговицы на груди у бабушки, чтоб добраться до груди. Оказалось, что бабушка умерла. Кольку потом дальние родственники забрали.

А потом была война. День начала войны я не помню, только со слов моего мужа, Анатолия Семёновича. Как он рассказывал, в их деревню на лошади прискакал вестовой и объявил, что началась война. Из его семьи забрали в армию отца и брата, вскоре маму вызвали в Камень-на-Оби за похоронкой. Когда она вместе с другими сельчанами переправлялась через реку Обь, лодка перевернулась и его мама утонула. Мой муж и его брат остались сиротами, им было тогда 8 и 9 лет.

А моего отца на фронт не взяли, у него была бронь, он остался работать в лесхозе. Очень часто его отправляли в командировки на разные строительные объекты, иногда отец месяцами не появлялся дома. А мама очень много работала. Пережив однажды страшный голод, она уже не смела допустить смерти детей от голода, очень много работала, старалась запастись продуктами. Помню, что вставала она в 4 утра, а ложилась далеко за полночь. У нас была корова, поросёнок. Мама сама сеяла просо и рожь, на огороде выращивала разные овощи. Моя обязанность была полоть этот огород, длиннющие грядки с луком.

Очень тяжело вначале было обрабатывать землю, ведь её нужно было очистить от корней, выкорчевать кустарники, поднять целик. Иногда приходилось топором рубить землю, по-другому она не поддавалась. Только потом можно было что-то садить в огороде. Капуста, картошка у нас была всегда, была у нас мельничка – два каменных круга, сыпали в отверстие зерно, крутили один круг, а потом из желобка начинала сыпаться мука. Мука получалась грубого помола, но и такому хлебу были рады, хлеба не хватало. На семью давали одну булку хлеба, приходилось занимать очередь в магазин с раннего утра. Мы приходили к магазину с первыми лучами солнца, располагались на крылечке и спали. А женщины придут и выгонят нас, мол вы здесь не стояли. Обиды, слёзы, но мама на селе пользовалась большим авторитетом и сразу всё расставляла на свои места – нас пропускали.

Зимой тяжело было, топить нечем, жили в лесу, но лес самостоятельно рубить было нельзя, даже поваленную ветром сухую лесину брать было

нельзя. Мама очень рано отгоняла корову в стадо и уходила с ней далеко в лес, чтобы обратно захватить хворост. То, что упало, хворост, сухой валежник – можно было взять. Притащит домой, меня разбудит – «Галька, пойдём пилить». Я научилась пилить дрова с 6 лет.

В школу я пошла в 1943 году, мне исполнилось 8 лет. Тогда все с восьми лет начинали учиться. Школа у нас была смешанная, вместе учились и девочки и мальчики. Помню свою первую учительницу – Анну Никифоровну. В школу шли кто в чём мог. Я была относительно хорошо одета, нянька (*дочь мамы от первого брака – прим. ред*) до войны окончила 7 классов и уже не жила дома, я была одна в семье, брат родится позже. Был у меня сарафан на широких лямках, который был сшит из сарафана умершей бабушки калмычки, его подарили маме её родственники. И была кофта, мама незадолго до войны ездила в гости в Белоруссию, на обратной дороге заезжала в Москву к своей тётке, вот она и сшила мне кофту. Мама умела делать всё, а вот шить не научилась. Летом во что одеть детей не задумывались. Все поголовно ходили без белья, его просто не было. У меня появились первые трусики в 9 лет. Помню в воскресенье пошли мы с мамой к няньке, она ещё в посёлке тогда жила. Я няньку любила и с радостью к ней шла, да там ещё и поиграть было с кем. Надеть мне мама предложила папину фиолетовую майку, а она короткая, попа голая сверкает. Я тогда булавкой между ног заколола так и пошла.

Электричества во время войны в домах не было, в домах берегли огонь, спички так же были в дефиците. Вечером выглядывали, в каком доме загорится огонёк, мама меня туда отправляла с ведром. На дне ведра береста и щепочки. Несу огонёк и берегу, что б ветром не задуло. Когда дома был папа, он высекал искру на фитиль камнями, что это были за камни, я не знаю.

Дома у нас было радио, черная круглая тарелка. Мне было очень любопытно посмотреть, что там внутри и как там люди поют. Больше всего интересовали песни. Однажды смотрела, смотрела... и дырку в чёрной бумаге проткнула, влетело мне тогда от мамы. Я любопытная была, начитанная, что позволяло мне командовать сверстниками. Учительницей была со школы. Подружки придут ко мне, просят, ждут от меня интересных рассказов. А мне лук полоть надо, даю задание – прополоть грядки, и все полют. А потом от мамы влетало, как правило, мои помощники пололи неважно.

Школа от дома находилась далеко, иногда зимой, когда буран, очень рано приходили в школу, только – только техничка начинала печи растапливать. Поможем техничке дрова принести с улицы, она наш класс первым затопит, мы парты ближе к печке подвинем и спим на них. Валенки у меня были. Помню, одного парня, который босиком в школу ходил. Тетрадей не было, а иметь их нужно было. Нянька из Барнаула прислала бумагу синюю, вощёную, упаковка от станков, она тогда на заводе № 77 (*ПО «Барнаул-Трансмаш» прим. ред.*) работала. Мне из этой бумаги тетради сделали, писать на такой бумаге было очень плохо, чернила плохо впитывались. Иногда делали тетради из старых книг или газет. Листы нужно было разлиновать косыми

линиями. Ручки с пером давали только отличникам, в основном у всех были самодельные. Из веточек малины выстругивали ручку и вставляли перо, так и писали. Вместо чернил часто использовали густой отвар луковой шелухи.

В школе нас кормили. При школе был огород. Весной каждая семья, у кого есть ученики, должны были вскопать сотку земли, посадить картошку для школы. Кроме картошки и другие овощи выращивали. Полоть, окучивать была обязанность школьников. Осенью старшеклассники убирали урожай. В учительской была печка с плитой и котёл. Техничка каждый день в котле варила суп. На большой перемене мы выстраивались в очередь за супом, каждому черпаком наливали в миску горячего супа. Мы с мисочками шли к своей парте, обжигая пальцы, и все вместе съедали суп. Это было так вкусно! А вот хлеба не давали. Тому, кто первым попросит добавки – добавляли, но на следующий день уже давали другому.

Кроме огорода каждая семья для школы должна была напилить 1 кубометр дров. Строевой хороший лес отправляли на фронт, в школу привозили коряги, да сучьё, очень часто приходилось этот кубометр дров пилить мне с мамой. Однажды пила пошла не так, как надо и я поранила руку. На рану швы накладывали, а на руке остался шрам.

Учебники покупали сами, и папа и мама на это денег никогда не жалели, учебники у меня были. Помню, что мне купили учебник по географии за 400 рублей. С четвёртого класса нужно было почти по всем предметам сдавать экзамены. Школа была ведомственная, относилась к железной дороге.

На экзамен приезжал инспектор в белом нарядном кителе. Экзамен проходил так: весь класс сидел в кабинете и комиссия, которая принимает экзамен, человек 7. Берёшь билет, немного готовишься и отвечаешь перед всем классом. Ответил – садись на свою парту и слушай других, выйти из класса нельзя. Помню, сдавали экзамен по ботанике. Достался мне билет про папоротник. Я рассказала всё, что знала про папоротник из рассказов Гоголя, что он зацветает в определённую ночь и так далее. Вижу, комиссия улыбается, мне вопрос: «Как размножается папоротник?». Стою, молчу. Слышу подсказку – «спорами», а я не поняла и говорю: «Размножается шпорами». Комиссия и весь класс хохотали, поставили 4, но мне так было стыдно, что я отца своими плохими знаниями позорю.

Несмотря на войну, всё наше свободное от учёбы и работы время проходило в играх. Я была чемпионка по игре в бабки. У меня они были классные, папа мне внутрь свинца залил, бабки очень хорошо били. Однажды иду, пацаны на проталине в «чику» играют. Игра, в которой монетками в стенку бьют. Предложили мне поиграть, я знала, что Витька всегда шульмует, но ведь я чемпионка по «бабкам» и сразу согласилась. В конечном итоге выяснилось, что я проиграла 100 рублей, по тем временам просто колоссальные деньги. Витька говорит: «Иди за деньгами, иначе убью». Знал, что в леспромхозе зарплата была. Я предложила свои замечательные бабки, Витька отказался. Пришлось идти. Дома вытащила из стола 100 рублей и переложила в другой ящик. Долго ходила кругами вокруг него и, в конце

концов, взяла, отдала Витьке. Пропажу мама обнаружила в этот же день. Мне допрос. Я долго стояла на своём, что деньги вот из этого стола я не брала. В конце концов, призналась, а мама быстро нашла Витьку, деньги были возвращены. Долго потом на меня Витька зубы точил.

Денег в те годы в семье всегда не хватало. Была хорошим подспорьем клюква, которую мама зимой продавала в Барнауле. В лесу и на болоте было запрещено собирать ягоды и грибы, не пускал лесник. А жить как-то надо, собирали тайком. Уходили в лес затемно, чтобы на глаза не попасться леснику, с рассветом начинали клюкву собирать, мешки с набранной ягодой закапывали в укромном месте и налегке шли в посёлок. А по темноте ягоду приносили домой. Зимой до села Гордеево пешком на санках 3 – 4 ведра клюквы везли, а потом мама с такой поклажей забиралась в поезд и ехала в Барнаул, продать клюкву по 1 рублю стакан. Денег на проезд не было и ездили, чтобы не платить, на подножках, иногда и на крыше.

Во время войны посёлок Куличье был уже очень большим. Много домов, школа, была общая баня, которую топили 2 дня – день мужской, день женский. Мы ходили в баню к Филиковым, баня была маленькая, на половину в земле, настоящая землянка. Мылись в этой бане 4 семьи, топили по очереди. Кто топил, тот и щёлок для мытья запаривает. Сначала мылись мужчины, потом женщины с детьми. Железных тазов не было, мылись в деревянных лоханях, ковшом на длинной ручке воду из котла наливали. Рядом с баней озеро было, из бани все выбегали и в озеро прыгали, ополаскивались.

Вшей у всех было море. Помню, в 4-м классе наискосок от меня Витька Ретунский сидел (он старше меня на 4 года был, но я его догнала по учёбе, часто Витька на второй год оставался), у него волосы чёрные, смотрю, а по волосам друг за дружкой вши ползут. Фельдшер, Дмитрий Семёнович, каждую неделю учеников осматривал, волосы мазью мазал. У меня волосы были не длинные, но очень густые. Мыть и расчёсывать такую копну было трудно. Папка мне волосы прореживал – выстригал прядки, но это плохо спасало. Однажды, то ли после болезни, то ли от вшей, покрылась вся голова коростой. Болит, вылечить мама не смогла, и меня на лысо обрили. Какое это было горе! Я тогда молиться впервые начала, просила Бога, чтобы волосы отросли, а они не отросли за одну ночь, тогда я решила, что Бога нет. Я плакала, жить не хотелось. Всегда лидером была, а тут остригли. В платке ходила, на тот момент страшнее горя, как потеря волос, у меня не было.

Помнятся самые страшные моменты из военного времени - похоронки. Помню, с мамой стоим возле дома, идёт мимо соседка, её в посёлке Баженихой звали. Она говорит моей маме: «Егоровна, слышала, Ретунчиха волосы рвёт», - «По ком?», «По младшенькой». У Ретунских воевала дочь на фронте, была связистка. В бою она своим телом закрыла раненого командира и была убита. Командир Нагайцев, по случайному стечению обстоятельств, лечился после ранения в госпитале в Новосибирске. Когда его выписали, он решил приехать в посёлок, где выросла его спасительница и поклониться в ноги родителям.

Это событие взбудоражило спокойную жизнь посёлка. Это был первый военный, да ещё офицер, приехавший в посёлок.

Про меня в посёлке говорили: «Кузьмины богатые, у Гальки отец в конюшне работает, Гальке на лошади разрешается сидеть. Она может в конюшню ходить и на лошадей смотреть». Дети тогда пешком практически не ходили, везде бегом, прокатиться на лошади в те годы – мечта каждого ребёнка, но не всем это удавалось. А кататься на лошадях очень хотелось.

Выходили из положения так: была игра, скаканье на конях. У каждого была своя длинная ветка тальника, листья отрывали, только на конце оставляли пучок – хвост. Это и был конь, мы не ходили или бежали, мы скакали. Однажды слышим: «Галька, Валька, к Ретунским офицер приехал». Мы сразу на коней и поскакали, только пыль за нами вьётся. Надо сказать, что я бегала и соответственно скакала быстрее всех. Я первой прискакала к дому Ретунских и увидела настоящего офицера в форме, на кителе которого были ордена.

День Победы в посёлке, как и начало войны почему то не запомнились у меня, но хорошо запомнила, как встречали поезда с фронта. Это было летом. Мы знали, что должен прийти поезд и все бежали. Было не важно, приедет родной человек либо сосед, бежали все. Спрашивали у тех, кто приехал: «А где мои, ты их не видел?»

Использован материал интервью с Г.И. Кузьмичёвой 2011 год, г. Барнаул.
Приводится в сокращении.

А.С. Цыбинов

ДАЕШЬ СТАЛИНГРАД

Вода кипела в Волге,
И кровь рекой лилась...
Здесь заря победы
Над миром занялась.

О, сколько здесь погибших
В огнях боев солдат,
Спесь с фашистов сбивших,
В сырой земле лежат!

Души их, встречаясь,
Боев припомнив ад,
Твердят, перекликаясь:
«Погиб за Сталинград».

Немногие живые,
Дожив до наших дней,

Не знают Волгограда,
Им Сталинград милей,

Милей своею славой
И правдою своей.
В майский День Победы:
«За Сталинград налей»...

Смешав вино и слезы,
Они одно твердят:
«Не знаем Волгограда,
Есть город «Сталинград».

За Сталинград, солдаты,
Возвысив голос свой!
Не Волгоград в истории,
А Сталинград – герой.

Крылов Михаил Миленьевич

Очень скудная информация о Михаиле Миленьевиче. Что родился в 1920 году в Рубцовском районе, на фронт призвали в возрасте 22-х лет и служил рядовым. И служба его была очень короткой. Но сохранились два его письма, в которых он постарался описать родным фронтовой солдатский быт и взаимоотношения. Очень ласково и с любовью обращается он в письмах к своим близким людям.

11.1942 г.

«Добрый день, дорогие родители: папа, мама, брат Ваня, Гоша, сестра Тоня, сноха Вера, милый крестник Геночка! С приветом к вам ваш сын.

Шлю я вам свой сердечный красноармейский, пламенный привет и желаю в вашей жизни всего хорошего. В первых строках я вам сообщаю, что я жив, здоров и вам того желаю <...> Нахожусь на Калининском фронте. От передовой линии - полтора-два километра. Я написал вам уже с фронта 3 письма и открытку, а от вас ничего не получил. Я вас прошу, чтобы вы писали мне ответы на каждое письмо и опишите, как вы живете, все ли у вас в целости, что приготовили на зиму. Сколько накопили картошки. Купили или нет себе квартиру. Обо всем напишите мне, а то мне скучно. Я нахожусь здесь из вашей семьи один, а вы все вместе. По газетам известно, что принимаются посылки весом 5 кг. Можете послать что-нибудь из теплых вещей и что-нибудь сушеного из продуктов, сладкого. Напишите, получили ли справку мою красноармейскую как добровольца. Вышлите табака».

11.1942 г.

«Сообщаю, что я сейчас и все мы стоим на одном месте. <...> Неприятностей, покамест, больших нет от немцев на передовой. Мы находимся метрах в 300 или 500, ведут с той и с нашей стороны перестрелку, но пока еще в бою не были. Я написал вам много писем, но от вас нет никакого сообщения. Хотя бы сообщили, как живете, все ли живы, что оставили из скотины в зиму.

Ещё я вам опишу, что я, как «кудышний» боец, с некоторыми ребятами получил небольшие посылки, которые были посланы из <...> республики орденоносной, и за которые мы очень их благодарим. В посылках было водки по «четушке», сухарей грамм 400 или 500, пряников по 5-6 досталось, когда разделили, нам с товарищем на двоих (товарищу сравнялось 4 месяца со дня его службы в рядах Красной Армии). Мы с ним выпили эту водку, закусили хорошими сухарями, пряниками, селедкой, попили чаю. В посылке был табак, одна осьмушка, кисет, печатка туалетного мыла. Покурили с ним, и пошли по дрова, собирать сухих дров для отопления наших блиндажей, в которых мы сейчас проживаем. Приготовили дров, и на передовую, для обслуживания своей связи. Отдежурили мы сутки, пришел я с дежурства и стал писать вам письма на бумаге, которую тоже получил из посылки. Я вас прошу, вы тоже

посылайте посылки для бойцов Красной Армии. Нужно помогать <...>. теплой одеждой и также продуктами.

Сейчас нам уже дали ватные брюки, теплые портянки. Скоро выдадут и полушубки или фуфайки, тимы, потому что скоро пойдем в бой. Остаюсь жив и здоров и вам того желаю. Передавайте приветы всем знакомым. Затем, до свидания».

Крылов Михаил Милентьевич погиб в бою 15 декабря 1942 года. Похоронен в деревне Цицино, Вельского района, Смоленской области.

Использован материал Краеведческого музея города Рубцовска.

Кузнецов Владимир Борисович

Вспоминает Ирина Борисовна, родная сестра Владимира: «Володя родился в семье сельских учителей 15 декабря 1924 года в селе Братково Грязовецкого района Вологодской области. В 1931 году мама, Ольга Яковлевна, с ребятишками переехала в Омскую область, где работала преподавателем в школах Таврического района до сентября 1947 года, т.е. до переезда в Барнаул, который стал для всей нашей семьи второй родиной.

Война рано сделала Володю взрослым. Чтобы помочь маме материально, поднимать малолетних сестру и брата он в 1942 году оставил учёбу в 10 классе и пошёл работать в колхоз. Работал там заправщиком,

учётчиком в тракторной бригаде.

В июле 1942 года Володя был призван в армию, хотя ему было только семнадцать с половиной лет. Несколько месяцев военных занятий и в январе 1943 года Володя отбыл на фронт. С того времени прошло более 60 лет (*интервью записывалось в 2006 году – прим. ред.*), но без слёз не могу вспоминать нашу последнюю встречу с ним в январе 1943 года на железнодорожном перроне станции Омск.

Тогда я была студенткой I курса Омского сельскохозяйственного института и несколько дней и ночей караулила на морозе сформированный в Новосибирске воинский эшелон, отправляющийся на фронт. Как Володя был рад встрече! Обидно до сих пор, что не могла угостить на прощание, так как жила в общежитии и кроме простого хлеба, по студенческой хлебной карточке 400 граммов в сутки, у меня ничего не было. Через полчаса мы расстались и, как оказалось, навсегда...

На фронте Володя служил рядовым радистом 524 стрелкового полка 112 стрелковой дивизии, участвовал в битве на Курской дуге, форсировал Днепр, освобождал от врага Украину и её столицу Киев.

Хотя Володе было только 18 лет в письмах с фронта он, как умудрённый опытом человек, постоянно выражал заботу о здоровье мамы, а также малолетних сестры и брата Аллы и Георгия, давал советы по хозяйственным вопросам, как прожить в это трудное военное лихолетье. Мама растила нас одна».

18.10.42 г.

«Здравствуй, Ира! <...> Живу и чувствую себя ничего, но твои предположения оправдались: сегодня или завтра нас отправляют на восток. Может быть увидаться не придётся. Очень обидно, но ничего не поделаешь. <...> Пиши чаще о себе, о своей жизни. Учёбу не бросай, трудное время надо пережить. Передай маме, чтобы она берегла своё здоровье, пусть, как можно лучше питаются. <...> Ну, пока, не поминай лихом. Владимир. Бердск».

30.11.42 г.

«Здравствуй, дорогая сестра! <...> Жаль, что очень мало пишешь о себе, о доме, очень хочется узнать, как вы живёте, как учишься, как проводишь время. <...>

О себе мне много писать не приходится. С утра до вечера занятия, завтрак, обед, ужин и всё. <...> Вообще не плохо, самочувствие хорошее, насчёт питания хуже – не хватает. Вчера вечером пришли из похода, который продолжался три дня, ночевали в лесу. <...>

Отправка должна быть скоро, но точно не знаю, в какой день. <...> Барабинск».

15.12.42 г.

«Здравствуйте, дорогие мама, Алла, Жорик. <...> Мама, ты не представляешь, с каким нетерпением я жду от вас письма. Мне хочется узнать о том, как вы живёте, как дела обстоят с хозяйством. <...>

Сегодня 15 декабря мне исполнилось 18 лет. Сегодня вспоминается вся моя жизнь из года в год. Правда, жизнь не долга, но воспоминаний очень много. Мама, за прошлое прошу у тебя прощения, говорят лучше, чем никогда. Сколько раз я был не прав перед тобой, об этом знаешь только ты, и судить об этом только тебе. А о будущем говорить не приходится. Достигнув совершеннолетия я не добился в жизни своего, мои желания не исполнились, посмотрим, что будет дальше. <...>

Желаю вам счастливой жизни. Мама, береги своё здоровье, не перегружай себя работой, старайся лучше работать. Алла, слушайся маму, помогай по хозяйству. Жорику тоже нужно слушаться маму и поменьше хулиганить. <...> Владимир».

24.10.42 г.

«Здравствуй, дорогая сестра. Получил от тебя письмо, но жаль, что пишешь очень мало. А хотелось бы читать и читать, но читать почти нечего. <...> Эх! Ирина! Как мне хотелось бы сейчас побыть дома! Ты не можешь представить и тебе никогда не испытать этого чувства <...>. Ну да что толковать об этом, эту мысль нужно откинуть навсегда. <...>

Живу пока неплохо, а как дальше будет – не знаю. Дожил до 18 лет, дожить бы до 19. Недавно ходили в поход, но я не ходил, так как у меня нет валенок. Обморозил нос. <...>

Очень хочется покушать домашнего. Из продуктов вышли всё, что у тебя есть. Ты прости за такую крайне бесцеремонную просьбу – охота нажраться, хоть раз (в полном смысле этого слова). Псылки принимают. Псылать не бойся, в крайнем случае по обратному адресу дойдёт назад. В псылку можно положить газет, если есть, иголку, ниток, бумаги, карандаши. Ира, ещё раз прошу, вышли и немедленно. <...> Целую, Владимир».

29.03.43 г.

«Здравствуйте, дорогие мама, Алла, Жорик. Нахожусь на фронте в Курской области. Пока жив и здоров, чувствую себя хорошо. Писать долго не могу, потому что всё время находимся на марше – в боях. <...>

Живите и работайте там, а мы будем бить фрицев здесь. <...> Ваш сын и брат Владимир».

16.07.43.

«<...> Пишите как можно чаще. Вы не можете представить до какой степени я рад каждому письму, которое получил от родных. Это одна радость в эти минуты, ведь боевые атаки у нас. Пишите чаще. Обо мне не беспокойтесь. Целую Владимир».

21.07.43 г.

«Здравствуй, дорогая сестра! <...> Сейчас 10 часов утра. Лежал на зелёной траве под тенью дубков, думал о жите быте и решил написать тебе письмо. Ира, я пока жив и здоров, настроение хорошее. Особенно поднимается после того, как послушаешь по радио сообщения Совинформбюро, о том, как наши ведут наступательные бои с противником на Орловско-Курском направлении. Дела хорошие, воевать веселей. Дня два назад участвовал в одной операции, давал радиосвязь подразделению. Жаркое было дело, не знаю, как только остался цел. Значит, счастлив я. <...>

Пиши обо всем, всё меня интересует. А пока, дорогая сестра, до свидания. Возможно, ещё и встретимся».

4.10.43 г.

«<...> Ира, я радуюсь твоим успехам в учёбе, это очень хорошо, что ты учишься на стипендию и не требуешь денег с мамы. <...>

Ты спрашиваешь, чтобы я написал подробно о своей жизни. Что я могу написать? Не знаю. Я здоров, чувствую себя хорошо, работаю радистом и всё, что могу сказать о себе. А что такое война ты должна представлять. Вот так. <...>»

28.09.43 г.

«Здравствуй, мама. <...> Обо мне не беспокойтесь. Я жив, здоров, дела идут хорошо. Уже пил днепровскую воду. <...> »

26.10.43.

«<...> Сегодня по радио услышали, что взяли Днепропетровск – настроение повысилось. <...> Я всегда бодр, не падаю духом ни при каких обстоятельствах. Желаю и тебе быть такой же. <...> Владимир»

Это было последнее письмо от Владимира. Пятого ноября 1943 года под Киевом у села Ровны, он погиб от прямого попадания снаряда в место, где укрывался с радиостанцией и вторым радистом Никифоровым. Спустя некоторое время Ольга Яковлевна получила официальное извещение о гибели сына, не дожившего до своих 19 лет - месяц и 10 дней.

Несмотря на то, что прошло более много лет с того времени, боль утраты не утихает в семье до сих пор. Поклониться земле, где пролилась кровь Володи, ездили в 1970-ые годы сестра Ирина, племянница Ольга и брат Георгий с детьми. В селе Ровы в день сорокалетия Победы 9 мая 1985 года был митинг у братской могилы погибших, были зачитаны фамилии на плитах у обелиска, в том числе прозвучала фамилия Кузнецова Владимира Борисовича. Местные жители вспоминали, какие страшные бои были в начале ноября 1943 года, «как жутко гудели орудия» и все жители деревни хоронились в лесу... И плакали и благодарили живых и погибших.

Использован материал из семейного архива Кузьменко И.Б., г. Барнаул.

Смоленскими дорогами. Художник К.Л. Глушко

Отец и сын Кучеровы

...война выбора не имеет...

Фамилия эта хорошо знакома благовещенцам, каждый день многие из них ходят по улице, носящей имя Кучеровых.

Какими они были, эти люди? С фотографии в музее смотрит на нас юноша в офицерской гимнастерке Николай Кучеров. Спортсмен-разрядник по многим видам спорта, начитанный, любознательный юноша – таким он был в школе. Неслучайно ему доверили преподавать историю. Возможно, вышел бы из него хороший педагог, но была у юноши другая мечта. Хотелось ему стать офицером.

Время было тревожное. Мальчишки мечтали о великих подвигах, известной мечтой многих было поступить в военное училище. Николай осуществил свою мечту. Весной 1941 года он окончил Томское военное училище. По пути к месту назначения молодой артиллерист заехал домой повидаться с родными. Обещал приехать в отпуск. И не знал, что больше никогда не ступит на порог родного дома. Прощался легко, на время, а оказалось – навсегда.

До места назначения лейтенант Кучеров не доехал, прямо в пути получил известие о том, что началась война. И сразу же – фронт, сражения. Зимой 1942 года на фронт ушел еще один мужчина из семьи Кучеровых – отец Андрей Васильевич. Перед войной он был председателем сельского Совета в Благовещенке. Короткой оказалась его фронтовая дорога.

Письмо Кучерова Андрея Васильевича, моряка Черноморского флота.

24.05.42 г.

«<...> Письмо от известного вашего папки. <...> Сообщаю, что письмо ваше получил. Очень благодарен, особенно Николай Кучеров благодарю доченьку, которая написала письмо и не забывает старенького папу. <...> Наша задача – разгромить немецких фашистских стервятников. <...> Пропишите, как вы живете. Ваш папа».

Письмо от Кучерова Николая Андреевича.

03.06.42 г.

«Здравствуйте, родные мамаша и сестры. <...> Получил от вас письмо вчера. От папаши тоже на днях получил письмо. <...> Я пока жив и здоров. На протяжении трех недель было на нашем участке относительное затишье, но сегодня противник перешел в наступление. С утра отразили три атаки пехоты и танков. <...> Сейчас только рухнул на землю немецкий стервятник, сбитый нашими. Вот мне интересно, как вы там живете? Как обеспечены питанием, получаете ли от меня по аттестату по 600 рублей? Как обстоят дела в Благовещенке? <...> Больше писать некогда. Иду открывать массированный арт. огонь по банде противника. Ваш Коля».

Летом 1942 года семья получила страшное известие – Андрей Васильевич погиб под Балаклавой. Узнав о смерти отца, Николай поклялся отомстить фашистам, воевать еще лучше. Но 9 ноября 1942 года в бою за деревню Конюхово, что в Новгородской области, капитан Кучеров погиб «смертью храбрых».

Письмо ординарца Николая Кучерова - Майстренко.

Дата не известна

«Здравствуй, уважаемая, дорогая сестра моего незабываемого дорогого Николая Андреевича, моего боевого командира и товарища. <...> Николай Андреевич, наверное, чувствовал, что должен погибнуть, и однажды оставил мне карточку и письмо. Письмо погибло, оно было в противогазной сумке и во время переправы реки размокло так, что я не смог ничего разобрать. Оно было адресовано маме, а фотокарточка уцелела. Посылаю вам фотографию Коли и могилы, где он похоронен. <...> Я с Колей воевал с первого дня прибытия на Северо-Западный фронт, в район Старой Руссы, где он погиб. Во время корректировки огня снайпер прервал жизнь такого хорошего человека. Я проклинал себя за то, что в этот момент меня не было с ним рядом. <...> С Колей приходилось попадать в очень сложные обстановки. Много раз я спасал Коле жизнь, а также он мне. Но вот получилось, я остался жив, а Коли нет. Лучшие бы я погиб. У меня в Харькове погибли жена, сын, и я остался один, а ему никак нельзя было умирать, но ничего не сделаешь, война выбора не имеет. <...>»

Благодарная память потомков хранит имена тех, кто отдал жизнь за наше будущее. Помнят отца и сына Кучеровых в Благовещенке. Их именем названа улица. Улица, с которой они ушли в бессмертие.

Использован материал школьного музея № 1, с. Благовещенка.

Лапекина Федосия Ивановна

Феня Лапекина училась в школе № 5, единственной в то время средней школе в городе Камень-на-Оби. Вручение аттестатов совпало с началом войны, и вместе с другими одноклассниками - Хильченко Николаем, Стариковой Манефой, Лозгачевым Анатолием — Феня также изъявила желание пойти на фронт добровольцем. Но просьбу девушки отклонили, и Феня поступает на филологический факультет Барнаульского пединститута, эвакуированного в годы войны в Камень. Одновременно учится на курсах медсестер, и, сдав экзамены за первый семестр, вновь приходит в военкомат с просьбой направить ее на фронт. В это время из троих детей семьи Лапекиных на фронте были уже двое - старший сын Семён и средняя дочь Полина, военврач полевого госпиталя. В конце марта 1942 г. Каменский военкомат формирует группу девушек для отправки на фронт, в их числе и Лапекина Феня. Её боевой путь был коротким.

11 сентября 1942 г. родителям Фени пришло извещение, в котором сообщалось: «Ваша дочь, санитарка Лапекина Федосья Ивановна, <...>, в бою за социалистическую Родину, верная воинской присяге, проявив героизм и мужество, была ранена и умерла 11.09.42 г. от сквозного пулевого ранения правого коленного сустава и сепсиса. Похоронена в г. Кулебаки Горьковской области. <...>».

С фронта вернулся инвалидом старший сын Степан, всю войну прошла средняя дочь Полина и вернулась в родной дом, и горькая память о самой младшей — Фене — всегда сохранялась в доме Лапекиных. Ушли из жизни родители, а письма сестры бережно хранила Полина Ивановна, и передала их в Каменский краеведческий музей в 1987 году.

Феня была очень активной и веселой девушкой, любила участвовать в художественной самодеятельности, очень хорошо училась, любила читать. Об этом свидетельствуют и ее письма — они написаны ровным аккуратным почерком, без ошибок. Наверное, из нее получился бы очень хороший учитель, она стала бы замечательной мамой — с какой любовью в каждом письме она вспоминает «милую маленькую племянницу Томочку», не успев испытать счастья материнской любви.

03. 04.42 г.

«Здравствуйте, дорогие папа, мама, Нюра и милая Томочка! Шлю свой горячий привет из Поромонова. Ехали из Ярков мимо Медвежонка, приехали часов в 10 вечера и пошли квартиры искать по первому тракту, я случайно попала к землякам, и мы хорошо отдохнули.

На второй день поднялся буран, и мы поехали в Платаву и здесь ночуем. Приехали в полишестого. Проехали сегодня 40 км. Уже темно, и я пишу без лампы. Нюся тоже пишет. А с Пожаровой мы отдельно, так как она у другого возчика. Ехали - не замерзли ни разу. Чуть станешь мерзнуть - слезаешь с воза, спрячешься за лошадь от ветра и идешь греешься, а сегодня,

3.04, и вовсе среди леса ехали, тепло, так всю дорогу спали. Квартиры попадаются хорошие. Ехали до Ново-Ярков, всю дорогу хохотали, то там девчата с воза упадут, то там. Прямо смешно. Еды мне хватит, еще не начинала мешочек совсем, где стоит горшок, да и в этом мешке половина еще. Здесь продуктов ни в одной деревне не найдешь, даже огурцов с капустой, а не только молока или еще чего-нибудь.

Ну, писать совершенно темно, а огня они не зажигают. Так что до свидания, поцелуйте Томочку за меня. Обо мне не беспокойтесь, едем благополучно, ничего не потеряли, ничего не украли.

До свидания, привет всем, целую всех, не беспокойтесь».

16.04.42 г.

«Здравствуйте, дорогие родители, Нюся, милая маленькая Томочка! Шлю я вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Мы находимся в пункте назначения, обучаемся своему делу. Я здорова. Живем весело, все вместе - сколько нас поехало. Кушаем хорошо, и хлеб, и все остается. Здесь своя баня, правда, постирать здесь почти негде, но мы когда в баню идем, нам разрешают мелочь стирать, а завтра все стирать будем, и все белье.

Обо мне не беспокойтесь, живем хорошо, и здесь нам всегда идут навстречу, нашим запросам и интересам. Нас разбили по батальонам. Мы, может, скоро пойдем на фронт, но еще не знаем, когда... Нас обмундировали, дали куртки, пиютки, но ботинки очень большие, (41-й размер), но обещают меньше дать. Сейчас пришли из бани и пообедали.

Здесь колодца нет, а есть ветрянка, а если ветер есть, то и вода есть, а если ветра нет, то и воды нет, и здесь везде такие колодцы-водокачки. Я соскучилась по Топочке, она теперь, поди, большая и говорит. Ну, писать больше не о чем. До свидания, поедem на фронт - тогда сообщу. Пока не беспокойтесь и не скучайте, пишите. Пишет ли Поля и братка? Привет всем родным и знакомым. Вещи отошлем посылкой с Шурой вместе».

22.04.42 г.

«Здравствуйте, дорогие мама, тятя, Нюся и милая Топочка. Я жива, здорова, посылаю вам справку. Писем не пишите, пока не напишу точного адреса. Мы выезжаем. Настроение у всех замечательное. Обо мне не беспокойтесь.

Как вы там управляетесь с огородом. Садите всего больше. Пишет ли Поля и братка, Топочка теперь поди говорит, я по ней соскучилась. У нас здесь бывает кино, вечера самодеятельности. Сейчас отдыхаем, девчата играют на гитаре и балалайке, на ложках. Хохочут на всю казарму!

Мы обмундированы полностью. Ну, до свидания, а то сейчас обед и я хочу есть. Сижу до обеда ем хлеб с сахаром, суп сейчас принесут. Писать больше не о чем. С пути напишу ещё. До свидания, не беспокойтесь. Целую всех и особо Топочку – баловницу».

14.05.1942 г.

«<...> Я доехала до места благополучно. Жива, здорова, у нас очень весело, живем в деревне в Ярославской области. Деревушка маленькая, чистенькая, 11 дворов. Здесь все такие чистенькие деревушки и одна от другой близко. Дома большие, хорошие, и стены и потолок скобленные, и все дворы с домом под одной крышей, хозяйка у нас добрая, живем с девушками дружно, девушки хорошие.

Ехали хорошо, и в дороге были 12 дней. Мы учимся своему делу. Командиры у нас хорошие. Как поживаете там вы? Пишут ли Поля и братка, сколько посадили всего в огороде и сажали ли в поле? Здесь еще в огородах не посажено. Природа здесь замечательная, кругом бор. Правда, климат сыроватый, все время маленький дождь моросит, но еще весна, и летом здесь меньше дождей.

Ну, писать больше не о чем, с дороги не писала, так как было некогда, и не разрешали. Ну, до свидания, обо мне не беспокойтесь, и не расстраивайтесь. Если я долго и не буду писать, так это не значит, что со мной что-то случилось, а просто некогда или неохота. Вы знаете, что я не охотница письма писать. Ну, еще раз до свидания, привет всем родным и знакомым. Если Полин адрес изменится или браткин, сообщите мне. Мой адрес: п/п 7282/1-6».

18.06.42 г.

«<...> Мы живем хорошо и весело в лесу, в лагере я нахожусь вместе со следующими девчатами: Кузнецовой, Якуниной, Мещеряковой, Широковой, хотя они из Камня, но вы их не знаете, а с Шурой Пожаровой мы не видимся, т.к. в разных батальонах. Но все равно мы живем дружно и весело, после занятий песни, танцы. Мы научились быстро по тревоге собираться, подыматься ночью. Мы сейчас находимся в Солнечногорске.

Когда ехали, видели много сожженных разъездов, улиц в городе и поселков и станций, видели немецкие сбитые самолеты и танки и батареи и другие виды оружия, в Солнечногорске хозяйничали немцы, видели их мундиры, конечно, рваные и в крови, пробитые каски.

Мы учимся со своими взводами. Нам дали полное снаряжение, винтовку, санитарную сумку, противогаз. Скучать не приходится, т.к. с утра на занятиях, а в свободное время веселье. Вчера украшали лагерь. К нам часто ездят начальники и заботятся о каждой мелочи бойца, все с большой радостью встречают их, а они вместе с бойцами и пляшут, и поют, и веселятся.

<...> пишите как вы там живете, большое спасибо тебе, мамочка, за письмо, я твой почерк хорошо разобрала, получила я его во время похода, когда у нас был поход всей дивизии. Напишите письмо Поле, что я в армии, а то она мои, наверно, не получала, да и вы, наверно, не все получаете. <...> Ну хорошо, что вы насадили всего много, приедем из армии с победой, устроим

пир на весь мир. Ну до свидания, не скучайте, не беспокойтесь обо мне, целую маленькую Томочку крепко, крепко, я уже по ней соскучилась. Я бы снялась и выслала карточку, но здесь не снимают, пишу плохо, потому что кусаются комары, и мы с девочками пишем и смеемся, потому что приходится дергаться все время, чтобы отогнать комаров. <...> живите не скучайте, привет всем родным и знакомым. Целую. Ваша Феня».

01.07. 42 г.

«Здравствуйте, дорогие мама, папа, Нюся и милая маленькая Томочка. Шлю вам горячий красноармейский привет и крепко целую маленькую Томочку, по которой я очень соскучилась. Пишу письмо в перерыв между занятий, а занимаемся мы с красноармейцами вместе, по взводам. Я хочу описать поподробней мою жизнь, а то я вам почти ничего не писала, а вам интересно знать, как я живу. Во-первых: я одета в гимнастерку, юбку, черные чулки, казенные, конечно, и ботинки на спиртовой подошве, очень крепкие и хорошие, на голове пилотка, петлицы у гимнастеров и шинели зеленые, шинель новая, толстая и теплая. Белье две пары, казенных. Утром встаем, завтракаем, надеваем противогаз, сансумку, берем винтовку и идем на занятия, вещмешок и скатку оставляем дома, а если холодно, то шинель не делаем в скатку, а надеваем.

Занимаемся до обеда, после обеда отдых один час, и опять на занятия, потом идем на ужин, после ужина чистка оружия, свободное время до поверки - танцы, кино, песни, а потом поверка, после поверки прогулка, т.е. строем ходим и поем песни, после прогулки отбой, т.е. спать. Подъем, то есть встаем в 5 часов и отбой, т.е. ложимся спать в 10 часов вечера. Как бы вы могли видеть, как хорошо мы вооружены, какая техника, вы так бы удивлялись, как и мы, девушки, в первый раз.

Живем мы хорошо. Уже ходим на стрельбище, учились стрелять. Занимаемся мы все время в поле, в лесу, на опушке леса, но не в зданиях. Занятия мне очень нравятся, вы сами знаете, что я люблю военное дело. Ну, одним словом, мы живем хорошо и весело, никогда не унываем и беспокоиться обо мне нечего. Однажды мы видели, как стреляли зенитки трассирующими пулями, очень интересно. С девушками других батальонов мы кой-когда встречаемся во время занятий.

<...> Пишите, как вы там живете, как погода. Здесь очень часто дожди, и редко какой день жаркий без дождя и то до полудня, а то обязательно дождь. Как растет в огороде. Вы там запасайте всего больше, приедем с победой, устроим пир на весь мир. Больше запасайте продуктов и овощей. Здесь кругом леса и ягод всяких много, но еще не поспели. Как у вас там насчет груздей и ягод? Как на базаре продукты и вещи? Чего нового? Какие картины в кино? Работает ли сад? Где Вера Гордеева, она мне что-то не пишет на мои письма, наверно, не получает.

<...> Если тебе, мама, трудно писать, то пусть Нюся напишет. Только обо всем пишите подробно, особенно о чем спрашиваю в письме, и выполните

мою просьбу о заготовке всего, т.к. сами знаете война и мы должны все увеличить вдесятеро. Не пропала ли вода в колодце? Как ваше здоровье? Особенно твои руки, мама. Берегите свое здоровье и обо мне нисколько не беспокойтесь, об этом я уже в каждом письме пишу. Получаете ли мои письма? Хотя я и не очень часто пишу, но все же писала достаточно, а вы не забудьте мои просьбы и ответьте на все вопросы в письме. Пишите подробно обо всем, и еще раз прошу не беспокоиться обо мне.

Напишите, как течет жизнь в Камне? Ну до свидания, с нетерпением жду ответ на мои вопросы в этом письме. Крепко, крепко целую, особенно маленькую Томочку. Нюся, помогай маме ухаживать за огородом. Берегите Томочку. Ну еще раз до скорого свидания. Целую. Ваша Феня.

Сейчас до слез хохотали. Аня (подруга моя, нас пять девушек) легла на землю, а под голову положила сансумку и говорит: «Мы так привыкли без подушки, что приедем домой и будет неловко спать с подушками!» Сегодня день хороший, но мы в шинелях, т. к. с утра было холодновато, а земля сырая, ночью дождь был. Сейчас все очень хохочут и я даже не могу писать от смеха. Бойцы разбаловались и один чуть не свалился в воду (он доставал пить), а вода здесь близко, на метр выроешь и вода бежит, а поэтому мы котелком или каской достаем прямо руками. У нас тоже каски есть. Ну ладно, перерыв кончается и приступаем к занятиям. ... Получили ли посылку с зимним пальто, еще в апреле посылала. Сарафан я продала, и штаны теплые тоже, т.к. в вещмешке и так много вещей. Мое осталось: юбка, майка красная и безрукавая, рейтузы, черные трусики, все чулки, варежки, если бы знала, что нас обмундируют скоро, то я все выслала еще тогда бы, а то сарафан и штаны жалко, дома пригодилось бы».

06.07.42 г.

«Здравствуйте, дорогие папа, мама, Нюся и маленькая племянничка Томочка! Крепко, крепко вас целую и посылаю вам горячий красноармейский привет. Я хоть недавно написала вам письмо, в котором просила ответить на ряд вопросов. Жду с нетерпением на него ответ. Мы все еще на старом месте в Солнечногорске. Живем все также весело. Хотя новостей и нет, пишу, чтобы вы не беспокоились.

<...> Пишите обо всем, что есть у вас нового, пишите о всякой мелочи, мне все будет интересно, как растет в огороде, как погода, урожай, как работает папа, на трудодни или нет <...> забыла или нет меня Томочка. Вообще обо всех, обо всех новостях и изменениях дома <...> Ну пока до свидания, крепко целую. Ваша Феня.

Привет всем родным и знакомым. Будут девчата приходить, дайте им мой адрес. Купили ли чего-нибудь из вещей, как на базаре вещи и продукты».

28.07.42 г.

«<...> Я жива, здорова. Живем на другом месте. Мы все также занимаемся, но уже получили боевое крещение, когда жили в одном лагере, то

налетели самолеты и мы видели, как они хотели бомбить станцию. Но, видно, были такие «меткие», что вместо станции бомбили поле, а мы с девочками в это время стирали белье в маленьком прудике, и бомбы рвались недалеко от нас, а мы лежали в кустах, мимо нас пролетел осколок, но все благополучно и совсем не страшно. После этого мы ходили на передовую. Но не совсем, а в двух километрах были от передовой. Когда шли, видели сожженные села, а в каких селах еще горело. Мы шли через село, и злоба горела в наших сердцах, глядя на разрушенные села. После этого мы поехали на поезде. Нас ночью обстреляли с самолета, но ничего не произошло, все благополучно, а мы с девочками даже не проснулись. А уже перед утром я одна дневалила, а девочки спали и опять обстрелял самолет, а потом бросил бомбу, но в вагоны не попал, нам подали команду из вагонов, но все прошло, т.к. немецкий самолет улетел и мы поехали.

Дорогой встречали разрушенные до основания города, села, деревни, нет ни одного дома целого и целые кварталы сожжены дотла. Теперь своими глазами видела подлость фашистов. И очевидцы рассказывали про зверства фашистов. Но сейчас быстро восстанавливается жизнь в этих районах. А немца гонят очень быстро. Я теперь закалилась еще больше, так как мы делаем большие переходы пешком, и я так вытянулась, что даже все 70 км в сутки прохожу без труда, конечно, немного устанешь, т.к. вы знаете, что на мне навешано, но на другой день усталости уже не чувствуешь.

Мы живем все также дружно и весело. Я от Поли не получала ни одного письма, от братки тоже больше не получала. Вы мне что-то не пишете, хотя я вам пишу часто. Особенно я хотела дожидаться ответа на письмо, в котором просила описать все подробно о вашей жизни <...> Ну до свидания, крепко, крепко целую всех. Ваша Феня. А немца мы будем гнать так, что он не опомнится».

Последнее письмо написано Феней в госпитале 5 сентября 1942 г., куда она попала в связи со сквозным ранением ноги. Написано оно на обрывке грубой оберточной бумаги.

5.09.42 г.

«Здравствуйте, дорогие папа, мама, Нюся и милая, маленькая племянница Топочка. Крепко вас целую и шлю вам горячий привет. Я не знаю, получили вы письмо из госпиталя, где я сообщала, что я ранена в правую ногу выше колена на вылет. Нас хотели эвакуировать отсюда, т.е. из города Кулебяки, но пока задержали. Но эвакуируют обязательно, но письмо ещё сможет дойти, если сразу напишете.

Рана не тяжёлая, я чувствую себя хорошо, так что обо мне не беспокойтесь. Пишу лёжа на доске, неловко, поэтому выходят каракули. Пишите, как вы живёте, что у вас нового. Я о вас соскучилась. Пишите, как растёт Топочка, как здоровье мамы, Нины, братки. Как поживают соседи.

Одним словом, пишите обо всём. Обо мне не беспокойтесь, я скоро выздоровлю и приеду домой погостить, а может и совсем, там видно будет.

Как там мои вещи поживают, не съела их моль? Ну ладно, до свидания, привет всем родным и знакомым. Крепко всех целую, и особо Топочку, по которой я очень соскучилась. Ваша Феня. Пятое отделение, палата № 17».

Использован материал Каменского краеведческого музея

Почтовая карточка 40-х годов

Лебедев Иван Никитович

Иван Никитович родился 19 марта 1907 года в селе Думчево Залесовского района Алтайского края, в семье крестьян Никиты Константиновича и Прасковьи Георгиевны Лебедевых. В семье, кроме него было ещё трое детей старше него – сёстры. В селе Иван окончил начальную школу, затем курсы ветеринаров – фельдшеров. Работал ветеринаром.

Женился. Жена, Елена Ивановна, работала в лесхозе. 9 апреля 1931 года у них родился сын Николай. В 1939 году Иван Никитович был призван в ряды Красной Армии и был участником Финской кампании. Вернувшись из армии, продолжал работать на селе.

Через год после начала Великой Отечественной войны, 4 августа 1942 года был снова призван в армию в звании рядового.

К сожалению, сохранилось всего одно письмо с фронта. Оно написано с большой любовью, заботой и тоской о близких. И ни слова о войне.

«Письмо от известного вашего мужа Ивана Никитовича Лебедева. Беру карандаш я в руки, пишу письмо от скуки. Лети моё письмо с приветом, в руки доставайся тому, кто дорог сердцу моему.

Дорогая жена и дорогой сын, милая жена моя Елена Ивановна – низкий поклон вам и горячий красноармейский привет. Шлю и дорогому моему сыну, Николаю Ивановичу, горячий родительский привет и пожелание всего хорошего. Пока ходи в школу, слушайся мать и своего учителя. Я, сынок, плохо грамотный, и мне очень трудно писать. Но вот уже прошёл месяц и пошёл второй, а писем от вас что-то не пришло. А вот я уже послал десять писем. Забыли вы меня на чужой стороне, дорогой мой сын. Не забывай папу, милый сынок.

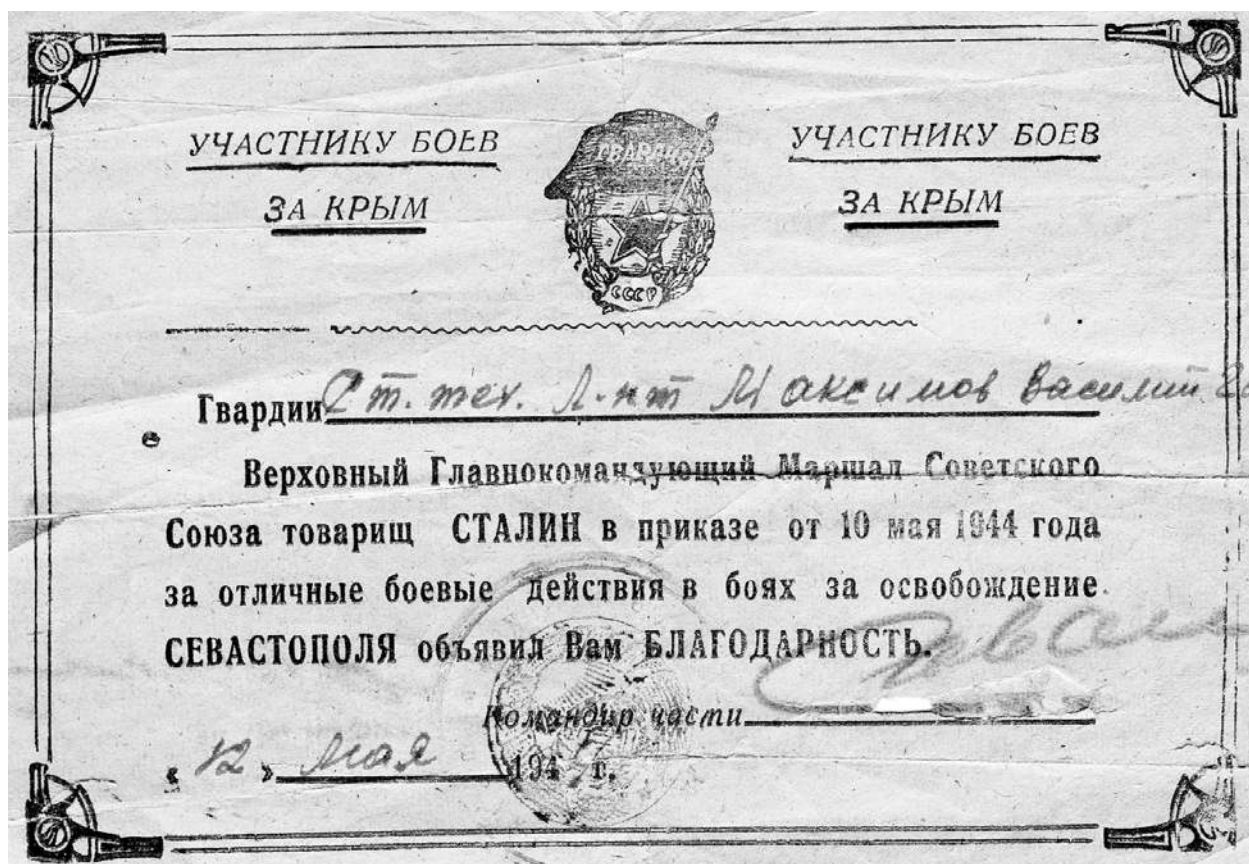
Мне охота узнать, как вы живёте. Ах вы дети, мои дети. Мне не хватает вас. Я об вас соскучился, часто вас вижу во сне, и всё, как будто, вижу нас вместе дома.

Как у вас выросла картошка <...>? Кто у вас управляет фермой и председатель? Как мои родители? Передавайте привет всем моим родным от меня. До свидания».

Где воевал и где погиб Иван Никитович, семья так и не узнала. В извещении, бережно хранившемся вместе с письмом, сообщается, что рядовой

Лебедев Иван Никитович, находясь на фронте, пропал без вести в феврале 1945 года.

Использован материал из семейного архива Н.Н. Лебедевой, г. Барнаул

Благодарность участнику боев

Легастаев Александр Нестерович

Семья Легастаевых жила в селе Большая Речка Топчихинского района (сейчас Чаузово). Жена Александра Нестеровича, Татьяна Ивановна, не работала. На руках было 8 детей и хозяйство. Легастаев Александр Нестерович, 1907 года рождения, работал мастером сплава на Большой речке. Приходилось по долгу жить на базе сплавщиков Плаченко, где был небольшой городок: бараки, где жили сплавщики, магазин, баня. В этом месте сплавщики вязали плоты и катерами отправляли их в Барнаул.

Дочь Анна вспоминает, как однажды приезжала она с мамой в гости к отцу на базу. Ей тогда было 6 лет. Сплавщики подтрунивали над ней, мол, оставайся с нами, будешь обеды для нас варить. Потом, когда отца забрали на фронт, она пожалела о том, что не осталась тогда на базе. Наивно думала, что останься она тогда - глядишь, и отца бы на фронт не взяли, и он остался бы жив.

Помнит, как отца провожали в армию в армию. Она радовалась этому событию, гордость переполняла её, и Аня не понимала, почему все плачут. Было это в июле 1941 года. Она бегала по улице и выкрикивала радостно: «Эля! А у нас сегодня будут папу на фронт провожать!» Не понимала, что эти проводы могут обернуться горем.

Дома собрались все родственники, посидели, а потом пошли провожать Александра до края села. Когда дошли до околицы, подвернулась оказия - ехали на длинных подводах возчики с лесом, согласились подвезти отца. И вот тогда она вдруг поняла, что расстаётся с отцом, может быть навсегда. Уткнулась ему в колени и плакала навзрыд. Мама уговорила возчиков взять её и поехала провожать мужа до станции. А Ане пришлось вернуться домой, и она долго плакала, сидя на крылечке своего дома.

Письма от отца приходили, но их было немного. Сохранилось в семье только одно письмо, пожелтевший листок из ученической тетради с порванными от времени краями.

18.12.41 г.

«Письмо от вашего хозяина А.Н. Добрый день, дорогая супруга Татьяна Ивановна. Шлю я вам низкий красноармейский привет, <...> и ещё дорогой привет своим детям: сыну Коле и дочерям Нюсе, Зое и Гале. <...>

Таня, сообщаю вам, что нас направляют ближе к фронту, где придётся давать врагу сокрушительный отпор. Таня и мама, шибко не беспокойтесь обо мне. Видно наше счастье такое, враг навязал нам кровавую войну и помешал жить мирным путём. Когда победим врага – будем жить дома.

Таня и мама, ещё прошу вас, что бы вы не беспокоились обо мне. Может суровая рука врага не постигнет мен, я и я вернусь. Таня, а если застигнет суровая рука врага, то прошу, не обижайте детей. Коле наказ: - сын учись лучше, чтобы перешёл в 8-ой класс и время даром не теряй, может придётся где-нибудь работать и помогай маме, что можешь. Таня, денег если нет, то продай тулуп или зипун и закупите хлеба. <...>»

Анна Александровна помнит содержание ещё одного письма, последнего. Оно пришло в декабре 1941 года. –

«Сидим в окопе, варим конину, а завтра пойдём в наступление. Ожидается большой бой».

После этого вестей от отца больше не было. Мама, Татьяна Ивановна, долго ждала вестей, надеялась, что он жив. «Может в плен попал, может в госпитале, и не может весточку отправить...» Надеялась, что обязательно скоро откликнется. Но вестей не было. В 1947 году Татьяна сделала запрос в военкомат, и ей пришёл ответ, что её муж Легастаев Александр Нестерович, пропал без вести. На удостоверении стоит дата 17.03.47 год.

Так семья до сих пор не знает, где похоронен Александр Нестерович, при каких обстоятельствах он погиб.

Использован материал семейного архива Мезенцевой Анны Александровны, Барнаул.

Леонтьев Александр Кириллович

Александр родился 21 сентября 1923 года в селе Чупино, Белоглазовского района, Алтайского края. В этом же селе учился в школе. В 1937 году семья переехала на четвертое отделение «Дружба» Шипуновского зерносовхоза. Здесь Александр работал «разнорабочим» а потом «избачом» - заведовал избой - читальней. Сверстники Александра вспоминают его как красивого, высокого, статного парня. Одноклассники его любили, а парни - уважали. Он был справедливый и трудолюбивый.

Вспоминает Антонина Кирилловна, родная сестра Александра: «Саша у нас был самый старший. Один брат и мы – шесть сестёр. Саша был надеждой и опорой в семье. Ему не было ещё и восемнадцати лет, как он добровольцем ушёл на фронт. Провожали его 15 сентября 1941 года. Вначале он проходил военную подготовку в Барнауле. Из Барнаула на фронт он отправился в апреле 1942 года. Первое письмо от него пришло в феврале. Домой писал часто, старался подробно рассказать о своей службе».

21.03.42 г.

«Письмо от вашего сына. <...> Дорогие родители, вы не обижайтесь, что я долго вам не писал писем, мы были в дороге. Вот теперь мы на месте, узнал адрес, сел на пол и решил написать. Вспомнил, как жил раньше и как живу сейчас. Дорогие родители и сёстры, прощайте меня за всё, что было.

Мы живём весело и хорошо. Но плохо тем, что далеко я от вас и писем не получаю. Прошу вас не беспокоиться обо мне, может, Бог пошлёт, мы и увидимся, а вас прошу не забывать обо мне. <...>»

01.07.42 г.

«<...> Привет с западного фронта, дорогие родители и сёстры. Я куда жив и здоров. <...> Недавно покушал молока и огородного лука. Вы живёте в глубоком тылу спокойно и думаете по мирному. А здесь остались одни женщины и пахут на лошадях сами. <...>».

15.09.42 г.

«<...> Дорогая мамочка и сестрички, шлю вам свой красноармейский привет. <...> Дорогая мамочка, я пока жив и здоров. Прошу вас, напишите про отца, где он служит. Вы думаете, что я забыл про вас. Я про вас не забыл и не забуду, пока я жив. Как спать ложусь, то вспоминаю, как я жил дома и вижу во сне, что был на родине. Я очень соскучился по вас. <...>»

11.03.43 г.

«С гвардейским приветом, дорогая мама и сестрички. <...> Мы сейчас находимся на отдыхе. Прошу вас, не беспокоится за меня. Если от меня долго не будет писем, дорогая мамочка, я знаю, что вы очень скучаете обо мне. Я прошу вас - не беспокойтесь. Живы будем – увидимся. <...> Из газет знаете, что враг уже отступает. Разобьём полностью, придём домой, будем жить, как только сможем. <...>»

04.06.44 г.

«<...> Благодарю за письмо. Ещё хочется узнать, ходят ли сестрёнки в школу. Мама, может денег нужно, я пришлю. <...>»

21.06.44 г.

«<...> Дорогая мама, очень благодарю за письмо, в котором вы пишете, что ждёте с победой. Я жив и здоров, чего и вам желаю. Передавайте привет рабочим и трактористам нашего отделения. <...>»

08.07.44 г.

«<...> Дорогая мама, я вас очень прошу, пусть сёстры мои учатся. Я не учился, это ничего, но мне без грамоты трудно в Красной армии. Так, пожалуйста, пускай учатся, я буду давать помощь, сколько смогу. <...>».

В 1942 году под Сталинградом был ранен, лечился в госпитале на станции Патищево. Совсем немного не дошёл гвардии старший сержант Александр Леонтьев до победы. 29 марта 1945 года, «<...> верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб в боях за город Данциг (ныне Гданьск)».

Сёстры Александра ездили в Польшу на могилу своего брата. До сих пор они с любовью и болью вспоминают о нём, бережно хранят его письма и открытки. Как-то раз, попросили Антонину Кирилловну выступить в школьном музее перед детьми, рассказать о своём брате, почитать его письма с войны. В ответ на предложение она написала стихотворение.

Везу я войны частичку
В автобусе нашем маршрутном
И леденеет сердце,
И даже трясутся руки.
Везу войну прошлого века,

Сороковых проклятых,
И прошлое комом в горле,
Хватает смертельным объятьем.
Музей попросил с пристрастьем
Прочесть с фронта письма брата:
«Да он ещё дедушка Насти!»,
Абрат даже не был папой.
Остался навечно сыном...,
Война за него постаралась,
И там, на далёкой чужбине,
С фанерной звездой обвенчала.

«Мне голову под Сталинградом
Задело шальным снарядом,
Но ты не волнуйся, мама,
Я жив, а что ещё надо?!
В стране я чудесной, мама,
Когда-то здесь жил Коперник,
Здесь пастуха зовут паном,
Ушам своим даже не верю.
Живётся нам весело даже,
Вокруг меня рвутся мины,
Привык я, и мне не страшно...
Ну всё, мама, вижу танки».

Он старшим у нас был братишкой,
Мы ждали – нам станет опорой,
А он так и остался мальчишкой,
И с этим уже не поспоришь.
Остался навеки красивым,
Как все остальные ребята...
Покойтесь в братской могиле,
Отчизны родной солдаты.
Ну, всё, я не плачу, братишка,
Душа твоя в письмах дышит,
Трепещет, живёт – лишь не слышит,
А мы тебя слышим, слышим...

Александр Леонтьев не дожил до Победы всего лишь сорок один день.

Использован материал Красноярской школы, Шипуновский район

Липовцев Георгий Константинович.

Георгий Константинович Липовцев родился в селе Повалиха Алтайского края 14 ноября 1913 года, был четвёртым ребёнком в семье. Рос смышлёным, любознательным мальчиком. Любил подшутить над окружающими. Как и в большинстве семей того времени, возможность учиться была предоставлена только ему с братом, сёстры не учились. Окончив 4 класса в Повалихе, он продолжил своё образование в Барнауле. По окончании школы, получил направление от Крайпотребсоюза на дальнейшую учёбу. Выучившись вернулся в родное село.

В 1935 году создал семью. В жёны взял сельскую красавицу. Елизавета Андреевна, работающая, грамотно домашнее хозяйство, в доме всегда был порядок и уют. Так-же как и Георгий имела образование - работала акушеркой на селе.

Жизнь в селе до войны текла спокойно. Все имели большие огороды, выращивали много овощей, держали большое хозяйство. Жили не голодно, хлеба и всего другого хватало вдоволь. Георгий и Елизавета растили троих детей. В 1936 году родился первенец Владик, в 1939 – девочка Аллочка и уже после ухода Георгия на фронт в начале 1943 года, родился сын Володя.

Спокойная, размеренная жизнь деревни была потревожена войной. В это время Георгий служил в армии или был на армейских сборах, как вспоминает племянница Георгия Татьяна Ивановна Рыбалко. Проходил он службу недалеко от дома, в окрестностях посёлка Чесноковка (ныне Новоалтайск – прим.ред.), что возле Барнаула. Имел возможность часто бывать дома. Из Чесноковки в 1942 году его и забрали на фронт.

Первые письма стали приходить уже с дороги на фронт.

01.06.42 г.

Новосибирск

«Здравствуйте Лизочка, мама, Владя и Аллочка. Сейчас только старшина раздал пачку писем, а мне всё нет. Что же случилось? Пишите, пожалуйста, что происходит дома, всё ли в порядке. Я, Лиза, ни на минуту не забываю, как ты садилась на поезд и мне рукой махала. Разошёлся поезд в даль, и тебя не стало. <...>Как сейчас всё зазеленело. Владя и Аллочка – Чикалочка бегают ли босиком? Кушают ли яички? Кушайте и будьте

здоровы, за меня не беспокойтесь. Целую крепко. Ваш муж, папа, сын Георгий».

С бумагой для писем в годы войны были трудности. Солдаты использовали любой клочок бумаги, чтобы отправить весточку домой. Георгий очень любил писать и приспособливал для написания письма любой клочок бумаги. Однажды он отправил письмо домой на этикетке с банки «Сгущённое молоко с сахаром».

«<...> письмо от вас получил вечером, то не знаю, как и описать, что был доволен. У меня за эти 7 дней тысяча мыслей передумано было, как же ты, Лизочка, что не случилось ли что. <...>теперь я успокоился. У меня произошло небольшое несчастье. Я вам написал письмо, положил его в тетрадь с толстыми корочками, которую я носил не в сумке, так как там были сухари и масло. Это было до обеда, сел в одном месте, тетрадь положил под задницу, и увлёкся сухариками и хлебом с маслом. После чего произвели команду «на построение» и эту тетрадь с письмом я забыл на скамейке <...>»

Не устаёшь удивляться характерами людей, прошедших войну. Казалось пустяк, потерял тетрадь, по сравнению с тем, что война каждый день забирала жизни сотни людей. А для солдат главное было то, чтобы их близкие и родные люди были в безопасности, а для них самих происходящее вокруг – обыденность. Только тетрадь с листами для писем жалко, её потеря – это несчастье.

После прохождения курсов во военной подготовке, Георгий был отправлен на Запад и его дальнейшая служба проходила в Москве. По воспоминаниям его племянницы, служил он там на заводе, только каком, она не помнит.

16.09.42 г.

Москва

«<...> Когда же, наконец, я от вас дождусь хотя бы маленькую весточку, как вы живёте, как мои дорогие Владичка и Аллочка здравствуют? Как ваше здоровье всех? Как управились с сеном? Рассчитались ли молоком и другими налогами? Всё ли убрали с огорода? <...> Остаюсь жить здоров, того и вам желаю Целуй, Лизочка, наших крошек много, много раз, скажи, что это за папку. Торопись отвечать. Георгий».

21.11.42 г.

*«Я на память тебе, дорогой мой сынок, высылаю открытку с картинкой. Посмотри, на открытке боец на коне
И маленький мальчик с корзинкой.
Это было у линии фронта в кубанском лесу.
Один мальчик, по имени Федя, диверсанта заметил,*

Он таился в кустах на подобие злого медведя.

Не теряя минут, молодой патриот

Мигом был у Советской заставы.

Было сделано всё, не ушёл идиот.

Нет конца теперь Фединой славы.

*Вот таким храбрецом расти должен ты,
кареглазый мой шалунишка.*

Чтоб все говорили – Вот это мальчишка!

С искренним родным приветом твой папа.

Целую много, много раз тебя и Аллочку».

20.11.42 г.

Москва

«Здравствуй доченька милая Аллочка.

Шлёт привет тебе папочка твой.

Ты наверное о нём так соскучилась,

Ждёшь, дождаться не можешь домой.

Потерпи, кареглазая крошка,

Ты не одна дома, мама с тобой.

Поживи и без папы немножко,

Без гостинца того

Всех Могучая Родина наша призвала,

Что б победить оголтелого зверя.

И каждый папа героем идёт на врага

Без волненья в победу веря.

Близок час, дорогая дочурка моя,

Будет бит враг, победа за нами,

Тогда все папы вернуться домой,

И вас коснуться родными губами.

С красноармейским приветом, твой папа».

07.05.43 г.

Москва

«С добрым майским утром, супруга Елизавета, мама, детки Владик, Аллочка, Вова. Крепко целую заочно вас крепко, крепко обнимаю и ещё раз целую. <...> Вчера я был в отпуске весь день в Москве. Очень приятно было ездить в метро, любясь тем, что сотворил человеческий ум, золотые руки нашего народа. Побывали в цирке, в музее. Побывали в нескольких магазинах, и я решил своим дорогим деткам купить майский подарок, который посылаю с этим письмом. Владику открытку. Теперь, Владичка, пусть тебе мама непременно сошьёт костюм матроса, как на открытке и ты как вырастешь ещё больше, будешь в армии служить моряком, а Аленька, наверное, поваром,

раз готовит глазунью и ждёт папу домой, чтобы его угостить. Ожидаем со дня на день отъезда. Прощайте до будущего нашего свидания. Ваши Георгий».

12.05.45 г.

«Перед отъездом на фронт я вам, дорогие мои детки Владя, Аленька и Вова шлю эту книжку, берегите её. Я знаю, дорогие мои крошки, что всего дорожее вам папа. Вам хочется видеть папу. Потерпите дорогие, может быть, увидите. Если уж нет, тогда мои посланные скромные подарки сберегите, это будет память и дорогой подарок. Ценней я ничего не могу послать. Владя, Альбина и Вова, пусть мама мне пишет чаще, как вы растёте, как ваше здоровье. Будьте здоровы. Ждите нас с победой. Ваши папа».

05.10.43 г.

С фронта

«<...> Я не могу и описать, как я стал скучать по дому, о всех вас. Мои дорогие, дума не выходит из головы. Не знаю, перед чем это. Часто вижу вас во сне. Целую. Папа».

03.12.43 г.

«Добрый день! Дорогие, любимые. Когда я наконец, получу от вас какое-нибудь известие, всё терпенье лопается. Поверьте, как скучно. Когда были на фронте, там, кажется, веселее. В некоторые моменты приходится и забывать о вас, а здесь одна мысль, только о вас. Живы, здоровы ли? Как здравствуют дорогие детки Вовочка, Владя и Аленька, как они выросли за полгода. Скоро Вовочке будет год, он уже, наверное, прекрасно самостоятельно ходит, а я представления о нём не имею. Поцелуйте, Лизочка, Вовочку за меня много, много раз. У него, наверное, много зубовросло. <...> Ну ладно, мои дорогие детки, будьте здоровы, резвитесь и растите. Папу уже, наверное, стали забывать, ничего, может быть, ещё увидимся, вот тогда весело будет нам. <...> Сейчас покушал досыта рисовой каши с сахаром, которой с большим удовольствием угостил бы и вас, мои дорогие <...>».

12.12.44 г.

«<...> Сейчас поздний вечер, канун дня рождения сыночка Вовочки. Поздравляю тебя, дорогой сынок Владимир с днём рождения. Прошу всех, чтоб тебя Вовочка, много раз поцеловали за меня. <...> Извините, Лизочка, за неразборчивость, я совсем стал плох, да и вообще невесело под снарядами разрывами, спокойно не могу писать <...>»

30.12.44 г.

«Здравствуй, милая семья. <...> Я рад, Лизочка, что вы живёте сравнительно ничего. Мои дорогие детки радуются поросятками, читая про

них, радуюсь и я, но в то же время станет обидно, что у них, у любимцев, нет, кроме этой радости. Они не видят папиной ласки, который взял бы их на ручки, поцеловал их в аленькие губки и обнял нежно рукой. Рассказал бы интересную сказку, которую Владя с Аллочкой слушали бы, слушали, и уснули. Утром бы проснулись, папа повёл бы их на улочку и стал катать на саночках. <...> Желаю вам самой наилучшей жизни в 1944 году».

25.03.44 г.

«<...> Ты, Лизочка, пишешь, что часто меня видишь во сне, пришедшего домой. Я сегодня видел тоже сон, что был вроде дома очень нарядный. Наверное, это всё не забудется? <...> Живите мирно. Привет всем. Ваш Григорий».

08.05.44 г.

«<...> Наступила настоящая весна. Летом ещё нельзя назвать, прохладно, идут дожди, до некоторой степени всё окружающее радует и в то же время, ужасная скука. Как хочется видеть вас, поцеловать своих любимцев Владю, Аленьку, Вовочку. Как я счастлив, что ещё способен писать, радовать письмами свою любимую семью, доволен, что жив и здоров. Ваш Георгий».

Окончание войны Григорий встретил в Кёнигсберге. Попал под приказ о демобилизации всех специалистов, которые были нужны для поднятия народного хозяйства. Вернулся в родную Повалиху в начале 1946 года.

Татьяна Ивановна вспоминала Георгия, как необычного, своеобразного человека. Говорила о нём как очень душевном и внимательном к людям человеку. Георгий привёз из Кёнигсберга два больших чемодана с открытками, когда другие солдаты с фронта везли из фашистской Германии трофеи – картины, посуду, украшения и многое другое. Татьяна Ивановна помнит, что открытки были очень красивыми, все были подписаны. Потом, в мирной жизни, Георгий украшал этими открытками фотоальбомы и дарил родственникам. Вернулся домой живой, здоровый, рядом семья и родные люди. Но не долго удалось пожить ему счастливой семьёй. В 1948 году внезапно умерла его Елизавета. Протянули с обращением в больницу, и операция была сделана поздно. Остался Георгий с тремя детьми на руках, так и не женился потом, до смерти своей был верен своей жене, любил её очень.

Использован материал из семейного архива Т.И. Рыбалко и музея «История Ленинского района» школы № 108, г. Барнаул.

Лозгачёв Анатолий Семёнович

Анатолий Семёнович Лозгачёв родился и вырос в городе Камень-на-Оби. Окончив школу № 10 в 1941 году, сразу же добровольцем ушёл на фронт. В звании старшего лейтенанта занимал должность заместителя командира батареи по строевой части.

21.12.42 г.

«Здравствуйте, милая мамочка. С сердечным приветом ваш сын Толя. Во-первых сообщаю, что я жив и здоров, чего и вам желаю. Сообщаю, что с 15 декабря 1942 года назначен на должность заместителя батареи по строевой части, зарплата 896 рублей.

Сейчас я одновременно учу младших командиров своей батарее. Здоровье моё хорошее, одет хорошо. Других новостей о фронтовой жизни нет. То, что происходит на Сталинградском и других фронтах, вам известно по газетам. Только скажу, что недалёк тот час, когда Красная армия нанесёт фашистской сволочи сокрушительный удар. Остаюсь ваш сын Толя».

Январь 1943 г.

«<...> Мамочка, сообщаю, что получил обратно своё письмо, отправленное папе, с пометкой, адресат выбыл. Но куда, ничего не написано.

5 января к нам в подразделение приезжали девушки с военкомом, поили нас чаем с пряниками, очень хорошо провели вечер. Живу я хорошо. Сейчас, мама, на фронте, кроме того, что устрашаем фашистскую гадину, помогаем нашей Родине деньгами. Я лично внёс на строительство танковой колонны 1375 рублей. Сообщаю вам, мамочка, что я сейчас не лейтенант, а уже старший лейтенант. <...>»

19.04.43 г.

«<...> Мама! Вы спрашиваете, получаю я письма от папы? Да! Он мне написал, что на днях должен уехать с этого места. <...> Живу я по старому, однообразной фронтовой жизнью. Да, мама, война на меня положили суровый отпечаток. Я сильно изменился, хотя внешне остался всё ещё такой, разве только похудел. Но ладно, мамочка, до свидания. Остаюсь, жив и здоров, ваш сын Толя. Крепко, крепко целую. Пиши чаще письма».

Лозгачёв Анатолий Семёнович погиб в 1943 году. Похоронен в братской могиле в селе Пржевальском Демидовского района Смоленской области.

Использован материал краеведческого музея, г. Камень-на-Оби.

Лукьянов Иван Гаврилович

Иван Гаврилович родился 25 мая 1919 года в городе Прокопьевске Кемеровской области. Закончив семилетнюю школу, работал до войны учителем начальных классов. В 1938 году женился. Когда началась война, получил «бронь», но рвался на фронт и осенью 1941 года добровольцем ушёл воевать. Писал жене, проникновенные, добрые, трогательные письма, сам рисовал открытки.

10.02.43 г.

Любимой

*«Ты где-то в Сибири, дорогая,
Работаешь,
Чтоб немца нам разбить
Я здесь.
Без страха, устали не зная,
Бью немчуру, и буду бить.
Прошу тебя,
Хорошая, родная,
Ты обо мне напрасно не скучай.
Трудись для фронта,
Рук не покладая,
Победы час
Над немцем ускоряй.
Моя любовь
К тебе не охладела:
Тебя во сне
Я вижу по ночам.
Нет выше
И счастливей удела
Чем в бой идти
Любимым нам.
Наступит день
Взойдёт заря победы
Над непреступной
Русскою землёй.*

*И я вернусь
Пройдя огонь и броды
И буду вновь,
Любимая, с тобой».*

Иван Гаврилович прошёл всю войну, был дважды тяжело ранен в 1942 и в 1943 годах. На долечивание после госпиталя, приезжал домой. Войну закончил в звании капитана, был командиром роты. После был направлен на Украину, участвовал в борьбе с бандами. В 1947 году демобилизовался и остался жить на Украине. В 1957 году переехал жить на Алтай в село Суворовка Благовещенского района.

Использован материал Топчихинского краеведческого музея.

Самодельная открытка с рисунком И.Г. Лукьянова

Маношкин Максим Лукьянович

*...имел счастье сфотографироваться
в польской фотографии...*

У Александры Васильевны и Луки Максимовича Маношкиных было девять детей. Их них два сына. Первый Максим, родился в 1922 году, второй, Василий, в 1930 году. Семья проживала в селе Ново-Копылово, там ребяташки учились в школе. Максим в Ново-Копылово окончил восемь классов.

В семье помощник, очень любил младших сестрёнок, особенно близняшек Раю и Машу, любил родителей и близких. Во всём помогал родителям по хозяйству, словом, во всех делах, где нужна была его помощь. Среди молодёжи села был большой любимец, ведь он прекрасно играл на гармошке, веселил деревенскую молодёжь. Огромное у него было желание работать и

учиться, но война расстроила его планы.

28 июня 1941 года он был призван в армию, провожали всем селом, ведь в колхозе его уважал и стар и мал, он для всех находил при встрече самые тёплые и сердечные слова. Желали провожающие Максиму добрых побед и возвращения в родное село.

18.08.41 г.

«Письмо писано 18 дня августа 1941 года в городе Славгороде от Максима Лукьяновича, вашего сына.

Пишу письмо, /Рука трясётся,/ смотрю на время восьмой час, а сердце кровью обольётся, как вспомню, милые, про вас. Добрый день, весёлый вечер, здравствуйте, премного уважаемые родные папаша и мамаша <...>.

Живу я в настоящее время в городе Славгороде, вернее в военном городке от Славгорода 10 километров около озера Яровое, в котором вода солёная <...>. Живём в палатках <...>.

После свободной жизни здесь очень трудно, но ничего не поделаешь, помаленьку нужно привыкать. <...> Утром на завтрак чай с сахаром, иногда каша иногда рыба, масло. В обед суп. Ужин – вермишель или по-нашему – лапша из белой муки, только без воды и очень густая. Утром и вечером дают белый хлеб, а в обед серый или комбинированный. Сначала хлеба не хватает, но ничего, помаленьку привыкну. <...>

Обмундирование выдали всё полностью. <...> Но знаете, дорогие родители, сначала как-то тяжело. Вспомнишь гражданку, как бывало выйдешь вечерком с гармошкой..., а сейчас без разрешения даже в уборную не сходишь! <...>

Живу ничего, так что не беспокойтесь, будьте спокойны за меня. Пишите вы подробнее, как живёте, что есть нового. Сколь выжали, как бьётся с хлебом. <...> Ваш сын».

01.01.42 г.

«Город Тюмень. Поздравляю вас с Новым годом. <...> Я очень и очень рад, уважаемый браток, что ты начинаешь писать письма. Давай пиши, любимый, нужно развиваться, учиться. <...> нужно напрягать все силы, для учёбы. Пословица давно сказала: «Учёному – свет, безграмотному – тьма». Вот так, браток. <...>

Живу я в настоящее время хорошо, учусь и работаю. Желая быть полноценным командиром рабоче-крестьянской Армии. <...> Видал вас сегодня во сне и очень рад, что под Новый год. <...> Пока, дорогие, до свиданья. Остаюсь ваш близкий, свой и родной. До свидания 1941 год. Да здравствует новый 1942 год и новое счастье. <...>»

В феврале 1942 года Максим окончил артиллерийское училище. Молодым лейтенантом его направили в город Ижевск в резервное подразделение. Там он обучал молодых артиллеристов из пополнения. В начале 1943 года их взвод из резерва перевели в действующую армию на Украинский фронт.

08.03.42 г.

«<...> Сижу задумчиво одиноко,/ Не знаю, что вам написать. /Живу от вас я так далёко, /Желаю вас я повидать. <...> спешу сообщить, что получил от вас письмо. Это письмо дошло быстро, на девятый день я его уже получил. <...> разрешите сообщить вам о моей текущей красноармейско-курсантской жизни. <...> 10 марта из нашей роты выпускают половину, но я пока остаюсь, потому что секретарь комсомольской организации. <...>

Этот месяц буду учиться в городе Тюмени, а там не известно. <...> Погода стоит замечательная. Идём на занятия, а я думаю, был бы я сейчас дома и в выходной день на улицу с гармошкой.... <...>»

29.12.43 г.

«Привет из госпиталя. <...> Здравствуйте, многоуважаемые родители мамаша и папаша, бабушка Елизавета, сестра Нюра, братец Вася. <...> Командирский всем привет <...>. Живу, безусловно, хорошо, здоровье хорошее. Рана уже почти заросла (засыхает). <...> выпишут, с новыми силами поеду громить немецких извергов.

Уважаемые родители, если бы вы знали, как я соскучился по вас и вообще по всем родным. Как мне хочется побывать дома, но ничего не поделаешь, нужно прогонять «гадину» с нашей родимой Родины, освободить нашу землю. Уважаемые родители, что-то я очень часто стал видеть вас во сне. Как будто бы я был дома. Я уже думаю, всё ли у вас там в порядке. Сообщайте подробнее о себе. <...> Крепко всех целую. Максим».

После госпиталя Максим был направлен в действующую армию в гвардейский полк и стал гвардии лейтенантом. Был назначен командиром взвода батареи 36-миллиметровых орудий. Прошёл много фронтовых дорог, освобождал Белоруссию, за что был награждён орденом Боевого Красного Знамени. В апреле 1944 года Максим Маношкин снова на излечении в госпитале после ранения.

03.08.44 г.

«<...> Я жив и здоров, самочувствие хорошее. Живу хорошо. Но плохо то, что редко получаю от вас письма. Я, в настоящий момент, нахожусь в Польше, освобождаем наши содружественные народы от немецкого ига. Находимся всё время в боях. Я имел счастье и время сфотографироваться в польской фотографии. <...> Хотя и неважные фотоснимки, но прошу не обсуждать и не обижаться, это фронтовой вид. Сфотографировался с друзьями

на лошадях. <...> Вот это моя лысая лошадка, та самая, на которой я езжу. <...>

Дорогие родители, а особенно сестра Нюра, у меня на вас маленькая обида, почему вы мне редко пишете. Неужели у вас нет времени? Я думаю, вы сумеете найти время для этого, и будете писать нормально. Прошу, пишите. Я ведь один на чужой сторонке, а вы все вместе. <...> Будьте здоровы. Жду писем. Крепко целую. Ваш сын Сима»

Он сражался уже на территории Польши, когда на Алтай пришло последнее письмо.

08.08.44 г.

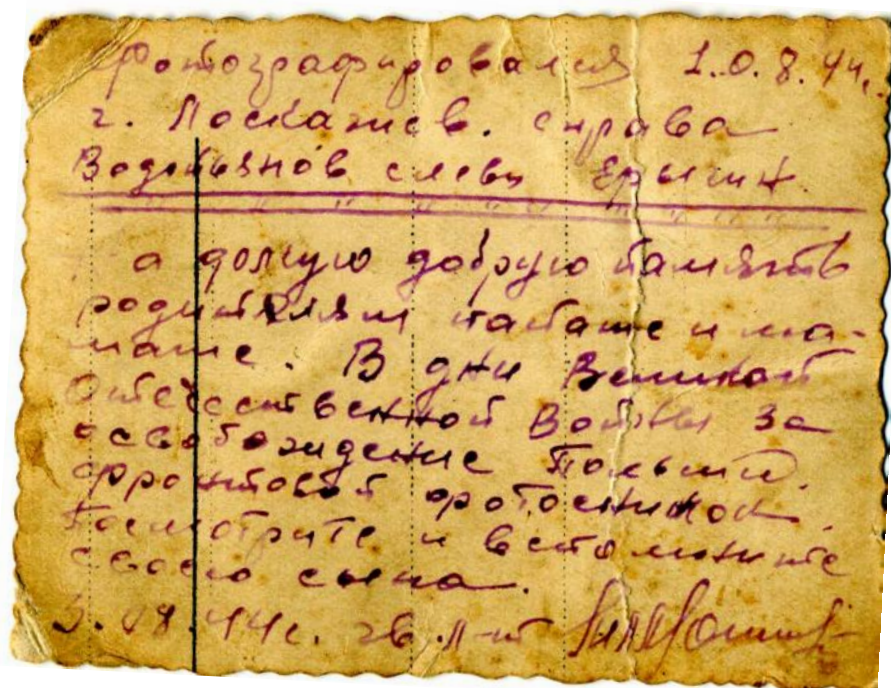
«<...> Прошу вас, дорогие, пишите чаще и больше, описывайте всё подробнее, не по одному слову о своей жизни. Какое состояние здоровья папаши, мамы и бабушки. Как начнутся у вас дела и успехи в новом учебном году. Мой братский наказ как для тебя Нюра, а так же для Васи - обязательно учитесь, не взирая ни на какие трудности. <...>

Очень хочется повидаться, побывать дома. Да не знаю, придётся или нет. Конечно, скоро окончательно разгромим врага и добьём раненого зверя в его собственной берлоге и тогда с победой я приеду домой. Не долг тот день, который принесёт нам много счастья и радости, даст возможность встретиться нам с вами, дорогие мои. <...>»

25 августа ему исполнилось 22 года, а через два дня он скончался от тяжёлых ран, полученных в боях. В Ново-Копыловский сельский совет пришло «казённое» письмо:

«Ваш сын, гвардии лейтенант, командир взвода батареи 76-миллиметровых орудий Маношкин Максим Лукьянович в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, ранен и умер от ран. Похоронен в Кельнском воеводстве, Козеницком уезде, село Тецебень».

Использован материал из семейного архива М.Л. Маношкиной, г. Барнаул.

Оборот фотографии, где Максим Маношкин на коне

Марчев Виктор Васильевич

*Желаю Вам хорошей и
счастливой жизни...*

Семья Марчевых до войны жила в Барнауле на улице Чернышевского. Виктор родился в 1924 году, в семье был старшим и по возрасту и по духу. Кроме него у Ефросиньи Антоновны и Василия Семёновича Марчевых было две дочери Валя и Роза.

Виктор рос крепким физически и положительным в нравственном отношении мальчиком, помогал по дому, заботился и ухаживал за сёстрами, оберегал и всегда защищал их. В июне 1941 года Виктор окончил в Барнауле школу № 27 и готовился, мечтал стать первоклассным слесарем и работать на заводе. Но начавшаяся война внесла коррективы в мечты Виктора.

В августе Виктору должно было исполниться 18 лет, а в июле он уходит добровольцем на фронт. Его, активного молодого комсомольца посылают в Кемерово в Школу красных командиров. В августе забирают на фронт и отца, Василия Семёновича.

Июль 1941 г.

«Здравствуйте, дорогие родители Мама, Папа и дорогие сестрёнки. С приветом к вам Виктор. Живу я всё там же и всё так же. <...> Недавно я в городе встретил одного Барнаульского друга, с которым послал девочкам ленту и письмо. Они давно меня просили купить. <...>

На девчат обижаюсь лишь из-за того, что они мало пишут письма мне. Прошу вышлите табаку, иглоку и материи. <...> Виктор».

03.09.41 г.

Кемерово

«Здравствуйте, дорогие родители. ... В первых строках своего письма сообщаю, что ваше письмо получил, за которое очень благодарен. Ещё я вас прошу, пишите чаще письма, хотя бы девочки писали. А ещё бы Вас попросил, пришлите мне посылку: носки тёплые, папирос или табаку, конфет, печенья или пряников. Да и вообще, что можно покушать, а то ребятам присылают посылки и мне охота получить. Нас нигде не пускают, а магазина своего нет.

Ещё сообщаю, что одежду выслать не могу, так как у нас её взяли, и не отдадут до конца школы. <...> Жду ответ с нетерпением. С приветом Виктор».

**07.10.41 г.
Кемерово**

«Здравствуйте, дорогие родные. <...> Посылку вашу получил, я Вас очень благодарю. Посылку получил, как раз в тот момент, когда пошли на выход на 3-е суток. Всё это мне очень понадобилось. <...> Я Вас прошу, позвоните мне по телефону, мне охота поговорить и услышать ваш голос. <...> Жду ответ. Виктор».

По окончании школы Виктору присваивают звание младшего лейтенанта и командируют для прохождения дальнейшей службы на Ленинградский фронт.

05.12.41 г.

«Здравствуйте, Мама, Роза и Валя. С приветом к вам Виктор. Пишу из Свердловска, еду по Папиному маршруту. Едем по направлению на запад, бить наглых фашистов. Встретили Барнаульский эшелон, а в нём знакомых увидел. Виктор».

«Здравствуйте, дорогая Мама, дорогие сестрёнки Роза и Валя. <...> Сообщаю вам, что окончил курсы на «хорошо» и сейчас нахожусь на передовой линии. Живу пока хорошо, слушаю переговоры ночной и дневной артиллерии. На днях иду в разведку. Жив и здоров. Обязуюсь Вам, что буду уничтожать всех фрицев, которые мешают нашей независимой стране и нашему народу. Посылаю Вам моё удостоверение окончания курсов. Пишите о Папе. Виктор».

09.12.41 г.

«<...> Сейчас мы подходим вплотную с горе-вояками немцами. Если бы вы увидели их, то, наверное, бы рассмеялись. Вкратце опишу, в чём они одеты. На голове женская кофта, на шее – юбка, ботинки и голенища обмотаны всяким тряпьем. Вообще, так плохо одеты, что бывает, часто замерзают. Вот таких гадов нам надо бить и гнать до конца и до полной победы.

О себе. Живу хорошо, здоровье хорошее, питаемся тоже хорошо. Больше всего я беспокоюсь о Папаше и не знаю его адреса. Сообщаю девочкам, что бы лучше питались и слушались Маму».

24.12.41 г.

«Здравствуйте, дорогие Мама и сестрёнки. <...> Нахожусь в прифронтовой полосе. Двадцатого видел одного Барнаульского, который

призывался в октябре 41 года. Они стоят недалеко от нас. Я думаю, и Папа находится там. Если только он там, то я увижу его и сообщу вам об этом. Сообщите, как вы живёте и получаете ли что-то от Папы. А Роза с Валея пускай лучше учатся, этим они помогут фронту. Я жду с нетерпением ответ. Виктор».

15.02.42 г.

«Привет с фронта. <...> Я в ночь вместе со всеми пойду в наступление. Все ребята отдыхают, а я вот пишу Вам и Папе письма. Я пока жив и здоров, перемен в моей жизни нет. Если бы вы знали, как мне хочется получить от Папы хотя бы несколько строк его письма.

Бои у нас идут ожесточённые. Фрицы сопротивляются, но мы, как бодучей корове, обламываем рога. Какими средствами он не обороняется, как ни сопротивляется, всё равно, наша Красная Армия была и будет самой лучшей Армией в мире, и не какая сила не может сломить силу нашей Армии, созданной из советского народа. Так что будьте все уверены, что мы врага выгоним из своей страны и уничтожим гитлеризм. Вот такая у нас задача и её выполним с честью. Жду скорого от вас ответа. Виктор».

25.02.42 г.

«<...> Нахожусь в тылу на курсах средних командиров, 10 апреля окончу их и тогда опять с новыми силами и знаниями поеду на фронт защищать нашу Родину и независимость от немецких оккупантов, которые хотели поработить наш советский народ. <...>

Меня больше всего интересует, как вы живёте, как учатся девчата и где находится Папа. Ещё, Мама, мне сообщи, как твоё здоровье и получаешь ли ты пособие на девчат. Опишите, как положение с продуктами. <...> Я живу сейчас в городе Вышний Волочок, от фронта далеко, но он «герой». «Ганс» залетает к нам и бомбит, но всё попусту, его бомбы никак в цель попасть не могут. Но скоро он отлетается, набьют ему гриву. Сейчас наши части далеко впереди гонят немцев на запад.

Остаюсь жив и здоров. Виктор.»

Февраль 42 г.

«<...> Поздравляю Вас с Женским праздником 8-е Марта. Желаю Вам хорошей и счастливой жизни. Девчатам желаю, чтобы они учились только на отлично. <...> Жду ответ. Виктор».

25.03.42 г.

«Привет из Волочка. Здравствуйте, дорогая Мама и сестрёнки. Сообщаю, что нахожусь на курсах. Остались считанные дни нашей учёбы, скоро будем сдавать экзамены, после чего будем средними командирами и поедем на фронт бить уже разбитого, но не добитого врага.

Учусь я хорошо, да и нельзя учиться плохо, так как это обязательно нужно для полного разгрома врага. Чем больше и лучше я буду знать, тем больше будет успеха в бою.

Мама, пишу вам уже шестое письмо, а ответа от вас нет. Или не доходят до Вас мои письма, или нет <...> Здоровы вы или нет, и ничего не знаю об Папе. Сейчас на курсах все ребята получают письма, а я никак дождаться не могу. Хотя бы телеграмму послали, и то бы я знал, что вы все живы и здоровы.

Погода у нас сейчас тёплая, текут ручьи, снег заметно ушел и под снегом вода. Весна здесь вступила полностью в свои права. Здесь я буду до 15 апреля, а после чего сообщу дальнейшее своё местонахождение. До свидания. Виктор».

29.03.42 г.

«<...> Пишу Вам уже восьмое письмо, а от Вас не получил ни одного письма. <...>

03.04.42 г.

«<...> 28 марта получили посылки от наших братьев, сестёр, матерей и отцов, находящихся на трудовом фронте. Я получил посылку от одной пионерки из города Молотова. Она прислала мне кисет, носовых платочков 2 и воротничков 4, 1 пачку папирос, носки, конфет, печенья и свой адрес. Я написал ей письмо, в котором очень благодарил за эту посылку. Вообще, эти посылки крепко воодушевили наших курсантов и бойцов нашего фронта. В связи с этим курсанты дали обещание, которое, конечно же, выполним. Это на хорошо и отлично закончить и сдать экзамен.

Вас, сёстры, призываю учиться тоже только на хорошо и отлично и слушать Маму. Жду от Вас письма».

А в Барнауле в это время сестра Валентина училась в педучилище. Оно располагалось в здании бывшей казённой гимназии для девочек на площади Свободы. В училище кормили студенток, но скудно, постоянно хотелось есть.

Сестра Роза училась в железнодорожном училище. Считалось, что она была на полном государственном обеспечении, поэтому продукты по карточкам ей были не положены. Карточки выдавали только Ефросинье Антоновне и Валентине. Роза после занятий приходила голодная, и приходилось скудный паёк делить на всех. По весне, на поле рядом с городским аэродромом (это современный район улиц Малахова, Попова, Павловский тракт и Взлётная – прим. ред.), садили картошку, сеяли редьку, тыкву. С весны до осени несколько раз нужно было пешком с тележкой сходить на поле с ВРЗ, где они жили. Здорово выручала столовая, к которой их прикрепили как семью военнослужащего. Каждый день в столовой на семью давали суп и лапшу. Как могли, старались выжить.

05.04.42 г.

«<...> Из Барнаула нас только четверо: Зотов Юрий, Вайцехович Борис, Зубарев Леонид и я. Большие с нашей стороны нет никого, никого не встречал и никто писем не получал. Таким образом, о своём крае ничего не слышали. <...> Остаюсь жив, здоров. Виктор».

20.04.42 г.

«Последний привет из В.Волочка. <...> Сегодня отгуляли свой выпуск и заслушали приказ. Я выпущен со званием «Младший лейтенант». Жду отправления в часть. И скорее попасть на фронт, и как можно скорее уничтожить фашистскую гадину, для того, что бы Вам жилось лучше. <...> С приветом Виктор».

26.05.42 г.

«На свою родную сторону, к своей дорогой Мамаше и сестрёнкам Розе и Вале. Добрый день или вечер, дорогие. С приветом к Вам ваш сын, брат Виктор. Во-первых строках моего письма сообщаю я вам о том, что я легко раненый в правую руку. Нахожусь в настоящее время в роте выздоравливающих. Сообщаю, что Борис Вайцехович и Леонид Зубарев после меня остались в поле боя живы и здоровы. <...> С приветом, ваш сын Виктор».

13.07.42 г.

«<...> Мама, во-первых, я сообщаю, что из госпиталя я выписался и еду с новой силой громить врага. Ранение моё зажило и чувствую я себя отлично. В этом письме посылаю Вам фотокарточки и прошу, Мама, одну послать Папе. Ещё посылаю карточки двух сестёр, которые за мной ухаживали и лечили. Прошу тебя, Мама, поставить их на самое видное место и береги их так же, как и мои. Мама, сейчас я отправляюсь на фронт в ту самую часть, из которой я попал в госпиталь.

Мама, ты извини, что я долго не писал писем. Я сам не мог, а людей просить как-то неудобно. Мама, как бы ты знала, что мне хочется увидеть Вас всех или пару слов услышать от Папы. Ну, ничего, кончится война, соберёмся все вместе, тогда мы уже и погуляем. <...> Остаюсь, Ваш Виктор».

02.08.42 г.

«<...> Мама, посылаю Вам свою фотокарточку. Сегодня к нам на передовую пришёл фотограф, и мы сфотографировались. Мама, Папе тоже послал фото, и просил, чтобы он выслал мне. Если у Вас есть фото Папино и Ваше, то очень прошу, вышлите мне. Розина и Валина фотокарточка хранится. Я, нет, нет, когда для меня настанет тяжёлый момент, вытащу, посмотрю на них, и у меня как-то прибавляется сила и энергия и я всегда

выхожу из всех трудных положений, думая о Вас. На этом кончаю. Жду ответа, с горячим фронтовым приветом к Вам Виктор».

15.09.42 г.

«Привет с фронта. <...> Сообщаю, что с Папой связь имею. Получил от него письмо. И этот день для меня был праздничным днём! <...> Виктор».

03.10.42 г.

«Здравствуйте, Мама, Роза и Валя. С горячим приветом к Вам ваш Виктор. Сообщаю, что я жив и здоров. Сейчас со своей ротой иду в наступление на этих, всеми проклятых гитлеровских собак. Знайте, что если погибну, то от моих пуль не одна собака погибнет! Виктор».

«<...> Мама, прости, писать некогда, да и нечего. Высылаю Вам немного бумаги. Эта бумага из подарка Московских рабочих. <...>».

Самое страшное известие семья получила в ноябре 1942 года – Виктор погиб. Очень тяжело переживали родные гибель сына и брата.

А это письмо от незнакомых людей пришло из Москвы.

27.01.43 г.

«Здравствуйте, незнакомая гражданка Марчева! Мы очень извиняемся, мы не знаем, как вас зовут. Нас очень интересует судьба вашего сына Виктора, жив он или нет. Когда он у нас стоял на квартире, он очень понравился всем. Это было в 1941 году. Их быстро угнали не известно куда. Он дал нам ваш адрес и взял наш. Но до сих пор ни одного письма нам не прислал. Мы его часто вспоминаем, решили написать вам письмо, узнать о его жизни. Если жив, дайте его адрес, мы пошлём ему письмо.

Конечно, кормили их очень плохо. Часто дадут только 3 сухаря, но он солдат, взрослый парень, разве ему хватит. Мы давали ему своего хлебушка и он к нам привык, как к матери родной. Мы сочувствовали ему, у нас самих служат сыновья и зятья. <...> Ждём ответ. Евдокия Александровна Мозговая».

Отец, Василий Семёнович Марчев остался жив.

Письмо от отца.

04.01.43 г.

«<...> Фрося, я видел снов много и очень они нехорошие. Сны эти касаются Виктора и тебя, Фрося. Я думаю, что ты болеешь, а ты ни в одном письме не пишешь, как твоё здоровье. Я тебя очень прошу, Фрося, береги своё здоровье, продавай всё и улучшай питание. Кончится война, наживём, если будем живы.

Фрося, я пока лежу в госпитале, здоровье моё улучшается, обо мне не беспокойтесь. Я живу и поправляюсь. <...> Целую вас всех, крепко, крепко. Ваш папка В.С. Марчев».

Семье Марчевых жилось не сладко, как и всем людям в ту пору. Старались, как могли добыть продукты и запастись ими в прок. Летом собирали ягоды в лесу, потом их сушили, сахара не было, чтобы варенье варить. Ягоды черёмухи сушили и мололи на мельнице ручной, потом из этой муки пекли лепёшки. Тыкву парили, варили кашу, здорово она выручала в войну. У подруги Валентины мама работала на приёмке овечьих шкур от населения. Эти шкуры выделывали, а потом из них другое предприятие шило тулупы для фронта. Так вот, счистят мездру и жир, потом всё это вытопят, а на полученном жире жарили картошку. Вкуснее этой картошки со шварками ничего в мире тогда не было! Запах было слышно за несколько домов. Валентине такое угощение от подружки частенько перепадало.

Жили в частном доме. Электричества не было, трудно было с керосином и топливом для печки. Часто использовали для освещения коптилки, дрова выдавали не регулярно, приходилось на санках из леса возить валежник. Иногда покупали уголь.

По карточкам, кроме хлеба, сахара, круп, соли, давали ещё мыло, но его не хватало. Чтобы постирать или помыться, мама варила щёлок. Мылись дома. Ставили ванну, наполняли её водой, нагревали кирпичи до красна и в воду. Как вода согрется, тогда и мылись.

Хотя и трудное было время, иногда удавалось сходить в кино. Работал кинотеатр «Октябрь», а в «ТЮЗе» Валентина и Роза с подругами выступали, участвовали в концертах для раненых в госпиталях.

Несмотря на то, что война идёт, праздники справляли. Торжественно проходили 7 Ноября и 1 Мая. Были танцы под баян, танцевали под игру патефона. Ходили летом и на танцплощадки. Одеть было нечего, простенькие ситцевые платья, но молодость брала своё, хотелось посмеяться, потанцевать.

Как самый великий праздник вспоминала Валентина Васильевна День Победы. «Все ещё спали, как в окно постучал брат подруги с диким криком: «Вставайте! Война кончилась! Я нарядилась и с подружками пошла в педучилище. По дороге встречались счастливые, радостные люди. Они ликовали! Площадь Свободы быстро заполнилась людьми. Никто не собирал их. В небо пускали шары с надписями: «Мир, Победа, Ура!» потом был митинг, поздравления, радости не было предела. Кругом слышалась музыка, люди танцевали, обнимались. В этот же день в педучилище выступали военные из минометного училища. Радовался и праздновал победу весь город».

Использован материал из семейного архива И.В. Поповой и музея «Наследие» школы № 125, г. Барнаул.

Михайлюк Василий Иосифович

Ты меня ковылью провожала...

Василий Михайлюк родился 19 декабря 1920 года в селе Родино Алтайского края. Родители крестьяне – бедняки, в 1921 году вступили в коммуну «Украина», а затем, в начале 1933 года во вновь созданный колхоз «Червона Сибирь». В этом колхозе с шестнадцати лет Василий начал работать. Вozил зерно на Кулундинский элеватор, пахал землю, косил хлеб и выполнял другую работу.

Всегда хотел и любил учиться. В 1938 году окончил курсы счетоводов и стал работать в колхозе. Зарекомендовал себя ответственным и грамотным специалистом и в марте 1940 года райком комсомола направил

его на работу в Родинское отделение госбанка.

В селе Родино Василий встретился со своей любовью, на тот момент слушательницей педагогических курсов Мотенькой, так ласково называл её Василий. Как вспоминает Василий Иосифович, она запала в душу сразу и на всю жизнь. «Что-то случилось с парнем», - заметили родители. Определение этому дал себе сам: это любовь. Хороший баянист был нарасхват в любой компании. Ни одни танцы, ни одна вечеринка в клубе не обходилась без него. Как-то пригласили баяниста на вечер отдыха девушки, проходившие в Родино педагогическую практику. Сослаться на плохое настроение и отказать не смог. Танцы в те времена начинались с вальса. Он растянул баян, и вдруг..., перед ним мелькнула та самая красавица, которая с недавних пор не покидала его воображение, не давала покоя душе.

Продолжая игру, откровенно «стрелял» глазами в её сторону. Этого не мог не заметить ответственный за вечер, и вдруг почему-то, попросил девушку принести баянисту воды. А дальше?...

Домой с танцев Василий вернулся под утро. Потом были незабываемые свидания. Они бродили по улицам, по берегу озера и долго просиживали на скамеечке. Зима пролетела быстро, и по окончании курсов Мотю отправили на работу в Волчихинский район. Расстояние в 30 километров оказалось не препятствием для влюблённых. Каждый выходной Василий преодолевал его на велосипеде, словно летел на крыльях, чтобы ещё раз пережить минуты свидания.

11 октября 1940 года Василию пришла повестка, предстояло идти в армию, а потом война... 22 июня 1941 года по сигналу боевой тревоги, согласно штатному расписанию Михайлюк Василий прибыл в первый

дивизион, где ему вручили пару лошадей и бричку, загрузили снарядами и в качестве подвозчика снарядов отправили на фронт. Через три дня дивизион вступил в бой в районе порта Титовка на границе с Финляндией. Василий стал заряжающим орудия, затем наводчиком и командиром орудия.

В апреле 1942 года был зачислен на курсы младших лейтенантов, и вскоре его назначили старшим офицером учебной батареи.

Очень, очень скучал солдат по единственной своей подруге. Выручали письма, которые потоком шли туда и оттуда. «Товарищ лейтенант, вам опять письмо с красивым почерком», - почти каждый день выкрикивал красноармейский почтальон.

20.06.41 г.

«Привет из Заполярья. Здравствуй, Мотинька! Сравнительно давненько не писал к тебе. <...> Мотинька, находила ли ты предел моей любви к тебе, когда я был возле тебя. Я думаю – не находила. Я получал взаимность, особенно я это чувствовал и видел в дни последних наших встреч.

И ты думаешь, эти несколько тысяч километров и восемь месяцев разлуки изменили тому влечению, которое не изъяснялось годами и открылось однажды. Я пишу о том моменте, когда впервые увидел тебя и о том, что я тебе несколько раз говорил. Нет, голубка моя, ждала бы ты, а я вернусь к тебе.

Пока что не могу чаще писать, но связь мы ни за что не должны порвать, ты Мотинька, знала, куда я уходил, и дала слово. А жизнь у нас боевая, напряжённая, здесь мы почти уходим от гражданского мира, и только одна любовь никуда не уйдёт от нас. Она так прочно врезалась в сердце, которую лелеет и питает тот платочек, который, ты помнишь, тот голубой, ценнейший для меня.

О себе. Живу на старом месте, учусь. <...> Я сегодня слышал соловья. Вообще, лето раскинуло свои ласковые объятия и забрало в них всю тундру.

*Ты меня ковылью провожала,
Говорила, смелым будь бойцом
На прощанье руку крепко жала
И смотрела ласково в лицо.*

*Золотые мне кивали травы,
Проносились стаями стрижи
В армию, овеянную славой,
Я уехал, Родине служить.*

*Образ твой всегда мне мил и светел,
Радость легкокрылая моя.
Я тогда с отрадой тихой встретил
Дальние суровые края.*

*Боевую жизнь суровой школы,
Постигаю, не жалея сил,
Я своих товарищей весёлых,*

Бодрых и весёлых полюбил.

*Если вражьи силы, подымаясь,
Нападут на Родину мою,
Я слова твои, не забывая,
Буду стойким до конца в бою.*

20 июня 1941 года. Кировск. Целую, твой Вася. Эх, жизнь, жизнь».

05.09.41 г.

*«Фронт. Доброго желания! – Моя дорогая подруга Мотинька. <...>
Часто под разрывами снарядов, под пулями, вспоминаешься ты, наши
встречи, слова. И тогда ты как будто бы шепчешь – живи, смелее иди в бой.
А мы, выполняя долг, защищаем самое дорогое: Родину, народ, тебя, моя
голубка. Мотинька, уже год, как мы расстались, но слова и чувства мои те
же, а твоё слово навсегда останется для меня идеалом. <...> »*

15.09.41 г.

*«Мотинька! Дорогая моя голубка. Сколько и сколько я был благодарен
тебе за письма. Значит, ты жива, здорова и в чувствах прежняя. А помнишь
прошое? А, между прочим, оно было счастливо. <...>*

*Живу по прежнему. Жизнь боевая, настроение бодрое, самочувствие
прекрасное, здоровье тоже. За время боёв нажил и нашёл настоящих боевых
друзей. Орудие наше имеет приличную репутацию. Иногда, во время затишья
вспоминаю о былом, о тебе. Всегда помнятся твои глаза. <...> Твой Вася».*

20.03.43 г.

*«Доброго желания, Мотинька! Разреши поздравить тебя с днём твоих
именин. Я очень, очень счастлив поздравить тебя, именинница ты моя
бесценная. Хочется встретить тебя такой же нежной, с теми же
лучистыми глазами, а под час с томным, слегка грустным взглядом. До боли
волнующим милым наклоном головы и безвинным выражением лица,
возбуждённым голосом, ту же Мотиньку, которая на одном из вечеров
очаровала меня и взяла себе всего... Да чего там писать, ведь ты, же, друг
мой, не сомневалась во мне?*

*Безусловно, Мотинька, такими-же мы не встретимся, какими
расстались, ибо время-то. Третий год пошёл, да ещё не известно, сколько
пройдёт. Но любовь наша, наша дружба останутся такими же – это мы
можем.*

*Да, друг мой, года, как вода, текут и текут. Правда, не всегда так, как
наши заполярные горные реки, бурно и с шумом, но назад не текут. Поэтому,
раз уж ты в челне жизни, то хоть в одну сторону, да уж проплыви. ...
Мотинька, ты бы фото выслала, а то мы скучаем за тобой, голуба моя.*

*<...> Ко дню РККА мне присвоили очередное звание, можешь
поздравить. Целую, твой В.М.»*

12.12.43 г.

«Добрый час, друг мой! Представь себе, когда чувствуешь, что тебе должны вручить письмо, и ты его получаешь? Тут и детская радость и все прочее. Я признаюсь тебе, своих мать и отца люблю сильно и нежно, как никого, но от тебя, родная моя, жду письма больше всего. Читая его, вспоминаешь наши встречи, тебя – нежную, до боли милую, и что-то волнующим потоком входит во все существо, жизнью наполняет кровь.

На всю жизнь для меня запомнится тот вечер, в том девственном Сухиниче. Когда я, измученный любовью, с не вмещавшей, от пережитого, душу чувства, убаюканный любовью, я засыпал, и уже не слышал, а скорее чувством улавливал твои воздушные шаги и шорох ночного платья, ощущал твой жаркий поцелуй, который вводил в какое-то забытье. А страстное твоё дыхание<...>

Нет, друг мой, это пером не опишешь! И теперь, когда весь измученный, иногда ляжешь и почувствуешь, как свинцом расплавляется усталость, вспомнишь этот вечер, миг, и кажется, что это было то, чему мы посвятили всю нашу молодую жизнь. Правда мы тогда были слишком молоды, а жизни не знали, были несколько похожи на серну, а сейчас иногда подумаешь и кажется, что зря мы были уж настолько робки как дети.

<...> Голубка моя, нас только двое. Ты и я – это одно, не так ли? Взял бы я тебя за подбородок, посмотрел бы в твои ясные очи, душа моя, и поцелуем, страстным поцелуем пытались бы укротить вырвавшуюся из груди страсть. Любовь... Но вот тебя нет, ты далеко, далеко, там в родных степях Сибири. И ты не можешь представить, как скучает сердце о тебе, как хочется быть с тобой рядом! И чем больше становится разлука наша, тем больше страсти и любви набирается в груди. И всё это для тебя, голубка моя, для тебя. Нет, я сожгу тебя огнём своих чувств и страсти, когда мы встретимся с тобой! Друг мой, у меня больше, чем любовь к тебе! Целую, как и всегда, Вася. Целую, душа моя, жду.

PS Если можно, вышли мне тетрадь. Не мне нужна, для службы!»

07.03.44 г.

«Доброго желания, голубка моя! Твое письмо от 24.02.44 получил вчера и, кажется, нет такого, чем бы мог отблагодарить тебя, душа моя! Как я могу обнять тебя, как поцеловать и почувствуешь ли ты это через письмо? О! если бы наяву побыть с тобой хоть один недолгий миг, какой я был с тобой сегодня во сне.

Понимаешь, ангел мой, где – то в дебрях чувственного леса встретил тебя такую нежную, ласковую, родную. То же платье и та же блузочка, до боли родные, которые так волшебным образом обвивали твой гибкий стан в тот памятный вечер (пусть он будет благословенен) когда я вторично увидел тебя, в уютном классе Сибирской школы. Они вновь обвивали тебя, то же выражение, какого-то непонятного огня, глаз, та же непринужденная, милая

сердцу грация, где-то мы скрывались, не знаю от чего, а потом... потом то же далеко-далеко заброшенное селение Сухинич, а потом...

Мотинька, мы, кажется, ясно представляем ту ночь, которая навсегда осталась у нас в сердцах. Да, то было то, что не у каждого бывает в жизни, во всяком случае, не два раза. Если бы то повторилось еще раз, тогда бы я сказал: «то, что есть в жизни, лучшее я взял, теперь я благодарен жизни». Но все это или же мечта, или же сон, после которого наступает горькая действительность.

Если бы те чувства, те страсти и ту любовь, которая пылает к тебе, сматывал в клубок, то получился бы чудесный бы клубок, который своим бы огнем сжигал бы на своем пути все зло и недоразумение. Но ведь это все же иллюзии, которыми мы кормим наши ненасытные сердца, молодые сердца. Ты может и осуждаешь меня за это детство, эту глупость, но ты уж прости, друг мой. Потому что все это, когда-то, я доверял тебе, а сейчас? – кому же сейчас я доверю свое сердце, если оно хочет любви и ласки и не хочет никак смириться с этой отшельнической жизнью.

<...> Но ладно, Мотинька, пиши все свои сокровенные и заветные мечты свои, ведь над этим только мы с тобой судьи и никто нам не упрекнет в любви нашей, в нашей жизни.

До свидания, целую. PS Прости, но всякое бывает! Поздравляю тебя с твоим родным праздником, днем 8-го марта . Желаю счастья. Василий».

12.04.44 г.

«Добрый час, друг мой! <...> благодарю за письмо, за доброе слово. Разреши поздравить тебя с днём первого мая, с днём нашего Великого Пролетарского праздника. Третий май мы проводим, когда вместо цветов и роз льётся вражья кровь, а вместо майских лугов зеленеют спины вражеских мундиров. Но надо сказать, что следующий май придётся поздравлять не письмом, а рукопожатием. Крепись, не болей, будь здоровой, как свежий ласковый майский день. Пиши<...> »

14.12.44.

«С Новым 1945 годом, родная! <...> Прошедший год был замечательным годом, в этот год мы полностью освободили нашу Родину от врага и далеко прошли по территории других государств. Друг мой, разреши пожелать всего наилучшего в твоём здоровье, чтобы был у тебя детский сон, чтобы жизнь твоя текла, как июньский день и исполнения твоих желаний, голубка моя. Будь счастлива и здорова. Целую тебя. Василий».

09.05.45 г.

«Доброго желанья, друг мой! Мотинька, разреши передать тебе мой сердечный привет, самые наилучшие пожелания и поздравить вас с мамашей с Великим днём нашей окончательной победы над врагом, над этой трижды проклятой гитлеровской Германией, над чёрными силами фашизма – этим

исчадием преисподни. Жизнь и добро на земле – восторжествовали. Жить нашей могучей Родине века. Пусть этот день станет символом Победы, жизни и счастья за которые все люди нашей Великой Родины сражались долгих четыре года. До скорой встречи, я полагаю, друг мой. Целую, Василий».

Вспоминает Матрёна Ефимовна Михайлюк: «В эти ужасные военные годы я работала учительницей начальных классов в средней школе села Вострово Волчихинского района. Мне так тяжело вспоминать о них. Испытание на верность друг другу длилось у нас почти семь лет. Он очень часто писал мне. Письма были красивые, нежные, откровенные... Их не счесть. И сейчас я их читаю с каким-то особым трепетом, как в первый раз.

Мои коллеги по работе, девчата, всегда просили, чтобы я читала эти письма вслух, как художественную литературу. Ну а если я не читала, они отбирали их у меня. И, конечно же, была огромная радость при получении очередного письма, что он жив! И я дождалась! Он прибыл домой в марте 1946 года. Расписавшись в сельсовете, стали мужем и женой».

В марте 2006 года Матрёна Ефимовна и Василий Иосифович отмечали свой бриллиантовый юбилей. Более 60 лет вместе!

Использован материал из семейного архива В.И. Михайлюк и Родинского краеведческого музея.

Письма с фронта

Мызников Николай Семёнович

Александра и Николай Мызниковы

*Ангел ты мой, Сашенька,
наглядеться бы на тебя...*

Хвори одолевали в последнее время. Уж забыла Александра Иосифовна, когда спускалась со своего 5-го этажа на заснеженную землю. Оставшись в квартире одна, когда дочь на работе, а внук в школе, достаёт сшитые в самодельную книгу солдатские письма. Читает, перечитывает. Утрет слезы, улыбнется давним минутам счастья.

20.05.42 г.

«Здравствуй, милый Шурик! Целую твои губки, целую милых ребятков Колю и Лёву. <...> Без всякой очереди это письмо, но мне так хочется тебя видеть, поговорить с тобой и целовать. <...> Все ночи ты мне снишься, а когда утром пробудишься – тебя нет и опять тоска. Ангел ты мой, Сашечка, наглядеться бы на тебя. Твой милый взгляд не даёт мне покоя. Мне часто вспоминается прошлое, то мережит будущее. <...> Часто вспоминаю, как мы с тобой гуляли до темноты, как целовались и обнимались. Ты ведь, Санечка, у меня, как игрушечка. <...> А какие ребята милые у нас растут, это наша радость и наше будущее.

Милый сынка Колюша, как я соскучился по тебе. Я бы сейчас укусил твою лапочку и поцеловал тебя. Мы бы сейчас катались на конике в поле... <...>.

Когда я пишу, будто разговариваю с тобой, милая Сашенька. <...> Милая семья, до свидания. Целую, и целую без конца. Эх! Не хочется с вами расставаться. <...> Остаюсь, верный муж, отец».

Николай Мызников на деревне был видным парнем. Более того, агроном МТС - единственный, кто имел высшее образование. Заприметил он семнадцатилетнюю черноглазую статную дивчину. Сама того не ведая, Шура очаровала молодого агронома. Настойчивый он был парень, деликатный, чтит нравы деревенские. А что стала она избранницей его сердца, Шура узнала только, когда Николай заслал сватов.

Александра Иосифовна вспоминала: «Молоденькой тогда была, глупенькой, любила безумно. Казалось, всю жизнь будем вместе и в один день умрем. Обожал меня Николай, в дальнее село уедет, так я его жду - не дождусь. Запримечу, вдали на ходке едет - бегу навстречу.

- Я знал, что ты, Санечка, увидишь меня, - обнимет. - Давай прокачу.

Прижавшись к милому, подъезжала к дому. Соседние бабы незлобиво посмеивались. Мы хорошо жили. Не могли надышаться друг на друга...».

Война шла уже более полугода. Николая Мызникова на фронт не брали, бронь. Весной 1942 года в семье появился второй ребенок, а через 19 дней после рождения младшего сына Лёвущи принесли повестку.

Александра Иосифовна вспоминала: «Он боялся меня расстроить, враз осунулся, почернел весь. Слова проронить не мог. Окаменел. Его оторвали от меня, посадили в машину, а я рухнула на землю, заревела».

30.07.42 г.

«Голубка, Саша, вчера весь день ждал письма, а получил сегодня. Моё сердце уже за день чувствует, что письмо есть. Перечитал все старые твои письма, стало легче, и я немного успокоился. <...> Милая Шурочка, я бы теперь молока с хлебом наелся! Громадный аппетит на молоко. <...> Санюша, мне что-то не верится, что Лёвка толстый. Что у него большие рученьки, как у сынка Коли. <...> Шурик, береги ребятки, они у нас хорошие, милые. Как их охота посмотреть <...>».

Август 1942 г.

«<...> Письма мои должны идти густым потоком. <...> Живу пока по старому, изменений никаких, меняется только время года. <...> Осень. Первая осень нас застигает в разлуке. Милая Саша, абсолютно всё вспоминается. Вспоминаю мягкую перину, подушки, как сладко спали на толсто-пушистой перине. <...>»

Теперь полуфронтная жизнь, хотя и не скучная, но временами приходится скучать, думать и тосковать. <...> Возможно, было бы легче, если были от тебя письма. Все старые письма бессчётно раз перечитал, они уже все износились. Когда дождусь твоих писем? Слишком мы с тобой друг от друга далеко. <...>»

08.08.42 г.

«<...> Письма больше не пиши в Барнаул. Уезжаю на фронт, школу мы не закончили. Прослушали только первый период, никаких лейтенантов из нас не будет, нет времени нас обучать. Скорее на фронт – громить врага, фашистов. <...>».

Август 1942 г.

«<...> Сажусь в вагон и еду туда, где решится конец моей судьбы. <...> Шурик, ангел мой, ведь ты меня знаешь, какой я есть. Как сожмёт что-то внутри, участится биение сердца, я в это время теряюсь, половину забываю, что я делаю. Мысль больше всего о прошлом. <...>»

Вот смотрю на твоё милое личико, твои сладкие губки, милый взгляд – никогда мне их не забыть. Все твои милые черты останутся у меня

отпечатком на всю мою жизнь, но, сколько она продлится? <...>»

Август 1942 г.

«<...> Получил новое обмундирование. Всё хорошо, плохо одно – крепко соскучился по тебе и сыновьям. Самая тяжёлая проблема, никак не могу взять себя в руки. Чёрт её знает, чем объяснить, что мысль о тебе на каждом часе. Как ты с ребятами, как тебе тяжело. Ведь ты моя милая игрушечка, забава ты моя, моё наслаждение! Эти мечты не выходят из головы. Ангел ты мой милый, крепко я скучаю. <...>

Что же ты мне ничего не прислала. <...> Мне хотелось расцеловать вещь, которую бы ты положила в посылку. <...> Хочется назвать тебя крошкой и малышкой. А лучше всего наяву, милый мой ангел. <...> Хочется тебя видеть и видеть без конца...<...>»

18.08.42 г.

«<...> Последний день проезжаем по сибирским просторам, наконец, достигаем Уральских извилистых гор, висящих в белых облаках неба. <...> В вагоне по-прежнему песни, но уже безо всякого порыва и не строевые, как это было раньше. <...> Большинство – вспоминают прошлое, шутки, анекдоты и прочее. Да и в самом деле, чем ещё заниматься, как не шуткой и весельем. <...>

Мысль течёт без конца, которую хочется передать тебе лично, Сашенька, только словом, а не письмом. Давит сердце от обиды, что не поцеловал последний раз тебя и сынков. <...> Тебя, Саша, не вижу во сне и ребят тоже. Только днём на вокзале мерещится, зачастую, женщина, похожая на тебя. В Барнауле почти каждую ночь ты снилась с сынками, после этого становилось легче. <...> Целую без конца, голубку Сашу, Колю и Лёву».

23.08.42 г.

«<...> Назначили командиром взвода, заботы и работы стало гораздо больше. Состав взвода почти весь новый, люди ещё не служили, молодые и разных национальностей, плохо знают русский. Поверь, милая, чрезмерно тяжело командовать, когда люди плохо знают русский язык. Потом, они как-то плохо развитые. Таким образом, сейчас учимся, как бить врага, а затем пододвинемся поближе к фронту. <...>

Август 1942 г.

«<...> Хочу тебя предупредить. Обстановка сейчас особенно напряжённая в стране, война идёт около моей родины, т.е. Воронежа. Поэтому учти, Саша, год будет очень тяжёлый, сколько раз писал тебе «Саша, готовься к зиме». Рассчитывай, дальше будет плохо.

Не вздумай продавать картофель, который в Антипино, всё нужно перевезти домой. Вопрос с сеном тоже нужно разрешить, в зиму оставьте

одну корову и 2-3 овечки. Неплохо было бы обменять на хлеб другую корову.

Торф на зиму и кизяки нужно заготавливать. Насчёт тебя, прямо не знаю, что присоветовать, ведь тебе работать бы не мешало, но куда ребят деть? Вот сейчас смотрю на фото, не могу удержаться себя от волнения. Сердце переполняется жалостью к тебе. <...>».

Александра Иосифовна вспоминала: «Для вывоза картошки в колхозе дали бричку, и я с двумя соседскими стариками, тронулась в соседнюю деревню. За день выкопала картошку, тяжеленные мешки погрузила на телегу, запрягла коней, а попутчиков все нет. Ребенка грудного кормить надо, тронулась в путь сама. На пригорок подниматься, а лошади заупрямились, не идут. Что делать? Свалила мешки. Тут незнакомец появился, пояснил, что окружным путем надо ехать, и ближе, мол, и дорога лучше. Но не помог мешки подтащить и погрузить.

Долог путь, а уж смеркаться начало. Вдруг опять тот же самый мужик с ружьем за плечами. И опять совет: чего спешишь. Вон домик, переночуешь, утречком дальше в путь. Жутко стало. «Господи», - молила Бога, - «не отвернись от детей моих, будь милосердным, помоги». Услышал, внял просьбам «Всевышний», вдали появились соседи-попутчики. Перепрягли лошадь, мешки погрузили. Оказывается, я неправильно лошадей запрягла, вот они и заупрямились».

03.09.42 г.

«<...> Милый сынка Коля, что же ты не напишешь папке письмо, наверное, забыл ты меня, а я по тебе весь изныл и истомился. Хотя бы пожать твою рученьку и поцеловать тебя. Нужно вам поторопиться с письмом. <...> Вот ты вырастешь большой, будешь служить в Красной Армии, тоже соскучишься по дому родному, тогда поверишь, каково мне. <...>».

Милый Шурик, грызёт забота, как ты будешь зимовать, ведь огород далеко, сено не заготовлено, не знаю, как ты выйдешь из положения. <...>»

Уже лежал снег. На санях Шура с матерью отправилась за сеном. Не близко стоял заготовленный еще летом стожок. Обратно стали возвращаться, как появились на противоположной стороне речки волки. Параллельно идут, не отстают. Уже мосток видать. Там и встреча с хищниками. Боже всемилостивый, отведи беду. «Коленька, миленький, помоги». Шептала молитву Шура, умоляла Господа, просила солдата-мужа. До мостика рукой подать. Звериный оскал перед глазами. Все. Кто может объяснить, почему волки развернулись и ушли восвояси? Тяжело было Шуре. Своих двое крошек, да двух малышей родной сестры пришлось к себе взять на воспитание.

20.09.42 г.

«<...>
Мой ты милый, Николай,
Ты живи, не унывай.
Как побьём всех людоедов,
Так и я домой приеду,
Будем жить и веселиться,
И сны хорошие будут сниться.

<...>
Сильно, голубь мой, скучаю
Увидать тебя желаю
Скорее кончилась бы она
Эта проклятая война.

<...>
Тебе, сынок, наказ даю,
Жалей ты мамочку свою <...>».

23.10.42 г.

«<...> Милый ангел! Сегодня, Саша, ты всю ночь мне снилась с ребятами. Ты была весёлая и по-прежнему хлопотливая. <...> Милая, Санюша, только сейчас перечитал все твои письма. Поверь, как мне милы твои строки. <...>»

Невозможно пересказать, что пришлось вынести в военное лихолетье Александре Иосифовне Мызниковой. Самый страшный удар нанесла похоронка. Шел февраль 1943 года. Еще до чёрной вести несколько месяцев не было писем от Николая. Он воевал под Ленинградом и предупреждал в последнем письме, которое писал под грохот снарядов, что если не будет от него вестей, значит, «сложил у города на Неве свою голову», но он верил в будущее.

«<...> Саша, не тоскуй, скоро кончится война, и заживем мы с тобой счастливой, радостной жизнью <...>».

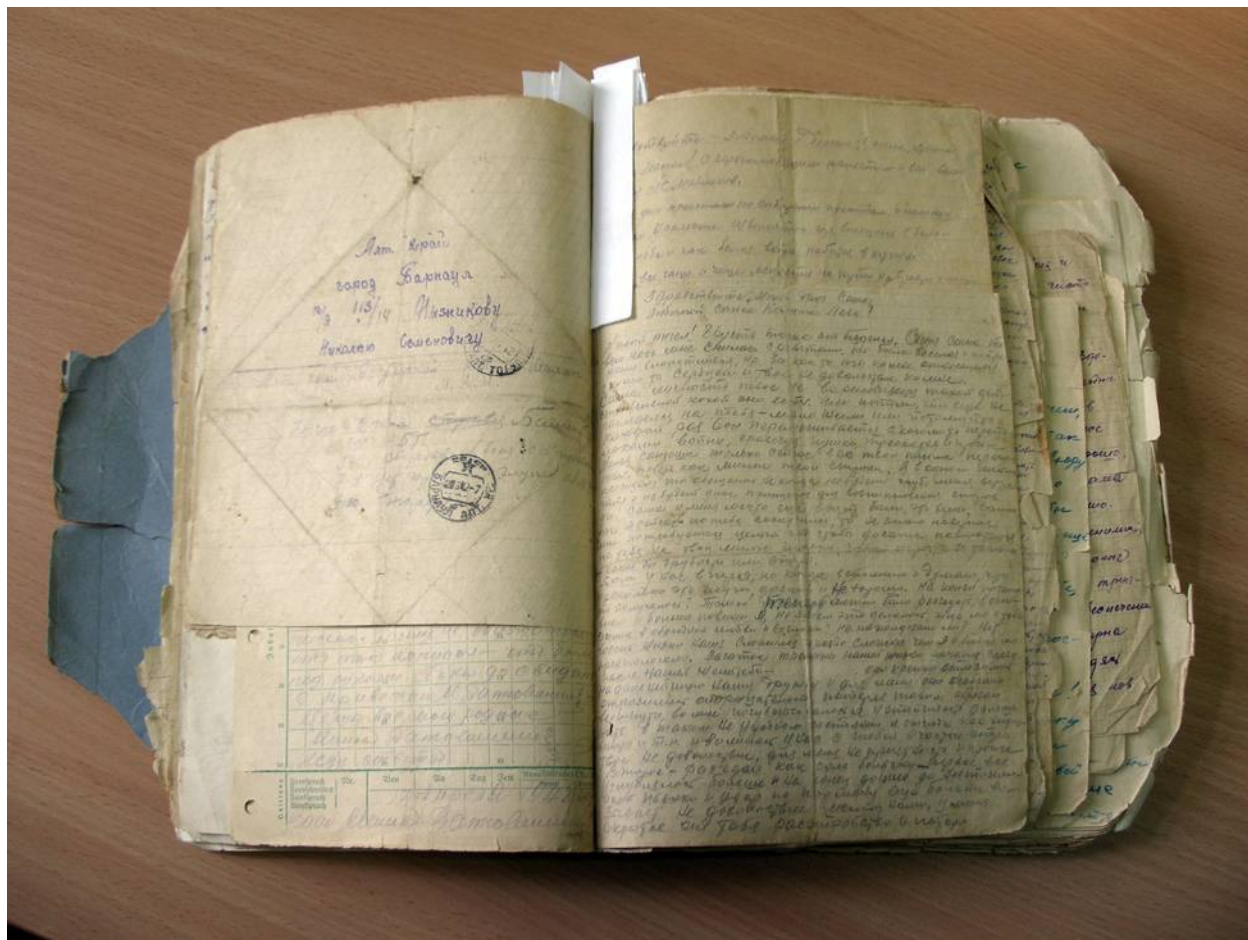
Тридцатилетний Николай Мызников навсегда остался на войне. И всегда был рядом с любимой женой, с сыновьями Колей и Лёвой. Он, погибший солдат, словно ангел-хранитель, берёг их, отводил беду, давал силы своей ненаглядной Шуре вырастить сыновей.

Старые письма из далекого сорок второго. Да нет же, какие они старые. Просто пожелтели от времени листки. Странички писем. Вчитываясь в их строчки, слушая Александру Иосифовну, понимаешь, что любовь, огромная как небо, - это вечность, где нет бега времени, нет прошлого. Понять эту вечность любви дано лишь ей, Александре Иосифовне, одной. Она читает эти прекрасные строки солдатских писем мужа сердцем. Она давно знает их

наизусть. Но вновь и вновь спешит она на свидание с любимым, берёт в руки густо исписанные листочки, прикрывает глаза - сердце видит - и погружается в вечность любви. И она счастлива, что есть у нее эти драгоценные письма Николая из сорок второго года. И не властно над их любовью время...

Нет в живых и Александры Иосифовны, но если человеческим душам суждено бессмертие, то их встреча состоялась на небесах. Они, в разный час покинув сей бренный мир, вновь счастливы в вечной любви.

Использован материал из семейного архива П.И. Фиц, г. Славгород.

Письма Мызникова Николая Семёновича

Невежин Василий Петрович

*Будем биться не жалея
своей крови...*

Василий Петрович родился в селе Быстрый Исток. Окончил 7 классов, а затем выучился на бухгалтера. В 1924 году женился. В 1925 году родился первенец сынок Коля. С рождением ребёнка решили отделиться от родителей и уехали жить в село Акутиха. Там Василий Петрович устроился работать на стекольный завод, взяли его начальником планового отдела. Любил говорить: «Мать, ты будешь ходить у меня только в шелках». Любил свою жену.

Вспоминает дочь Неvejина Руфина Васильевна Малютина: «В селе была артель по производству тканых полотенец. Мама работала в этой артели. Дома стоял ткацкий станок, мама ткала полотенца в ёлочку, в клетку, обучала молодых. Одевала нас всех красиво. Сама шила на нас платья и костюмы. Помню, перед войной привёз отец из Новосибирска красивый сатин на юбки и ткань на пальто. Мама сшила парням костюмы, а девочкам пальто и куртки.

Семья наша была очень дружная, отец любил и умел веселиться. На вечерках плясал, не упускал возможности поиграть с детьми, любил лапту. Около нашего дома по праздникам всегда собиралась молодёжь, пели, плясали под балалайку».

Счастье закончилось враз - началась война. В армию Василия Петровича забрали 19 августа. Провожали всех призывников до причала на реке.

Руфина Васильевна вспоминает: «Отец нёс на руках младших: Тамару и Зину. Тамара всегда встречала отца с работы за калиткой. А я держалась за штанину и шла рядом. Проводили мы его до баржи, остались на берегу, а мама с отцом поехала до района. Когда отец поднимался по трапу, у него развязались лямки на мешке и мешок упал в воду. Оторвалась вдруг подошва на ботинке... Все посчитали это дурным знаком и потом не раз вспоминали этот случай. На прощание он сказал: «Не плачь, не горюй, мама. Или грудь в крестах, или голова в кустах».

С дороги от Василия Петровича пришло несколько открыток и, наконец, пришло долгожданное письмо с обратным адресом.

04.09.41 г.

«Добрый день милая Зина и милые дети. <...> Милая Зина, основная моя забота о тебе, так как придётся тебе пережить все трудности с такой большой семьёй. А я хочу описать своё положение. В Бийске получили обмундирование и в ночь погрузили нас в вагоны, ехать – куда, нам не известно. <...> 29 августа прибыли в Волховстрой, потом думали на Ленинград, а отправили на Петрозаводск.

Живём пока в лесу. Первые дни, завидя вражеские самолёты, становилось скучновато. А сейчас уже привыкли. <...> Бои идут хотя и далеко, но звук орудий слышен ясно и эта стрельба создаёт впечатление, как будто кто охотится на дичь. <...>

Зина, живём мы хорошо, хотя не как дома, но ничего. Правда ночью сильно холодно, всю ночь не проспийшь. Ночуем в лёгких замаскированных шалашах. Но раз создалось такое положение, нужно переживать, так как от нас требует Родина и правительство. Видимо скоро придётся побывать в бою. Будем, если придётся, биться не жалея своей крови, а если враг будет сильно наседавать, то и своей жизни. А так это должно быть, Зина, по вас я скучаю, как будто вижу вас всех, Томочку больше всех. Вспоминается, как она папу встречала и провожала, когда я был дома и всё время она вертится у меня в глазах. Мечтаю, что и она тоже вспоминает обо мне. Всех вас жалко, но я далеко. Милая Зина, прошу, жалею ребят и вы, дети, жалейте мать и слушайте её. Потому как маме без меня очень тяжело, потому что вас у неё шесть человек, вас нужно воспитывать.

Сыну Колюше – пускай работает, чтобы ребята малые учились. Знай, что я нахожусь в действующей армии. Если я буду жив, то Коля выучится. Зина, приговаривайся к зиме, попроси помощи у дирекции. Ребята, ещё прошу вас, чтобы вы были не как малые, а как большие, слушайте маму и выполняйте всё, что необходимо. Жалейте мать, обо мне не беспокойтесь, думайте больше о себе. Пока, до свидания, прощайте, целую вас. Зина, пишите ответ, и вы дети пишите. Не забывайте папу. Любящий вас Василий Невежин».

Это было первое и последнее письмо от Василия Петровича. Спустя 3 дня после написания письма Василий Петрович погиб в бою. Никаких вестей от Невежина в родное село больше не приходило. Жена всё надеялась и ждала. Семья жила в неведении до 1943 года. А потом пришло извещение, что Василий Петрович пропал без вести. А это значило, что никакой пенсии семье не полагалось.

Руфина Васильевна вспоминает: «Очень тяжело жилось. Маме приходилось много работать, шить на людей. Только школа иногда помогала материально. Мы пытались узнать хоть какие то сведения об отце. Но только в 1983 году на запрос в Военный Архив пришёл ответ. «Невежин Василий Петрович 1904 года рождения, погиб 7 сентября 1941 года. Похоронен в

братской могиле возле села Ругозеро в Карелии. Справка является основанием для оформления пенсии по потере кормильца».

Мама к тому времени уже не была в живых. Она так и не узнала, где похоронен её муж. В 1987 году мы с сестрой Тamarой ездили на открытие мемориала в Ругозере. Поклонились праху отца и других солдат, которые лежат рядом».

Использован материал из семейного архива Р.В. Малютиной, г. Барнаул.

Р.В. Малютина

<...>

*Давно отгремела война над Россией,
Отплакали вдовы, отголосили.
Россия, Россия – большая страна,
В ней море слез было, и море – без дна.*

*Но не было многим с войны «похоронки».
Где ж кости родимых, в какой он сторонке?
И чувствам дать волю, наплакаться всласть.
Я долго не знала, где могила отца.*

Братья Никулины

До войны семья Никулиных жила в Казахстане. 5 детей, четыре брата и младшая сестрёнка Владилина. Иван с 1914 года рождения, Виктор – 1915 года, Фёдор – 1917 года, младший Леонид, все его называли Доня – 1922 года и Владилина с 1926 года (так назвал её отец в честь Владимира Ильича Ленина).

С началом войны всё перешло на военный режим. Владилина Кузьминична вспоминает: «В школе нас усиленно стали обучать военному делу. Летом мы часто ходили в походы, где мы стреляли, рыли траншеи, учились гранаты метать, делали длительные пешие переходы. Зимой все изучали азбуку Морзе. И никто не возражал, нас готовили к

тому, что в любой момент нас могут всех призвать в армию. И мы старались лучше учиться, работать. Помню, как собирались толпы людей возле громкоговорителей на улице - слушать последние сводки с фронтов. Когда началась война все мои братья, кроме Виктора, он был инвалид с детства, уже служили в армии. Фёдор с января 1939 года был курсантом Красноярского авиационного училища, Иван был танкистом, Леонид - артиллеристом. Фёдор и Леонид не вернулись с войны. Долго мама ждала, надеялась, что вернуться. На обоих братьев пришло извещение, что они пропали без вести. А после войны домой пришла странная посылка – чемодан. В чемодане был лётный френч и шлем. Эти вещи принадлежали моему брату Фёдору. Долго не показывали посылку маме, переживали за её здоровье. Она ведь всё ещё ждала своих сыновей».

В семье Никулиных сохранилось лишь одно письмо от Леонида, написанное ещё до войны.

26.05.40 г.

«Здравствуйте, папа, мама, Виктор и Владилина. Сообщаю, что я нахожусь в зенитной артиллерии. <...> Ехали на поезде через Белосток, стояли там 2 часа, а потом шли пешком 25 километров. Здесь лучшие, это заметно с первых дней. <...> Мы теперь считаемся старыми бойцами, мы

теперь только гаубицу изучаем, да и то надоело повторять, выкатывать из парка очень тяжело.

Дивизион наш механизирован, зенитные орудия, много лёгких гаубиц. Говорят, что при дивизионе будут курсы шофёров, не знаю, может и меня зачислят, это будет хорошее дело. <...>

Папа, пишите, как живёте, что насеяли, как яблоки растут, как провели май? Я провёл май хорошо, ходил на парад в город, брал булочку, пил лимонад и в части давали торжественный обед. <...> Остаюсь жив и здоров. <...> Никулин Леонид».

Владилина Кузьминична вспоминает: «К большому нашему горю, мы даже не знаем, где похоронены наши братья. Несколько раз делали запрос в государственный архив, но каждый раз приходил ответ, что данных о месте их гибели нет. Фёдор пропал без вести в сентябре 1942 года, а Леонид в апреле 1943 года. Помню, как Фёдор писал в одном письме: «... улетаю на ответственное задание. Не поминайте плохо и не считайте своих детей плохими...».

Использован материал из семейного архива В.К. Ермаковой и музея «Боевой славы» школы № 75, г. Барнаул.

Письмо военного времени

Налимова Елена Васильевна

*Каждый из нас был горд, что он
теперь
не просто ученик, а – пионер*

«Моё военное детство проходило на Сахалине, куда мы всей семьёй прибыли буквально за несколько дней до начала войны. – Вспоминает Елена Васильевна Налимова (в замужестве Белоглазова- прим. ред) – На Сахалине жили родители мамы, в письмах звали к себе. Вот мама и решилась. 20 мая 1941 года, как только закончились уроки в школе, (я тогда в первом классе училась), мы всей семьёй выехали из Бийска. Отправились в дальнюю дорогу и только 15 июня доехали до места, в город Александровск на Сахалине, а ровно через неделю 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Отца сразу забрали в армию, мы три сестры остались с мамой. Я была самая старшая.

Во 2-й класс я пошла в Александровскую среднюю школу имени А.П. Чехова. Вспоминаю школу, она сейчас представляется мне красивым двухэтажным зданием, утопающим в зелени и в цветах, а в школьной ограде стоял низенький деревянный домик, в котором жил когда-то А.П. Чехов и этот домик был музеем. Вход в него был свободный.

Мы очень часто бегали туда, учителя проводили в музее уроки или библиотекарь проводил беседы о творчестве писателя, очень интересно рассказывая о жизни Чехова. Годы учёбы и жизни на Сахалине запомнились мне. Нельзя сказать, что это было лучшее время моей жизни, ведь уже вовсю шла война, было очень тяжёлое, трудное время для всех и для детей тоже, но, несмотря на это, жизнь на Сахалине в те годы была терпимой. Взрослым приходилось много работать, а для нас – детей были созданы все условия, чтобы мы учились.

Занятия в школе проходили в две смены. Я училась с утра. Учебный день всегда начинался в зале с зарядки. Перед зарядкой ежедневно была общешкольная линейка, мы хором исполняли «Гимн Советского Союза», а затем расходились по классам.

Помню, как в третьем классе нас принимали в пионеры. Это был очень торжественный пионерский сбор дружины, где мы, по одному, давали «Торжественное обещание юного пионера». Обещали хорошо учиться, хорошо вести себя в школе и дома, и на улице. Старшая пионервожатая надела на каждого пионерский галстук, он тогда крепился под шеей с помощью зажима. Директор школы и наша учительница Лидия Фёдоровна поздравили нас с таким знаменательным событием. Это нас многому обязывало, и каждый из нас был горд, что он теперь не просто ученик, а – пионер!

В школе была столовая, где мы обедали. Кормили хорошо, обязательно было горячее и сладкий чай. Помню, давали всем по маленькому брикету сливочного масла. Питание, мне кажется, было бесплатное, я не помню, чтоб мы платили.

Одевали всех одинаково. Была форма, которую выдавали бесплатно в школе: рабочая и парадная. Рабочая – для девочек синего цвета: юбка в складку с лямками и мужская рубашка из такой же ткани, в парадной форме – юбка такая же, но рубашка белая. У мальчиков такая же была форма, только с брюками. Ткань, из которой была сшита форма, была тоненькая, поэтому форму очень берегли и дома снимали, ведь её давали один раз в год. На детей в семье давали дополнительные карточки на питание, вернее, на продукты, сахар частенько заменяли сахарином. Кроме этого в каждом доме была рыба: солёная и сушёная, разве только ленивые её не заготавливали.

Уроки в школе, как мне казалось, проходили интересно. Особенно мне нравились уроки русского языка и литературы. Я до сих пор помню свою преподавательницу Олимпиаду Фёдоровну. Уже в пятом классе были уроки военного дела, проводил их военрук – офицер. Он знакомил нас с различными видами оружия, учил стрелять из винтовки, мы умели пользоваться противогазом, бегали по сигналу боевой тревоги в бомбоубежище, все обязаны были знать и уметь, как заклеивать стекла в окнах бумажными лентами, сдавали нормы ГТО.

Начиная с 4-го класса все без исключения ученики работали в «Карсаковском» совхозе: пололи турнепс, капусту и другие овощи, а осенью помогали убирать урожай. Зимой вязали носки, варежки, шили кисеты. Собирали посылки и отправляли бойцам на фронт.

Наконец наступил долгожданный день – День Победы. Я заканчивала шестой класс, шли последние дни занятий, мы готовились к экзаменам. Вдруг, как сейчас помню, раздался звонок посреди урока. Все выбежали в коридор, физрук скомандовал: «Построение на линейку!». Директор школы радостно сообщила, что кончилась война!

Все закричали «Ура!» Началось такое, что трудно передать: шум и крики, радость и восторг, смех и слёзы... Это был праздник, действительно, «со слезами на глазах». Плакали все: кто от радости, кто от горя. Пусть на востоке страны не гремели выстрелы, не слышали бомбёжек, не видели всех ужасов войны, но это было всеобщее горе, для всех без исключения. Почти ни одной семьи не было, чтобы у кого-то не погиб или отец, или сын, или брат. Плакали все: и стар и млад. Все обнимали друг друга, что-то говорили друг другу – это был настоящий праздник. Всеобщий день радости и милования».

В этой школе я проучилась пять лет, до 7 класса. Как ни хорошо было на Сахалине в то время, мама очень сильно тосковала по родным местам. Вернулся со службы отец, он служил в автороте здесь же, на Сахалине. Мама причитала, что хочет на Родину и мы вернулись в Бийск. Вот тогда мы узнали, что такое голод. Очень трудно жилось в то время жилось на Алтае.

Овинов Николай Захарович

История одного письма

Эта история о письме, которое шло до адресата долгих шестьдесят лет. Малютин Анатолий Леонидович работал в селе Быстрый Исток директором школы. Там он организовал школьный музей. В 1965-1967 году, он уже точно не помнит, принесли ему с местной почты письмо - треугольник. На почте в тогда производили ремонт. Видимо письмо в своё время завалилось в щель в полу, и во время ремонта его освободили. Штмп и адрес читались с трудом. Сырость сделала своё дело. Но фамилию адресата и кому письмо было адресовано, сумели разобрать. Но, к сожалению, получатель, сын Николая Захаровича Овинова – Пётр с семьёй к тому времени переехал из села. Искать получателя не стали. А тут реорганизация школьных музеев по всей стране. К большому сожалению, многие документы, экспонаты были в то время безвозвратно потеряны. Многие просто сжигались в кострах.

Но письму Николая Захаровича повезло. Осело оно в одной из многочисленных папок Малютина. У него просто рука не поднялась, чтобы уничтожить материалы, которые он собирал для музея. Так это письмо вместе с семьёй Малютиных переехало в Барнаул. Анатолий Леонидович спустя время снова организовал школьный музей в «Лицее «Сигма». В 2005 году собрался Анатолий Леонидович на заслуженный отдых и занялся нелёгким делом - передать архив музея своему преемнику. При передаче дел и было найдено, так долго искавшее получателя, письмо.

За дело взялись следопыты школьного музея. Выяснили, куда в те далёкие годы переехал получатель. Оказалось - в Барнаул. К сожалению, получатель письма Пётр Николаевич Овинов уже умер, но удалось найти внуков Николая Захаровича – Любовь Петровну и Николая Петровича. Кстати сказать, что Николай был назван в честь своего деда.

14 декабря 2005 состоялась торжественная передача письма. Получать письмо пришла Любовь Петровна. Это событие транслировали по местному телевидению. Радостно то, что через столько лет письмо, стараниями людей нашло своего получателя.

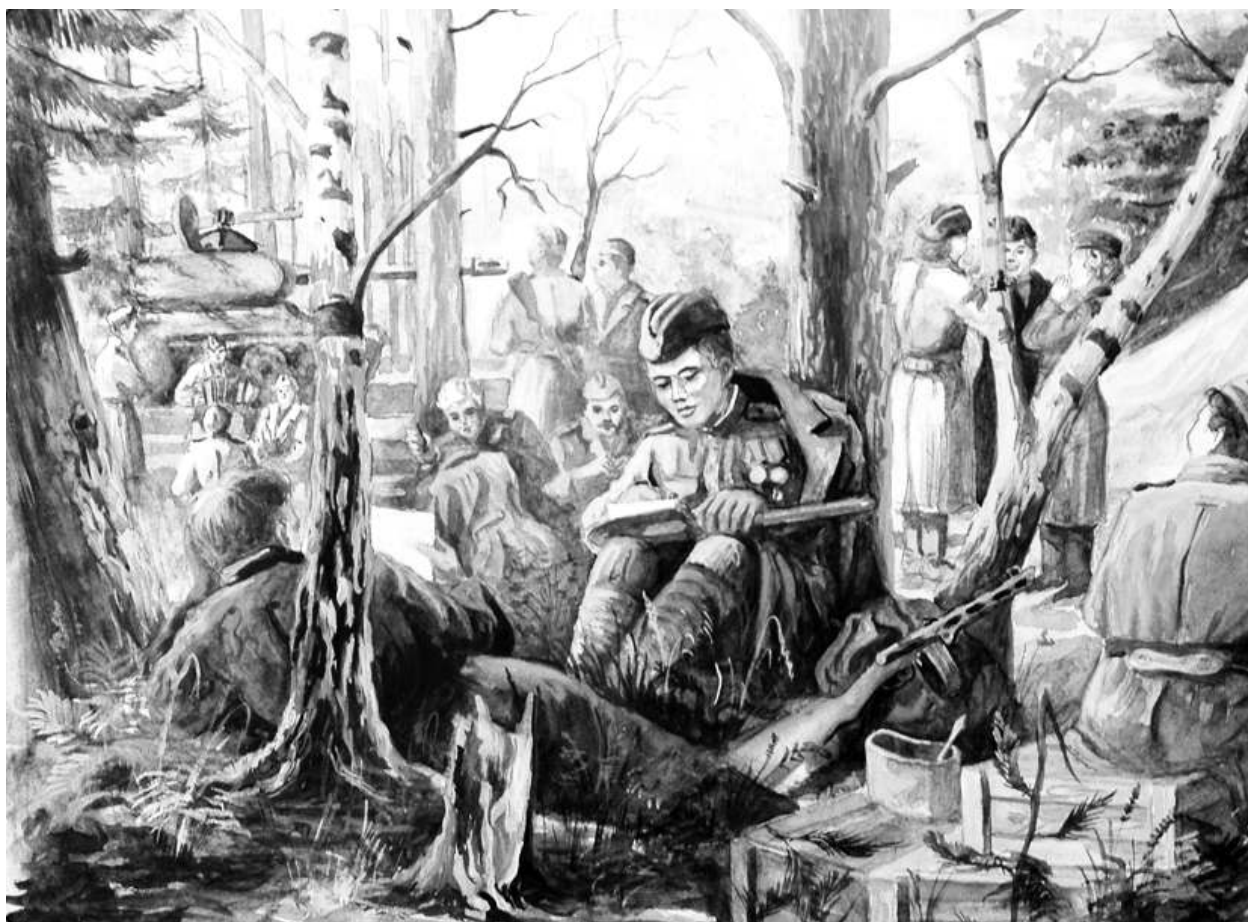
Письмо написано большими, нескладными буквами, на большом листе. Приводим текст незамысловатого по содержанию письма полностью.

02.06.44 г.

«<...> Дорогой сынок Петя. Посылаю я вам горячий привет. <...> Как у вас с хлебом, пропиши мне, как засадили огород, есть ли у вас семена. Дорогой сынок Петя, не забывай меня, пиши мне письма. <...> Я вас прошу, слушайте мать, она вас не научит плохому. <...> Пиши мне, как вы работаете и как вы живете. <...> До свидания, прощай, дорогой.

Живи, дожидайся меня, пиши ответ. Папа Коля».

Использован материал из семейного архива Л.П. Мазановой и архив музея «Лицей «Сигма», г. Барнаул.

Отдых после боя. Художник К.Л. Глушко

Островская Ангелина Афанасьевна

*Это неправда, что война
всё спит...*

Ангелина Афанасьевна родилась 18 сентября 1920 года в Томской области в семье инженера – путейца. В 1924 году семья переехала в Барнаул по месту нового назначения отца. По окончании школы Ангелина поступила в медицинский институт в Новосибирске. Успешно занималась спортивной гимнастикой.

На 22 июня 1941 года была намечена поездка в Ленинград команды гимнасток медицинского института на всесоюзные соревнования студентов – медиков, были куплены билеты. Известие о начале войны застало команду на вокзале, поездку отменили.

В 1941 году Ангелина Афанасьевна окончила досрочно медицинский институт и школу хирургов. Начала служить военным врачом в августе 1942 года под Ленинградом. Была направлена в армейский госпиталь легко раненых в качестве ординатора. Назначение госпиталя: раненные солдаты не отправлялись в тыл, а излечивали в полевых условиях, после чего их отправляли на передовую. Госпиталь располагался в сосновом лесу, что скрывало его от вражеских самолетов. На Ленинградском фронте встретила своего будущего мужа, Виктора. Поженились и вместе воевали.

Письма домой писала почти каждый день. Переживала и заботилась о своих родных, просила не беспокоиться за неё.

14.01.42 г.

«Здравствуйте папа, мама и Юра! Получила сегодня открытку от мамы и письмо от папы с поздравлениями, за которые очень благодарю и очень рада, что Вы меня не забываете. Сообщаю, что живу пока что хорошо, и все еще на том же месте, но скоро двинусь в дальнейшее путешествие.

Опять будем жить в лесу, но только на совершенно неосвоенном месте, в общем, ведем кочевой образ жизни. Да, так и живем, - интересно и весело. Я всегда любила ездить, - вот теперь-то мне приходится ездить столько, что хватает вполне и даже остается лишнее.

Как папино здоровье? Надеюсь, что он теперь чувствует себя хорошо и затяжных прыжков с возов с сеном не совершает. Как чувствует себя мама? Пишите, буду ждать с нетерпением.

Да, еще чуть не забыла: сегодня доели присланную вами кукурузу. Ее все одобрили, правда она почти не разварилась, но мы угощали ею всех, и наш батальонный комиссар одобрил ее. В столовой нас кормят козлом (диким), он свежий и вкусный, но приходится определять на каждом кусочке, какого цвета был козел – черный или белый. Определяем по цвету шерстинок, прилипших на мясе.

Ну, кажется я обо всех своих «новостях» домашнего характера сообщила. Крепко – крепко целую Вас. <...>

Р. С. Не беспокойтесь обо мне и ждите меня. Сейчас на нашем фронте началось наступление, наши – многие ленинградцы – работают с большим подъемом, и все мы тоже стремимся к лучшей работе для скорейшего освобождения города Ленина от блокады. Мы все сейчас готовы перенести любые трудности, чтобы скорее и лучше справиться с работой и задачами, которые падают сейчас нам. Ну, будьте здоровы, мои дорогие. Крепко целую еще раз. Жду писем. Лиина».

04.09.42 г.

« <...> Стоим на небольшом разъезде неподалеку от Бологое, ждем встречного поезда. Сегодня ночью нас зверски искушали комары – местность болотистая, их более чем достаточно. Вчера вечером ходили ужинать, но остались не очень довольны, так как последний по очереди обед – в Москве – оставил прекрасное впечатление. Не столько по качеству (которое, кстати, было совсем неплохое), сколько по заботливому и вежливому отношению к нам. Да и не только в столовой, - и в бане, и в других местах нам предоставляли прекрасные условия. И каждое наше требование не оставалось «гласом вопиющего в пустыне».

Сегодня прекрасная погода, и мы почти роскошествовали – было очень тепло. Вечером мы впервые наблюдали стрельбу из зенитки по аэропланам, но стреляли далеко от нас, так что мы были только свидетелями, а не участниками. А, в общем, мы все время остаемся свидетелями. Сейчас уже 7 часов утра (встаем в 6), а мы еще не завтракали – никак не можем раскататься. Недаром мы зовем себя людоедами. Ну, целую крепко. Лиина».

09.09.42 г.

« Наконец добрались до места назначения. Буду работать в госпитале. <...>».

11.09.42 г.

«<...> Госпиталь расположен в лесу, в выстроенных домиках. Все очень хорошо, но много комаров, даже сейчас, а то просто тучи были. Обмундирование получили почти все, но домой посылать ничего не буду, т.к.

все нужно здесь. Дали даже постельное белье, так что можно будет жить. Пока что входим в норму.

Вчера работали в перевязочной по обработке раненых. Девчат наших распределили кого куда, так что я даже не знаю их адресов. Если напишут – переешлите. Крепко целую. Пишите, а то очень скучаю без вас. Жду с нетерпением. <...>»

12.09.42 г.

«<...>Рабочий день не регламентирован, а особенно сейчас. Обмундировались почти полностью, подогнали также почти все. Живем пока в общежитии врачей и сестер, нельзя сказать, чтобы это было вполне комфортабельное помещение, но для данных условий оно совсем неплохо. Мы на первых порах устаем изрядно, но нас все утешают, что такие условия – временное явление; что было все спокойно, и работа была нормальной еще недавно, перед нашим приездом, что скоро все опять войдет в норму и все будет легче. Но мы не унываем, хотя иногда бывает очень трудно. ...

Вчера я вымылась в бане и чувствую теперь себя нормальным человеком. <...> С питанием дело обстоит хорошо, едим 3 раза в сутки, вполне хватает, хлеба дают 700 г, нам с непривычки хватает только – только. Кроме того, получаем командирский паек – получили на 5 дней на двоих большую банку рыбных консервов, 480 г сливочного масла, 2 печатки туалетного мыла, 3 пачки табаку, 10 коробочек спичек. Словом, придется начинать курить (смеюсь, - я ни за что не буду пока что курить). Как только дадут мне аттестат, вышлю вам рублей 500, здесь деньги девают некуда, тем более, что на деньги здесь ничего не купишь. <...>

Наши домики стоят в лесу, вечером шумит лес, шумит дождь, - словом, сплошной шум. Если только себя распустишь, - можно зареветься до смерти, но, честное слово, я сама довольна собой, Вы обо мне не беспокойтесь, ваш гадкий утенок не подкачал, хотя он этого очень боялся. <...>

Целую крепко, не скучайте. Пишите скорее, мне так скучно без вас, мои дорогие. <...>».

15.09.42 г.

«<...> Получила, мама, твоё письмо, ты мне даёшь полезные советы, часто очень хорошие и за это я тебе очень благодарна. Жалуешься, что скучно, что не хочется писать о дребедени. А мне вся эта «дредбедень», описанная тобой, очень дорога. Вспоминаешь о доме, о том, что кто-то интересуется тобой, сообщает тебе обо всех мелочах жизни.

Иной раз совсем упадёшь духом, даже не поднимаются руки к работе, а получишь письмо, вспомнишь о том, что есть люди, самые дорогие для меня. <...> Я знаю, что вам сейчас живётся не очень хорошо и скучновато, поэтому стараюсь писать почаще. Пиши и ты, мама. Потому что твои письма получать здесь очень хорошо. <...>

Сильно не расстраивайся, не забывай, что у тебя есть на смену тебе врач, которого ты поддерживаешь. Крепко целую тебя. <...> »

03.10.42 г.

«<...> Сегодня получили мы паек, едим шоколад (получаем его теперь вместо табака) и печенье. Вчера выдали нам сапоги (вместо ботинок). Сапоги очень хорошие и удобные, и мы теперь красивые (если хочешь быть красивым, иди в гусары - Прутков). В общем, живу даже очень хорошо. Иногда бывает скучно (но это – когда нет работы). А так как без работы остаешься редко, скучать не приходится.

У нас было два концерта (приезжала концертная группа нашей 2-й ударной армии),- правда нельзя сказать, что это были очень хорошие концерты, но как говорится, на безрыбье и рак рыба, а поэтому мы были очень и очень рады хоть таким - очень развлекли нас. Правда, немного становится грустно, но все это ничего. Если Юрка знает какие-нибудь новые песни или стихи - пусть напишет. Мотив песни тоже нужен: пусть подберет на пианино и в простейшем виде напишет. Еще новость: нас посылают на аттестацию на присвоение звания военврача III ранга. <...>»

18.03.43.

«<...> Работаю временно в медсанбате. Сколько пробуду здесь – неизвестно, но, вероятно, около месяца. Работа очень нравится, хотя я здесь еще очень недавно, но научиться здесь можно очень многому. Если все будет хорошо, то практику получу хорошую. <...>

Живу сейчас в палатке, так называемой офицерской, она на четырех человек. Живут в ней еще два врача и старший военфельдшер, все мужчины. Неудобств особенных это не составляет, т.к. спим не раздеваясь. Вообще же здесь мне не нравится в отношении простоты нравов, - слишком многие придерживаются девиза «война все спешет». Конечно, условия играют здесь большую роль, когда не ставится ни во что жизнь человека, поневоле отпадает вопрос о других сравнительно менее существенных обстоятельствах жизни, словом, живут, пока живется.

Я лично такую точку зрения разделить не могу. Не думаю, что время и обстоятельства заставят меня думать иначе. Ну, что еще написать о себе? Настроение прекрасное, окружающего меня не боюсь (какая она храбрая). Писать, вероятно, не будет времени, по моим расчетам, - прошу не беспокоиться. Будет возможность – сразу же напишу. А пока крепко целую всех Вас и ребяташек. Лиана».

21.05.43 г.

«Здравствуй Игорек! Как ты поживаешь? Отчего от тебя уже давно нет писем? Ты, наверное, совсем забыл меня? Как у тебя дела в детсаде? Пиши мне, буду ждать. Я живу хорошо, только вот мне никто не пишет. У нас есть здесь маленький мальчик, ему 12 лет, его зовут Геня. Он –

воспитанник части, в которой я сейчас. Носит погоны и полную военную форму. Мальчик очень хороший и дисциплинированный, его за это все любят. Но у него болит ножка (прыгал с парашютом с вышки и ушиб), - наверное, туберкулез. Очень жаль мальчишку, - он прихрамывает. Вчера ему давали «командировку» - ходил рвать щавель для кухни, но ничего не нарвал, потому что щавеля нет, пришел с пустыми руками.

Ну, Игорек, пиши, жду от тебя много писем. Крепко целую. Лиана».

28.05.43 г.

«Дорогие папа и мама! Получила штатное место – буду работать младшим врачом полка. До места добралась, устроилась прекрасно, да и вообще место неплохое. Дивизия, в которой я буду работать, сибирская, мне это очень нравится. <...>».

31.05.43 г.

«Здравствуй Ниночка! Получила твое письмо, за которое большое спасибо. Письмо написано хорошо, только есть кляксы. Какие у тебя отметки за третью четверть и сейчас? Мама твоя пишет, что ты ей помогаешь убирать в комнате. Молодец, помогай ей хорошенько. <...>
Я живу хорошо, у нас совсем тепло, ходим без шинелей и немного даже загорели. Деревья уже распускаются, но грязь все такая же, - кругом болото. Комаров еще очень мало, но много соловьев, поют всю ночь. <...>».

14.07.43 г.

«Дорогие папа и мама! На – днях получила от мамы письмо, большое спасибо, что пишете часто. Вам собираюсь писать уже несколько дней, но все никак не могу собраться по одной причине – хочу сообщить вам одну новость, и никак не могу.

Вот и сегодня, сколько времени сижу над письмом, и никак не могу написать Вам о том, что я вышла замуж. Думаю, что Вы не рассердитесь за то, что я не спросила совета у Вас – это же просто неосуществимо в настоящее время. Написала самое трудное – теперь на душе легче. Живу очень хорошо, он меня очень любит, и я его тоже. Кто он – Вы, наверное, немного знаете – я писала о человеке, который не дает мне здесь скучать. Зовут его Виктор, Виктор Емельянович Недбайлов, капитан, 1912 г. рождения. Профессия гражданская – инженер-металлист. Он из Таганрога, и дома у него теперь нет.

Ну, что еще? Он веселый, характер очень хороший – как у нашего Вадьки, ко мне относится исключительно хорошо и бережно. Внешность – обычная, такой, каких много. Ну, вот и все, что я могу сказать Вам о своем муже – впервые называю его так. <...> Жизнью очень довольна. Вам большой привет от Виктора – он потом напишет Вам сам. Крепко целую Вас. Ваша Лиана».

17.08.43 г.

«Дорогие мои папа и мама! Очень давно не получаю от Вас писем, беспокоюсь, что такое с Вами. Писем не получаю не только от Вас, но и вообще очень редко приходит от кого – ни будь весточка. Живу вообще хорошо. Сейчас, правда, скучаю, потому что Виктор уехал в Ленинград на два дня, а скоро уедет надолго, потому что его переводят в другую часть.

Это очень печально, потому что мой перевод доставит много хлопот. Мы с ним по военной линии оформились, завтра хотим оформить все по-гражданской, но не знаю, как исполнится – не будет ли каких – либо затруднений и задержек. <...>».

19.08.43 г.

«... Вчера приехал Виктор из Ленинграда, привез мне небольшой подарок – серебряную ложку. А сегодня мы с ним ходили в поселковый совет – и по-настоящему зарегистрировались, т.е. не по военному, а по граждански. В общем, теперь все оформлено официально. Виктор на – днях уезжает, куда его назначат – еще неизвестно, но поедем вместе, теперь это возможно. <...>».

06.09.43 г.

«<...> Давно не получаю от вас писем. Сейчас вечер, по радио передают концерт для молодежи – песню «иди, любимый мой, громи врага», - песню, которую я так любила еще в то время, когда была там, дома. Грустно немного. <...> Вообще же живу хорошо, это только сегодня немного устала, да хороший концерт, вот я и раскисла. <...>».

09.09.43 г.

Письмо от Виктора

«Здравствуй отец! Разрешите Вас так называть, ведь я теперь являюсь членом Вашей дружной, трудовой семьи и Вы для меня родитель. Правда, немного странным является для некоторых наш поступок с Линой. Война, а они на фронте женятся.

Ну, здесь ничего страшного нет, война остается войной, со всеми своими ужасами и последствиями, а вот мы в этот тяжелый момент, в тяжелый час для нас всех приглянулись и полюбили друг друга по-настоящему, крепко и навсегда. Это не мешает нам хорошо воевать, еще больше придает бодрости, еще больше заражаемся ненавистью к подлым захватчикам, нарушившим нашу счастливую жизнь.

Ну, знай, отец, не много еще осталось подлому врагу топтать нашу священную землю, пройдет немного времени и для нас настанет день радости и счастья – день нашей победы. Много можно написать про нашу жизнь, жизнь фронтовиков, про ее невзгоды и радости – дни наших побед. Мы

свыклись с этой суровой жизнью, ведь я уже живу в этих болотах с марта 42 года, да и Лина ведь уже стала закаленным офицером. Правда, ей иногда становится не по себе, ее не радует здешний климат, ну ничего не поделаешь - война, а на войне определено место каждого из нас.

Сегодня телеграф принес радостную весть. Италия капитулировала. Приятное и долгожданное известие, скоро придет конец разбою, довольно и так пролито родительских слез и загублено молодых жизней. Сейчас с Линой ждем изо дня в день вестей из Таганрога, ведь у меня там остались мать и отец, а ждать очень и очень тяжело. Ну, пока, привет маме. Виктор».

Война окончилась, Ангелина и Виктор с сыном Вадимом уехали жить в Таганрог, на родину мужа. В 1950 году семья Островских переехала жить в Барнаул. В 1956 году поступила в аспирантуру и стала первой выпускницей Барнаульского медицинского института, получившей степень кандидата наук в Ленинградской аспирантуре. Преподавала в Алтайском государственном медицинском институте, была заведующей кафедрой педиатрии, после ухода на пенсию отработала еще 5 лет врачом ЛФК и физиотерапии в детской поликлинике № 9.

Использован материал из семейного архива А.Г. Истоминой, г. Барнаул

В.Ф. Хрипков

Медсестре Лёле

*В минуту праздного безделья,
Когда подумаешь о всем,
Невольно вспомнишь час веселья
В кругу вечернем фронтовом.
И ты, беспечная по-детски,
С веселой искоркой в глазах,
Смеялась с нами, ждала вести,
Мечтала о родных краях.
И не забыть нам радость дорогую,
Что ты вселяла нам тогда;
За миг участия, тоскуя,
Мы благодарны Вам всегда.*

* * *

*Цветок весны, цветок любимый,
Едва раскрывший лепестки,
Пьянящий запахом незримым,
Ему подобна, Лёля, ты.*

*Твоею нежною улыбкой
И взглядом радостным твоим
Готов, признаюсь без ошибки,
Я любоваться до зари.
Люблю вечернюю порою
Сидеть где-либо одному;
Люблю я больше быть с тобою,
Прижавши к сердцу своему.*

Декабрь 1943 г.,
эвакогоспиталь, 42 ст. Лиозно

Пастухов Виктор Александрович

Судьба Виктора Александровича Пастухова, автора писем, не известна. Надеемся, что он остался жив.

05.11.42 г.

«Здравствуй, любимый мальчик Геночка!!! Целую тебя крепко, крепко. Ну, Геночка, какая радость у меня сегодня. Я от тебя получил письмо, и как оно дорого мне. Это всё равно, что я встретил тебя, мой любимый мальчик! Сыночка! Я очень рад, очень доволен, что тебе спасли жизнь и мама и врачи. Я про них написал в газетах, отблагодарил. Спроси у мамы газету, и прочитайте её. Сыночка, я живу хорошо, жив, здоров. Скоро поеду снова воевать, бить, рубить фашистов. Закончим войну, приеду за вами.

Геночка, поздравляю тебя с днём рождения. Желаю тебе здоровья и успеха в учёбе. Учись, дорогой мальчик, и ни о чём не думай, я буду жив и здоров. <...> Сыночка, я сегодня сфотографировался, получу карточки и пришлю вам. Жаль, что посылки не принимают, я бы кое-что купил тебе.

Геночка, проси, чтоб мама купила тебе лыжи и коньки. Слушайся маму, береги своё здоровье, не простудись. Вот и всё, детка. Желаю крепкого здоровья и спокойной ночи, я ложусь спать, время уже 12 часов. Целую тебя крепко, крепко, твой папа. <...>

Вот, Геночка, кроме этой книжечки у нас ничего нет. Если примут игру «мозаика», то пошлю тебе».

27.11.44 г.

Восточная Пруссия

«Здравствуйте, дорогие Тасик, Геник и Вера! Как скучно без писем, ведь я не получаю их больше полугода. Все складывается такая обстановка - переброски и переезды. Ну а теперь мой постоянный адрес имеется - пишите мне в Германию. Я далеко от вас, но жив, здоров.

Сейчас отдыхаем после «работы», все благополучно. Готовимся снова к боям. «Веселая», интересная работа - бить немецких гадов без пощады. А мирного населения, ни одной души нет. Все сбежали, все побросали: квартиры, хорошие дома, обстановку, зеркала, диваны, перины, подушки, все брошено. Ну, мы пока отдыхаем, скота уйма, кушаем неограниченно мясо и молока вдоволь, своих коров имеем.

Ну, Тасик, где работаешь? Как сынок учится? Наверное, дома у вас холодина? Есть ли дрова и как с питанием? Скоро закончим войну, дойдем до Берлина и потом приедем домой. Ну, Тасик, рассказывать есть очень много интересного, да и сама обстановка «веселая», ведь расстояние до немцев 800 метров. Каждый день новости, а скоро снова пойдем вперед, дальше двинем, как полагается. Времени очень мало для отдыха, приходится 2-3 ночи подряд не спать, а потом как упал и ничего не помнишь. Да вам и понятно, на ходу вырвешь кусок времени и черкнешь несколько строк.

Ну все, Тасик, Геник и Вера. До свидания. Желаю здоровья. Жду ваших писем в Германии. Целую крепко-крепко.

Ваш Виктор Пастухов».

30.01.45 г.

«Здравствуйте, дорогие и любимые Тасик, Геночка и Вера!!!

Шлю вам горячий привет и поцелуй! Тасик, это письмо пишу перед боем. Находимся на окраинах Кенигсберга. Бои идут серьезные, но дела идут успешно. Очень жаль, погибли близкие товарищи, но я уже отомстил, и мстить буду до самого конца. Да, Тасик, очень интересная картина получилась - забрали всех фрицев в клещи, и выход только в Балтийское море. Немец бежит в панике, бросает сотни голов скота, и всю домашнюю утварь. Мы догнали уже мирных жителей, со всеми манатками и скарбом. Но пощады нет никому. Ну, вот и все, дорогие мои. До свидания, желаю счастья и успеха. Буду жив после взятия Кенигсберга, напишу. Целую вас крепко-крепко. Ваш любимый папа Виктор. Завтра день моего рождения! Встречаю в бою!»

01.02.45 г.

«Тасик и Геночка, вы не обижайтесь, что мало написал, - все зависит от обстановки. Сижу в траншее фрица. Готовим им «баню с паром». Вот войдем в Кенигсберг, сделаем передышку, тогда черкну побольше. Ну, надо сказать, что фрицы и вообще все немцы, бегут в 2 раза быстрее, чем отходили мы в 1941 году. Вот, дорогие мои, и все. Жив, здоров, привет вам всем. Пишите мне на Кенигсберг.

Да дорогой и любимый сыночка Геник, как раз 30.01.45 г. в час ночи я получил твое дорогое и долгожданное письмо. Пошли мы в ночной марш после дневного боя, и вот вошел почтальон и передал почту. Я просмотрел и нашел твое письмо. Как оно мило и дорого в таких случаях! Благодарю и целую тебя. Учись, жди меня с победой. Скоро будем вместе, мои любимые! Береги здоровье и слушай маму. Целую тебя, мой любимчик.

Как сложилась судьба Виктора Александровича Пастухова впоследствии, нам неизвестно. Хочется надеяться, что он остался в живых.

Использован материал краеведческого музея города Рубцовска

Петров Иван Иванович

Иван Петров, уроженец Алтайского края, был призван в армию в 1942 году, письмо родным отправил с дороги. Иван Иванович служил командиром отделения разведки. Погиб под Москвой в октябре 1942 года.

17.08.42 г.

«Здравствуйте, отец, мать, сын Володя. Пишу на «подступах» к Омску. Скоро, видимо, минует эту, некогда знаменитую сибирскую столицу и двинемся к Уралу. Жизнь походная для меня не является гнетущей или изнурительной потому, что и вся-то моя жизнь сплошной поход, или как говорят «вечный транзит». Особых впечатлений нет. Всё как-то просто, даже немного скучновато. Проводы на станциях, скорбные взгляды, наполненных слезами материнских глаз, изредка робкие причитания, а больше всего на прощание, в хвост уходящему поезду машут руками жёны, матери, сёстры, отцы и братья с тракторов, комбайнов, оставив в сторону лопаты, кайло, молот.

В туманное утро, тихое и радостное, длинный, кажущийся чёрным, состав, медленно выгибаясь у стрелочных переводов, отходит со станции. За широкой лентой Оби, окутались в густые клубы пара и дыма заводы, оттуда доносится грохот и скрежет непрекращающегося труда.

На фоне этой картины мы видим седую старуху, которая стоит, как изваяние на бугре, протягивает свою жилистую, костлявую руку к каждому проходящему мимо неё воину, и, потрясая в воздухе кулаком, страшно надтреснутым голосом, кричит: «Родные, сынки-и-и! Бейте их, бейте до самой последней капли крови. Бейте, родные!!!» Её заплаканные глаза, тоже седые, как волосы, не наполняются слезами. Нет их больше слёз. Они сквозь полумрак туманного утра светятся какой-то холодной и злой силой, которая заставляет содрогнуться каждого, который чем-то, хотя бы в мыслях не честен, имеет в душе чёрный замысел.

Я видел, как один человек из моего вагона вздрогнул, воровски забежали его хитрые крысиные глаза по сторонам, как нервно дёрнулась посиневшая губа, оголив щербатый рот с остатками жёлтых, гнилых зубов. Оглядываясь, он медленно, трусовато отошёл от двери и залез под нары. Какая-то тревога вселилась в душу, при виде этого мерзкого существа и злоба неудержимая свела челюсти. «На него положиться нельзя, этот гад подведёт» - подумал я.

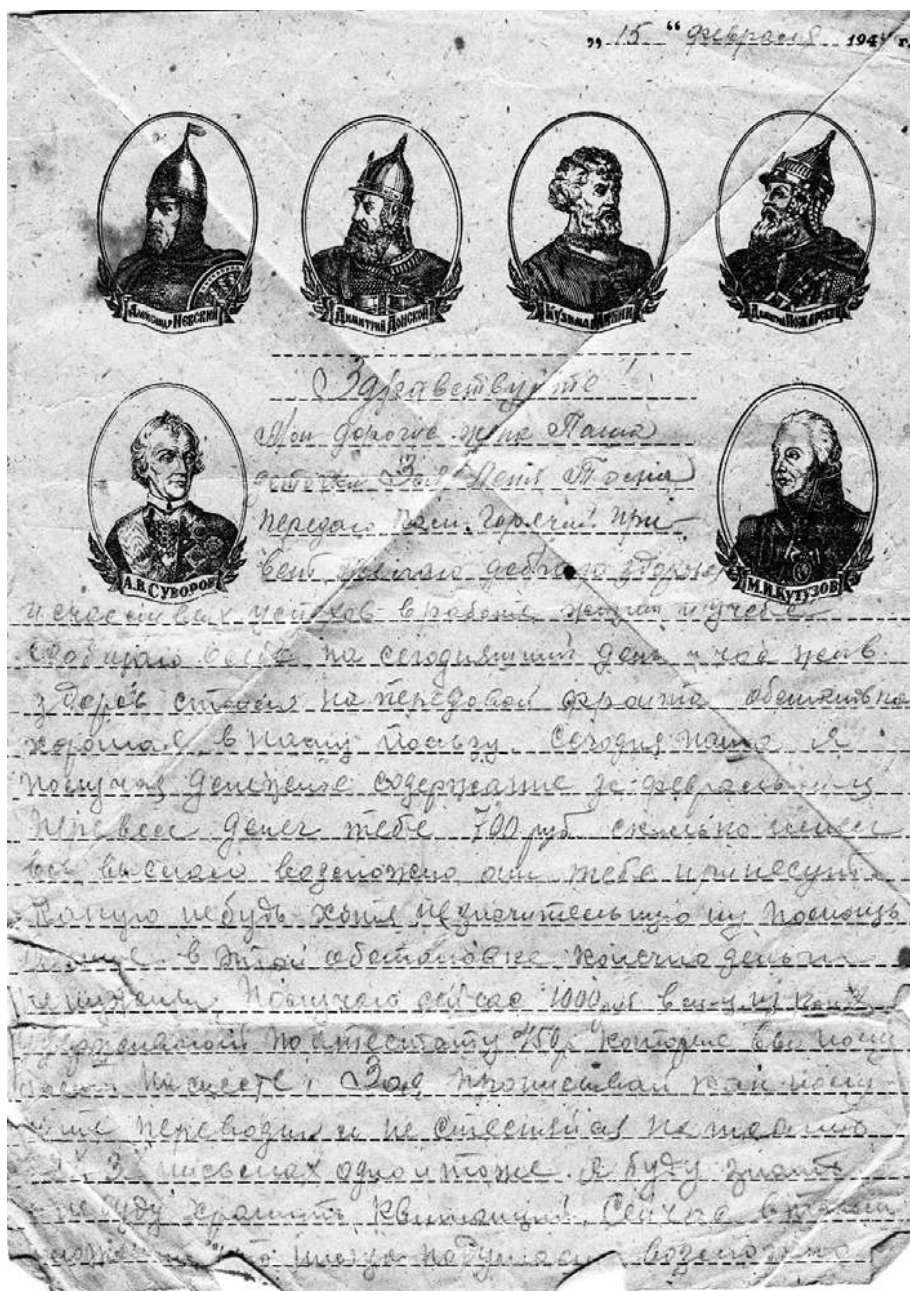
Я думал правильно. Подлец, преступник, он ночью исчез. Фамилия этого презренного труса, этого слизня Кортаев.

С запада навстречу сплошной вереницей идут поезда - углярки, американские вагоны, едут из Ленинграда эвакуированные. И они машут нам руками, они говорят нам в один голос: «Бейте без пощады за наши муки, за потерянных отцов и детей!» И мы едем, конечно, бить. Иначе мы не можем ехать. Или бить или быть убитым. Так лучше бить. <...>

Ну, кажется, написал я вам много и хорошо. Ждите писем дальше с дороги, может с Урала или дальше буду, напишу. Пока всё идёт хорошо, настроение бодрое. Целуйте и берегите Володю, не расстраивайтесь, живите ради него, сохраняйте своё здоровье, постарайтесь приблизить к себе Марусю, пусть она будет, как родная. Вот пока всё.

Ваш Петров».

Использован материал Алтайского государственного краеведческого музея, г. Барнаул.

Письмо на почтовой бумаге военного времени

Парамонов Алексей Яковлевич

*Председатель сказал, что теперь
я буду за отца...*

Алексей Яковлеевич родился в селе Чегон, Солонешенского района в 1931 году. Перед войной семья Парамоновых (8 детей и все мальчишки) жила на заимке под названием «Буква П». Отец Алексея был бригадиром гурта. Под его присмотром было стадо коров и два племенных быка. Мама работала дояркой.

Алексей Яковлеевич вспоминает: «Когда началась война, мне десяти лет ещё не было. 22 июня забивали силосную яму травой, и все ребятишки крутились тут же. Вдруг, скачет нарочный из района, лошадь вся в мыле, он привёз страшную весть - началась война с немцем. С 23 июня начали раздавать повестки о призыве на фронт. Забрали и отца. Бригадир пригласил к себе и сказал, что теперь я за отца остаюсь, буду ухаживать за быками – производителями и должен беречь их, как зеницу ока. Один бык, Мишка, был очень злой, в ноздри у него было кольцо вставлено, никого к себе не подпускал. Пришлось пойти на хитрость, я надевал рубаху отца, бык чуял запах и только в этой рубахе меня признавал и слушался.

В 1942 году с фронта вернулся отец с простреленным плечом. Рука не поднималась, а рана не хотела заживать. Мама выходила отца, поила травяными отварами и делала на плечо примочки. Постепенно плечо зажило, и отца в 1943 году снова забрали на фронт. В боях он больше не участвовал, а был конвоиром. Но случился налёт вражеской авиации и отец погибел своей не миновал.

В те годы на заимку прибыло много эвакуированных из Прибалтики. Наш дом совсем не был просторным, но к нам в дом поселили несколько семей. Пришлось потесниться».

Алексей Яковлеевич вспоминает, что к переселенцам на заимке относились хорошо, жалели их. Однажды зимой Алексея с девчонкой эстонкой отправили на быках в ложки за сеном. Не успели они набросать сена на сани, как появились волки. Их было много, они страшно выли. Каким-то чудом дети успели упасть на сани и вцепились в них – и тут быки понесли! Но волки не отставали, бежали рядом, время от времени набрасывались на быков и кусали их, но быки уворачивались. Спасало ещё то, что за санями трепалась длинная верёвка, которой нужно было сено закрепить. Волки пугались болтающейся верёвки и не наскakивали сзади. Быки примчались на заимку и там детей кое-как оторвали от саней, напуганных и зарёванных.

За работу в совхозе начисляли деньги, но сколько - Алексей Яковлеевич не помнит. Давали хлеб работающим – 500 граммов на человека в сутки, неработающим – 300 граммов. Хлеб этот был из муки вперемежку с сором, но и такому хлебу были очень рады. Алексей Яковлевич вспоминает: «Совсем

голод наступил, когда у нас украли корову. Голодных по округе бродило много. В совхозе нам, как многодетным, стали выделять молоко – 1 литр на всю семью в день. Мама из картошки стряпала драники, пекла лепёшки опять же из картошки с добавлением чуточки муки, да травы сушёной. Кормил огород. Много сеяли свёклы, моркови, тыквы. Тыква выручала здорово. Её мама напечёт в русской печке целиком, потом поставит на стол, верхушку отрежет, как крышечку снимет, а мы ложками за 5 минут её всю выскребем.

В те годы было очень много рыбы в ручьях и речке, она спасала, но заготовить впрок её нельзя было, не было соли. Но рыбу все равно ловили, иногда удавалось рыбу поменять на соль. Без соли страдали и животные. На пастбище, где паслись коровы, насыпали узкую, длинную полоску соли на земле и кричали: «соли, соли...», и коровы бежали к полоске со всех ног и хватили соль вместе с землёй.

Однажды нам посылку с вещами выделили, а так носили одежду из самотканого грубого льна, да старое за взрослыми донашивали. Не все из нашей семьи вынесли это лихое время, двое ребятишек умерли от голода. Вот тогда дед по маминой линии увёз нас к себе в село Аскат, у них картошки было много, она нас и спасла от голодной смерти. Ещё у деда в хозяйстве были куры, а чтобы их не украли, держали кур зимой на чердаке дома, а летом в сенях и даже по избе бегать разрешали. Выпускали кур иногда на улицу, но их обязательно кто-то должен был караулить, пасти. А ещё на верёвочку одну ногу курицы привязывали и к крыльцу. Тяжело было, мне учиться некогда было, надо было работать и мамке помогать семью кормить».

Семья немного оправилась и вздохнула, когда в 1947 году отменили карточки, хлеба стало в достатке. Только перед армией Алексей получил возможность учиться, а в 1952 году был призван в армию.

Использован материал личного архива Г.Н. Белоглазовой, г. Барнаул

Преснякова Раиса Григорьевна

*А потом воцарилась
жуткая тишина...*

Раиса Григорьевна уроженка города Барнаула. Когда началась война ей было шесть лет, она неплохо помнила события того времени. Раиса Григорьевна вспоминает: «22 июня в Барнауле. Этот день мне очень хорошо запомнился. Узнали мы о таком горестном событии где-то в середине дня. На улице послышался шум, народ толпился, раздавались крики «Война!», тревога охватила буквально всех. А потом воцарилась жуткая тишина, улица опустела, жизнь, казалось, приостановилась. Все были в панике, буквально убиты всеобщим горем,

плакали женщины и старики.

Отца дома не было, уезжал в командировку, вернулся поздно вечером. Родители долго о чём-то говорили шёпотом. Мама с бабушкой тяжело вздыхали, плакали. Ведь знали, что отец уйдёт на фронт, а в семье было четверо детей. Я была самой младшей и конечно же, обо мне отец переживал больше всего.

2 июля отца призвали в армию, но на фронт отправили только в конце декабря. Всё это время он вместе с другими призывниками солдатами жил в казарме на улице Партизанской (где потом было лётное училище). Мы часто навещали его. Он даже ждал нас, готовил угощение – кусочки сахара, которые им давали в столовой. Иногородние солдаты тоже отдавали свои порции, чтобы он нас угостил.

Жили мы в то время в Октябрьском районе Барнаула на улице Смольной в частном доме. Недалеко от нашего дома была нефтебаза. Запомнились учебные тревоги, во время которых никто не должен был появляться на улице, окна домов занавешивались, а над нефтебазой бросали с самолёта мешочки с песком. Было очень страшно, но и любопытно. Ребятишки выглядывали из подворотен, но на улицу выходить побаивались.

В первый класс я пошла в 1943 году. Училась в женской школе № 78. В ней же размещалась и мужская школа № 105. Учиться было очень трудно, не было ни учебников, ни тетрадей. Их можно было купить только на базаре по очень высокой цене. Так, «Родную речь» мне, помнится, купили за 80 рублей. Писали на газетах и ненужных книгах. Правда мне делали тетради из обёрточной бумаги, моя мама приносила бумагу с работы. У бумаги одна

сторона была белой, другая – фиолетовая, она была немного промаслена и писать на ней было не очень удобно. Писали ручками с пером. Порою в классе было так холодно, что замерзали чернила в чернильнице. Цветных карандашей ни у кого, конечно, не было. Одевались простенько, о формах не приходилось и мечтать. Ходили, кто в чём. Мама для нас перешивала свои и отцовы вещи. Так же и другие делали. В школе нам ежедневно давали маленькие булочки, 40 или 50 граммов, не более. Стоили они по 5 копеек.

Ослабленным детям, особенно тем, у кого отцы погибли на фронте, давали талоны на питание в столовой, которая находилась в соседней со школой швейной фабрике № 7 на улице Воровского. На все продукты выдавались карточки, которые отоваривались 1 раз в месяц в закреплённых по месту жительства магазинах. Цены на продукты по карточкам были невысокими, но беда в том, что полученного на месяц не хватало. Давали по 300, 400, 500 граммов.

Были отдельные карточки на хлеб. Работающие получали по 800 граммов, иждивенцы – по 300 граммов ежедневно. Хлеб выдавали строго на текущий день. В карточке было столько талончиков, сколько дней в месяце. На базаре хлеб стоил очень дорого – более двух сотен рублей за булку.

Большим подспорьем для нашей семьи был огород, где мы выращивали все овощи. А усадьба у нас была довольно большая. Кроме того, приходилось сажать картошку и в поле по 10 – 15 соток. Доставалось это нелегко. Ведь никакого транспорта не было. Приходилось идти пешком, везя ещё и тележку. Это было расстояние почти от старого моста через реку Обь и до Павловского тракта и далее, примерно до улицы Сиреневой. Там были нарезаны деланки для посадки картошки. Нередко бабушка ездила по деревням, где меняла хозяйственное мыло, полученное по талонам, на продукты, а сами стирали щёлоком. Каждый выкручивался, как мог.

Пищу готовили на печи. С дровами было очень туго. Выручали знакомые, которые работали на Вагонно-ремонтном заводе. Они в топливе не нуждались, жили в доме с центральным отоплением, но могли выписать обрезки, доски, древесную стружку – для нас. А мы потом их вывозили на тележке со сколоченным большим ящиком. В целях экономии топлива в доме устанавливали небольшую железную печку.

Основным питанием была картошка да суп. К счастью, у нас была корова и куры. Бабушка часто пекла картофельные оладьи, то из сырой картошки, то из толчёнки, добавляя туда яйцо, немного молока да горстку муки. Мы очень любили жарить сырой картофель прямо на плите. Очистим картофелину, помоем, порежем кусочками и разложим их по всей поверхности плиты. На одной стороне обжарится, перевернём на другую. Ели эти румяные кружочки с удовольствием. Сушили сахарную свёклу небольшими дольками, затем варили из неё кисель или просто ели вместо конфет. Было очень вкусно.

Холодильников в ту пору не было, мы и не слышали о них. Электричество-то провели у нас только в 1949 году. Овощи, солонину и все

скоропортящиеся продукты хранили в погребе. А для этого в конце весны засыпали в него снег и плотно утрамбовывали.

Как бы трудно не было, но все старались держать дома в чистоте. Вшей у каждого было море. Мылись мы чаще всего дома, иногда ходили в баню на ВРЗ, где никаких удобств не было. Баня эта была, пожалуй, самой большой в городе. Билет стоил 50 копеек взрослый и 30 копеек детский. Народу всегда было очень много. Раздевались у входа, с внутренней стороны стояли скамейки, одежду складывали в мешки или узлы (у кого что было). И с этими узлами голыми продвигались медленно через огромный зал к стойке, где принимали вещи и выдавали тазы. Многие сдавали свои вещи, особенно нижнее бельё, на прожарку, т.к. были завшивлены не только головы, но и бельё. Мылись хозяйственным мылом и щёлоком, у кого что было. Ни шампуней, ни туалетного мыла мы и не знали в те годы.

Выживать в тяжёлых условиях приходилось без отца, его ещё в декабре 1941 года забрали в армию. Он миномётчиком служил. А в 1943 году умер от тяжёлого ранения. К этому времени братья мои были уже взрослыми, поэтому пособие за погибшего отца получали лишь мы с сестрой в размере 150 рублей. Другой помощи нам не оказывали.

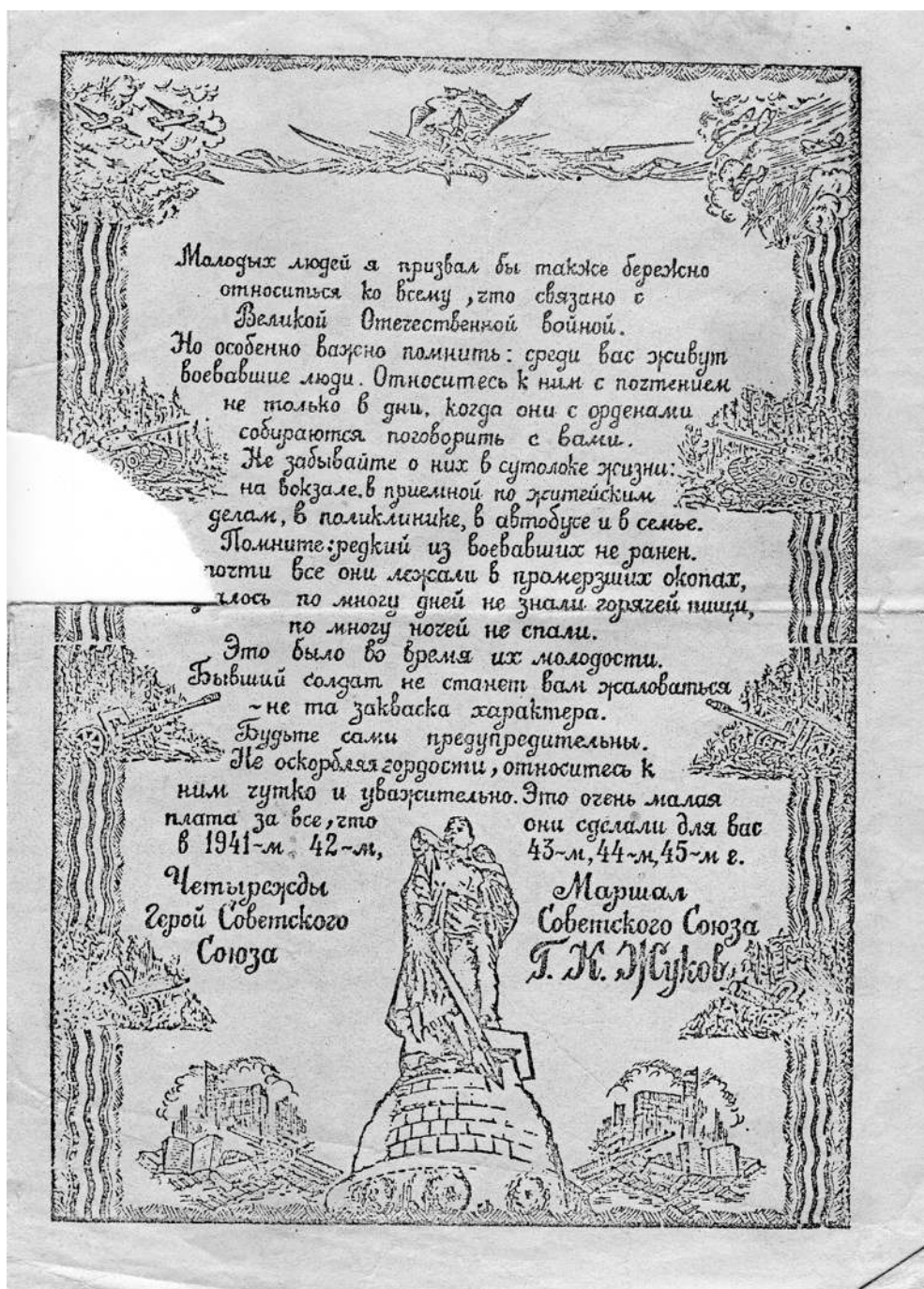
Во время войны почти в каждом доме жили эвакуированные. Помню, как ехал по нашей улице огромный красный автобус с людьми, останавливался у каждого дома, из него выходили взрослые и дети с узелками, чемоданами. Хозяева принимали «гостей» на жительство. Нам тоже поселили семью из 4-х человек (отец, мать и двое детей – мальчик и девочка), но у нас площадь не позволяла. Нас самих было 6 человек, а в доме была всего одна комната и кухня. Эвакуированных поселили в сених, которые были довольно просторными. Эти люди приехали со Сталинградской области. Взрослые работали на заводе № 77 Наркомата танковой промышленности (ныне ПО «Барнаул-Трансмаш» - прим.ред), дети учились в школе. Мы им помогали, чем могли, жили мирно и дружно. К осени они нашли себе подходящую квартиру и уехали от нас. Но они нас не забывали, часто навещали, стали близкими и родными.

Дети всегда остаются детьми. Мы не унывали, летом бегали на Обь купаться, а вечером играли все вместе. Самыми любимыми играми были «Русская лапта», «Бить – бежать», «Вышибала» и другие. Мальчишки играли в «Чикку». Фабричных игрушек у нас совсем не было. Кукол и одежду для них мы шили сами. Зимой любили лазить по сугробам, катались на самодельных санках, играли в снежки, лепили снежных баб. Считаю, что, несмотря на тяжелое время, мы жили интересно, хотя в кино и театры ходили очень редко. В основном это были коллективные походы, организованные школой.

Люди жили дружно, помогали друг другу. Были чуткими, отзывчивыми, чужую беду переживали как свою собственную. Праздники отмечали очень скромно, т.к. жили все примерно одинаково бедно. Что было, то и ставили на стол. Соберутся женщины, посидят, попоют, поплачут и разойдутся по домам.

День Победы мне не забыть никогда! Был ясный, солнечный, теплый, но довольно ветреный день. Зелени ещё не было. Мы с сестрой и бабушкой были дома. Вдруг услышали на улице какой-то шум, возгласы, радостные крики «Победа!». Выскочили из ворот и своим глазам не поверили – люди обнимаются, смеются, по щекам бегут слёзы. Ведь почти не было таких семей, где бы не было погибших фронтовиков».

Использован материал из семейного архива семьи О.А. Переладовой, г. Барнаул

Пимонов Фёдор Филиппович

Родился в 1899 году. В годы Великой Отечественной войны был старшим лейтенантом интендантской службы, помощником командира по хозяйственной части в 103 отдельной армейской роте ВНОС.

Письмо адресовано Елизавете Ивановне Недогарко в город Камень-на-Оби.

24.04.42 г.

«Здравствуй, милая Лиза. <...> Пишу сегодня маленькую открытку, она, как правило скорее доходит. На днях был при бомбёжке с воздуха. Уцелел. Бричку, на которой ехали, осыпало осколками, а я, ездовой и лошадь уцелели. Но такие эпизоды не редкость. <...> У нас снег почти уж стаял, стоит ясная тёплая погода. До свидания, крепко целую».

Использован материал Каменского краеведческого музея.

В. Ф. Хрипков

О маме

*В минуты тяжкого унынья,
Когда тревогой полон я,
Как гений радости всесильный
Приходит мамочка моя.*

*И как трепещет мое сердце
В лучах душевного тепла;
Забыв о горестях, о смерти,
Я вижу добрые глаза.*

*И ясный свет в груди холодной
Рождает счастья прежний жар;
Как будто изгнанный, голодный,
В родном дому я побывал.*

*И будет вечной, светлой радость
В моей груди лучом тепла
К тебе, родная; ты как благодать
В суровой службе мне была.*

Ноябрь, 1942 г., г. Барнаул, БВПУ

Протасов Дмитрий Спиридонович

Жду твоего и моего «Кулугуню»...

Дмитрий Спиридонович родился на Алтае в далёком 1904 году. Первая его служба в армии совпала с беспокойными днями Гражданской войны в России. Потом была мирная жизнь, профессия гуманная, уважаемая во все времена – учитель. Его избранницей и матерью его детей стала девушка Нюра, работница местной библиотеки. Жили большой семьёй, строили планы, Дмитрий вместе с Анной с нетерпением ждали первенца, придумывали ему имя и мечтали о счастливой мирной жизни.

Всё обрушилось со словом «Война!». В первые же дни начала войны Дмитрия Спиридоновича Протасова вновь призвали в армию. Теперь с семьёй его связывают только письма, адресованные жене - Протасовой Анне Федоровне, матери - Протасовой Екатерине Фроловне. Письма с поклонами братьям и сестре, и даже маленькому Мите, которого он не успел подержать на руках были адресованы письма. Много писем. Он пишет их из самых разных мест: Тальменки, Барнаула, Муромы, Кургана, Свердловска, Арзамаса, Солнечногорска, Москвы.

13.09.41 г.

«Здравствуйте, мама, Нюра, Павел, Поля и Гена! Шлю вам свой душевный привет! Сегодня получил ваше письмо, которое писала Нюра, и очень благодарен за подробное описание вашей жизни. За эти дни, которые я здесь прожил, я устал от однообразия.

Кроме того, еще беспокоился за вас, и, особенно о Нюре, оставшейся в «тяжелом положении». Это письмо меня освежило и успокоило... Значит, Павла (брата) тоже начинают беспокоить повестками <...> Обо мне прошу сильно не беспокоиться. Живем мы все по-прежнему в Барнауле. Вчера ходили на Обь стирать свое белье... и производили починку обуви, но только за наличные денежки. Я к своим сапогам подбил подметки и набойки, теперь на осень сапогами обеспечен. Когда ходил в баню, встретил много рубцовских граждан, призванных в Красную Армию. Среди них, знакомого Гладышева, тимоката. Здесь же был заведующий кинотеатром «12 лет Октября» <...>».

17.09.41 г.

«Здравствуй, Нюра! Сейчас получил твое письмо, которое сильно меня взволновало. Нюра, ты знаешь, что я в армии служил, но я никогда так не волновался, и не думал, как сейчас. Я был холост, да и обстановка была совсем другая. Я бы что угодно отдал, лишь бы пробыть эти трудные и решающие для тебя дни дома, но этого сделать невозможно. Нюра, напрягай все свои силы, будь уверена в благополучном исходе. Хотя это письмо и запоздает, но я хочу задним числом пожелать тебе счастья и благополучия. Жду твоего и

*моего «Кулугуню». Крепко, крепко обнимаю тебя и целую много раз.
Твой Дмитрий Протасов».*

Фрагменты из писем, без определенной даты:

«<...> Я очень обрадовался, узнав, что ты родила сына, и роды прошли нормально. Большое спасибо маме за помощь тебе. Ты, Нюра, спрашиваешь, как назвать сына. Но мы ведь, кажется, говорили с тобой раньше об этом. Дело не в имени, а в воспитании. Ты знаешь, что Иваны бывают умные и дураки, также и все остальные. Назови его, как тебе нравится. Вот здоровье его и свое береги, это я тебе строго приказываю».

«<...> Нюра, ты сообщаем, что мальчика назвали Митей. Ну что же, не возражаю, но только вот когда два Мити соберутся вместе, то трудно будет разбираться <...> Письмо пошлю с кем-нибудь из рубцовских женицин, т.к. их здесь очень много приезжает к своим мужьям... Относительно твоей поездки, я не знаю, что тебе и посоветовать. Правда, повидаться охота, но мне жаль тебя и мальчика. Ты знаешь, что осень, холодно, билеты доставать трудно, кроме того, денег у вас нет, нужно что-нибудь продавать на дорогу. Но это не главное, главное - беречь себя и маленького Митю».

27-28.11.41 г.

«<...> Со мной здесь служит командиром бывший начальник Рубцовской милиции Милованов. Ты, мама, его должна знать. Он нас всех хорошо знает. Большой чудак и мастер анекдотов. Почти каждый вечер нам что-нибудь рассказывает уморительное <...> Керосин в лампе догорает. Заканчиваю в 2 часа ночи».

**Ноябрь 1941 г.
Письмо от жены**

«Митя, здравствуй. Посылаю тебе свой душевный привет. Митя, извини, что долго не могла написать тебе письмо, я болела. Опять меня малярия забрала. <...> А сейчас мы живы и здоровы. <...> Сын здоров, уже смеётся и гулит. Разговаривает «гу-гу». До свидания».

Письмо Дмитрия жене и матери.

11.11.41 г.

«<...> Мама, я тебя прошу, ради ребёнка, позабыть все те неприятности, которые были у вас раньше, и помочь Нюре в воспитании и сохранении ребёнка. Пока я жив и здоров, я прошу тебя об этом и хочу слышать твой ответ. А если же погибну, то поступайте так, как вам подсказывает ваше сердце и разум.

Теперь напишу относительно топлива, картошки и пр. Прежде всего,

картошку нужно чаще перебирать и просушивать. Это единственный продукт, на который нужно рассчитывать не только в этот год, но и в будущий. Продавать картошку не нужно. Продайте лучшие мой костюм: от него в комнате теплее не будет, а лежать он будет бесполезно. Когда приеду, то думаю, сумею его приобрести. Продайте его обязательно и в первую очередь купите топлива и продуктов (муки, мяса или масла). Если же за деньги нельзя достать топлива, то разломайте сарай, там дров на пол зимы хватит. Если удачно продать костюм, можно купить валенки или ещё что-либо необходимое. <...> »

07.12.41 г.

«Здравствуйте, мама, Нюра, Митя! <...>

Сейчас принесли ваше письмо от второго декабря, в котором нарисована ручка Мити. Смеялся с радостью, конечно не над ручкой Мити, а над художником, который выводил её. Нюра, ты прислала чёрную ниточку с указанием размера, или вернее, роста Мити. Длина этой ниточки 61 см. Неужели у нас сын такой великан?! <...>»

17.12.41 г.

«<...> Сегодня командир роты отдал приказ о переводе меня с должности старшего писаря на должность санитара и повозочного санчасти. Это, конечно, для меня не новость. <...> Причиной этому, конечно, следует считать всем нам известную причину – несчастье, постигшее всех нас в 1938 году. Только этим я могу объяснить этот факт. <...> Это мной переживается очень тяжело. Я лучше бы согласился, чтобы меня отчислили или перевели в другую часть рядовым красноармейцем. <...> Так вот, что я пережил за эти сутки. Это, конечно, всё пустяки, по сравнению с тем, что может быть на фронте. <...> Буду стремиться к тому, чтобы меня отчислили из этой части или перевели в другую, и использовали по назначению.

Пишите, что у вас нового. Неужели вы не понимаете, что в эти дни, как никогда, письма являются большой моральной поддержкой для меня. Извините за небрежность письма, волнуюсь и тороплюсь. С искренним приветом, любящий вас Дмитрий Протасов».

03.01.42 г.

«<...> Сообщаю, что нахожусь сейчас в 8 километрах от Барнаула, в лагере. По предположению, мы останемся надолго в Барнауле для хозяйственных работ и, вероятно, зиму пробудем здесь, а весной видно будет. В моей жизни изменений никаких нет, работаю в санчасти, и уже освоился».

22.01.42 г.

«<...> Сейчас я нахожусь в городе Арзамасе - на пути к Москве. Когда приедем к более определенному месту нашей стоянки и получим адрес, то

сразу же вам сообщу. Письмо пишу в вагоне, в полумраке, во время стоянки и при первой же возможности спущу в почтовый ящик. Обо мне не беспокойтесь и в том случае, если долго не будет письма, т.к. известно, что письма задерживаются в дороге или совсем не доходят из-за перегрузки почты и транспорта».

27.01.42 г.

«<...> В Москву прибыл 24.01. вечером. Сколько пробуду здесь - неизвестно. Вчера вымылся в бане. Сейчас в Москве спокойно, вражеских самолетов при мне ещё не показывалось. Никаких разрушений в Москве нет, несмотря на ряд налетов фашистских самолетов, которым удалось сделать лишь незначительные царапинки городу и его окрестностям.

Как растет мой сынок? Очень хотелось бы посмотреть на него. Он уже, наверное, большой. Жаль, что ты, Нюра, не сумела выслать мне его фотокарточку. При первой возможности обязательно вышли. Волошин и Лысенко находятся со мной вместе. Лысенко хочет в мой конверт вложить «писульку». Он большой чудак и все время поет песни.

С искренним, любящим приветом ваш Дмитрий Протасов».

«28.03.42г.

... Вчера получил ваше письмо с фотокарточкой моего сыночка Мити. Я очень обрадовался и долго был взволнован, читая письмо и любясь своим сыном. Многие мои товарищи, не получающие писем, завидовали мне и просили показать фотокарточку. Я оказался счастливее других тем, что сумел вам раньше дать адрес и поэтому раньше всех получил ответ.

А письма от своих родных на фронте - это самое большое радостное событие в личной жизни каждого бойца и командира. <...> Простите, что очень коряво и плохо написал. Пишу на коленке, в полумраке, нашу землянку освещает самодельная копилка мощностью в одну свечу. <...>»

12.05.42 г.

«<...> Сообщаю, что я по-прежнему жив, здоров и невредим. Вам писем давно уже не посылал. Дело в том, что весенним разливом рек мы были отрезаны от полевой почты, не получали ни писем, ни газет. Кроме того, как только начала просыхать дорога, мы отправились в дальний рейс, километров 300.

Первого мая, находясь в пути, я провел хорошо. Был ясный, теплый, солнечный день, и мы на травке отдыхали и любовались природой. Обстановка была мирная. Вспоминал про вас, и очень хотел узнать, как вы провели этот весенний праздник, что у вас нового, пишут ли что-нибудь братья и вообще, обо всей вашей жизни. Нюра, напиши, посадила ли картошку и сколько. Баяны мои не держите в глухом и сыром месте, а то могут заржаветь голоса. Просушивайте их и продувайте, меняйте воздух в мехах.

Крепко пожимаю ваши руки и желаю счастья. Привет! Привет! Привет!»

02.06.42г.

из полевого госпиталя

«<...> Сообщаю, что уже вполне здоров. Ввиду опухоли ног 23.05. был направлен в госпиталь, где меня приняли и поместили в палату. Сегодня уже 9-й день, как я в госпитале. Опухоли ног прошли, сейчас чувствую себя хорошо. Наверное, скоро выпишут. Болезнь, которая была у меня, называется авитаминоз и бывает при употреблении однообразной пищи, при отсутствии свежих овощей и продуктов, содержащих витамин «С». Так вот я и получал здесь диетическое питание и витамин «С» в таблетках. Чувствую себя здоровым и бодрым, не знаю только, как попаду по окончании лечения в свою часть. Буду проситься, чтобы направили в свою роту».

15.06.42г.

120 гужтранспортная рота

«<...> Из вашего письма я узнал, что Павел должен приехать домой. Меня обрадовало одно, что он жив. В остальном, я делаю горестные предположения, потому что Павел, видимо, обещался приехать домой лишь по 2 причинам: или же он тяжело болел, или искалечен. Здоровых сейчас, как нам известно, домой не отпускают».

20.06.42 г.

«<...> Сегодня прибыл в место расположения нашей роты. Исполнилось ровно 2 месяца, как я выехал из роты. За это время для меня накопилось 15 писем! Ваших 12 писем, 2 от Павла и 1 от Шурки (брата жены) из армии. Читал почти полдня и все волновался, потому что много волнующих строк: приятных и радостных, незаслуженных упреков и горьких вестей. Прочитав все письма, настолько был удовлетворен, как будто побывал дома. Не хватает только одного - не вижу вас. Вот это я понимаю! За все ваши письма выражаю вам самую большую искреннюю благодарность».

Я очень рад, что Павел жив и уже здоров, хотя и потерял, может быть, трудоспособность, необходимую его профессии. В этом я могу ему только сочувствовать. Но по сравнению с Иваном Горбуновым и многими другими (которые погибли) он счастлив.

Из писем видно, что ты, Нюра, давно болеешь. Дорогая Нюра, я очень жалею тебя. Бывает тяжело и обидно за себя, когда бессилен помочь в трудную минуту близкому и дорогому человеку. Болезнь твоя, Нюра, мне понятна. Она вытекает из тех трудных условий, в которых ты находилась и находишься сейчас. Моя помощь тебе может быть пока только в советах.

Теперь, Нюра, постараюсь ответить на те обиды, которые звучат в твоих письмах. Ты думаешь, что я безразличен к своему сыну. Ты не знаешь, как я его люблю. Если бы представилась возможность, то я его сейчас

расцеловал бы с жаром. Я очень часто смотрю на его фотографию. Я приготовил и уже давно ношу в сумке для него гостинец и сахару банку. Все думаю, как поеду домой <...>.

Далее, ты упрекаешь меня в краткости моих писем, когда раньше ты писала и говорила: «Много не пиши, а пиши, здоров, и достаточно». Ты должна понимать, я не на курорте, а на войне, и иногда не только писать, но и подумать бывает некогда. Нюра, с 20.06 меня перевели повозочным. Теперь буду ездить во взводе как рядовой боец».

12.08.42 г.

«Когда я пишу вот эти строки, сейчас летит над нами очень низко фашистский бомбардировщик, который высматривает цель, чтобы сбросить свой смертоносный груз. Это все, Нюра, я пишу тебе так, мимоходом, чтобы ты представляла лучше обстановку, в которой я нахожусь. Нет, это не жалобы и не страх! К этим стервятникам мы привыкли, и умеем хорошо маскироваться от них, а при бомбежке и укрываться. Это стало обычное для нас явление, никто не волнуется, и все совершенно не обращают внимания. Уже достаточно привыкли, пробыв на фронте 7 месяцев.

Меня назначили санитаром и избавили меня от лошадей. Сейчас я почти совсем свободен. Меня используют в штабе, т.к. очень много работы, а мне она знакома. Часть наша по-прежнему находится в бору. Живем в палатках из дерева и коры. Питаемся хорошо. Дают сахар, сало, мясо, крупы разные или макароны, лапшу и прочее».

18.08.42 г.

«<...> Нюра, тебя удивляет, где я достал столько денег (на перевод домой). 90 рублей, это мое трехмесячное содержание. А второй перевод - выручка от табака. Ты же знаешь, что я не курю. Когда выдают табак, я его коплю. Как только продам табак - снова все деньги вышлю вам, а табак у меня грамм 600 будет. Плохо только его сейчас здесь покупают, т.к. у всех бойцов его много, и всем хватает. Ягод здесь, Нюра, очень много разных: черника, земляника (уже отошла), малина, брусника (уже поспела).

Я получил 16.08. сахару 370 гр. и вчера сварил варенье из малины грамм 600. Очень хорошее получилось. Грибов здесь также очень много. Я ежедневно собираю их и варю, и жарю. Где мы находимся, об этом писать нельзя, всё равно цензура не пропустит, да и сам я не намерен разглашать военную тайну. Ты, Нюра, никому бы не сказала, но ведь письма могут читать все».

31.08.42 г.

«... С 21 августа на меня возложили обязанности экспедитора (почтальона) по отправке и доставке в часть писем, пакетов и газет. И вот теперь я хожу ежедневно на почту по 25 км.

Нюра, сегодня исполнился ровно год, как я был призван в армию, хотя ещё и находился дома. 2 сентября вы меня проводили. Это были самые тяжелые дни, дни разлуки. Скоро буду справлять еще одну годовщину, день рождения своего любимого сына. Я очень беспокоюсь за его здоровье и буду в состоянии тревоги до тех пор, пока не получу письма об окончательном его выздоровлении.

Нюра, картошку берегай - приеду домой скоро. Только бы скорей закончить эту проклятую войну, покончить с общим врагом всех народов, кровавым Гитлером и его людоедами».

13.09.42г.

«Здравствуй, моя дорогая Нюра! Сообщаю, что я от тебя получил сразу 2 письма. Это хорошо. Но вот только одно плохо, что в тебе иногда пробуждаются «ревнивые мечты», и ты начинаешь попрекать меня неверностью, одним словом, хоронишь мою любовь к тебе. Такие письма получать не очень приятно и даже больно, оскорбительно. Я был весь день и вечер расстроен. Ты знаешь, Нюра, что обстановка, в которой мы находимся, не очень-то приятная, и вот такие письма окончательно разбивают морально и вызывают какое-то чувство безразличия к жизни.

Ты, Нюра, сообщаешь, что совсем не ходишь в кино и вообще в клуб. Я тебе ходить, кажется, не запрещал и не запрещаю. Это даже необходимо, т.к. сидеть все время дома, это можно совсем одичать. Если у тебя есть возможность и время, то используй их и культурно отдыхай. Я сам даже не помню время, когда я был последний раз в кино или вообще в каком-либо клубе.

У нас здесь чуть ли не каждый день слушаем «концерт» - артиллерийскую канонаду или приглушенную россыпь пулеметов. Если и бывают какие-либо концерты или кинокартины, то их показывают в деревнях, а мы там не живем, и поэтому, лишены возможности смотреть их.

Ты пишешь, что Павел купил бензину и хочет привезти тебе и себе дрова. Это хорошо. Продавай вещи, т.к. дрова необходимы, и если ты упустишь эту возможность, то потом зимой насидишься в холоде. Не жалея ничего и запасай дров и продуктов на зиму. А вещи можем всегда справить, лишь бы быть живым и здоровым.

Теперь вот ещё что я хотел тебе посоветовать. Ты пишешь, что сына кормишь молоком с картошкой или хлебом, т.к. нет крупы. Крупу можешь приготовить сама. Купи или достань у знакомых пшеницы, высуши ее и растолки в ступке. Великолепная будет крупа. Мы здесь ели кашу из пшеничной крупы. С маслом каша замечательная, на молоке - ещё лучше. Она куда лучше картошки, и от неё поноса не будет у ребенка. Если сумеешь достать пшени или манной крупы - покупай, не считаясь с ценой. Я тебе послал 150 руб. на питание Мити и ещё вышлю, как только продам табак».

15.09.42 г.

«Здравствуй, мой любимый сыночек Митя! Поздравляю тебя с днём рождения и шлю пламенный сердечный привет! Желаю тебе крепкого здоровья на долгие годы. Расти, и крепи и жди своего папу домой. До скорой и радостной встречи. Крепко, крепко тебя целую! Любящий тебя отец».

15.09.42 г.

«... Сейчас нахожусь на почте, и пишу это письмо заочеченными руками, ты это можешь определить по почерку и по корявым буквам. Дело в том, что сейчас уже началась ненастная погода, и я весь промок и сильно замерз, руки стали как грабли, да и сам еще не отогрелся, т.к. ехал на лошади, на бричке <...>»

11.10.42 г.

«... 25 сентября меня вместе с другими отправили на уборку сена, где я пробыл до 8 октября. Потом нас срочно вызвали в роту и отправили на формирование, а потом, вероятно, в какую-либо стрелковую часть. Сейчас нахожусь в пути, и вот на остановке вырвал свободные минуты, чтобы написать вам письмо. Обо мне прошу вас не беспокоиться. Я пока жив, здоров и всегда буду стремиться к этому <...>».

10.11.42 г.

«<...> Я сейчас нахожусь в другой части. Занимаем линию обороны. Активных боевых действий сейчас нет на нашем участке фронта. Изредка идет небольшая перестрелка. Меня здесь сделали пулеметчиком, и я сейчас познакомился с «Максимом». Прошу вас обо мне сильно не беспокоиться <...>».

19.11.42 г.

«Здравствуйте, мои дорогие и горячо любимые Нюра и сынок Митюша! Нюра, мне хочется выразить тебе чувство глубокой благодарности за твою неизменную любовь и заботу обо мне.

Вчера и сегодня у меня особенно выдающиеся дни в моей однообразной жизни. Мне принесли пачку писем - 22 штуки! Это всех удивило и поразило. Когда меня откомандировали из 120 роты, я просил старшего писаря собирать их, а потом выслать мне, что он и сделал.

Получив письма, я все их вскрыл, разобрал по датам и тогда уже начал читать. Получилось последовательное изображение вашей жизни за период моего перехода из части в часть. Многие письма меня очень взволновали, и я в часы отдыха, ночью, все их перечитал, не переводя дух, как алкоголик, дорвавшийся до водки. Очень приятно и радостно, что у меня растет замечательный сын, которого, к моему несчастью, я только через письма и могу ощущать и выражать свою любовь к нему. Но верь, Нюра, терпи и жди! Придет время, ещё будет на нашей улице праздник. Закончим войну, снова наладим счастливую и радостную жизнь для себя и для своих детей. Я

прекрасно тебя понимаю, что тебе сейчас очень тяжело.

Хорошо сделала, что написала обо всем откровенно. Если у тебя дело с сыном обстоит так, что с ним некому водиться, то добейся определения его в детские ясли на период твоей работы. При этом случае будь осторожна, береги его, не простуди при переносе. Быть может, мама поворчит, да снова будет водиться с ним.

Нюра, обязательно продай мои некоторые вещи на питание: ботинки, часы или костюм, за хлеб. Полуголодными не сидите. О себе. Начинают одевать по зимнему. Получили часть теплого зимнего обмундирования: шапка, подшлемники, рукавички, теплое белье и портянки, ватные фуфайки и брюки ватные. Питание неплохое. Находимся пока в тепле. Здесь уже выпал снег, но пока морозов ещё нет. До этого стояла хорошая осенняя погода».

05.01.43 г.

«Здравствуйте, мои дорогие Нюра и Митя! ... Нюра, я сейчас отдыхаю физически и душевно. С Нового года меня направили в дом отдыха, и вот уже четвёртый день я отдыхаю. <...> В доме отдыха уютно, тепло, чисто и культурно. Имеется библиотека, шашки, шахматы и домино. Кроме этого имеется клуб, в котором демонстрируются картины, ставятся концерты силами работников дома отдыха и медсанбата. Всё это даёт возможность культурно провести время и отдохнуть душевно.

Дом отдыха только что открылся, и мы являемся первыми отдыхающими. Я предполагаю пробыть 8 дней, как имеющий звание младшего сержанта. В условиях нашей фронтовой жизни это право на отдых даётся не каждому, а тем, кто чем-либо заслужил, отличился в бою. Одним словом, в дом отдыха направляют лучших бойцов и командиров.

В последнем письме ты, Нюра, намекаешь на посылку. Это будет напрасной тратой, потому что мне ничего не нужно. Я сыт и не испытываю голода. Лучшие ты эти продукты съешь сама и корми нашего сыночка Митю. Если бы можно, то я выслал бы вам сахару и крупы Мите на каши, но беда в том, что посылки от нас не принимают ни под каким видом.

Нюра, ты пишешь, что плохо одеваешь сына, это твоя вина. Я тебе чуть ни в каждом письме пишу, чтобы ты продала что-нибудь из моих вещей и обеспечила себя и ребёнка всем необходимым.

Далее хочу дать тебе несколько советов в отношении твоей работы. <...>Если ты будешь работать в холодном нетопленном помещении, то наверняка ты будешь болеть и можешь заболеть очень серьёзно и надолго.

Ты, Нюра, спрашиваешь, получил ли я Митины волосы, которые ты положила в письмо. Нет, их там не оказалось. Ранее ты высылала ниточки - мерки с Мити, их я получал несколько раз. Нюра, в твоих письмах я часто читаю, что сын наш растёт очень толковым и, вместе с этим, очень любит баловаться, передразниваться и т.п. Последнее, мне не нравится, и эти качества в ребёнке, я думаю, развивать не следует. <...>

Нюра, ты купила книги, это очень хорошо, только, наверное, истратила

последние деньги. Такие книги, как «Толстой», конечно нужно приобретать. <...> Жму крепко твою руку и целую обоих вас с Митей. Любящий вас, Дмитрий Протасов».

Письмо от капитана Афонаина, под чьим командованием служил Дмитрий.

Апрель 1943 г.

«Здравствуйте, многоуважаемая Анна Фёдоровна. Я капитан Афонин, в подразделении моём служил Ваш муж Протасов. При исполнении служебных обязанностей 17 февраля 1943 года он был тяжело ранен в живот. Как это не тяжело, но я откровенно сообщу Вам, я лично видел его раненым и беседовал с врачами, оказывающим ему первую помощь. Ранение очень серьёзное, тем более оказалось после завтрака, значит на полный желудок. Надежд на жизнь было очень мало, но я всё же принял все необходимые меры и немедленно отправил его в госпиталь. О дальнейшем его прохождении лечения мне ничего не известно. Если Вы что-либо получили от него, я очень рад, в таком случае, за Вас и Вашего мужа.

Утрата любимого человека тяжела. Для меня лично Протасов был хорошим солдатом, его выход из строя огорчил нас. Вот что я мог сообщить на Ваш запрос. С искренним приветом Афонин».

Протасов Дмитрий Спиридонович, младший сержант, умер от ран 19.02.1943г. Похоронен в деревне Сущева, Старорусского района, Новгородской области.

Использован материал краеведческого музея г. Рубцовска.

Семья Роговых

У супругов Роговых Анастасии Демьяновны и Николая Назаровича было трое детей: Александр, 1926 года рождения, Раиса и самая младшая Тая. Когда началась война, Николая Назаровича сразу призвали на фронт. В 1944 году добровольцем ушёл на фронт старший сын - Александр. Семья Роговых теперь жила надеждами и письмами.

Письма Николая Назаровича.

09.04.43 г.

«Здравствуйте! Мои милейшие жена Анастасия Демьяновна, дети Рая, Шура и Тая. Моё вам чистосердечное почтение с пожеланием всего наилучшего. Я пока жив и здоров. Вчера снова проходил врачебную комиссию, которая опять же вынесла заключение «годен к нестроевой». Убедительно прошу не беспокоиться за меня, а все надежды на счастливое будущее и счастливую минуту нашей встречи. Со всеми силами работайте, работайте и ещё раз работайте на пользу нашей дорогой Родины. <...>

Мои дорогие, пишите, пожалуйста побольше писем не жалея бумаги. Вот уже четыре месяца не имею от вас никакой весточки и живу только надеждой. Часто смотрю на наше последнее фото. <...> До свидания. Ваш Николай».

03.01.44 г.

Ответ

*Здравствуй, Тая, дочь моя!
Твоё письмо за третье января
Я получил вчера.
За него и шлю спасибо
И фронтовой привет
Да не только одной тебе,
А и маме, Рае, Грише
И бабушкам двоим.
Пошли и тётке Гале,
И сестрёночкам твоим.
Ты пишешь понемногу
Но чистенько.
За это и спасибо,
Таечка моя,
На этом точку
Ставлю я.
Крепко, крепко целую тебя.*

Твой папа.

P.S. Прости за то, что нескладно, а, быть может, и ничего. Ты пограмотней меня, а поэтому надеюсь, что напишешь, можно тебе так писать или нет. До счастливой встречи. Твой папа».

08.01.44 г.

*«Здравствуй, милая Таиса.
Дочь любимая моя.
Сообщаю, что сегодня
Письмецо получил я от тебя,
За которое отцовское спасибо
С фронта посылаю я.
И желаю быть счастливой
В Новом, нынешнем году.
Все уроки на «отлично» изучай
И по дому маме помогай.
Знай! Об этом я тебя прошу,
И тем самым мне поможешь
Бить прокляту немчуру.
На прощанье крепко, крепко целую я тебя.
Маму, Раю, Гришу поцелуй ты за меня.
До свидания, твой папа.
Жду ответа, дочь моя».*

02.03.44 г.

«Здравствуй, мой милейший друг, Анастасия Демьяновна! <...> Весьма и весьма благодарен тебе за сообщение новостей, а в особенности за то, что я с 4 февраля имею право называться дедушкой. Тася! Неужели наступит та счастливая минута, что мы встретимся, и я возьму на руки эту маленькую крошку, которую ты называешь внуком.

У меня особенных новостей нет. <...> Крепко и нежно целую тебя, мой друг Тася. <...> До счастливого свидания. Твой муж Николай».

Письма домой от Александра.

«Здравствуйте, мамаша! Сообщаю, что сегодня получил от вас два письма с табаком. Большое вам спасибо за заботу и ласку. Пару слов о себе. Учиться уже закончил, сейчас нахожусь в подразделении. Вы спрашиваете, скоро ли я поеду дальше, т.е. на запад. Но об этом я вам сказать не могу, может быть сегодня ночью, может, совсем никогда. Об этом никто, ничего, не знает. Не беспокойтесь, ваш буйвол приедет домой жив, здоров, как никогда.

Денег высылать больше не разрешаю. Было время, я у вас просил, а теперь они мне не нужны. Побеспокойтесь о себе. Вы, наверное, не представляете, как я вас хочу увидеть, сказать самое нежное из слов МАМА!»

31.01.45 г.

«Здравствуйте, дорогая мамаша. Письмо ваше получил <...> Я узнал, что вы все живы и здоровы, а это для меня самое основное. Писем, мамаша, больше не пишите. Я сегодня получил новое обмундирование и ночью, или завтра утром сажусь в вагон и еду на запад. Одно плоховато, нету со мной ни одного земляка.

Пока, мамаша, после разгрома фашистского зверя вернусь к вам. Крепко целуйте за меня Раю, Гришу, Таю, Вовика и бабушку. Желаю вам всем только счастья. А обо мне не беспокойтесь, я вернусь домой здоров, как никогда. До счастливой встречи. Ваш Александр».

Но не суждено было встретиться отцу и сыну со своими родными. 16 марта 1945 года в семью Роговых принесли похоронку: «Ваш муж ефрейтор Роговой Николай Захарович, <...> был убит 10 февраля 1945 года. Похоронен юго-восточная окраина города Лайдсберг Восточная Пруссия».

В марте 1945 года мать Анастасия Демьяновна получила от сына Александра последнее письмо, больше вестей от любимого сына не было - Александр пропал без вести.

Использован материал краеведческого музея с. Родино.

Самохин Иван Андреевич.

Все предки Самохиных жили в Рязанской губернии и в Сибирь приехали в конце XIX века. Самохин Иван Андреевич родился в 1898 году в селе Клочки Ребрихинского района. Когда началась I мировая война его на фронт не взяли – возрастом не вышел. Иван подправил документы, прибавил себе год и в 17 лет ушёл воевать. В одном из боёв был ранен в правую ногу, лечился в госпитале в Рязани. После госпиталя его комиссовали и он вернулся на Алтай, стал свидетелем, а потом и участником Гражданской войны.

Наступили мирные дни. В 1922 году женился на Евдокии Фёдоровне Шашковой. До 1925 года Иван Андреевич работал председателем сельского Совета в селе Клочки, а потом его переводят в село Верхняя

Речка, где он работает мастером в лесной промышленности.

Иван Андреевич был интересным человеком, кроме работы была у него отдушина – музыка. Но он не только виртуозно играл на музыкальных инструментах – он занимался их изготовлением. Делал балалайки, домбры, гармошки.

Перед самой войной семья Самохиных переезжает в Барнаул, поселились на улицу-я Алтайская. Жена по дому управляет, дети (пять дочерей) в школе, а сам Иван Андреевич работает заведующим военными складами, которые находились возле аэродрома (*в районе современных улиц Взлётная – Павловский тракт. – Прим ред.*).

Александра Ивановна вспоминает: «21 июня 1941 года – была суббота. День выдался солнечным и теплым. Были каникулы и мы с сёстрами Тасей и Тоней в этот день допоздна задержались на улице - играли. Прибежали домой уже затемно и после ужина спать. А на следующий день... началась война. Отец с утра был на складах, не смотря на то что был выходной. Сообщение, что началась война дошло до нас уже после обеда. Я была за оградой дома и услышала от прохожего, что началась война. Соседи высыпали из домов и отправились к военкомату, и мы с мамой тоже туда пошли. Там был митинг. Мне всего то было 10 лет, но я вдруг поняла, что случилось что-то страшное. Объявили демобилизацию. Из-за старого ранения, отца сразу на фронт не взяли. Мама (*Евдокия Фёдоровна – прим. ред.*) на канатную фабрику ткачихой пошла работать.

К осени в городе появились раненые. Были организованы госпитали, мы с классным руководителем ходили в госпиталь навещать раненых, помогали солдатам домой письма писать, разговаривали с ними. Тогда уже с продуктами стало хуже, но каждый из нас нёс раненым какую-нибудь еду. Однажды мы пошли в госпиталь, что на Демидовской площади был. Я несла в подарок раненому кисет, который сама сшила из зеленого сатина. Отсыпала у отца, с разрешения мамы, маленько табаку, и с этим пошла в госпиталь. Жалко было раненых, смотреть на них было страшно, но ходить в госпиталь мы продолжали.

В августе 1943 года и отец получил повестку из городского военкомата о призыве в армию. Ему тогда уже 45 лет было. Отец перед отправкой на фронт находился в воинской части, которая располагалась в районе старого мясокомбината, пробыл там несколько дней. До отправки отца на фронт мы с мамой и сестрой Марией даже были у него в казарме. Он представил нас своим сослуживцам, сказал: «Это – мои дочери». Отец дал нам по кусочку хлеба, подержал нас на коленях, и мы пошли домой.

А 24 августа 1943 года всей семьёй провожали отца с железнодорожного вокзала. На площади перед вокзалом собралось много народа, кругом слышался женский плач... Началась трудная жизнь без отца. Чтобы прокормить семью, мама решила переехать в сельскую местность: сначала в Топчиху а потом мы уехали в Троицкий район. Всё это время жили надеждой и письмами отца».

30.02.44 г.

«Здравствуйте, любимая дочь Клавдия. Письмо от вашего родителя. Я пока жив, здоров, того и вам желаю в ваших молодых, юных летах. Я поступил в батарею и уже в боях побыл 6 раз. Был в атаке, но все атаки отбили, враг отступил. <...>

Пиши, дочь, письма почаще, у нас здесь очень скучно без переписки. Когда получишь письмо, то будто бы поговорил с вами. До приятного свидания. Жду ответ».

10.03.44 г.

«Добрый день, любимые дети. <...> Вы пишете, что мать болеет, трудно ей. Но я не могу помочь, потому что далеко. <...> Пишите мне. Самохин».

25.03.44 г.

«Добрый день, любимая дочь Клавдия Ивановна. От вашего папки Ивана Андреевича. Привет Настасье Ивановне. Я пока жив, здоров. Почему вы мне не пишете? <...>»

10.05.44 г.

«<...> Получил от вас много писем, был очень рад, пять писем на один день. Вы пишете, что вам плохо, но я вам могу только послать немного денег, рублей четыреста. Будет возможность, буду помогать, и сколько будет здоровья. <...> Целую. В 11 часов 30 минут писал».

22.05.44 г.

«Любимой дочке Клавдии от папки. Сообщаю о своём здоровье, в настоящее время я жив, здоров. <...> Клаша, пропиши, как живёт мать, чем она болеет. <...> До приятного свидания, будьте здоровы. <...>».

Писем с фронта было немного. Сохранилось всего лишь шесть. Затем письма совсем перестали приходить, и до лета 1944 года вестей с фронта никаких не было. А в середине лета семья получила казённый голубой конверт. Все знали, что это извещение о гибели. К этому времени Евдокия Фёдоровна работала в леспромхозе, чтобы легче было прокормить семью. Старшая дочь, Клавдия, училась в Саратове в институте, отец посылал ей деньги на учёбу.

Некоторое время почтальон не отдавала этот конверт, зная, какое горе оно принесёт. В извещении было написано, что Самохин Иван Андреевич, в бою за социалистическую Родину был убит 11 июня 1944 года, похоронен в деревне Шапория Гомельской области.

Как, при каких обстоятельствах погиб Иван Андреевич? С этими вопросами семья жила до 70-х годов. Через архивы удалось узнать, что в конце 1943 года, в результате боёв, Иван Андреевич оказался в Белоруссии в партизанском отряде, поэтому и не было долго писем. Наступило лето 1944 года. Партизаны проводили большую подготовительную работу для помощи армии по освобождению Белоруссии. На уничтожение вражеского эшелона вместе с товарищами ушёл Самохин. Группа наткнулась на засаду противника, в результате неравного боя часть бойцов попала в плен. Попал в плен и Самохин Иван. Бойцов допрашивали, подвешивали за ноги, били металлическими прутьями, но не один из них не предал своей Родины. Их сковали по двое, и повели на расстрел. Во время движения одному из них по фамилии Мошков, удалось бежать, который, в последствии, и рассказал о гибели сапёрной группы.

На фронт он уезжал с того места, где сегодня располагается мемориал Славы. Но в день открытия мемориала его имени, к сожалению, не было. Но спустя двадцать лет, после открытия мемориала, имя Самохина появилось в ряду других защитников Отечества. Ещё один пробел в истории Великой Отечественной войны был восполнен, и в огромную летопись вписана ещё одна страничка – о жизни и смерти Ивана Самохина. А произошло это благодаря поиску истины в архивах, которые вела внучка Ивана Самохина – Татьяна Александровна Черкова.

Использован материал из семейного архива Т.А. Черковой, г. Барнаул.

Синельникова Елена Степановна

*А тогда я знала, что я русская,
что воевала я за свою Родину...*

Елена Степановна прошла ад, так можно назвать то место, в котором выживают единицы. Она была в концлагере и осталась жива в этой машине смерти. К сожалению, Елены Степановны давно нет в живых, но память о ней жива.

Вспоминает Елена Степановна: «Родилась я в селе Топчиха 15 октября 1923 года. Фамилия моя тогда была Рябченко. Школу окончила в 1941 году и как передовая комсомолка добровольцем сразу же попросилась на фронт. Направили меня в военное училище в город Ташкент учиться на радистку. После принятия военной присяги отправили на фронт. Сначала говорили, что отправят в Москву, но потом решение поменялось, и отправили нас на Ленинградский фронт.

Боевое крещение приняли под Тихвином. Приехали в город Волхов: всё разбито, темнота, кругом воронки от бомб. Ночью добрались до места назначения. Эшелон, который шёл впереди нас был полностью разбит. Нам каким-то образом удалось пройти. Когда открыли двери вагонов, офицеры, которые нас встречали, не могли скрыть удивления. Ждали настоящих солдат, а тут одни девушки, и к тому же все молоденькие. Переночевали в школе, а утром снова была бомбёжка. Казалось, что небо от вражеских самолётов было тёмным, как осенью от воронья. Бомбили сильно, одни самолёты, сбросив бомбы, уходили и на их место сразу прилетали другие.

Удивительно, но мы остались живы в такой мясорубке. Оформили нас во 2-ю ударную армию. Была я в 13-м батальоне связи 92-й стрелковой дивизии. Находились мы в полутора километрах от передовой. В первом же бою мой батальон попал в окружение. Сверху бомбят, кругом стреляют, хаос и ужас. Стоны раненых и огромное число убитых. Нас сбилось вместе несколько человек, долго мы так скитались, пытались выбраться из окружения. Сухой паёк давно закончился, есть хотелось. Приходилось грызть кожу, срезанную с убитых лошадей, пытались такой едой хоть как-то заглушить голод. Во рту пересохло, а воду пить нельзя, какая попадалась нам, она была вперемежку с кровью. Помню, сидим на отдыхе под лесинкой, достала я письмо из родимого дома и давай перечитывать. А в письме сёстры пишут, что мама пирогов напекла с картошкой, а у нас животы к спине прилипли.

На пути нашем оказалось болото, уходя от обстрела, приходилось ползти по горло в жиже. А потом меня ранило в ногу, идти не могу дальше. Тащил меня на себе наш комиссар. У него была карта и компас, по карте пытались выйти к линии фронта.

После очередного обстрела заползли в блиндаж. Там нашли галеты и во фляжке воду, блиндаж был немецкий. Погрызли мы галеты, вдруг слышим шаги наверху и чужая речь. Это были немцы, они обходили окрестность и подбирали пленных. У комиссара был пистолет, и он сразу же застрелился. А меня выволокли на свет и стали пинать ногами и бить прикладами автоматов. Потом затащили в загородку из проволоки, где уже было много наших солдат. Так я попала в плен.

А потом была долгая дорога в Германию. Море вшей, больные тифом, раненые, пока добрались до лагеря для военнопленных, много умерло. Среди нас была девушка еврейка, мы всячески скрывали и прятали её, уж очень ненавидели фашисты эту нацию. В лагере для пленных нас часто из бараков выгоняли на плац, бывало до 30 раз в день.

Германия она конечно Германия, тёплая вроде бы страна, но снег-то идёт! А мы одеты – тонкие полосатые платья да деревянные колодки на босу ногу. Выгоняли регулярно из бараков и издевались над нами, могли выбрить машинкой полоски на голове, или построят всех в шеренгу и начинают считать. Каждый десятый - в крематорий.

Потом нас перевели в другой концлагерь, Равенсбрюк, филиал лагеря «Бухенвальд». Это был огромный концлагерь, с множеством бараков. Там издевались не меньше. Обрезали уши, носы, вырывали зубы. И самое страшное это были собаки. Собаки были везде, нас травили собаками. В бараках была теснота, спать удавалось урывками, по очереди.

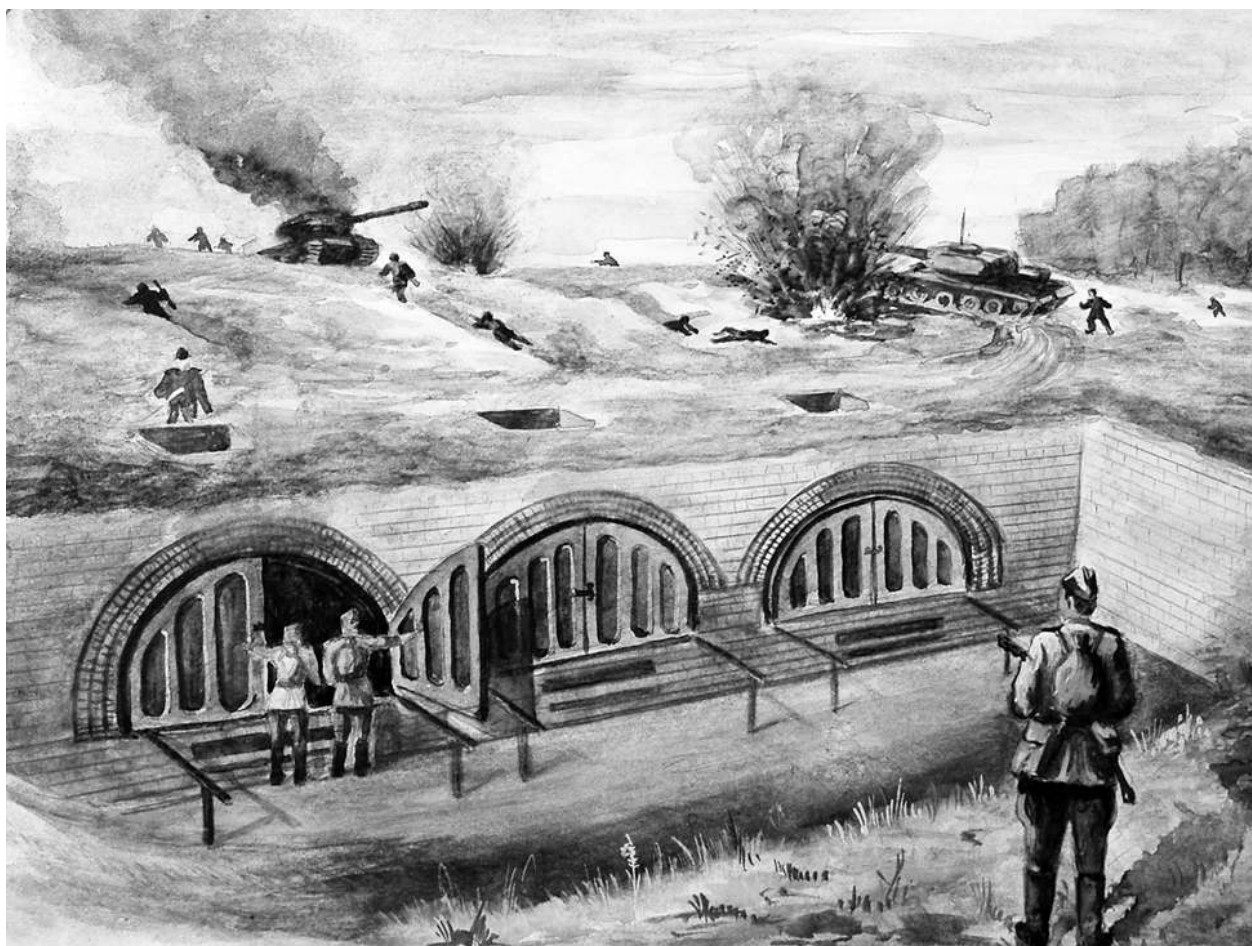
Несмотря на строгий надзор, сведения о делах на фронтах каким-то образом проникали через колючую проволоку. Мы знали, что наши войска уже близко. Был конец 1944 года, нас погрузили в вагоны и стали перевозить дальше в глубь страны. В то время мы не ощущали себя живыми, не осознавали того, что с нами происходит. Я только в последние годы стала понимать, через что я прошла. А тогда я знала, что я русская, что воевала я за свою Родину, что я люблю её, и мне было не страшно умереть за свою Отчизну. Домой тогда пришло извещение «Пропала без вести».

Наконец привезли нас на станцию, загнали в ригу, закрыли ворота и подготовили всё для того, чтобы сжечь ригу вместе с нами, но не успели. Отбили нас наши солдаты.

В год празднования 55-летия Победы в Великой Отечественной войне по приглашению Германского правительства я и мои соратники, узники концлагерей, ездили в Германию. Люди, которые нас сопровождали, очень любезно с нами обращались, они все осуждали фашизм во всех его проявлениях и сожалели о том, что такое злодеяние было совершено их соотечественниками. Побывали мы в концлагере, где когда то провели немало дней и ночей. Этот лагерь был оставлен, как музей в назидание потомкам. Всё сразу вспомнилось до мелочей. Мне кажется, что я отчётливо слышала лай собак, выкрики фашистов. Много лет прошло с той поры, а запах в бараках так и остался, и пепел человеческих тел не перемешался с землёй. Видимо его было слишком много. Привезла я земли с пеплом оттуда, а потом рассыпала её на могилах наших солдат.

И вы знаете, у меня никогда не было собак, хотя я всегда жила в деревенском доме, я их до сих пор боюсь».

Использован материал музея «Наследие» школы № 125, г. Барнаул.

Печи крематория. Художник К.Л. Глушко

Семёнов Константин Дмитриевич

Надежда и Константин Семёновы

«В двадцать два невеста, в двадцать три - вдова» - вспоминает Надежда Ивановна старинную песню и говорит, что она про неё. Нелёгкую жизнь прожила Надежда Ивановна. Когда ей было три месяца, её мама умерла. Отец женился второй раз. Четыре класса окончила, мачеха дальше учиться запретила. Вырастила девочку её тётя, забрав в Барнаул, где она окончила пятый класс. А потом, кем только не работала: секретарём и почтальоном; в ФЗУ получила специальность слесаря-паровозника; работала на Меланжевом комбинате, была ученицей известной ткачихи Шуры Козловой, первой стахановки-многостаночницы в Барнауле.

С Костей поженились в 1940 году, так хотелось свить уютное домашнее гнёздышко, но недолго длилось тихое семейное счастье. В августе Костю призвали на действительную службу. Тогда разлука не пугала. Служить Константина отправили в Белоруссию. Почти каждый день Костя писал своей любимой письма.

18.08.40 г.

«Здравствуй, многоуважаемая любовь Надя. Шлю тебе большой, пламенный красноармейский привет. <...> Находимся в городе Барабинске, путь наш, очевидно, большой – едем на запад. По слухам - на Западную Украину, будем кушать фрукты, поправляться. <...> Сформировали большой эшелон, с нами едут всевозможные орудия. <...>

Надечка, жди, работай как пчёлка. Обо мне не заботься, я буду жив, здоров и крепок. Приду, и мы снова с тобой заживём. <...> Целую, жму ручонку. Костя».

24.08.40 г.

«<...> Находимся в Ярославле. Город очень большой. Едем дальше. <...> Надик, не беспокойся, я здоров, как конь. <...>»

06.10.40 г.

«<...> Пишу сегодня второе письмо, потому что скучно. Одно утром написал, одно сейчас. <...> Надя, сейчас играет радио, песни украинские, белорусские и другие. Понимаешь, как-то становится на сердце хорошо, вспоминается, как мы с тобой проводили время. А сейчас думаю, чем же моя любимая крошка занимается дома в это время? Может тоже сидит, как и я скучает. Ничего, Надя, время идёт. Жди домой в конце 1941 года. Хотя это вилами написано, но предполагаю, что будет так.

Надя, вы пишите, что я постепенно привыкну к этим условиям, в которых сейчас нахожусь, и буду редко писать письма. Нет, ничего не выйдет. Когда читаешь письма, как будто разговариваю с тобой. <...>

Надя, не помню, сколько писем послал тебе и в каждом письме спрашиваю про Вовку, а от тебя ответа нет. <...>»

Надежда с Костей ещё дружили, а он тогда уже говорил, что когда они поженятся, у них будет сын, и назовут они его Володей. Провожая Костю в армию, Надежда знала, что под сердцем у неё зародилась новая жизнь.

09.12.40 г.

Местечко Камай

«Здравствуй, дорогая, любимая подружка, Надя. Я нахожусь в командировке. <...> Живу хорошо, интересного тоже кое-что есть, так как в Польше первый раз нахожусь, хотя она и наша. Есть много нового для меня, как, например, церковь, которую я никогда не видел, а сейчас увидел по-настоящему, что она из себя представляет. Свадьбы у них проходят с колокольчиками, всё так, как у нас 20 лет тому назад. <...>

Я, Надик, по своей линии работаю, работа канцелярская. <...> Как там Вовочка? <...> Дорогой милоч, верю, что тебе скучно. Ну, ничего, Надик, в скором будущем будет наша встреча, так что не унывай. <...>».

07.01.41 г.

«Здравствуй, дорогая, любимая половина, Надик. <...> Был в командировке в бывшей Польше 38 дней. Жил там, как на курорте. <...> Сейчас нахожусь на курсах инструкторов по химделу. <...>

Долго писем не получал. Как-то сердце ноет, как ты поживаешь? Прошу тебя, живи, поправляйся, не скучай, жди и расти будущего маленького крошку. <...>».

16.02.41 г.

«<...> Письмо твоё получил, в котором узнал, чем занимается моя крошка, хотя и так знал, что вы кружева вяжете. <...> Хотелось бы посмотреть, какая ты сейчас, хотя и пишешь, что неудобно в фотографию зайти. Но это, как память и исторический документ. Время движется, к маю месяцу будет кто-то, или сын или <...>

Мы учимся, так и идёт время моей службы. Сегодня ровно полгода, что будет дальше - опишу. Вот как припандорят пожизненно и присвоят звание лейтенанта, вот тогда – да. <...>».

06.04.41 г.

«Здравствуй, многоуважаемая половина! <...> Сегодня пойдём в кино. А в голове только вспоминается прошлое и мечты о будущем. Вспоминаю, как, бывало, проводили дни. <...> Как не вспомнить, как гуляли, как Стёпа Яговкин упал с крыльца. Интересно было. Все праздники, которые прошли вместе с тобой. Всё это хорошие жизнерадостные минуты. <...> Вообще, жить на свете это трогательная штучка, как говорил Костя из кинофильма «Заключённые». <...> Пиши, сколько время, ни месяцев, а дней, осталось до Вовки. Точно!<...>».

13.04.41 г.

«<...> Получил от тебя письмо. Вы пишете, что готовитесь к бою, это хорошо, что всегда на чеку. Я тоже готов всегда. Надя, говоришь, ждёшь милого сына, поверь мне, что и я жду с нетерпением. <...> Ведь это будущий наш, не знаю, как его назвать, мальчуган, помощник в нашей жизни, наш собственный, чувствуешь?! Так что, милая, давай, не страшись, дней осталось мало. <...>».

01.05.41 г.

«Здравствуй, моя дорогая, любимая Надя! Поздравляю с праздником первого мая, желаю хороших успехов. <...> Что-то на сердце стало, сам не пойму. Всё прошлое вспоминается. <...> Наверное, тебе Вовка жизни не даёт, но это хорошо, что он будет рождён в такие прекрасные предпраздничные и праздничные дни. <...>».

«Сын родился как раз в праздники – 1 мая 1941 года. – вспоминает Надежда Ивановна. – Вся организация наша, где я работала, с флагами, транспарантами к роддому пришла. Кричат, поздравляют, записки бросают. Вот шумиха-то была!»

03.05.41 г.

«<...> Хочу написать, как первого провели праздник. Утром ходили на демонстрацию, где показали всю мощь Красной Армии. <...> Весь народ нашей страны тоже на демонстрациях, а враги, окружающие нас, стараются

помешать свободным гражданам нашей страны и стараются проникнуть к нам. Но это не выйдет! Мы в этот день, ещё более зорче, охраняем наши священные границы, объекты, что бы наши люди отдыхали свободно и радостно. <...>».

11.05.41 г.

«Здравствуй, дорогая Надя и сын! Сегодня получил письмо от Лены, которая мне сообщила новость, что рождён сын, как мы, Надя с тобой мечтали! <...> Я тебя поздравляю с сыном и сам себя. Милая Надя, я знаю тебя, как свою боевую винтовку, знаю твой характер – расти сына, заботься о нём, старайся всеми силами. Эх, Надик, как вырваться сейчас, посмотреть бы. Мы теперь с тобою родители!

Остаются считанные часы, и мы едем в лагерь. Милая Надя, пиши. <...> Жду от тебя письма, как никогда. <...>».

Письма Константина

17.06.41 г.

«<...> В отношении моей житухи, живу по-старому, находимся в лагерях. Вот сейчас пишу в палатке, а комары жизни не дают <...>. Целую вас, крепко, крепко».

20.06.41 г.

«<...> Живём по-прежнему в лагерях. <...> Надя, фото от тебя получил, сфотографировались хорошо. Теперь я живу с Вовочкой. <...>».

23.06.41 г.

«Здравствуйте, дорогие мои, любимые, незабываемые крошки Надя, Вова. Родные папа, мама, Муся и все, все. Вы знаете положение нашей страны, мы находимся на военном положении. Пишу коротко. Не ругайте меня, буду жив или нет, буду защищать Родину до последнего дыхания. Из школы выпустили командирами. Адреса определённого нет.

Надя, не обижайся, может, будем живы, увидимся. Расти сына, особенно не волнуйся, ну а после моей смерти устраивайся жить, как тебе лучше. А пока, всего хорошего, не ругайте, оставайтесь живые. Вот. Пока, спешу. Всё. Целую крепко миллионы раз. Пока. Пока. Пока. Костя».

Это было последнее письмо Константина. 24 июня его не стало. Надежда Ивановна вспоминает: «Когда похоронку принесли в дом, ко мне солдата из военкомата приставили. Ведь это была первая похоронка с фронта, пришедшая в Барнаул. Вдруг плохо будет, да чтоб особо не плакала, а как тут не плакать, ведь я живая».

До сих пор письма бережно хранятся в семье, много писем, пожелтевших от времени листочков, писем от Кости, когда он любил свою милую Надю и был жив.

Использован материал из семейного архива Н.И. Анохиной, г. Барнаул

Серов Павел Иванович

Родился в 1907 году на Волге, Забаровка, Сызранского уезда, Симбирской губернии в семье крестьянина - бедняка. В Забаровке он окончил среднюю школу, был активным комсомольцем, весь свой задор, энергию, молодость Павел Иванович отдавал комсомольской работе. Состоял в ЧОНе (части особого назначения), созданных для защиты установленных порядков после революции на местах.

На Алтай Павел Иванович приехал в 1925 году. Активно участвовал в организации колхозов, раскулачивании. В конце 20-х годов работал учителем в

селе Загайново. Потом переехал жить в село Ново-Перуново, работал там директором школы. Татьяна, жена Павла, окончила в Барнауле гимназию, класс с педагогическим уклоном, потом профильные курсы и работала учителем русского языка и литературы.

В 1941 году в ноябре месяце Павел Иванович ушел на фронт на защиту Родины, оставив жену с тремя сыновьями. Младшему не было ещё и года. При отправке на фронт, при расставании с родными и односельчанами, Павел Иванович высказал свое мнение о будущем: «Пусть мы погибнем в борьбе с фашизмом, но нашим детям обеспечим мир». В городе Ачинске, Красноярского края прошёл военную подготовку. На фронте служил в артиллерийских частях, был сержантом. А Татьяна заменила его в школе, на посту директора.

18.12.41 г.

«Здравствуй милая Таня! Получил от тебя уже три письма. Последнее, 11 декабря и сегодня выбралось время написать ответ. Вот уже скоро месяц как меня нет дома...

Ты пишешь, что тебе много работы. Ничего, милоч, поработай, время сейчас такое, что надо работать за двоих. Коллектив, говоришь, живет дружно, это хорошо. Только поменьше им верь, побольше проверяй и неумелым помогай, помочь ты умеешь. По урокам ходи, но больше посылай завуча, ведь это его основная работа <...>

Один день похож на другой - подъем в 6 часов, отбой в 10. В воскресенье ходили в город (Ачинск), дали отпуск на 3 часа..».

01.01.42 г.

«<...> Таня, война есть война и что может случиться со мной, конечно неизвестно, но теперь я знаю, что поеду на фронт подготовленным. Учиться будем еще январь, а там будет видно куда нас направят, а может оставят здесь еще, но это дело дальнейшего<...>

Таня, как хорошо дома, если бы знала, как охота побывать дома, ну да об этом ладно. Кончится война, тогда побудем дома, а пока этого сделать нельзя<...>».

Январь 1942 г.

«Здравствуй, милая Таня!

Получил от тебя ругательное письмо, в котором ты обижаешься на то, что я пишу очень короткие и небрежные письма <...> В одном из писем ты пишешь, что нас здесь много и нам очень весело. О том, что нас здесь много, это верно, но о веселье говорить пока не приходится <...>.

Опишу тебе один день. Подъем в 6 часов, в 7 завтрак и идем на занятия. Занимаемся больше всего на улице, несмотря на то, что некоторые уроки можно и с большей для нас пользой проводить в казарме, но есть приказ заниматься на улице. Приказ есть приказ и его надо выполнять. Занимаемся до часа, в половине второго обедаем и опять занимаемся до ужина. Ужин в 7 часов. После ужина уборка лошадей и в 10 часов отбой. <...>

Таня, милая, как я соскучился за тобой и ребятами. Эх, побывать бы дома хоть один день, а потом можно отправляться на фронт. Хотя бы еще раз увидеть вас <...>.

Ну если приедешь, то Славку не бери, пусть будет дома, а то с ним трудно и здесь и в дороге <...>»

(Речь идет о возможности приехать к мужу, когда их часть была переведена в Новосибирск)

31.01.42 г.

«Здравствуй, милая Таня!

Сегодня 31 января получил от тебя письмо и вот пишу ответ, время сегодня есть. Я в наряде дневальным по батарее. Люди спят, вот я и пишу... Ну а теперь в отношении того, что ты там ходишь на новоселья и тому подобное. Милок, ходи сколько угодно, но я возражать не буду, ведь надо и тебе как-то отдохнуть, ничего в этом плохого, конечно, по-моему, нет. Никаких разрешений на это от меня не требуется».

17.02.42 г.

«Милая Таня. Вот видишь, как оно получается, думали переехать к 10-му а оказалось, живем здесь и по сей день <...>. 15 февраля я давал торжественное обещание или военную присягу. Так вот теперь я являюсь полноправным бойцом РККА.

Занятия идут неважно и все это с переездом. Часть наших ребят переведены в другие взводы, но это временно, переедем в новую часть, а там видно будет. Оставляют меня радистом или нет, пока неизвестно, но вероятно оставят <...> Живем с ребятами дружно, что конечно хорошо. Работаем сейчас очень много, ведь ты должна понять почему...

Таня, как ты живешь материально, говорят, что вам дают по 300 граммов на работника и 200 граммов хлеба на иждивенца. Сумеешь ли достать к этому что-нибудь. <...> картошку перенеси в подполье, а то из погреба могут утащить, народ есть всякий, оставляют голодом, подумай об этом. <...> Все-таки мы скоро уедем из Ачинска в Новосибирск, как будет там, я не знаю, но это поближе к тебе <...>».

05.03.42 г.

« <...> Вот уже четвертые сутки сижу в «телячьем» вагоне. Письмо написал из Златоуста. Держим направление на западный фронт, по всей видимости под Орел, но это неопределенно, может быть и под Москву. <...>. Сидим в вагоне грязные, как черти. Вот бы посмотрела, так ахнула <...>».

22.03.42 г.

«<...> Приехали в Рязск, пока стоим на сортировке. Сколько простои - неизвестно. Следующее направление будет как будто Тула, но это пока неопределенно. С Рязска можно попасть на Москву, Ленинград и Орел. Куда нас направят, туда и поедем, где драться это все равно <...>».

28.03.42 г.

«<...> Прибыли в свою часть <...> . Ну вот Таня, теперь нам осталось ждать приказа, чтобы выступить против немцев. <...> От фронта находимся недалеко, всего около 100 км, но при современной технике это расстояние ничего не значит. Пока будем продолжать свои занятия, а заниматься надо очень много. Ведь «ачинские» головотяпы дали нам очень мало. Они только и занимались чисткой лошадей, которая в бою, конечно, совершенно не нужна, а вот «рацию и прием» нам дали очень мало, что приходится дополнять знания здесь. <...> . В дороге мы пробыли 25 суток. <...>».

30.03.42 г.

«<...> Вот из части пишу третье письмо, где сообщил свой адрес, но на всякий случай сообщаю его еще раз. Вот он: Действующая армия, почтово-полевая станция 127, 396 артполк, 2 дивизион, 4 батарея. <...>».

05.04.42 г.

«<...> Сегодня 5 апреля у нас выходной, ходили на смотр, а в час пойдем в кино. Идет картина «Щорс». Вчера был «антипасхальный» вечер, много в клубе было гражданского населения. Я тоже принимал участие, выступал с рассказом Зоценко «Пасхальный случай». Вечер прошел неплохо, был хор, постановка.

Вообще время проходит здесь гораздо веселее, чем в Ачинске и Новосибирске. ... Я зачислен старшим радистом, пока что учеба у меня идет неплохо. <...>

Не знаю, почему я очень часто вижу во сне Павлика, гораздо чаще, чем всех вас. <...> Готовься, милок, к посевной, сажай как можно больше картошки, запасайся овощами. <...> Готовь так же дрова для школы. Я тебе советую сделать это через колхозы. Пусть с/совет делает разнарядку на каждый колхоз определенное количество кубометров, а деньги по бюджету за дрова отдашь колхозам. Вообще постарайся сделать, чтобы дрова заготовили, хотя бы «долготьем», и после приступай к вывозке на своих лошадях. <...>»

26.04.42 г.

«Здравствуй, милая Танечка!!!

<...> вчера я получил письмо от наших, писала Катя. В письме две большие неприятности. Это первое, что умер отец и второе что брат Иван убит на Западном фронте <...>

А теперь несколько слов для Славы. Сыночек, Слава! Напиши, как ты учишься этот год, перешел ли в 5 класс, какие у тебя отметки? Чем помогаешь маме дома, чем занимаешься сейчас? Думаю, что это письмо ты получишь уже после окончания учебного года. Слушай, сынок, маму, старайся ей помочь в работе, ведь ты уже большой. Милый Павлик, напиши, как ты живешь, что делает Сережа и как ты с ним играешь. Сережа, наверное, уже большой и научился говорить. Павлик, как хорошо, наверное, у вас на улице! Ходишь ли ты рыбачить или нет? С кем ты играешь и как ты играешь?

Ну, пока до свидания, мои детки <...> Постараюсь отомстить за брата. Крепко целую тебя и ребят. Привет знакомым.

Твой Павел».

10.05.42 г.

«<...> Милая Танечка, в чем дело, чем объяснить твоё молчание. Все ребята, которые приехали из Сибири получают письма, только я не получаю от тебя ни одного. Поверь, как досадно, что люди получают и читают письма, а я нет, но жду. Неужели ты не найдешь несколько минут свободного времени, чтобы черкнуть пару слов<...>

Ну я еще раз решил написать тебе и если только не получу ответа, то должно быть уже больше не стоит писать. Попробую тогда написать знакомым, может они что-нибудь и ответят. Таня, еще раз прошу передать Славе мой адрес, пусть он напишет мне. <...>

Помни Таня, что я нахожусь в таком месте, где ежедневно могу лишиться жизни. Как жаль, что это случится до того, что я не смогу от вас получить ни одной писульки. <...>».

20.06.42 г.

«<...> Получил от тебя 3 письма. <...> Спасибо, как хорошо получать

письма. Представь, даже другие завидуют, когда кто-нибудь получает. Ответить сразу было нельзя. С 16 на 17 у нас был бой, бой был порядочный, так, что нельзя было слышать рядом лежащего товарища от взрыва бомб и снарядов. Здорово бомбили наши самолеты, ну, неплохо постреляла и наша батарея. Вообще жарковато досталось немчуре, но после боя остались как те, так и другие на своих позициях. У нас есть раненые, но убитых мало, потери небольшие. <...>

Работайте там в колхозах, и снабжайте нас хлебом, а мы здесь постоим за нашу Родину. Придет время, когда Гитлеру будет капут. <...>»

Июнь 1942 г.

«<...> Получил твое письмо, как вы праздновали встречу Усачева. (Односельчанин, председатель с/совета, раненый вернулся на долечивание, позже снова ушел на фронт). Жаль, что не было меня, ну да ладно, попразднуем мою встречу, когда закончим с проклятыми фашистами. <...> Сегодня мы снова выезжаем на передовую, есть боевая задача, которую мы должны выполнить с честью. <...>

Таня, я тебе писал письмо 5 мая. Вспомни, что это за день, не дочитывая это письмо, и сообщи правду, помнишь ты этот день или нет <...>

Ну, а теперь о дне. Этот день нашей совместной жизни. Вспомни 30-ый год, Казанцево, Покровский. Вот уже прошло 12 лет, из которых 42-ой стал для нас таким, что пришлось жить врозь. И все это Гитлер, будь он проклят, ну да будет и ему конец. 42-й год принесет ему гибель. <...>»

16.07.42 г.

«<...> Сегодня очень беспокойный день, ждем немецкие танки. Немчуря зашевелилась. Я в данный момент являюсь командиром противотанковых ружей. <...> Танки мы не пропустим. Ружья у нас неплохие, на 200 метров пробивают любую броню, так что бронированные танки немца могут попасть в очень неприятное положение, Только бы не трусили ребята <...> Но настроение бойцов пока бодрое, хотя им придется встретиться с танками впервые. <...> Писем я от тебя получил много, штук наверное 20, хотя не храню их – негде. <...> »

20.07.42 г.

«<...> Хорошо сделала, что поехала на сессию, видишь как продвинулась вперед. Значит в 1943 году закончишь институт, ведь осталось не так много дисциплин. <...>».

10.08.42 г.

«<...> Вот уже 10 дней прошло с тех пор, как я получил от тебя последнее письмо. <...> Сегодня исполнилось 2 месяца, как мы приехали на этот участок фронта. На днях будет ровно 9 месяцев, как я выехал из дома. Эх, и охота побыть дома вместе с вами, хотя бы недолго. <...>»

15.08.42 г.

«<...> 13 августа у меня большой праздник, сразу получил 14 писем. <...> Конечно, бывают здесь «золотые деньки», что забываешь про все, не вспоминаешь и о вас, но никогда не забываешь о Родине. Ведь защищая Родину, я защищаю вас. Ты не можешь себе представить, что творят эти гады немцы с нашими мирными гражданами. Я знаю, что ты читаешь в газетах, но прочитать это не то, что посмотреть. <...>

Не волнуйся, милочка, за меня, вот закончим разгром немцев, и явлюсь я домой, будем снова мирно трудиться и жить вместе и растить детей. Помни, что на войне убивают не всех и в числе этих «не всех» может попасть и я. <...>»

12.09.42 г.

«<...> Приехали на новое место, пока расположились на отдых на порядочном расстоянии от передовой. Сколько простои́м здесь, пока неизвестно. Здесь не слышно разрывов мин и снарядов, а так же свиста пуль. <...> Фото смотрела вся батарея. Всем понравились наши сыновья, в особенности комиссару батареи. Все чего-то Сережку признали отчаянным. Да, все-таки хорошо они вышли на фото, жаль, что нет с ними тебя. <...>»

24.09.42 г.

«<...> Сегодня мы выезжаем с отдыха на передовую. В каком направлении будем участвовать в боях, пока нам неизвестно, но факт остается фактом сегодня в 5 часов вечера мы выезжаем. <...>».

03.10.42 г.

«<...> 1 октября приехали на новое место, устроились пока ничего. Оказывается, приехали не на передовую. Пока продолжаем занятия. Я опять занимаюсь по радио, являюсь командиром отделения радио. <...> »

25.10.42 г.

«<...> Разреши тебе поздравить с праздником 7 ноября и в то же время с днем твоего рождения. <...> Выехали опять на передовую. Сегодня стоим от фронта в 25 километрах. Но завтра или послезавтра будем бить немцев. С прежнего места переехали километров на 100. Движемся к берегам родной реки. <...>».

06.11.42 г.

«Дорогая Танечка! Сегодня получил от тебя 4 письма - 2 с бумагой, а одно с твоей фотографией. Но где же общая фотография, ее нет? Почему ты о себе пишешь, что вышла страшной. Ничего подобного, ты вышла, так как есть, и когда товарищи посмотрели, то оценили тебя неплохо, да оно ведь так и есть. Ну откуда ты взяла, что страшная? Нет, милочка, уж если другие говорят не то, то для меня, конечно, ты являешься одинаковой, что и до ухода в армию. Ну а

сейчас для меня ты еще дороже.

Ведь скоро год как я из дома, но не проходит дня, чтобы я не вспомнил о тебе. Ну вот, кончится война, приеду домой, тогда заживем. Эх, да как заживем!!! <...>

Мы в отделении живем дружно. Есть сибиряки: омич, тоболяк, новосибирец и алтайских 2, кроме того, есть и другие, но все ребята неплохие, драться умеют и в обиду друг друга не дадут. Это для нас основное - сам умри, а товарища выручи - вот наш лозунг. Пока не раздавим немецкую гадину, это будет для нас законом.

Таня, ты не знаешь, как мы научились ненавидеть этих гадов. ... Я видел убитых женщин и детей в возрасте от года до 7. И вот за это я буду им мстить так, чтобы память была этим зверям. <...>».

15.11.42 г.

«Здравствуй, милая Танечка! 13 октября получил от тебя письмо, в котором ты сообщаем, что выслала мне посылку. Ну, теперь буду ждать, наверное скоро придет. Вот только жаль, что ты не положила туда рукавицы и носки. Теперь уж холодно и они бы мнегодились и еще у меня нет карандаша, хотелось бы иметь химический и если вздумаешь организовать пересылку, тот положи туда штучки 3 химических карандаша.

Ну, сообщи о себе. Вот уже ровно год я нахожусь в армии. 6 ноября опять выехали на передовую, где нахожусь и сейчас пока жив и здоров. Маракулин из Тальменки, со мной, но стоит километрах в 3-х от нас, пока тоже жив, а так же здоров. Я себя чувствую хорошо, несмотря на холод, который, конечно, лучше чем немчура. Вторая зима поможет громить этих гадов и принесет полный крах. Зима является помощником в деле разгрома. Думаю, что набросаем ему шишек.

Ну, до свидания. Крепко целую. Павел».

Это было последнее письмо от Павла. Он погиб 24 ноября 1942 года, защищая свою родную Волгу, недалеко от Сталинграда. Возле станции Калач подорвался на mine, преследуя отступающего врага. А Татьяна не хотела верить в гибель своего мужа, надеялась, вернётся, надеялась, что жив.

14.06.43 г.

«Здравствуйте, уважаемая Татьяна.

Примите мой искренний привет и наилучшие пожелания в вашей жизни и работе на благо нашей Родины. На днях получил ваше письмо, а так же мне вручили то письмо, которое вы писали командиру нашего полка. Отвечаю. Командир батареи, где был Павел, мне сказал, что как фотографии, так и деньги, которых насчитывалось до 200 с лишним (точно не помню) вам выслал еще в конце ноября 42 года. Дальше вы спрашиваете, что вполне ли я был уверен в том, что Павел был мертв, а не без сознания. В этом я вполне уверен, среди нас был санинструктор, которая его осматривала.

Как жалко, что нет среди нас Павла. Сейчас столько новых переживаний и ощущений в нашей жизни. Ну что поделаешь. В скором будущем предстоят жаркие бои. Все мы с нетерпением ждем их. Все уверены, враг будет сломлен, но и нас некоторых может постигнуть та же участь. Война есть война и она без потерь не бывает. <...> Ну вот и пока все. До свидания. Живите спокойней. Мужайтесь. С дружеским приветом к Вам Маракулин».

Использован материал из семейного архива В.П. Серова, г. Барнаул

В.Ф. Хрипков

Комета

*Наш эшелон идет на юг,
Скрипит вагон на поворотах,
А ночь светла, и тучи звезд
над головой,
Не спят бойцы моей родной
минроты,
Дымят во всю моршанскою
махрой.
Раскрыта настежь дверь
«теплушки».
Тревожит залах зрелых трав,
Наш разговор нетороплив,
Он тьмой приглушен.
О чем там речь?
Кто прав из нас, а кто не прав?
Мгновенно вспыхнув,
дерзкая комета
Вдруг разделила темный неба свод,
За край земли упала где_то,
Прервав небесный свой полет.
В.Ф. Хрипков
Наш фельдшер, «доктор»
фронтовой,
Испуганно к плечу прижалась
вдруг:*

*«Еще одна душа ушла с упавшей
той звездой.
Поверье, есть такое, милый друг!»
Служака_старшина качнул
седою головой:
«Братва, подумалось сейчас и мне:
Все мы сейчас, как та комета, –
завтра в бой.
Что там, ведь все мы, братцы,
на войне».
Гудит гудок, скрипит вагон
на поворотах,
Наш эшелон опять в пути.
Не спят бойцы моей родной
минроты,
Глядят во тьму – так что же
впереди?*

Июнь, 1944 г.,
3-й Белорусский фронт,
215-я стр. дивизия,
дорога на Богушовск

Сковородин Михаил Павлович

Вспоминает Азарина Валентина Михайловна. «Мой отец, Сковородин Михаил Павлович, родился 22 мая 1911 года в селе Стуково Павловского района Алтайского края. Работал трактористом в колхозе «Путь Сталина». Жена его, моя мама, Варвара Ивановна родилась 17 декабря 1910 г. В семье было трое детей: Рая, Валя и Тамара. Жили не богато, дружно и весело. Отец мне запомнился, как человек неунывающий, всегда улыбался. Приедет на тракторе на обед домой и обязательно прокатит по деревне нас с сестрой. Не знали мы, что где-то уже созрели планы нападения на нашу страну.

В мае 1941г. Павловским райвоенкоматом были призваны многие односельчане и в том числе наш отец, на военные сборы. В июне они должны были вернуться домой. Но началась ВОВ, и их не отпустили домой, а срочно отправили на фронт. Пока они были в Сухом Логу под Барнаулом, а это 35 км от нашего села, и пока его не отправили на фронт, мы ходили пешком к нему на свидание, как будто предчувствовали, что больше его не увидим.

Однажды он попросил привезти младшую дочь Тамару. Ей было тогда 1год и 7 мес. И мы с мамой несли её на руках по очереди тридцать пять километров, чтоб это свидание состоялось.

Попом стали ждать писем. Писал он часто, и все письма мы хранили. Ответ всегда писали, но адрес менялся, и зачастую писем от нас он не получал. А мы ждали от него весточки. Письма приносила почтальон – женщина, она в то время была самой значимой фигурой в селе. Приносила людям радость и горе, о которых сразу знало все село».

21.09.41 г.

«Добрый день, много уважаемая жена Варя. Шлю я вам свой низкий поклон и любимый привет. И ещё шлю привет своим дорогим дочкам Раечке, Валечке и маленькой Томочке. Сообщаю вам, что я пока жив, скучать я не скучаю. Кормят нас очень хорошо, только одно моё вам пожелание, хорошо работайте в колхозе, хорошо учитесь. <...> До свидания, остаюсь жив, здоров. С приветом к вам Миша».

01.10.41 г.

«Письмо дорогой своей супруге Варе. Многоуважаемая, я шлю тебе низкий любимый привет. Ещё шлю поклон вам, мои детки и низкий поклон мамаше. <...> Письмо пишу в три часа ночи. Дорогая семья, прошу, обо мне не беспокойтесь. Мы видим здесь, как вражеские бандиты грабят и мирное население расстреливают. Пишите о своей жизни, мы должны отомстить за вас. Враг перед рабоче-крестьянской армией стал слабнуть, и каждый день теряет тысячами убитых солдат. <...>»

Зимой семья получила извещение, что красноармеец Сковородин Михаил Павлович, находясь на фронте, пропал без вести в декабре 1941 года. Но в семье не теряли надежду и ждали, что отец обязательно найдется. Ждали до тех пор, пока не кончилась война. И тогда ещё надеялись, что может быть он где-то в плену. Вот освободят всех пленных, и, может быть, отец вернётся домой.

Но, увы! Начались тяжелые послевоенные годы. Надо было жить, учиться и работать. Как они - дети, у которых погибли отцы, - завидовали тем, у которых вернулись отцы с фронта. Тяжело жилось семье. Старшие сёстры Рая и Валя вместе с мамой, ещё долго заготавливали и возили дрова и сено на своей корове. Работали во время войны в колхозе, Валентина пасла свиней и коров. И никто не имел права сказать: «Не пойду».

Много времени прошло с тех пор, но до сих пор семья пытается найти место гибели своего отца, Сковородина Михаила Павловича. Но, к сожалению, ответы из архивов приходят только отрицательные.

Использован материал из семейного архива В.М. Азариной, г. Барнаул

Солоп Василий Тихонович

Галина Васильевна Солоп, в девичестве Криулина, родилась 6 июня 1923 года в селе Песчаное, Алтайского края, Парфёновского района. (В 1930 году переименован в Алейский зерносовхоз). У родителей она была одна. Окончив 7 классов, решила продолжить своё образование, и уехала в Барнаул, поступила в медицинское училище. Это был 1939 год. А потом грянула война.

В Барнаул стали прибывать эвакуированные с центра России заводы, госпитали и военные училища. Курсантом Лепельского миномётного училища прибыл в Барнаул Солоп Василий Тихонович. И однажды на танцах познакомился он с Галочкой. Стали дружить, гуляли по улицам

города. Декабрь 1941 года в Барнауле просто свирепствовал. В один из таких морозных дней в барнаульский загс пришла молодая парочка – Василий и Галина. Было им тогда Василию – 23 года, а Галине 18. Оба понимали, что впереди долгая разлука, Василия не сегодня-завтра должны были отправить на фронт. Но... он так настаивал, а она – она попросту влюбилась, и война, разлука, и уж тем более смерть казались чем-то очень далёким, не о них, не с ними... Ведь они были так молоды!

Судьба подарила им шесть счастливых месяцев. В июле 1942 года Василий Солоп ушёл на фронт, а в октябре того же 42 года Галина родила дочку Аллочку. Курс обучения в медицинском училище был сокращён, и в феврале 1943 года Галина, по приказу военкомата, отправилась вместе с дочкой по месту работы в Алейский зерносовхоз.

Шесть дней в неделю весь персонал больницы работал на своих рабочих местах, а на седьмой приходилось ехать в лес, заготавливать дрова для больницы. Женщины, работницы больницы, сами пилили брёвна и вывозили из леса дрова на быках.

Галина Васильевна вспоминает: «Бывало, бык ляжет на дороге и никакими силами и уговорами поднять его нельзя. И плачешь и плёточкой его бьёшь, а он лежит. Доберёшься до дома – уже темно, а ещё чурки исколоть ещё надо. А на утро на работу. Дочка днём была в детском саду, а я работала. Работающим на каждый день в то время давали 400 г хлеба, иждивенцам – 200 г. Кое-что выдавали с больничного подсобного хозяйства. Аллочка никак не хотела есть яблоки, говорила: «бьяка», а хлебушек ела с удовольствием. А летом в еду использовали всю траву, которая была съедобна».

Год с небольшим длилась переписка – с июня 1942 по август 1943 года. А писем много, на случайных, видимо листочках, - розовых, синих, зелёных треугольников. Галина Васильевна бережно хранит всё, что осталось от мужа, - письма, похоронку, несколько фотографий. На одной – красавец капитан, на другой – шестнадцатилетняя Галочка, кудрявая, хорошенькая. Этот снимок «воевал» вместе с Василием, сохранился и был возвращён Галине Васильевне другом капитана. Представьте себе, в жуткой мясорубке конца 1942 года Василий нашёл способ быть вместе с женой. Просто взял и нарисовал их семейный портрет – карандашом на маленьком

кусочке картона. Так они и остались навеки вместе.

13.08.42 г.

«<...> Дорогая Галя, тебе хочется знать, какое положение на фронте. А такое. Мы побеждали, побеждаем и будем побеждать. Враг истощён, но перед смертью бросается на нас. Но мы громим его и разбиваем. <...> Видим много пленных немецких солдат, они говорят, «воевать они не хотят». А наши рвутся в бой, в резерве не хотят быть, рвутся на передовую. <...> Будь здорова, Галя, дорогая, целую тебя миллион раз»

31.08.42 г.

«<...> Мы, воины Красной армии бьём и будем бить немецких оккупантов до полного уничтожения их, как бешеных собак. Мы победим, враг будет разбит. Привет твоим родным. Целую. Твой муж Вася».

Сентябрь 1942 г.

«С приветом, Галя. Ставлю в известность, дорогая, что я в хорошем состоянии здоровья нахожусь. Желаю тебе, дорогая, богатой, весёлой жизни и хороших успехов в твоей работе.

Галя! Дорогая! Очень тебя благодарю за твои письма, в один день 2 письма. Этот день для меня был днём радости, которого я долго ожидал. Галя! Милая моя, помни всегда, что я озабочен тобой, как муж твой. Этого у меня никто не отнимет, ни перед чем я не останавлиюсь. Я на каждом шагу, в любую минуту помню и вспоминаю о том, что у меня есть жена. <...> Работаю я командиром батареи. <...> Работа лёгкая, работа спорится, работать нужно

много. <...> Галя, у меня столько свободного времени, что письмо тебе садился три раза писать, а на четвёртый закончил. <...> Живём в лесу, не думай, что холодно, нам жарко. <...>»

05.11.42 г.

«Здравствуй дорогая, навсегда незабываемая жена Галя! <...> Получил от тебя 3 письма, <...>. Я твой муж и прилагаю все меры, чтобы помочь тебе, дорогая, во всём. Дорогая Галя, ты от меня далеко, далеко, но я душой живу ежеминутно с тобой, дорогая. И придёт то время, когда я с победой над врагом вернусь к тебе, дорогая, к своему ребёнку, к своей с тобой радости-малютке и будем вместе работать, воспитывать лапочку, будем смеяться, веселиться, шуметь, шутить. <...>»

06.11.42 г.

«<...> Поздравляю тебя с 25-й годовщиной Октябрьской революции. <...> А праздник у меня проходил по-боевому, как и у всех моих друзей. <...>»

07.11.42 г.

«<...> покуда бьётся моё сердце в груди, я остаюсь твоим мужем, а ребёнку отцом. Чем только возможно, буду помогать. И настанет, милая, время, что я с победой над врагом буду к тебе возвращаться и запою:

«Вечер близенько, солнце низенько.

Спешу до тебе, моё серденько...» <...>

Береги, милая, здоровье, трудись, не останавливаясь перед трудностями, преодолевай их. Это будет твой удар по врагу. Пока, милая. <...>».

14.11.42 г.

«С приветом, милая жена Галя и любимая дочь Аллочка. <...> Галя, дорогая, крепко благодарю тебя за письмо, которое ты написала из роддома. Милая жена, я очень рад, узнал о твоём благополучии. <...> Дорогая, не забываю, не забуду, и буду помнить, что у меня есть семья, есть жена и дочь, есть родные. <...> Береги здоровье, береги дочь. Скоро придёт время, мы будем вместе. <...> Привет папе, маме, Нюсе, Кате, Толе. А жену Галю и дочь Аллочку крепко целую.»

Декабрь 1942 г.

«С Новым годом! Дорогая жена Галя и дочка Аллочка. Поздравляю вас. Вы встречайте Новый год богатой производительностью труда. Мы тоже готовим кадры, и сами готовимся для полного разгрома «немецкой саранчи». Я получил, как и вся Красная Армия от вас, от друзей подарки. Мы получили из Чкаловской области. Не забывайте про подарки и для «немецкой саранчи», изготавливайте ещё больше свинцовых подарков, которые полетят на их головы. <...> Кто с мечом к нам пришёл, тот от меча и погибнет. На том стояла, и будет стоять Русская Земля. <...>»

06.06.43 г.

«<...> Милая жена! Получаю от тебя письма редко, но и за них благодарю. <...> Дорогая, я уже капитан. Часто, часто вспоминаю тебя и свою дочку, а она, наверное, уже большая. <...> Пишите письма. Целую, вечно ваш Вася».

10.06.43 г.

«<...> Милые мои! Пишу вам уже третье письмо, а ответа ни одного, но думаю, что не по вашей вине. Прошло уже много времени, и пусть столько же пройдёт, но в душе и сердце я был и буду с вами, со своей любимой женой и любимой дочкой. Запомните одно, я жив, и покуда я с вами, нас может разлучить только одна смерть. Мы скоро встретимся, мы ещё расцелуемся, скоро, скоро сбудутся наши тёплые встречи, и будем вместе жить и работать. <...>»

Жить Василию оставалось меньше месяца. В августе 1943 года командир батареи капитан Солоп погиб в бою в Смоленской области, в полутора километрах южнее деревни Зяблово. Двадцатилетняя Галина не поверила похоронке, и не верила долгие годы. Орден Великой Отечественной войны II степени, которым был награждён капитан Василий Солоп, Галина Васильевна получила спустя 15 лет после окончания войны. Вспоминает: «Очень тяжелое тогда было время. Но жить было легче, чем сейчас. Люди были другими. Доброжелательнее, сочувствовали чужому горю, всегда приходили на помощь в тяжёлую минуту».

Использован материал из семейного архива Г.В. Солоп, г. Барнаул

Терещенко Геннадий Герасимович

Геннадий Герасимович родился в знаменательный день для России, 7 ноября 1917 года в семье учителя, Терещенко Герасима Дмитриевич. Проживала тогда семья в Волчихинском районе, в селе Малышев Лог. После окончания десятого класса в 1937 году поступил учиться в Томский педагогический институт, после окончания, в 1941 году, был направлен на работу в Новосибирскую область.

Но не пришлось поработать в школе, началась война. Геннадий сразу получил направление в Муромское военное училище, после окончания которого, был назначен командиром радио взвода на Карельский фронт. Потом пришлось воевать на Северо-Западном фронте.

Домой писал часто.

03.04.42 г.

«Здравствуйте, папа и мама! Сегодня 3 апреля, а я всё ещё продолжаю своё сидение в госпитале. <...> Оздоровил почти совсем. Читаю книги и газеты, какие доставляют, ем, сплю – вот и вся работа. <...> С приветом. Ваш Геннадий».

05.10.42 г.

«<...> Давайте договоримся, письма с новым адресом моим буду номерами отмечать. Это будет письмо № 2. <...> Ровно через месяц мне стукнет 25 лет. По своей старой традиции свой день рождения я провожу седьмого числа. Если будете иметь возможность, то за моё здоровье соберите семейный вечер и выпейте. <...> Домой хочется страшно, хочется забыть на некоторое время войну и все прелести, которые с ней связаны. У нас сейчас установилась затишье, но оно, конечно, временное. Что дальше, неизвестно. Но много лучше, когда идут бои. Тогда и дни летят, как минутка и небо кажется овчинкой. <...>»

Сейчас погода установилась хорошая, но холодная, правда, нам это пока не страшно. Замаскируешь окна и двери в землянке, затопишь железную печку и сидишь, долгие вечера у огня, да пишешь письма. <...>

Будьте здоровы. Гена».

15.10.42 г.

«<...> Жив и здоровствует ваш сын Геннадий Герасимович. Мама хотя и плачет часто, что сегодня письмо получила, а следующего видно не дожидаться, но это всё напрасно, я ещё долго буду писать. Не исключена возможность, что где-нибудь могут и прихлопнуть, но ведь не всех убивают, многие ещё живы, и им ничего не делается.

Сейчас отдыхаем и пока не воюем. <...> Отдыхать хорошо, но это отдых от войны, а не от труда, так как сейчас работы больше, чем на передовых позициях. ... Вы не думайте, что на передовой мы жили, как медведи в берлоге. Нет. Три раза ходили в баню, умываемся каждый день и даже бриться нужно через 3-4 дня. <...>»

17.11.42 г.

«<...> Давно нет писем от Вас. Знаю, что ничего нового и потрясающего в Вашей жизни произойти не может, но беспокойство берёт за вас. Письма от Вас – единственный источник света в прошлую жизнь. А если их не получаешь, то кажется, что всё скрылось в какую-то пучину и ничего не видишь и не знаешь, кроме своего подразделения. <...> Живу, как и прежде, хорошо. Недавно получил новое обмундирование, начиная от тёплых портянок и кончая шинелью и шапкой. Приходится задумываться над тем, сколько нужно усилий и лишений переносить народу нашей страны, чтобы обеспечить армию всем необходимым. Вот сосчитайте вещи, которые получены лично мной: бельё холодное, бельё фланелевое тёплое, шерстяной свитер, шерстяная гимнастёрка, стёпанные ватные брюки, меховой жилет (сверх гимнастёрки под шинель, шинель, шапка, рукавицы, сапоги, которые вскоре заменят валенками, 3 пары тёплых портянок, вещевой мешок и другое. И всё это с иголки. Ходишь, как туз! <...>».

28.12.42 г.

«<...> Вчера получил письмо от папы. Благодарю за него. Посылку вашу получил в целости и сохранности, только хотел сделать замечание маме, что высланный ею платочек больше подошёл бы тогда, когда бы я собирался на бал. Слишком он элегантен и нежен. <...>

Живём по старому и скучно, как прежде. Скучно от отсутствия духовной жизни. У нас раньше частенько бывали кинокартины, а теперь другие времена. Единственное развлечение – письма и газеты. Писем сейчас получаю мало, потому что и сам пишу мало. <...> Будем живы, то в сорок третьем «гансов» побьём. Будьте здоровы, ваш Геннадий».

23.01.43 г.

«<...> Представляете ли себе, что значит, воевать зимой?! Трудно, очень трудно. Кажется, что один никогда бы не перенёс всех испытаний, выпавших на долю. Но когда видишь, что кругом тебя сотни людей таких же, как ты, то бодрись себя.

Хотелось бы побывать дома и лично поговорить о многом, многом. Но пока, не судьба. Завидую тому, что у вас течёт старая, мирная жизнь. С каким бы удовольствием отдался бы я сельскому труду, даже в школу бы не пошёл. Сейчас, если бы удалось вернуться домой, то пришлось бы устраивать двухмесячные каникулы, чтобы отдохнуть физически, и главное, нравственно. Работы и борьбы впереди ещё очень много. Я креплюсь духом и не ною, и ныть не буду до последнего дыхания. <...> Вы простите меня за короткие и сухие письма. <...> Другой раз хочется написать Вам тёплое, большое письмо, сказать в нём, что благодарен Вам за все заботы обо мне, что я скучаю о Вас и беспокоюсь за Вас. Но всё неожиданно заканчивается, каким либо «приятным сюрпризом», и всё приходится комкать и сообщать только о том, что я пока жив и здоров. Да это для Вас, пожалуй, дорожке всего.

К маме у меня есть одна просьба. Пусть мама соберёт и пришлёт мне посылку с постряпушками. Это не потому, что я голоден. Нет. Питаюсь я хорошо. Просто хочется покушать чего-то домашнего, сделанного мамой. В последнее время все товарищи получают посылки из дома, а я думаю, что же, разве я хуже их?

Вашу первую посылку получил давно. Так как двое носков и рукавиц сразу не наденешь, то я подарил половину своему фронтовому другу. В последних боях он погиб. Жаль парня до слёз, но что сделаешь, война – война. Написал его родным, пробовал утешить их, но какими словами можно скрасить их утрату? <...> Что-то расписался я сегодня. Целую Гена».

13.02.43 г.

«Здравствуйте, папа и мама! Жив и здоровствует Курилка. <...> Живу я пока тихо и спокойно, так как стоим в обороне, но это явление временное. Мы досиделись до того, что выдумали печь блины. Муку и сливочное масло получили и напекли. Получились они, правда, не такие вкусные, как у мамы. Но, учитывая то, что на килограмм муки мы израсходовали около килограмма масла и комбизира, то есть было можно. Я даже сам стряпухой был. <...>

Много радуюсь успехами нашей армии и не успеху врага. Отольются им Мышкины слёзки. Морально живу только тем, что творится на юге, а большие здесь нечем, так как публичной библиотеки и кинотеатров для нас ещё не организовали. <...> Целую. Гена»

09.03.43 г.

«<...> Сообщаю, что пока жив, но не совсем здоров, так как 7 марта я был ранен. Проклятый день в моей жизни – 7 марта. В прошлом году 7 марта я заболел сыпняком и попал в госпиталь, а сейчас ранение. Ранение порядочное, но не особенно тяжёлое. Осколок снаряда пробил левую руку около плеча, но не залез внутрь, а только поцарапал кожу и мясо. <...> Еду в тыл. Самочувствие хорошее. Пока, целую».

23.05.43 г.

«<...> 14 мая выписался из госпиталя. <...> Самочувствие великолепное, только сильно скучно. Скоро обо мне будут спрашивать некоторые особы из военных девушек с фронта. Постарайтесь умалчивать обо мне и не придавать серьёзного значения всей письменной болтовне. <...> Г.Г.Терещенко»

14.11.43 г.

«Здравствуйте папа и мама. Я пока живу и здравствую. Простите за долгое молчание, объясняется оно загруженностью в работе. <...> Но это, конечно, не извинительная причина, родным всегда я должен систематически сообщать о себе. <...> Обещаюсь писать. Ведь гражданская совесть и совесть сына должны действовать на мою психологию. Не делайте выводов из моего молчания, что я забыл о Вас. Нет. Стремление побывать дома, увидеть Вас, тоска о Вас возрастает с каждым днём. Поневоле ставишь себе такой вопрос: «А придёт ли увидеть папу и маму?» Ответ теряется в догадках о том, а останусь ли я живым до конца войны, а живы ли будете Вы? Надеюсь ещё на лучшее. Бог даст, увидимся после войны.

Своё 26-летие справил. Неделю своего двадцать седьмого года прожил. Жду дальнейших поворотов колеса фортуны. Целую. Гена».

23.01.44 г.

«<...> Получил Ваши два последних письма, где мама сообщает, что в отпуск должен приехать П.Д.Стариков. Мама попутно пишет, вот мол, не можешь ли ты приехать? Нет, мама, пока не могу. Благодарю за поздравления с Новым годом, который принесёт «умиротворение страдающему человечеству». Скорее бы рассчитаться с немчурой и вернуться домой. Но как немцы не вернутся, а бьём мы их техникой и русским умом. <...> Пишите».

1944 год действительно принёс «умиротворение» Геннадию. Воюя на Северо-Западном фронте, он и познакомился со своей будущей женой – Леночкой. Это знакомство изменило его судьбу.

Елена Георгиевна родилась в городе Верхотурье, Свердловской области. С ранних лет осталась сиротой. В 1941 году она окончила только девять классов. Этот год для неё был особенно памятным. 22 июня проходила городская школьная олимпиада - смотр школьных талантов, где Лена принимала участие, заняла второе место и была премирована поездкой на областную олимпиаду в город Свердловск. У всех были свои мечты, так и у Лены в тот год была мечта, по окончании средней школы пойти учиться в музыкальное училище, а затем в консерваторию. Но мечты не сбылись, помешала война.

Елена Георгиевна вспоминает: «В этот день, 22 июня, везде проходили митинги, и велась запись добровольцев на фронт. Весь наш класс стоял в очереди, чтобы записаться добровольцами, и идти на фронт, но получали отказ. Всех старшеклассников тогда, отправляли в колхозы на прополку и на уборку урожая. Все лето и осень мы работали в колхозах. Так как я имела значок «Ворошиловский стрелок», меня записали в охрану Госбанка, и отправили

учиться в училище связи. После ускоренного обучения нас, молодых радисток, отправили на фронт. Привезли на станцию «Пола». Там прошли кровопролитные бои, столкнулись наши танки с немецкими. Из запасного полка, где нас временно разместили, нас распределяли по ротам. Меня, и ещё четырех девушек, определили в тридцатую роту воздушного оповещения связи «Первой Ударной армии». В этой роте я приобрела ещё одну специальность «наблюдатель». В обязанности наблюдателя входило, определить марку вражеского самолёта по звуку, и по телефону, или рации, сообщить направление его полёта.

Наши посты ВНОС находились по линии фронта - это впереди роты на двадцать километров. В блиндаже был смотровой столик, на котором курсоуказатель и телефон. Мы, наблюдатели, всегда были мишенью для врага: с самолетов из пулеметов обстреливали нас, и много наблюдателей погибло. Защиты от снарядов и бомб не было. На фронте не спрашивают, хочешь ты идти туда, где труднее? Приказали, и идёшь.

Особенно трудно было работать на посту ночью, так как нужно на слух определить какой самолет летит, на какой высоте и по какому курсу. Днём легче, можно распознать знаки в бинокль. В блиндаже находилась ещё радистка. Она передавала летчикам и зенитчикам направление полёта самолёта врага.

В Ленинградской и Калининской области, где проходили бои, почти все деревни были сожжены и разрушены. Запомнился на всю жизнь такой случай. Была зима, мы продвигались с боями, а немцы отступали, это было в Ленинградской области, зашли в одну деревню, а там не уцелело ни одного дома, торчали одни трубы. Возле одной трубы стояла женщина, с распущенными волосами. Она обхватила трубу руками, и смотрела на нас обезумевшими от горя глазами. Мы пытались её увести, но не могли расцепить руки и оторвать её от трубы. Думали, что ни одного жителя не осталось. Вошли в лес и, как будто из-под земли, по одному, из каких-то нор, стали вылезать люди, которым не верилось, что мы русские солдаты Красной армии. Они нам и рассказали, что немцы, отступая, сожгли деревню вместе с жителями. У той женщины, что стояла в обнимку с трубой, заживо сгорело четверо ребятишек.

Это зрелище произвело на нас очень жуткое впечатление, а, сколько таких зрелищ, а виселицы с повешенными людьми. Война - это страшное и жестокое зрелище, когда видишь убитых своих товарищей, повешенных и убитых и истерзанных детей, матерей, отцов. Враг жестокий, никого не щадил.

Однажды отправили меня в соседнюю роту заряжать аккумуляторы для рации. До места километров 10. Было такое правило – отправился в другое место назначения, сразу по рации передают, что человек вышел. Прибыл - доложил о прибытии, тоже по рации. До места добралась быстро, попутно офицер часть пути на лошади подвёз. Да и за разговором путь оказался короче. Зарядили аккумуляторы, подбили мне сапоги, отдохнула немного и в обратный путь.

Уже смеркалось. Вроде путь знакомый, вот роща, здесь поле хлебное, деревня вроде бы та же... Но не та. В центре деревни виселица и два человека с табличками на груди висят. Светятся гнилушки, кажется, что кто-то курит. Заметалась, не могу тропочку найти, по которой шла через поле. А уже ночь

опустилась. У речки часовой остановил, но не родная рота. Пришлось остаться на ночлег. А на месте меня уже потеряли. Когда добралась до места, пришлось писать «объяснительную», по какой причине задержалась».

В апреле сорок четвертого года Елену Георгиевну перевели в 5-ю отдельную батарею управления первой Ударной Армии, которая обслуживала командующего артиллерией. Командиром этой роты был Терещенко Геннадий Герасимович, её будущий муж. Он тогда был в звании «старший лейтенант».

Леночка ему сразу понравилась, стройная, ладная, всегда улыбающаяся. При любом удобном случае он старался быть рядом с Леной и летом 44 года начал свататься. Геннадий написал домой, спросил разрешения на женитьбу у своих родителей. Отец ему прислал ответ «Решай сам».

Лена сначала согласия не давала, Геннадий старше её на шесть лет, работал учителем до войны, а она без образования, вдруг семья не примет? Но, в конце концов, согласилась. Геннадий убедил в своей любви Леночку, и в день 7 ноября они отпраздновали свою армейскую свадьбу. У Елены Георгиевны хранится поздравительный листок – открытка, подаренный в этот памятный день однополчанами. Открыткой её с трудом назвать можно – обыкновенный лист бумаги.

«Здравствуйте, Леночка!

По случаю регистрации законного брака, коллектив фотографов поздравляет Вас и желает всего наилучшего. При чём, закрепляет всю эту церемонию пожатием Вам правой руки!» [и далее идут многочисленные подписи – прим.ред.]

8 мая 1945 года Елена Георгиевна была на дежурстве. В ночь с восьмого на девятое поступила радиограмма «Война закончилась!» Она выбежала на улицу и поделилась радостной новостью. Что тут началось! Все стали стрелять в воздух из автоматов и карабинов. Кто смеялся, кто плакал! Плакали, что многим фронтовым товарищам не суждено было дожить до Победы.

Первую ударную армию расформировали, часть бойцов отправили на восточный фронт, офицеров в запасной полк, а Елену Георгиевну демобилизовали, так как она была беременна. Собралась она ехать на родину своего мужа. Впереди неё на Алтай полетело письмо от Геннадия к родителям, чтобы хорошо и приветливо встретили его жену. И Лена начала собираться к поездке.

Друзья однополчане из хозяйственной роты выбрали ей новую шинель из английского сукна, подогнали по ней. Из белого брезента сшили белые сапожки на каблучках, сшили новую кубанку из розоватого меха отделанную зелёным сукном. Теперь и перед новой роднёй показаться не стыдно. Благополучно добралась она до Алтая. Доехала до Поспелихи в товарняке, называемом в народе "пятьсот весёлый". Потом уже на машине, добралась до села. Как не была красиво одета, а волновалась сильно...

С первым встретила со свёкром, Герасимом Дмитриевичем, он и привёл её в дом. Свекровь, Наталья Елизаровна, в это время на летней кухне была. Смотрит, муж с молоденькой девушкой идёт. Думала, учительницу прислали в школу, Герасим Дмитриевич в школе директором работал. А оказалось это жена их сына. Расплакалась она, обняла Леночку, приняла как родную дочь. Потом её на работу в школу определили.

11.09.45 г.

«<...> Жду со дня на день писем от Вас, но не могу ещё дожидаться. Вы должны описать приезд моей жены в Солоновку, ваши впечатления и суждения о ней. От Лены за два дня я получил два письма, а вот Вы и тараканья порода – племяннички, что-то до сих пор не отвечаете. Лене я подробно написал о своей жизни и подтвердил своё обещание, что в самое ближайшее время я буду у Вас.

Папа и мама! В отношении Лены я прошу создать во взаимоотношениях с нею такие условия, чтобы она чувствовала себя в родной семье. Она у меня и так хлебнула горяшка, что для её лет и того достаточно. Учтите, что от хорошей жизни добровольцем на фронт не идут. Бедно она не жила, но морально жила тяжело.

Знаю, что желание встретить меня у Вас большое, оно и у меня не меньше. <...>Я сейчас дивлюсь, что нам довелось дожить до такой поры, когда все эти ужасы остались позади. Единственные следы – это следы ранений и издёрганные нервы. Правда школа войны научила всё это силой воли маскировать. Я не верю в то, чтобы человек не хотел жить или не боялся, когда летит 500 килограммовая бомба. Она ведь даже мокрого места не оставит! Но чрезвычайное и сверхчеловеческое напряжение силы воли создаёт видимость, что ты спокоен и тебе даже не страшно. И в то же время чувствуешь, что в такие моменты твои нервы буквально горят, как тормоз при резком торможении машины. Это без хвастовства.

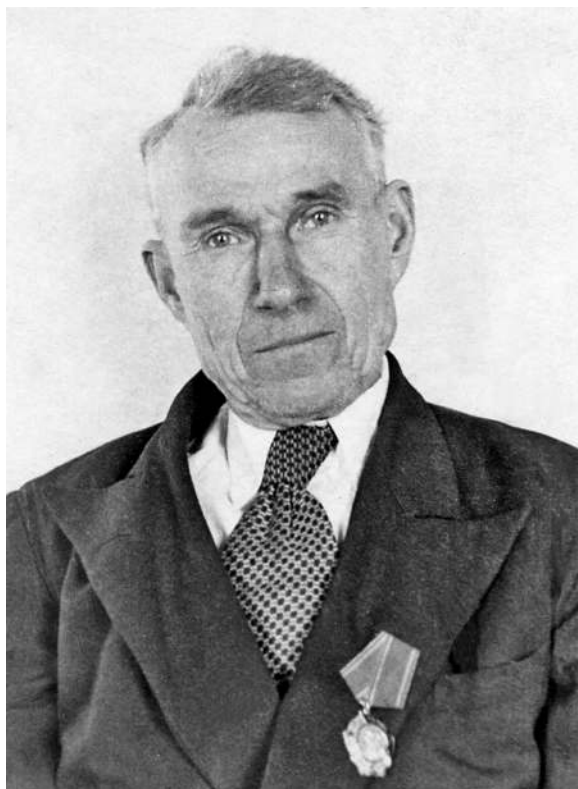
У Лены были моменты, когда при сильном артиллерийском обстреле она сидит в радиомашине, когда все ребята разбегаются и поглубже лезут в землю. «Почему не уйдёшь в укрытие?» «Всё равно, ели попадёт, то там или здесь – всё равно убьёт»...

Ну, кажется, пришла к концу моя, логически мало представляющая из себя одно целое, писанина. Живу встречей с Вами и Леночкой. Целую Вас и свою маленькую супругу. Ваш сын Геннадий».

В конце 1946 года и Геннадий вернулся домой. Первенцу, который был назван именем отца, был тогда уже почти годик. А потом родились ещё и две дочери, Татьяна и Оля. В семье Терещенко бережно хранят память об отце, Геннадии Герасимовиче и о деде, Герасиме Дмитриевиче. Бережно хранятся письма, фотографии, ордена и медали.

Использован материал из семейного архива Г.Г. Терещенко, г. Барнаул

Письма учителю Терещенко Герасиму Дмитриевичу

Герасим Дмитриевич родился 20 октября 1890 года в семье крестьянина в местечке Новый Быхов, Могилёвской губернии. Детство прошло так, как оно проходило в то время у подавляющего большинства крестьянских детей. После окончания в 1908 году Ново-Быховской второклассной учительской школы, был назначен учителем Осиново-Александровской начальной школы Рогачёвского уезда. Проработав в этой школе два года, уехал в Сибирь.

В Сибири работал в разных деревнях. Его трудовой стаж в школе составил 50 лет. Когда Герасим Дмитриевич работал руководителем Солоновской школы, Волчихинского района, школа получила переходящее знамя Волчихинского РОНО

за хорошую постановку учебно-воспитательной работы. Герасим Дмитриевич был премирован костюмом, а учителя школы получили двойную зарплату за декабрь месяц. Затем школа второй раз получила переходящее знамя, за которое директору выдели путёвку на курорт, а учителям путёвки в дома отдыха.

Несмотря на тяжёлые годы войны, школа ни на один день не прекращала занятий, систематически производя из года в год выпуски учащихся из 10 классов. Ученики с благодарностью вспоминали своего наставника и просто заваливали его письмами. Письма приходили ото всюду, где бы они не находились.

Письмо от Ивана Архипова

22.02.42 г.

«Здравствуйте, Герасим Дмитриевич. К вам с горячим приветом Ваня Архипов. <...> Начну вкратце, с 40-ого года, <...> меня призвали в РККА. Зачислили в школу, учиться на младших командиров, т.е. на сержантов. <...> В школе было трудно, выковывали командиров стойких, храбрых, выносливых и весёлых. Сначала нам не нравилось, в пургу и в мороз – занятия. Но потом, во время военных действий нам это очень пригодилось в боях с озверелым гитлеризмом. Приходилось всяко, а мы чувствовали себя прекрасно, как будто всегда так было. <...>»

20 августа меня настигла вражеская пуля и ранило меня в голову. Парализовало, у меня не работали обе ноги и левая рука, но так как я пролежал

уже шесть месяцев - рука стала работать и правая нога. В настоящее время я хожу с палочкой, <...> сейчас ожидаю операции. Надоело лежать в 4-х стенах. Но ничего, все трудности надо преодолевать, большевики трудностей не бояться, <...> я выздоровею, и пойду снова в бой, на фронт, может и на трудовой. Но и в тылу будем бить врага до последней капли крови.

А вы помогайте в тылу, передайте привет учащимся, пускай учатся на хорошо и отлично, преодолевают все трудности. Нам сейчас требуются всё новые и новые кадры для разгрома озверелого гитлеризма. Но сколько он не рвётся, как озверелая собака, но ему не удастся разгуливать по нашей родной земле. С нетерпением жду ответ. Ваня Архипов»

Письмо от Алексея Ашихмина.

11.02.45 г.

«Здравствуйте, Герасим Дмитриевич. С пламенным артиллерийским приветом ваш воспитанник, бывший ученик Алексей А. Разрешите написать вам письмо, как своему воспитателю, от которого получил многое, которое применяю в жизни. <...> Разрешите передать вам свою благодарность за вашу заботу о нас, и учителям, которые воспитывали меня и дали такое образование, с которым мне легко изучать военное дело. <...> Живу хорошо. <...>

Простите за то, что побеспокоил вас. Жду ответ. Ваш воспитанник».

Письма Андрея Гуляева

18.01.41 г.

«Здравствуйте, Герасим Дмитриевич! Примите от меня самый чистосердечный привет. Несколько слов о себе. <...> Путь мой – Тюмень, Омск и Новосибирск. Жизнь складывается удовлетворительно. Учусь на курсах хорошо. Питание отличное, табаку вволю. Получу на курсах политическую закалку и поеду туда, куда Родина пошлёт.

Как Вы лично живёте, как идёт учёба в школе, кого из учителей взяли в армию, какова успеваемость? Передавайте привет всем учителям <...>»

09.10.41 г.

«<...> Жизнь моя протекает по-прежнему. Как я часто вспоминаю школу, ребят, коллектив, так бы и улетел к вам. Но ничего не поделаешь, время военное. <...> Кто по математике в шестых классах? <...> от вас я ответ сумею получить не скоро, так как пятнадцатого еду по маршруту – Запад. Оттуда буду регулярно писать. Передавайте привет всем учителям. Работайте по «стахановски». Остаюсь, жив и здоров. Гуляев»

10.11.41 г.

«Добрый день, дорогой Герасим Дмитриевич! Вы для меня являетесь вторым отцом. Первый родил, а второй воспитал. Ведь Вы меня вытащили из подземелья джинов. И в момент вызова меня в РВК, я решил написать Вам

письмо. Свои чувства к Вам не могу выразить. Вы высокий человек. Ваш великий патриотизм к великому русскому народу, оставит следы в нас – молодом поколении. <...>

Я иду теперь на фронт. Буду активным участником в построении щита безопасности для будущего поколения. Какую смерть пошлёт судьбина <...>»

01.01.42 г.

«Добрый день, с Новым годом, с Новым счастьем, Герасим Дмитриевич! <...> Я часто вспоминаю школу, я жил очень хорошо, вольно и времени уйма свободного, а сейчас нет и минуты свободной. Война легла на наши плечи, и мы вынесем все испытания, для того чтобы победить врага. Не нынче, так завтра я буду участником борьбы с немцами. <...>

Какова учёба в школе, обеспечение учителей каково? <...> Письма из своей родной стороны для меня очень дороги, особенно от Вас. Письма я просто пожираю. <...> Простите, что несуразно пишу. Крик, шум, команды «стройся», теснота мешает. <...> Крепко жму Вашу отцовскую руку».

15.02.42 г.

«Здравствуйте, мой воспитатель, Герасим Дмитриевич! <...> Из Вашего письма видно, что Вы находитесь в расстроенном состоянии. Или же Вас беспокоит эта проклятая навязанная эта проклятая, навязанная нам война. Да, это так и есть, что Вы, как настоящий патриот, болеете за судьбы русского народа. Но сейчас идут радостные сообщения о том, что наши войска обратили в бегство немцев. <...>

Как в школе поставлена пионерская работа? Почему то сразу вспоминается злобная П.Н. <...> Остаюсь, жив и здоров. А домой, домой хочется <...> Пишите все, все мелочи, так сами знаете, как это нужно тому, кто не дома, кто воюет <...>»

06.08.42 г.

«Добрый день, многоуважаемый Герасим Дмитриевич! <...> Вот уже третий месяц, как я на фронте. <...> Местность болотная, негде ступить, чтобы не намокнуть. Мало проходимые таёжные леса, которые ежедневно поливаются дождём. Сырость, слякоть, а канонада не смолкает ни днём, ни ночью, она подобно несмолкающему грому. Сейчас я живу хорошо, живу в землянке сырой, пишу письмо.

Вы слышали о нашей «катюше»? Это чудо! Я был в боях и ещё буду. Не так уж страшны гады, как о них говорят трусы. Они при виде русского бегут, бросая всё. <...> Я часто вспоминаю о Вас, о школе. И только глубокий сон воспроизводит во мне яркую бывшую жизнь <...>»

Письмо от Василия Демченко.

14.11.43 г.

«Здравствуйте, Герасим Дмитриевич. С боевым приветом Ваш воспитанник Василий Демченко. <...> Сейчас я нахожусь на Белорусском фронте, далеко за Днепром, освобождая населённые пункты из рук противника. Как только запылала деревня, то уже знаем, что бежит в панике немец, бросая всю свою технику. Хорошо помогает артиллерия и отлично поёт «катюша», ещё «кукурузники У-2» частенько носят гостинца. <...> Кричит Гитлер «Капут»! <...> Желаю счастья. Демченко».

Письмо Вениамина Дорошенко.

31.07.42 г.

«Здравствуйте, Герасим Дмитриевич! <...> Меня очень интересует ваше здоровье, ни от кого, как от вас я надеюсь узнать больше про жизнь на Алтае, про урожай, школу, учителей и про всё вообще. <...> Я служу в артиллерии, имею звание старшего сержанта. Думаю, что к концу моей службы лейтенантом в отставке я буду, и вы мне тогда в школе найдёте место военрука. Как бы хотелось пожить с родным коллективом или в кругу родных и знакомых! <...> Жду от вас большое, мелко написанное и на двух полных листах письмо. Сообщите про всё. Как идёт подготовка к новому учебному году? Думаю, без меня там директоров «не хватает». Как живут колхозники и служащие? <...> Вен Дорошенко».

28.08.42 г.

«<...> После июльских боёв я был принят кандидатом в члены ВКПб. «Уж не мальчик». <...> На своё здоровье не жалею, больше беспокоит Ваше. <...>».

Письма Спиридона Каргина.

20.01.42 г.

«<...> Шлю я вам я фронта Отечественной войны свой боевой командирский привет. Герасим Дмитриевич, прошу, простите меня за то, что я вас побеспокоил своим письмом. <...> Я вспомнил как в 1940 году в сентябре месяце, зашёл к вам в канцелярию и взял у вас справку об окончании семи классов вечерней школы. А в октябре я зачислен был в полковую школу. Так началась моя военная жизнь. <...> 23 июня я уже принимал участие в первых боях с белофиннами и немцами на северо-западном фронте. <...>

И вот, как видите, на 1942 год я жив и здоров. В начале, безусловно, пришлось пережить ряд трудностей. Противник шёл на нас техническими атаками, но мы за каждую сопку, за каждый маленький посёлок, за каждый метр земли сражались, сражались, не жалея ни силы, ни самой жизни. <...> И вот, потеряв порядком живую силу и технику нашего противника, наши славные воины Красной Армии перешли в наступление. <...> Но бои всё так же напряжённо идут. <...> Одеты мы в тёплые полушубки, валенки, стяженные куртки и брюки, шапки ушанки. Кормят очень хорошо, настроение у всех

отличное. Все горим желанием, как можно быстрее уничтожить врага и с победой вернуться домой. <...> Спиря Каргин».

14.11.43 г.

«Здравствуйте, Герасим Дмитриевич! Примите привет и массу наилучших пожеланий в Вашей кропотливой, учительской работе. При воспоминании о Вас, остаюсь очень доволен о той заботе, которую вы предоставляли не только мне, а всем учащимся средней школы. Несмотря на Ваши преклонный возраст, Вы так же, видимо по-прежнему усердно работаете по воспитанию детей. Будьте же здоровы и счастливы, дорогой учитель! Мы, в прошлом учащиеся, а ныне защитники Родины, остаёмся очень благодарны Вам, и Вам обязаны во многом. <...>

Я в данное время командую большим подразделением, на груди моей два боевых ордена. Сейчас пишу Вам письмо в небольшом домике, который не так давно занимал противник. В голове моей всё ещё шумит от только что проведённых боёв, невольно стараешься забыть всё это, и вспомнил всё прошлое. Вспомнил, как я учился и плохо готовился к занятиям, вспомнил и Вас, дорогой Герасим Дмитриевич и решил посвятить Вам это письмо. <...>

Наверное, прошёл уже год, как я посылал Вам своё первое письмо. Вы на него написали ответ, как хороший отец и сообщили всё, что интересовало меня. <...> Мы беспощадно бьём немецких оккупантов и близок час нашей полной победы. ... Я живу так же, как живут все, кто живёт на фронте. Сегодня здесь, а завтра там. Жить приходится больше всего в блиндажах, окопах или просто в снегу под открытым небом. <...> Если я жив буду, и когда приеду домой в гости, обязательно побываю у Вас и обо всём поговорим. Будьте счастливы. <...>»

Письма Назарова.

24.02.43 г.

«<...> Не писал Вам потому, что очень часто изменялся адрес. <...> Живу, Герасим Дмитриевич, хорошо, правда, не в доме, а в землянке. Но в землянке тепло и чисто, даже есть койка. Работаю ответственным секретарём партийного бюро части в звании – старший капитан. <...> Напиши, Герасим Дмитриевич, как дела в школе, кто работает? <...> Большое тебе, Герасим Дмитриевич, красноармейское, фронтовое спасибо за заботу о моей семье.

Передавайте привет коллегам. Пусть хоть немного мне напишут. Здесь завидуешь на фронте тем, кто получает много писем. Будьте здоровы».

29.01.45 г.

«Доброго здоровья, Герасим Дмитриевич! Жизнь здесь на фронте, как на войне. Воюем так, что, я думаю, вы на нас, т.е. на Красную Армию, не в обиде. <...> Какие изменения в школе? Как дела идут с новыми порядками отдельного обучения мальчиков и девочек? <...>»

Письмо Василия Сапегина.

12.04.44 г.

«<...> Разрешите побеспокоить Вас сегодня. Я надеюсь, что Вы не откажете мне в ответе, и я узнаю: жив ли мой дорогой учитель, мой наставник в жизнь, мой тот, которому я очень во многом обязан. Дорогой Герасим Дмитриевич, вот сейчас, когда жизнь моя находится в руках металла и зависит от отдельного момента, мне вспоминается вся школьная замечательная жизнь, полная счастья и веселья и всего замечательного, что давало мне возможность развивать себя в области литературы. Если нам суждено будет встретиться, то я уже не постыжусь показать вам мои произведения: «Дяденька в серой шинели», «Волдодя», «Пути к..», «Рассказы Артамона Исаевича» и ряд других.

Дорогой Герасим Дмитриевич, мне очень хочется знать о Вашей жизни. Я не теряю надежды, что вы мне ответите. Очень жду. До свидания. Со скорой победой. Остаюсь, Ваш товарищ».

Письмо Алексея Старикова.

04.05.42 г.

«Здравствуйте, уважаемый Герасим Дмитриевич и Наталья Елизаровна! Прежде всего, извините, пожалуйста, что я собрался написать лишь первое письмо. <...> Живу сейчас замечательно, нужд никаких, со здоровьем так же всё благополучно. <...> Первое Мая отпраздновали довольно-таки прилично, под аккомпанемент фронтовой музыки, ну и ради праздничка испортили настроение, хотя оно и без того довольно-таки неважное, фрицам. Простите, пожалуйста, что задержал Ваше внимание своим нескромным письмом. Желаю счастливой и плодотворной работы, радостной и долгой, счастливой жизни. Привет Геннадию. Стариков».

22.06.42 г.

«Пламенный боевой привет, Герасим Дмитриевич! Весьма благодарен Вам за письмо, только что полученное письмо. <...> По Вашему сообщению, Вас тревожит продолжительное отсутствие дождей, что может, в конечном счёте, свести Ваши весенние работы на нет. Это бесспорно печальное сообщение. А у нас наоборот, мы ещё не видели почти ни одного сухого, светлого, тёплого дня. Сумрачно, частенько дожди.

Устроился я пока не плохо, занимаю один квартиру, чистая, светлая, уютная. Имею патефон, несколько десятков пластинок. Словом отдыхаю довольно культурно после долгой боевой работы. Снаряды не долетают, хотя звуки выстрелов бывают слышны. <...> Желаю Вам счастливой и радостной жизни и плодотворной работы по воспитанию подрастающего поколения. Стариков».

Письмо от Татьяны, фамилия не разборчиво.

27.04.42 г.

«Здравствуйте, Герасим Дмитриевич. Заезжая в Молотов, получила Ваше письмо, но не стала сразу отвечать, ибо ожидаются перемены судьбы. Теперь я перешла с тылового поезда, на фронтовой, и буду работать сестрой. Условия здесь, конечно, менее культурные, но что же сделать, коль скоро мне захотелось понюхать пороху.

События, происходящие у Вас, меня поразили. Вы, оказывается, тоже воюете во всю! Конечно, время военное, иначе нельзя. У вас, наверное, уже начался сев. Пишите обо всём. А я напишу о первой бомбёжке, навстречу которой поеду. С приветом. Таня».

12.06.42г.

«Здравствуйте, Герасим Дмитриевич! <...> я теперь нахожусь на прифронтовом поезде, на Ленинградском направлении. Уже много дней мы стоим на одном месте, но это временно. Ну, ничего, хоть недельки полторы отдохнём. Хотя это время зря не теряем, а повышаем свой медицинский и прочий уровень. Я теперь являюсь не рядовым, а средним командиром – медсестрой.

Стоим мы в ленинградских болотах, где ужасно злые комары. Они так искусили мою физиономию, что она стала иметь довольно жуткий вид. Да к тому же и загорели. Да, кстати, я сняла свои косы. Теперь вместо Татьяны Григорьевны существует Сенька-партизан. Особых ужасов пока ещё не видела. Конечно, это всё относительно, многие вещи, которые нам кажутся обыденными, на вас, жителей мирной Сибири, произвели бы довольно неприятное впечатление. Но ничего не поделаешь, война!

Ганс нас здесь не бомбит. Но если бы я была каким-нибудь Андреевским героем с издёрганными нервами, то очень, вероятно, могла бы сойти с ума. Дело в том, что каждую ночь, примерно в половине второго, над нами низко – низко, пролетает один и тот же Ганс, которого наши зенитки поливают свинцовым дождём. Но я никогда даже не спускаюсь со своей койки. Считаю, что для любителя сильных ощущений, этого слишком мало. Вообще, настроение бодрое, только злости много на немца и хочется скорее его прогнать. Скорей бы!

Пишите, как живёте, как школьный сад, как окончился год? Передавайте привет Геннадью. Пишите. Ваша Таня».

Письмо Николая Чувасова.

28.04.45 г.

«Привет из Восточной Пруссии. Здравствуйте, дорогой мой, многоуважаемый учитель Герасим Дмитриевич. Пишет Вам бывший воспитанник, тепереишний защитник Родины Николай Петрович Чувасов. Как Вы живёте, как работа идёт у Вас?

Я сейчас нахожусь в Восточной Пруссии. Вы, наверное, подумаете: «Почему же так поздно, ведь уже виден конец войны?» Но, ничего, Герасим Дмитриевич, лучше поздно, чем никогда. Мы свою роль ещё сыграем, отдадим всё, что требуется от нас. ... Через 3 дня будем четвёртый раз за годы войны

праздновать великий, революционный праздник – 1-ое Мая! Только те три мы праздновали в жестоко военной обстановке, а этот, четвёртый, мы празднуем, так называемый, Победный Май! <...>

Желаю Вам многих лет счастливой жизни, крепко жму Вашу руку, с уважением Чувасов».

Письма от Шуры Шутько.

21.07.43 г.

«Дорогие мои, с партизанским к вам приветом, Шура. Знаете, как трудно мне сейчас, потеряв родных. Я сейчас, с регулярных частей, попала в партизаны. Работаю хорошо, и живу тоже неплохо. Работаю старшим фельдшером, моя работа, как можно быстрее лечить больных и возвращать в строй.

У меня сейчас такое несчастье, получила письмо на днях со своей родины, что мои родные погибли от немецкой руки. Но я за них отомщу фрицам, и они поплатятся не раз за моих родных и всех наших погибших людей. <...> Пишите мне, не забывайте, я буду рада получить от Вас письмо. Передавайте привет Геннадию. Целую крепко. Да, Вы меня простите, если Вам нужны деньги, то я могу выслать, ибо мне они не нужны. Шура».

Письмо от воспитанника. Имя и фамилия не разборчиво.

27.01.43 г.

«Здравствуйте, мой воспитатель. Письмо от Вас получил, за которое сердечно благодарю. Это письмо я получил в землянке, читал под грохот канонады, которая подобно грому не смолкает ни ночью, ни днём. Это письмо – письмо моего «отца», меня обрадовало. Прежде, чем писать ответ, я прочёл его три раза и не могу начитаться. При чтении открывается знакомая и яркая панорама.

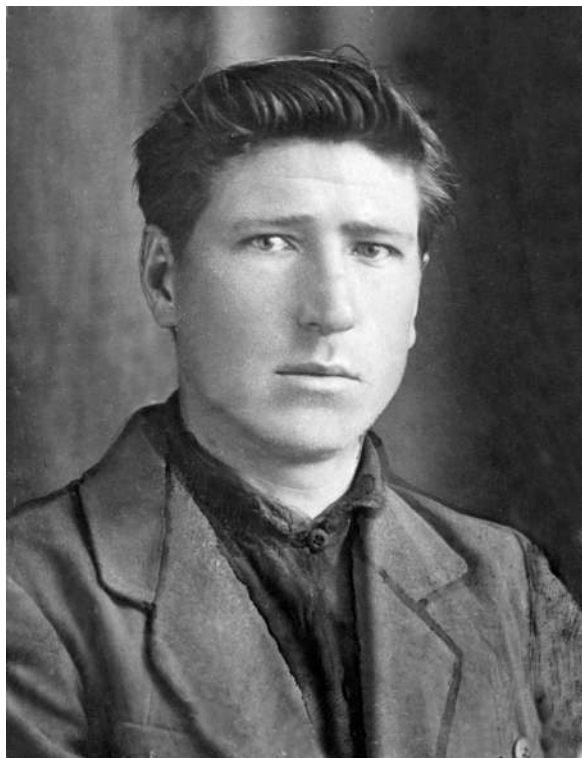
Герасим Дмитриевич! Моя жизнь – жизнь лесника болотника. Мои друзья – снег, мороз, землянка, оружие. Я стою на колуне боя. Уже третий раз вступаю в бой. «Какую смерть пошлёт судьбина, в бою ли, в странствии, в волнах. Или соседняя долина, мой примет охлаждённый прах» (А.С.Пушкин).

Итак, я иду в смертельный бой за Родину, за Ленинград, за первую русскую железную дорогу. <...> Привет всем учителям и Геннадию. Писал письмо на корточках. Остаюсь жив и здоров».

В семейном архиве Терещенко хранится огромное количество писем, адресованных Герасиму Дмитриевичу. Часть писем было передано в Барнаульский краеведческий музей.

Использован материал из семейного архива Г.Г. Терещенко, г. Барнаул

Торгашев Николай Яковлевич

Николай Яковлевич родился 19 октября 1910 года в Йошкар-Оле, Марийской ССР. Жена - Лидия Павловна Казанцева, жила в Барнауле. Когда выходила замуж, фамилию Торгашева брать не захотела. Но все дети, а их было пятеро, были записаны на фамилию отца. Лидия Павловна работала с 14 лет в Горпищепроме в Барнауле. Позже это предприятие стало называться - «Кондитерская фабрика».

Николай Яковлевич, до войны работал в кузнице. Учиться и получить какую-либо специальность не пришлось. В семье Торгашовых лишь старший брат Иван уехал в Ярославль учиться на капитана дальнего плавания.

Нина Николаевна, дочь Николая Яковлевича, вспоминает своё довоенное детство: «Дома все дети были окружены заботой и лаской. Родители не скупились на то, чтобы дети нормально развивались. Были у нас альбомы для рисования, краски, карандаши, тетради. Я очень любила рисовать жёлтыми, оранжевыми и красными красками. Были все обуты и одеты. Очень ласково к нам относились родители. В доме всегда вкусно пахло, и было тепло». Оборвалось счастливое детство, когда началась война.

Нина Николаевна вспоминает: «22 июня 1941 года. Жаркое воскресное утро, мы с сестрой в нарядных платьях на улице гуляем, родители дома. Вернулись домой, в комнатах прохладно и чисто, вкусно пахнет пирогами. Родители чем-то взволнованы, мама плачет, папа её успокаивает. Часто слышалось слово «война».

Потом началось: крики, слёзы, со всех сторон женский рёв и слова: «Война, война. Проклятая война». Мы, дети, уже не играли, а, прижавшись, сидели кучкой на брёвнах перед домом, было очень страшно, мы поняли, что случилось что-то ужасное. Папа пошёл в военкомат, и его забрали в армию, а его брата Петра нет – ему было только 16 лет. Но он всё твердил, чтобы отец ждал его, что он придёт ему на помощь.

И вот уже прощальный вечер. Вся большая семья собралась у дедушки за столом, мужчины выпили, и все выкрикивали со сжатыми кулаками: «Мы ещё им покажем, они ещё узнают кузькину мать!» Перепели все песни. У папы в руках баян, у деда – балалайка, у Петра – гитара, у Сергея, дяди отца, – мандолина. А как они пели! Потом папа держал нас с сестрой на коленях,

целовал, гладил наши головки и всё твердил. Что плохо нам, сироткам, будет без папы.

Утром мы все вышли провожать его, из калитки он не велел никому выходить. А дедушке он сказал, чтоб за него не волновался, что вот этими руками он придушит много врагов. «Бог даст – свидимся, а нет – простите, за ваше счастье погиб». Дойдя до ворот, он поклонился и твёрдой походкой ушёл! Всё – больше мы его не видели. Было ему 30 лет».

А потом были письма. Когда они приходили, их читали вслух, но детей из комнаты выпроваживали, не хотели, что бы они слышали. Взрослые всегда оберегали детей от разговоров о войне, о трудностях, о невзгодах.

Жили голодно в войну. Спасало то, что был участок земли, на котором выращивали картошку. Участок находился на территории старого аэродрома. Не выбрасывали даже очистки. Их или жарили на плите и ели, или отдавали тем, кто держал корову. За это давали немного молока. Мама, Лидия Павловна, с работы приносила «поскрёбыши». Она работала на приготовлении печенья и пончиков. После смены мастер специальной линейкой отмерял на столе участок, с которого работницы могли соскрести остатки муки с сахаром, прилипшие к крышке стола. Эти «поскрёбушки», как их называли работницы, приносили домой, и добавляли в кашу с лебедой и отрубями.

Потом было две похоронки. Первая в 41-ом. Но вскоре семья получила коротенькое письмо от отца. Оказалось, что похоронка ошибочная и Николай жив! В 42-ом новая похоронка. Она оказалась верной, в ней было написано: «... погиб смертью храбрых 21 января 1942 года». Получив похоронку, Лидия Павловна всю ночь просидела возле спящих ребятишек, а утром они её не узнали – вся голова была белая, ей было тогда 27 лет. Но она продолжала ждать своего мужа. Всё надеялась, что вторая похоронка – тоже ошибка.

Незадолго до своей смерти она заперлась в комнате, зажгла свечу. Сначала читала письма мужа, смотрела фотографии, плакала. А потом начала причитать: «На кого ты меня покинул...» и в ярости стала рвать письма и фотографии. Дети с трудом смогли войти в её комнату. Письма были порваны все, лишь несколько фотографий удалось сохранить. Потом её парализовало, и через неделю она умерла.

А в 2003 году экспедицией «Долина» были найдены останки солдата и медальон, в котором чётко читались фамилия, место жительства Торгашева Николая Яковлевича. Разыскали родственников солдата. Так семья узнала, где захоронен их отец. Прочитав заметку в газете о перезахоронении солдат Великой Отечественной войны возле посёлка Мясной Бор, проплакала Нина Николаевна всю ночь, а утром на листок бумаги легли стихи.

Как мы ждали тебя , родной!
Как долго ждали!
Как не хватало нам твоих
Умелых, тёплых рук.
Твоей защиты, папа, так нам не хватало.

Меня бы понял ты, ты зрелым был мужчиной
И жизнь не понаслышке знал.
Спасибо, родной, за счастливое детство,
Вины твоей нет, что так мало дано.

● * * * * *

Всё это отнял 41 – ый июнь.
Словно сейчас я помню вечер тот прощальный,
Когда ты на коленях нас с сётрёнкою держал.
К груди нас крепко прижимал, головки наши целовал
И горько плача, нам шептал:
«Мои сиротки, как плохо будет вам без папки,
Как плохо будет вам.
Я чувствую, что больше вас я никогда уж не увижу.
Пришла к нам в дом беда большая – война,
Война жестокая и злая,
Я уйду туда, где убивают.
Я тоже буду убивать, вот этими руками,
Что вас я обнимаю.
Врага душить я буду, покуда хватит сил,
Чтоб счастливы вы были, чтоб солнце всем светило,
Чтоб на Земле был мир!

8 мая 2003 года останки Торгашева Николая Яковлевича были захоронены на военном кладбище в деревне Тушино Чудовского района Новгородской области. Земля с могилы была привезена на Алтай и рассыпана на могиле его жены Лидии Павловны.

Использован материал из семейного архива Н.Н. Селезнёвой, г. Барнаул

Травков Иван Ефимович.

Антонина и Иван Травковы

Иван Ефимович родился 19 марта 1916 года в деревне Горная Колывань Алтайского края. Родители его простые крестьяне, кроме него в семье было ещё 2 брата и сестра. Как во многих семьях того времени, родители старались дать образование мальчикам. Иван окончил 7 классов, какое-то время работал в колхозе, а потом отправился в Омск на курсы старших бухгалтеров Системы Наркомлеса.

На курсах познакомился со своей будущей женой Антониной. Она училась в другой группе, но Иван заметил её, полюбил. Там же, в Омске, 19 марта 1939 года, они и поженились. По направлению Системы Наркомлеса в Топчихинский район, они отправились уже семьёй. Начали работать в лесхозе на станции Большая речка. В 1940 году родился первенец, которого назвали Вовочка, а в 1941 году родилась девочка Галя.

Иван Ефимович, где бы ни работал, работал всегда самоотверженно, и его отправляли на самые трудные участки, которые нужно было поднимать и наводить там порядок. Так семья попала в Инской леспромхоз Павловского района. Вместе с ними жила бабушка, мать Антонины Константиновны. Водилась с внуками, помогала по хозяйству. Был большой огород, корова, поросята. Каждый год на огороде сеяли кукурузу, и она успевала вызреть, собирали хорошие урожаи. Здорово она выручала семью в войну. Мама отвозила кукурузное зерно на мельницу и молола муку. Всегда на столе были кукурузные лепёшки, блины. Семья в войну не голодала.

События, связанные с началом войны Галина Ивановна помнить не может, маленькой она тогда была. Но знает, что забрали отца на фронт в 1942 году. Служил в автороте, водителем машины.

Очень много писал писем с фронта. Везде, где предоставлялась возможность, отправлял весточки домой. Мама, Антонина Константиновна, все письма бережно хранила, и когда собиралось достаточное количество, она сшивала их в книги. К тому времени, когда отец вернулся с фронта, писем скопилось 5 томов, с обложками из газет военного времени. Сейчас они хранятся у Галины Ивановны.

22.03.42 г.

«Здравствуйте, мои дорогие. Привет вам на сей раз из Барнаула. 20 марта я стал на режим красноармейца. 22 в 3 часа сходили в баню и получили обмундирование: всё новое, за исключением шинелей. Причём, 2 пары нательного белья, 2 пары портянок, к ним ботинки и обмотки. Сколько километров придётся намотать, пока не известно. Но надо сказать, что помотать придётся. Я, возможно, останусь в Барнауле, при штабе авто батальона, так как я зачислен в автобат, хотя и шофёр из меня плохой.

Эх, Тоня, я уверен, что меня сейчас не узнаешь, если я буду идти от АХП домой в таком виде! Дорогая Тоня, будь верна нашим детям и, следовательно, мне. Я должен вернуться к вам, мои дорогие, с победой. После чего жизнь наша должна стать в нормальную колею. Ну, ничего, мои дорогие, главное не теряться и не падать в панику. Тоня, береги Вову, Галю, целуй их за меня, желей и люби. Ваш Иван».

«Звезда.

Любую в небе выбери звезду

И опиши её, какая есть.

Я здесь её, любимая, найду,

Хотя на небе звёзд не перечесть.

Не по приметам, по её лучам

Неугасимым, как любовь моя,

Я буду знать, что где-то там

Ты так же смотришь на неё.

И где-нибудь в землянке иль в избе,

У жизни и у смерти на краю,

Я буду чаще думать о тебе

И ничего, мой друг, не утаю.

Когда вернусь, когда к тебе приду,-

Да будет близок этот светлый час!

Средь звёздной россыпи легко найду

Звезду, смотрящую в те дни на нас.

Вот, Тонечка, подлинные чувства, не выходящие ни на мгновения из моего твёрдого сердца. Твои чувства остаются моей гордостью, и порой только с

тобой я могу делиться любыми вопросами. Вот так, Тонечка, зря, выходит, мы друг другу иногда высказывали некоторые упрёки. Целую тебя, любящий муж».

11.04.42 г.

«Здравствуй, Тоня!

Целую тебя, Вовочку, Галочку, привет папаше и мамаше. Это письмо седьмое, из отправленных тебе. В чём дело, почему нет ответа? Я не знаю, ведь не могла ты так быстро остаться спокойной? Я этому не верю, считаю, что этого быть не может. Ведь мне хочется знать, как твоя жизнь развивается, и растут наши с тобой птенцы. Они ведь наши с тобой любимцы. Такой любви не было у нас в «медовый месяц», хотя она нами владела. Этот факт ты отрицать не станешь.

Я всегда хотел и хочу жить не просто, как это делают отдельные, а жить нормальной семейной жизнью, но сволочь Гитлер помешал в этом. Я полагаю, Тоня, что через несколько месяцев я должен приехать к вам и продолжить нашу жизнь для воспитания ребят. Целую, Иван».

То, что Иван находился на службе рядом с домом, позволило им встретиться перед отправкой на фронт. Антонина приехала к нему на свидание.

«Алейск. 10 мая 1942 год.

Здравствуй, Тонечка! Мой тебе привет и поцелуй. Целую Вовочку и Галочку. Эх, Тонечка, если бы ты знала, как не хотелось мне отчаливать на лодке от того берега, на котором стояла ты. Но ничего не сделаешь, время военное, минута дорога, как-нибудь да авось и скоро встретимся.

Ходят разговоры о том, что числа двадцатого предстоит отправка на фронт. Очевидно, скоро придётся понюхать дыма порохового, испытать бомбардировки, услышать взрывы снарядов, вой и визг автоматов и пулемётов. Будет, однако, хорошо, если придётся вернуться к вам всем и ещё раз встретиться с вами. Целую. Той Иван».

12.05.42 г.

«Здравствуй, Тонечка! Данное письмо я посвящаю нашей встрече и именую его заголовком

«Встреча»

Наша встреча так мгновенно

Прошла в течение двух дней.

Признать всё стоит откровенно,

Что ожиданий было больше в ней.

До встречи мысли наши были,

Насыщены стремлением одним

Часы при встрече незаметно плыли

И незаметно конец подошёл им.

Настал снова час разлуки,

Снова расстались мы с тобой,

*Пожали крепко мы с тобою руки
И снова я один, осталась ты одной.*

*Не знаешь ты и не известно мне,
Когда конец придёт переживаньям
Сейчас мы мыслим о том дне,
Который явиться для нас свиданьем.*

*Этим днём должен явиться
День разгрома полностью врага
К нему должны мы все стремиться
И тогда забыть разлуку навсегда.*

Вот, милоч, на этом я хочу закончить писать послание своё. Целую. Иван».

«26.05.42.

Здравствуйте, мои дорогие! Письмо я получил, но ответить не мог. Эти дни был болен болезнью, для тебя известной «Малярия». 12 суток пролежал в госпитале. До болезни я начал писать тебе ответ на письмо, но написать полностью не смог.

*С болью сижу в разлуке одинокой
Моросил дождик за окном.
Смотрю в окно я своим оком
Подходит человек ко мне с письмом.*

*Что рассказать о жизни нашей
Я просто слов не нахожу
Жизнь при победе будет краше
Как я жил, тебе я расскажу.*

*«Жди меня и я вернусь
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди.*

*Как я выжил, будем знать,
Только мы с тобой.
Просто ты умела ждать
Как никто другой».*

С приветом и поцелуями, твой Иван».

9 июля Травкова Ивана отправили на фронт. Об этом он сообщил жене телеграммой. Сохранились в семье и письма, которые писала Антонина мужу на фронт. Ответ на письмо мужа, Антонина тоже пишет в стихах.

«17.08.42.

*Жду тебя, мой милый друг
Очень сильно жду.
Вот иду одна, грущу
По жёлтому дождю.*

Жду тебя всё лето я
Уж осень подошла
Начнётся скоро, милый мой,
Морозная зима.
А тебя всё нет, родной
И скоро ль я дождусь
Тебя домой, мой муж родной,
К груди своей прижму.
А враг из кожи лезет вон
Хотят забрать Кавказ.
Но только облизнётся он
Не сломить ему упорство в нас.
Привет! Бойцам горячий шлю
Защитникам его
И песнь свою в честь них пою
«Врага бей своего!»

Бей сильней, дружней врага,
Чтоб помнилось ему.
Но сильно сила велика
И ненависть к врагу.
И поможем дружно,
Работая в тылу
И общими мы силами
Прогоним немчуру.
Я жду тебя, мой милый друг
Я жду тебя домой
С Победою – Наградой
Скорей домой, родной.
И буду ждать я осенью
И буду ждать зимой
Мечтать я тёмной ночью
О тебе, родной.
Когда прогоним прочь – долой
Прокляту немчуру
Вернёшься в свой очаг родной
Сюда, к нам на Иню
Тогда я буду счастлива
Что дождалась домой
Тебя, мой милый Ванюшка,
«Как никто другой»

«5.10.42. ППС 1964 130 арт. Эвакорта
Со мною нет тебя, один

*В краю далёком проживаю
Но ты со мной, мой властелин,
Я много о тебе мечтаю*

*Здравствуй, дорогая Тонечка! Мой тебе горячий привет и поцелуй, горячо и
нежно целую Вовочку и Галочку. Горячий привет папаше и мамаше.*

*Время свободное имею
Хочу использовать его
Сегодня я одно мечтаю...
«От вас я не читаю ничего»
Вечер, тихо всё кругом
Пишу письмо тебе, родная.*

*Тонечка, казалось бы, не время, но знаешь, дорогая, в свободные минуты
вспоминаешь прошлое меж нами, наши увлечения друг другом, скреплённые
любимцами Вовочкой и Галочкой. Мои мысли ежеминутно с ними, к ним
направлен мой взор. Он в такой же мере обращён к тебе, и я считаю, что ты
со мной, когда я смотрю на фото.*

*Родная! Ты помнишь нашу встречу?! Надеюсь, не забыла, как расставались.
Наверное, не забыла сказанных речей. Они звучали в радостные дни. Сейчас не
лишним будет вспомнить стих «Жди меня». <...>*

Ну и пока, до свидания.

*Судьба должна нам улыбнуться
Мы снова встретимся с тобой
С судьбы хорошей только б не свернуться,
А жить нам устремлённостью одной.*

Крепко целую. Ваня».

«27.10.42.

Тебе, мой друг!

*Свой стих тебе я посвящаю
Из мест далёких от тебя
Привет горячий посылаю
Тебе, родная, от себя.*

*Письмо пишу, а сам мечтаю
Как будешь ты его читать
Как я сейчас, предполагаю,
Ты будешь обо мне мечтать.*

*Я знаю, ты письмо читаешь
Я вижу гнев к коварному врагу.
Ты много обо мне мечтаешь,
Дождись, приду, тебе я помогу.*

*Сейчас мы заняты великим делом
Борьбой с ненавистным врагом
А разгромим поступком смелым
Тогда осветит ярко радостью кругом».*

«2.12.42.

Здравствуй, Тоня!

Хочу сообщить, к 25 годовщине Октября мне присвоили воинское звание старшего сержанта интендантской службы.

Самое основное сейчас стоит перед нами, быстрейший разгром фашистских захватчиков, что даст нам возможность приблизить час нашей встречи. Слушая по радио и читая газеты, ты знаешь, что враг получил и почувствовал новую силу наших ударов. Под этими ударами враг начинает откатываться, как бы он не старался остановить продвижение нашей доблестной Красной Армии. Не далёк тот час, когда Гитлер станет на колени перед своим народом и заплатит своей жизнью. Тогда перед нами откроется дверь к мирной и счастливой жизни. Остаётся, дорогая, ожидать ту минуту, которая для нас и детей так дорога.

Ты помнишь, Тоня, как мы расстались

Я в лодке, осталась ты на берегу

Озабоченная, ждать ты обещалась...

Дождись, приду, тебе я помогу.

Жду ответ. Целую крепко. Ваш Ваня».

«7.12.42.

.... Тоня, как хочется видеть тебя между нашими любимцами детьми, как хочется сказать вам всем несколько горячих слов, приветить детей, родителей приветить. ...

Ваш муж, отец, зять. Ещё раз целую, твой Ваня».

«10.12.42.

... Тонечка, кажется, что письмо, это просто исписанная бумажка, а на самом деле это не так. Ты представь себе, что для меня письмо сейчас! Это ценное сообщение и я с большим вниманием читаю все твои письма. За каждым словом я нахожу для себя заботу со стороны тебя. Я чувствую, что где-то есть человек, который помнит о моём существовании, человек, который жаждет встречи со мной и ждёт с большим желанием моего приезда. ...

Крепко целую всех. Ваш Ваня».

«Декабрь 1942 год.

Здравствуйте, Вовочка и Галочка. Спешу передать свой отцовский привет и фронтовой, горячий поцелуй. Я знаю, вы у меня славные, бодрые, хорошо развивающиеся дети, чем я остаюсь очень и очень доволен. Вы соскучились по мне, я согласен. Но ведь и я о вас скучаю немало. Я вас помню всегда. И вот когда враг будет разбит, мы встретимся. Целую вас, ваш папа».

«Декабрь 1942 год.

Ты просишь писать часто и много

*Но редки и коротки письма мои
К тебе от меня не простая дорога
И много писать мне мешают бои.*

Здравствуй, дорогая Тонечка. Мой тебе горячий поцелуй и привет. ... Тонечка, мне была не совсем приятна фраза по отношению к дирекции Леспромхоза в оказании ими помощи тебе: ремонт квартиры, обеспечение топливом, сеном и т.д. Ну, ничего, дорогая, мы с тобой способны пережить все трудности, встречающиеся на нашем пути. Следовательно, переживём и это. ... Жду ответ. Ваш муж, отец, зять Иван».

«Тоня!

Читай мой стих из дальней стороны

Читай и помни друга своего

Как для тебя, я для родной страны

Я не жалею и не жалею ничего.

Страна обширна наша и богата

Как в нас, насыщена с тобой любовь.

Ты помни, друг, что мы когда-то

Встретимся с тобою вновь».

«8.02.43.

Здравствуй, дорогая жена Тонечка! ... Тысячу раз остаюсь благодарен за письма, полученные от тебя. Тонечка, очень рад за то, что наш Вовочка уже рассказывает стихи на ушко. Ведь когда я уезжал, то он не мог как следует разговаривать. Неужели, Тонечка, так долго я нахожусь оторванным от вас? Остаюсь доволен за то, что Галя тоже начинает говорить слова, остаюсь доволен за их развитие и здоровье. Тонечка, благодарю мамашу за заботу о детях. ... Не обижайся, что мало написал, тороплюсь, еду на задание. Привет всем, целую всех, твой Ваня».

«12.02.43.

Добрый день!

19 марта 1943 года. Тонечка! Если ты помнишь, то эта дата для нас замечательная. Эта дата является трижды любимая для меня и дважды для тебя. Во-первых: день моего рождения, мне исполнится 27 лет. Во-вторых: день регистрации в загсе города Омска. В-третьих: день зачисления на службу в Красную Армию.

Всё шло хорошо. Жизнь забила ключом, полной любви, радости и веселья. Казалось, лучше и не может быть. Но вот настал период, когда нашу жизнь разрушила война. Она изменила жизнь. Если будем живы и судьба улыбнётся нам, мы встретимся снова. Твой Иван».

«29.07.43.

Здравствуй, дорогая жена Тонечка. ...

Изменений в работе по службе пока нет, дальнейшее пока не известно. Рокот моторов, глухие разрывы снарядов и бомб, грохот орудийных выстрелов смешивается с треском пехотного оружия и голосами, доносящимися до моих ушей. Среди такого вечернего оживления я хочу вам черкнуть пару слов. ...

Тонечка, остаюсь благодарен за детей. Я не представляю их сейчас, но из твоего описания предполагаю, что хорошие ребятки. Я очень рад за их здоровье и развитие. Тонечка, целуй за меня каждого из них и воспитывай так, как мы желали воспитать их, будучи вместе. Постарайся сделать для них всё.

Вовик, Галочка. Отдельно шлю вам свой горячий, нежный и ласковый поцелуй. Живите дружно, любите друг друга. Я рад за то, что вы стали такие большие и умные. Разучивайте, посланную вам, песенку. Пишите мне своими рученьками, я буду рад прочитать ваши письма. Целую вас крепко и нежно. Ваш папа».

«7.08.43.

Здравствуй, сынок Вова и дочка Галя! ... Посылаю вам, дорогие мои, книжечку «Сказка про хитрого кролика». Получите, её разучите, и потом расскажите мне. ... Целую вас, ваш папа».

«1.09.43.

Тоня.

*Прими письмо, моя родная,
Прочти его и вспомни про меня
В борьбе со мною за одно шагая,
Люби детей, как я люблю тебя.*

*Покорные растут у нас с тобою дети
Любимцы наши, тобою рождены
Милее их мы не найдём на свете
Ими мы с тобой одарены.*

Ваня».

«30.10.43.

Здравствуй, дорогая жена!

*Свой привет тебе я посылаю
В нём выражаю чувства я свои
Я много, много о тебе мечтаю
И вспоминаю ласки милые твои.*

Прохладная, осенняя ночь, ветер, сбивает пожелтевшие листья с деревьев. Обессилившие они, цепляясь за ветви, падают на землю, образуя на ней мягкий покров, напоминающий то утро, осенью 1938 года в городе Омске.

*Ты вспомни, как было когда-то
Как вместе мы были всегда,
Представь себе образ солдата*

И вспомни его иногда.

Тонечка! Такая осенняя природа встречается и в условиях фронта. Шорох листьев поглощается разрывами снарядов гитлеровского полчища. Но армия Гитлера с каждым днём всё дальше и дальше откатываются назад, для неё близится время окончательного разгрома. Это даёт нам возможность ещё встретиться, если наша жизнь останется не прерванной боями с проклятой немчурой.

И вот тогда мы снова будем вместе встречать осень, зиму, весну и лето. А как всё-таки хорошо вместе, как ты думаешь? А?

Миллион проклятий Гитлеру и его прислужникам за нарушение сотен тысяч жизней! Целую тебя, крепко, крепко Твой Ваня».

«25.12.43.

... Тонечка, 22 месяца наша жизнь течёт в разлуке, ты права, что я не вижу развитие наших детей, которых я сильно люблю. Но ты знай, Тоня, что я надеюсь на тебя, считаю, что ты знаешь, как их нужно воспитывать. ... Мне безумно хочется быть среди вас, но я занят. Целую детей, тебя, крепко, крепко. Твой Иван».

«9 май 1945 год.

С Великим праздником Победы, дорогие мои Тоня, Вова, Галя и мамаша. Примите мой пламенный привет, привет Победы, наполненной радостью, для выражения которой я не нахожу слов. Дорогие мои, вот и настал день, ожидаемый нами почти в течение четырёх лет. Этот день настал сегодня, вот именно в самый обыкновенный майский день – среда.

Сообщаю, что я пока жив и здоров. Жизнь течёт по-прежнему с наполнением в неё столько радости, для характеристики которой вряд ли можно подобрать слова. ... Мы победили, мы на голову разбили фашистского зверя в его собственной берлоге. Остаётся, дорогая моя, дожидаться ещё одного дня, дня, когда мы встретимся с тобой и этот день, я думаю, будет не менее радостным для нас с тобой. Думаю, 7 ноября мы должны встретиться, в крайнем случае - на Новый год.

«Жди меня и я вернусь!» Я целую детей, мамашу, целую тебя. Твой Ваня».

«11 июня 1945 год.

Здравствуй, дорогая Тоня! ... Жизнь течёт сравнительно хорошо. С малярией не встречался больше. ... Всё забывается и остаётся в забвении и только одно не выходит из головы: желание и чувства встречи с тобой, с детьми и всеми родными. Желание поднять тост «за встречу», после столь продолжительной разлуки.

Война закончилась. Вот уже второй месяц, как течёт мирная жизнь, жизнь без выстрелов и разрывов бомб. Можно сказать, что к концу года должна состояться долгожданная наша встреча. И мы передадим друг другу те чувства, которые овладевают нами сейчас. Только мы можем передать всё то, что накопилось за истекшие годы войны в наших сердцах, и горечь переживаний и радость предстоящих дней.

Верно, дорогая моя, что тебе хочется обнять и крепко, крепко прижаться ко мне, рассказать всё, всё. Но, моя крошка, ещё немного терпения, при встрече я разрешу тебе исполнить все свои желания. Хочу сказать, прошу не отказать и мне, ибо у меня желания и чувства выросли в той же степени. ...

Я не помню, сообщал ли я тебе о том, что в феврале месяце я награждён орденом «Красная Звезда».

Целую крепко, крепко много раз. Твой Ваня».

«1945 год.

Здравствуй, моя дорогая Тоня! ... Радости нет предела за то, что здоровье всех вас на данное время хорошее, что дети растут замечательные. ... А может у нас получится так, я приеду, а ты не узнаешь меня даже при свете? Я совсем состарился, много морщин на лице и к тому же отрастил некультурные усы. Считаю, что если ты в таком виде признаешь меня, то день встречи должен быть лучше дня нашего объединения. ...»

В июне 1946 года отец прислал телеграмму с дороги, что возвращается домой. Радости в семье не было предела. Живой и невредимый, отец возвращался домой! Готовиться к его приезду стали заранее. Дом был прибран, мама с бабушкой настряпали всего вкусного, насколько позволяли запасы. А ребятишек, Володю и Галю, мама с корзиночками отправила в лес за ягодой.

Галина Ивановна вспоминает: «Идём мы с братом, взявшись за руки, корзиночки полные ягод. У околицы встречают ребятишки с криками: «Катер идёт, и папка ваш едет!» Мы с братом бегом побежали к пристани, а тут лужа огромная на дороге, а где обойти можно, мальчишки деревенские с ужами, пугают нас, а мы пройти никак не можем, боимся.

Уже и змей в деревне в то лето было огромное количество. Иногда ужи по срубам могли забраться на чердак, грелись там под крышей, а иногда бывало, что сваливались оттуда клубком. Вот страху то было!

Кое - как проскочили мы мимо мальчишек, бегом к пристани, а там уже мама с бабушкой и соседями. Причалил катер, отец сошёл на берег, взял нас с братом на руки и отпустил только тогда, когда домой пришли. Привёз конфет, сразу выдал нам кулёк, чтобы мы соседских ребятишек угостили. Ребятишки терпеливо ждали на улице, висели на заборе и заглядывали в окна, скоро ли мы выйдем. Раздали мы конфеты, гордые, счастливые и побежали с братом цветы отцу нарвать. Далеко ходить не стали, зашли в огород и нарвали по букету помидорных цветков, сколько в наших ручках поместилось. Зашли в избу, и

помню, какая тишина вдруг стала. Все увидели помидорные цветки в наших руках. А мы понять не можем, почему такая тишина. Но ругать нас никто не стал, нас вообще родители никогда не ругали, любили нас.

В 1947 году родился брат Виктор. Жили мы в деревне до 1954 года, а потом отца перевели в Барнаул главным бухгалтером в трест Алтайлес, который в дальнейшем был переименован в Краевое Управление Лесного хозяйства по Алтайскому краю. Умер в 1980 году, а мама в 1990-ом. Совсем немного родители не дожили до золотой свадьбы».

Использован материал из семейного архива Г.И. Яковлевой, г. Барнаул

Устенко Николай Григорьевич

*Услышали гул артиллерийской стрельбы.
«Манёвры начались»; - подумали мы...*

Николай Григорьевич родился в селе Петровка Ключевского района Алтайского края 8 ноября 1922 года. Родители Николая Григорьевича переехали на Алтай в 1899 году, голодно в то время было в Воронежской губернии, земли у семьи было мало. На семейном совете было решено отправиться одному из сыновей на вольные сибирские земли. В начале XX века активно осуществлялась Столыпинская аграрная реформа, по которой, переселившись, можно было получить надел земли. Выбор пал на отца Николая Григорьевича. Остановились на постоянное место жительства только с десятой попытки. Отец Николая Григорьевича знал грамоту, учился в своё время в церковно-приходской школе, а мама была неграмотная. Яочень сожалели,

что образования маловато, но всё сделали для того, что бы их дети грамоту знали и выросли образованными.

В 1930 году Николай пошёл учиться в школу, ему тогда исполнилось 8 лет. Окончив 4 класса, пошёл учиться дальше, теперь уже в школу в соседней деревне, жил на квартире, только по выходным удавалось побывать дома. Николай Григорьевич вспоминает: «Отец мой прогрессивным и умным человеком был. Единственная газета в деревне приходила по подписке ему. Он старался быть в курсе мировых событий. Участник Первой мировой войны, был в плену – бежал. Нас детей всегда наставлял, что каждый должен сам определить свой жизненный путь, следовать по нему и постигать новые знания. Мне учёба была не в тягость, учиться хотелось всегда. В детстве мечтал стать дирижёром. Я играл в школьном оркестре на мандолине, нравилось наблюдать за дирижёром: стоит перед оркестром, а все играют, как он захочет».

1940 год. Позади успешно сданные экзамены за 10-й класс. Николай Григорьевич стал единственным в деревне в то время, окончившим десятилетку. Его направляют на учёбу в Челябинское военное училище летчиков-

наблюдателей. Николай Григорьевич вспоминает: «Я был готов к армейской службе. Мы понимали тогда, что на границе страны неспокойно, готовились встать на защиту Родины. Я, как и мои одноклассники в то время, имел значок ГТО, «Ворошиловский стрелок», прошёл курсы санинструкторов, курсы противовоздушной и химической обороны. Был очень спортивным, крепкого телосложения, но в училище лётное меня не взяли по состоянию здоровья. Весной я переболел скарлатиной, видимо болезнь дала осложнение. Тогда меня направляют в Томское артиллерийское училище, но и там меня не взяли – не подошёл по здоровью. В декабре 1940 года меня призвали в армию. 18 декабря я был в Риге в артиллерийском полку 28-й танковой дивизии. Командовал полком Черняховский И.Д. Началась моя служба. Тут клич: «Кто успешно окончит школу молодого артиллерииста, получит звание младший лейтенант запаса». Я был среди желающих, но получить звание лейтенанта помешала война.

Полк стоял лагерем на рижском взморье. 18 июня 1941 года по тревоге нас отправили на большие тактические манёвры, перед отправкой объявили, что возможно манёвры перерастут в боевые действия, врага оттеснить, но границу не переходить. Такая была дана установка. Помню разговор с латышом на речке, он рыбу ловил. «Бывало, в мирное время рыба лучше клевала». Мы удивились, а разве сейчас не мирное время? «Сейчас передышка. А потом вам придётся воевать с Германией». Это удивило, он же латыш, гражданин СССР. Я спросил: «А вы за кого будете воевать». – «Разумеется за вас. Я в царской армии служил, знаю русских, они мне нравятся, но здесь много и таких, которые будут воевать за немцев».

И через неделю – война. К 20 июня наш полк прибыл к месту назначения, чуть западнее города Шауляй. Два дня окапывались. Я работал в штабе полка, подготавливал карты местности. Под утро меня отправили в посёлок за водой для полевой кухни. А ещё была у меня мечта раздобыть варенья, уж очень хотелось сладкого. По дороге мы с шофёром слышали гул артиллерийской стрельбы. «Манёвры начались», – подумал я. Рассвет только занялся, местные жители коров на луга в это время выгоняли.

И вдруг – вражеские самолёты над головами, начали бомбы бросать. Грохот, рёв скота, крики и плач женщин! Эти же самолёты обстреляли лес, в котором мы расположились. К 11 часам немцы прорвали оборону. Наш полк, как и другие, был вынужден отступать. Отступали почти до Москвы. Страх был, но паники среди солдат не было. Свято верили в то, что мы победим, огрызались, как могли».

А домой с фронта от Николая шли письма. Отвечала сестра, 2 брата воевали, а девушки у Николая, которая бы его ждала, ещё не было. Вспоминает: «Я за руку девушку взял лишь в 43 году. Отмечу, что на фронте солдаты с почитанием относились к девушкам, которые воевали рядом с ними, уважали их, помогали и старались защитить в бою. Очень уважительно относились к женщине и воевали за них – за матерей, сестёр, любимых и за Родину, конечно».

Битва под Москвой, Сталинград, Курская дуга... Война для Николая Григорьевича окончилась в Германии в 1945 году. Оба его брата погибли на

фронте, и душа рвалась в родной дом. Его мама, Степанида Григорьевна, призналась Николаю: «Как война с немцем началась, так в деревню похоронки стали приносить. А нам не несут, а ведь у меня три сына воюет и не будет так, что б беда двор обошла. Ты уж меня сынок прости, но я всё думала – пусть тебя убьют, ведь ты не женат, а у братьев твоих дети. У одного четверо, у другого двое. Детки сиротами останутся». Оба брата погибли на фронте. Николай Григорьевич горестно вздыхает: «Я не обиделся тогда на мать и сейчас не в обиде. Её понять можно, но с того времени дети моих братьев стали моими детьми, я как мог, старался заменить погибших отцов».

Страна оправлялась от ран войны, переходила на мирные рельсы, нужно было трудиться, восстанавливать разрушенное, нужно было жить. Николай Григорьевич решил работать либо учителем, либо юристом. Получить профессию учителя и юриста можно было заочно. Но его приглашают работать пропагандистом – коммунист, фронтовик такие партии были нужны. По окончании курсов пропагандистов Николая Григорьевича назначают 3-м секретарём райкома партии Ключевского района по кадрам. Вскоре он уже 2-й секретарь, с отличием окончил партийную школу, всегда от учёбы получал удовольствие и учился с интересом. В 1953 году с отличием оканчивает институт, затем он 1-й секретарь Алтайского райкома партии. Уже давно пора думать о семье.

В местной библиотеке работала хорошенькая девчушка, приветливая, чернобровая. Николай пригласил её на танцы. А танцевать не умеет, на ноги девушке во время танца несколько раз наступил. «Что то у нас не получается». «Как ведёте, так и получается», – парировала она. «Не буду её провожать, язва», – подумал Николай Григорьевич. Но запала она ему в душу, а тут уезжать на новое место работы нужно, а как без Верочки. Николай Григорьевич, как и положено было в то время, сватался, просил руки Верочки у отца. 7 июля 1947 года в селе Орлово Устенко Николай Григорьевич и Логвина Вера Ивановна расписались.

1960 год. Николай Григорьевич 1-й секретарь Родинского райкома партии. Большое внимание уделяет в своей работе состоянию школ в районе, успешно работают комиссии по выявлению и оказанию помощи нуждающимся ученикам. В 1960 году Николая Григорьевича Устенко назначают заведующим отделом народного образования Алтайского крайисполкома. А в 1975 году предлагают совершенно новое для него дело – должность ректора института культуры. Института, который нужно организовать с нуля в городе, где нет театра оперы и балета, а значит, нет преподавателей. Нужно было сформировать преподавательский состав, уговорить педагогов переехать на жительство в Барнаул, обеспечить их жильём, произвести набор первых студентов, организовать весь педагогический процесс. И снова Николай Григорьевич с честью справился с поставленной задачей, об этом говорят многочисленные награды, врученные Николаю Григорьевичу и достижения вуза.

Во все времена рядом с Николаем Григорьевичем была семья, его правая рука, советчик, вдохновитель жена Вера Ивановна. Они и сейчас не умеют

просто сидеть перед телевизором. Вера Ивановна всё по дому хлопочет, помогает дочери в саду, с внуками, правнуками нянчится. Николай Григорьевич до последних своих дней вёл очень активную жизнь, был председателем Барнаульского городского Комитета участников Великой Отечественной войны, вел огромную работу по патриотическому воспитанию среди подрастающего поколения.

Использован материал музея истории АлтГАКИ, г. Барнаул

Федорищев Сергей Акимович

Сергей Акимович родился в потомственной семье шахтера 3 октября 1912 года в поселке Байкаиле города Ленинска_Кузнецка Кемеровской области. Среди четырех братьев Сергей был вторым по старшинству. После окончания школы, до армии, Сергей работал на шахте, помогая отцу растить братьев. Мама болела, а отец трудился один. После службы в армии Сергей учился в летном училище. По окончании училища служил в Западно_Сибирском военном округе. В 1939 году был направлен в город Барнаул в распоряжение краевого комиссариата. Служил в Осавиахиме. Женился, родились две дочки, которых он очень любил.

Дочь Любовь Сергеевна вспоминает: «Отец с любовью и нежностью относился к нам. Хорошо помню, как в конце каждой недели он возвращался из военного летного лагеря и приносил нам гостинец - лесную землянику.

Жили мы в Барнауле на улице Анатолия. С началом войны отец редко появлялся дома из_за большой загруженности на работе. В конце ноября 1941 года был направлен в Бийский горвоенкомат для укрепления кадров. В декабре того же года зачислен на военные курсы в Новосибирске. Когда эти курсы были закончены, в феврале 1942 года с 886_м полком Сибирской дивизии отправился на фронт».

21.02.42 г.

«<...> Сообщаю вам, что я сейчас нахожусь в дороге. Пишу письмо на станции Златоуст, что дальше Челябинска. Едем по направлению к Москве. <...> Нюсечка, не скучай, не горюй, живи, как можно лучше. С приветом, твой дорогой Сергей. <...>»

04.04.42 г.

«Здравствуйте, моя милая, дорогая Нюсечка и мои милые, дорогие деточки. <...> Нюсик, милая, я сейчас нахожусь далеко от вас, в Смоленской области. <...> Нюсик, как вы живете, я не знаю и не представляю. Но, ничего, Нюсик, когда-нибудь придет тот день, когда мы с тобой увидимся, и это будет великое счастье. А сейчас надо уничтожить фашистских варваров, и тогда заживем новой жизнью. <...>»

Апрель 1942 г.

«<...> Здравствуйте, мои дорогие милые Нюсичка, детки Любусик и Валюсик. <...> Сообщаю вам, что я жив и здоров, этого и вам желаю. <...> Милая ты моя, дорогая, я только на тебя с детками смотрю на карточку и

вспоминаю нашу жизнь. Нюсик, живи, милая моя, золотая. Жив буду – увидимся.
<...> Жду ответ от тебя с детками, милая ты моя, золотая. <...>»

Любовь Сергеевна вспоминает: «Последнее письмо от папы мы получили 10 апреля. А в начале мая мама получила похоронку, что «16 апреля 1942 года героически погиб Федорищев Сергей Акимович близ деревни Фомино 2, защищая Юхновскую группировку на высоте 2698 Варшавского шоссе». Совсем маленьким ребенком, в шесть лет, пришлось пережить тяжелые дни и месяцы этого страшного удара, потерять дорогого отца».

Использован материал музея «История села Лебяжье» школы № 93, г. Барнаул.

Переписка семьи Фефеловых

Эта переписка включает в себе письма Фефелова Василия Харитоновича, 1884 года рождения, адресованных жене Фефеловой Василисе Назаровне и сына Фефелова Петра Васильевича, 1923 года рождения, адресованных матери. А также письма Василисы Назаровны своему мужу.

«26.02.43г.

Здравствуй, милая мама!

В первых строках своего письма сообщаю, что еду. Уже проехал Новосибирск и двинулся на запад. Выехал из Рубцовска в ночь с 24 на 25 февраля. В Новосибирске были в бане. Получили ватные брюки, а в Рубцовске получили тимы. Еду в штабном вагоне. Поехали, очевидно в Москву. ...»

«15.03.43 г. Письмо из Москвы

Здравствуй, милая мама! ... Во-первых, сообщаю, что до Москвы доехали благополучно. Чувствую себя хорошо, здоровье лучше, чем выехал. Едим хорошо, варим кашу, колбасу едим. Обо мне, мама, не беспокойся. Дорога очень интересная. Я удивляюсь, почему от Урала до Москвы ходят в лаптях. Более культурные, а ходят по- старому. Пока все. До свидания, передавайте от меня приветы.

Пока, Петр».

«10.04.43 г.

... Спешу сообщить, что я продолжаю ехать дальше. В Москве простояли 25 суток и выехали в Воронежском направлении. Сейчас уже проехали Воронеж. Едем по территории, где были обнаглевшие фашисты. Очень ярко видим их звериные следы. Скоро высадимся и в часть, а затем и на фашистских зверей. ...»

«23.04.43 г.

... Спешу сообщить, что я прибыл в часть. Здесь нас приняли очень хорошо. Я сейчас являюсь младшим командиром. Получил адрес: полевая почта 24527Ф. Я получил хорошее оружие - автомат. Чувствую себя хорошо. Скоро должны попасть на передовую. Мама, писал на скорую руку на прикладе автомата. ...»

«10.06.43 г.

Здравствуй, милая мама, Костя, Катя, Лиза, Дуся! Примите от меня по горячему привету и пожелайте в дальнейшем хороших успехов в моей службе. Несколько слов о себе. Получил звание лейтенанта, а самое главное - вступил в члены ВЛКСМ. Здоровье хорошее, чувствую себя бодро, как и следует командиру Красной Армии.

Мама, вы пишете, чтобы я отомстил немецко-фашистским оккупантам за слезы матерей и за кровь наших братьев и был смелым и бодрым в бою. Ваши

заветы и просьбы я с честью выполняю. Обещаю бить фрицев так, чтобы их потомкам было неповадно поднимать оружие на русские города и села, а также и на наших людей, потому что это мой долг и перед вами и перед Родиной. Я честь дивизии Сталинградцев не посрамлю. Будьте спокойны. Пока все. Плохо писал, потому что на ладони - небольшая дырочка, и пальцы немножко припухли. ...»

«19.06.43 г.

... Мама, пишите чаще. Помните, что боец, получив письмо с родины, становится веселее и бодрее, и легче бить врага. Поэтому он, несомненно, победит. А мы должны и обязаны победить, чтобы не стать рабами проклятых фашистских собак. Победа будет за нами. И будьте уверены, что ваш сын с честью выполнит свой долг перед Родиной и народом. ...»

«14.07.43 г.

Здравствуй, милая мама. С красноармейским приветом к вам ваш сын. Во-первых, сообщаю, что я в данный момент нахожусь под Курском. Состояние здоровья хорошее. Чувствую себя бодро, настроение хорошее. Одним словом, все в порядке - есть все, что необходимо бойцу для того, чтобы лучше бить врага. Хотя враг и рвется, и хочет пройти на Восток по нашим трупам, но это все напрасно. Напрасны его порывы, мы его не пустим, а наоборот, мы его задерживаем, уничтожаем и в дальнейшем пойдем по его трупам на запад.

Напрасны все его последние порывы, которыми он хочет пробить нашу оборону. Этот зверь скоро перестанет рычать, так как будет уничтожен до конца и навсегда. ...»

«31.07.43 г. Фефелову Василию Харитоновичу. Полевая почта 31658Е.

Здравствуй Вася! Получила твое письмо 31.07.43 г., которое ты писал 4.07.43 г. Меня удивляет, почему ты не получаешь от меня письма. На одно твое всегда пишу два письма.

Вася! Ты спрашиваешь, окончил ли Петя школу лейтенантов. Нет, он ее не окончил, их увезли на фронт. Он сейчас там командиром, обучает узбеков. Писал, что у него в ладони руки - дырка и пальцы опухли, поэтому, говорит, плохо письмо написал.

Вася, обо мне не беспокойся, я живу хорошо. Хлеба получаю 800 граммов, сухой паек- рыбу, масло. Посадила картошку, уже копаю ее, и варю. Зарплату получаю 315 руб. Перевели меня на другую работу, кладовщиком на хозяйственном складе. Работа легкая, выдаю горючее только для цехов по требованию. Костя работает в милиции. Я от них с квартиры ушла еще в феврале, на улицу Громова 25. Квартира для меня подходящая, но я подала заявление, чтобы мне дали казенную квартиру. Обещают в августе, а то на частной квартире много топлива надо. Вася! Верин муж погиб на Ленинградском направлении. ... Ну, пока все. Будь жив и здоров. Жду домой с Победой. Твоя жена В. Фефелова».

«25.08.43г.

Здравствуй, милая мама, с приветом к вам ваш сын Петр.

Во-первых, я сообщаю, что я сейчас нахожусь в Старом Осколе, временно на пересыльном пункте и имею направление в госпиталь. Ожидая «летучки». Ранен, мама, я легко в правую ногу осколком. Вынут осколок, и рана быстро заживет. Ранен я 21.08.43г. под Белгородом при генеральном наступлении по всему фронту.

Был под Курском, как я уже писал, но враг перешел в наступление на Белгородском направлении, и нам пришлось пойти и изгнать его с той территории, которую ему удалось занять на 5 дней. И мы свое дело сделали, угнали его снова к Белгороду, а затем и заняли Белгород. Я очень жалею о том, что не пришлось в данный момент гнать гадов дальше, но ничего, я еще свое возьму. Будем бить гадов так, что они больше не будут ходить к нам в гости с оружием. Они уже крепко чувствуют силу русского оружия.

Мама, пока все. Напишу подробно из госпиталя».

«29.08.43г. Сумская область, село Красная Яруга.

Здравствуй, милая мама, с красноармейско - командирским приветом к вам сын Петр. Во-первых, спешу сообщить о том, что я из госпиталя выехал и направлен в часть. Осколок не вынимали, но рана зажила хорошо. Чувствую себя тоже хорошо, т.е. по-прежнему готов бить фрицев.

Сейчас я двигаюсь уже в прифронтовой полосе, по тем районам, которые мы сами отбивали уже в этом году. Я был недалеко от того места, где был ранен. Теперь я иду уже с большой уверенностью, что мы победим и уже имею представление о наступательных боях, не так, как те первые раза. Первый раз я был ранен в обороне, а второй - уже в наступлении. А сейчас третий раз, что будет - увидим. Я твердо знаю, что мы, несомненно, победим, и буду гнать врага до конца.

Ваш сын Петр».

Из письма матери - отцу от 15.10.43 г.

«... Первый раз Петю ранили в руку, в ладонь навывлет. Второй раз в бедро правой ноги осколком и вот теперь в левую ногу».

«Писала 27.10.43 г.

Здравствуй, Вася! Получила от тебя, как тебя ранили, 3-е письмо. Письмо от 25.10.43 г. получила, в котором ты пишешь, что деньги получил. Покупай, что можно кушать, хотя на эти деньги ты мало купишь, но столько смогла послать. Если еще получу зарплату, то еще пошлю. Давай выздоравливай, да приезжай домой. ... Вася, а почему ты не сам адрес писал? Ну, все, Вася, пока. Желаю тебе быстрее поправиться.

Васса Назаровна».

«Фефеловой В.Н. от мужа из госпиталя №3600, в Алге Актюбинской области.

Здравствуй, Валя! Я получил от тебя письмо 5 ноября. Я теперь хожу на костылях, на ногу стал немного наступать, но она еще опухшая и, как похожу, отекает. Лечение принимаю такое: электрические лучи синего цвета, соленые ванны, лечебную физкультуру, чтобы стало работать колено, сгибаться стало больше.

Валя, праздник Октябрьской социалистической революции провели хорошо. Приезжали шефы, привозили хороший обед. Валя, напиши, как ты живешь, как работаешь - все там же, или в другом месте? Сколько получаешь, как снабжение хлебом и вообще продуктами. Напиши, как провели праздник. Пропиши, как цены на рынке на продукты и на все.

Валя, я тебе писал, чтобы ты договорилась с начальником госпиталя, чтобы меня перевели в госпиталь в Рубцовку. Фефелов Василий Харитонович».

Отец и сын Фефеловы вернулись в Рубцовск.

*Письмо Чуйко Надежды Петровны, дочери Фефелова Петра Васильевича.
«8 апреля 1985 год.*

В канун 40-летия Победы я передаю в музей школы фронтовые письма моего отца и деда Фефеловых Петра Васильевича, 1923 года рождения и Василия Харитоновича, 1884 года рождения, которые любовно хранила моя бабушка Фефелова Василиса Назаровна. ... В возрасте 85 лет она умерла.

Наша бабушка прожила трудную жизнь. Была отдана в работницы, после революции она вступила в ряды РКПб, была коммунистом «ленинского набора». В год смерти В.И.Ленина, так называли вступивших в ряды Партии. Долгое время работала на партийной работе в Шипуновском райкоме партии.

В 3—е годы, годы становления Советской власти, была ранена кулаками. В годы войны трудилась на заводе АТЗ в самых трудных местах: катала вручную бочки с горюче-смазочными материалами (тогда не хватало грузчиков и машин)

И ещё ждала с фронта двух дорогих ей людей, мужественно ждала возвращения живыми сына и мужа. И они вернулись. Муж на одной ноге, а сын, израненный, после госпиталя. Победу они праздновали дома. 27 апреля 1947 года дедушка, Василий Харитонович, умер от заражения крови, дали знать о себе раны. ...

Фронтовые письма нам очень дороги. Бабушка комментировала каждое из них, много рассказывала о тех годах. ... Чем дальше уходят военные времена, тем слабее внуки и правнуки воспринимают это грозное событие нашей страны. ... Нам хочется передать эти документы для того, чтобы знакомясь с ними, молодое поколение ... не забывало историю нашей страны».

Использован материал краеведческого музея г. Рубцовска.

Фроловы Анна Тимофеевна и Фёдор Васильевич

Фёдор Васильевич после окончания Томского университета учительствовал. Анна Тимофеевна, получив специальность стоматолога, была военным врачом. Весть о том, что фашистская Германия напала на нашу страну, застала их в пути, когда они были в отпуске и ехали в гости к родителям в Быстрый Исток.

Война!.. Всё подчинилось этому страшному слову. Так сложились обстоятельства, что в составе своего соединения на фронт Аня ушла на два месяца раньше Фёдора, через неделю после войны. А он был вынужден томиться ожиданием писем с фронта и обивать пороги военкомата, что бы тоже уйти на фронт.

Анна Тимофеевна вспоминает: «Не доезжая линии фронта наше соединение под Смоленском, попало под бомбёжку. Навстречу нам шли беженцы: женщины, дети. Плач, крики, свист бомб, лязг и грохот железа. Остановились мы у местечка Ярцево, выкопали землянки. Стали поступать раненые, как их было много!»

Всё довелось испытать Анне Тимофеевне сполна – свист пуль над головой, гибель боевых друзей, голод, холод, смертельную усталость. Усталость и физическую, и ту, что намного страшнее, - усталость души. Но русский человек всегда находил силы, поднимались и шли. Не переставали верить, что русский человек победит.

Большой путь прошла капитан медицинской службы 178 Кулагинской Краснознамённой стрелковой дивизии Анна Тимофеевна Фролова. Бои под Смоленском, Ленинградский фронт, Карельский перешеек. Муж Фёдор Васильевич тоже воевал и писал ей письма.

«14.03.43.

Милая, родная Аня! Давно не получаю от тебя ничего. Грущу, до невозможности. О! А как я скучаю о тебе. Нет. Ты вряд ли сможешь представить себе всю силу тоски, которая не покидает меня никогда... Да... Посчастливиться ли нам когда-нибудь встретиться... Посчастливиться ли вернуться к прежнему... Оно было коротким, но таким, что никогда не повториться, если мы не встретимся...

Убогая комната Груши часто воскресает в памяти. В этой комнате текли чудные, чудные дни... Мне кажется, что я тебя видел так давно, так давно... Милая, а ты помнишь шалашик в районе Щечково. Помни ты этот шалашик. Сердце трепещет, как вспомнишь о прошлом. Пиши, Аня, чаще. <...> Ведь умереть можно, не получая твоих писем. <...>

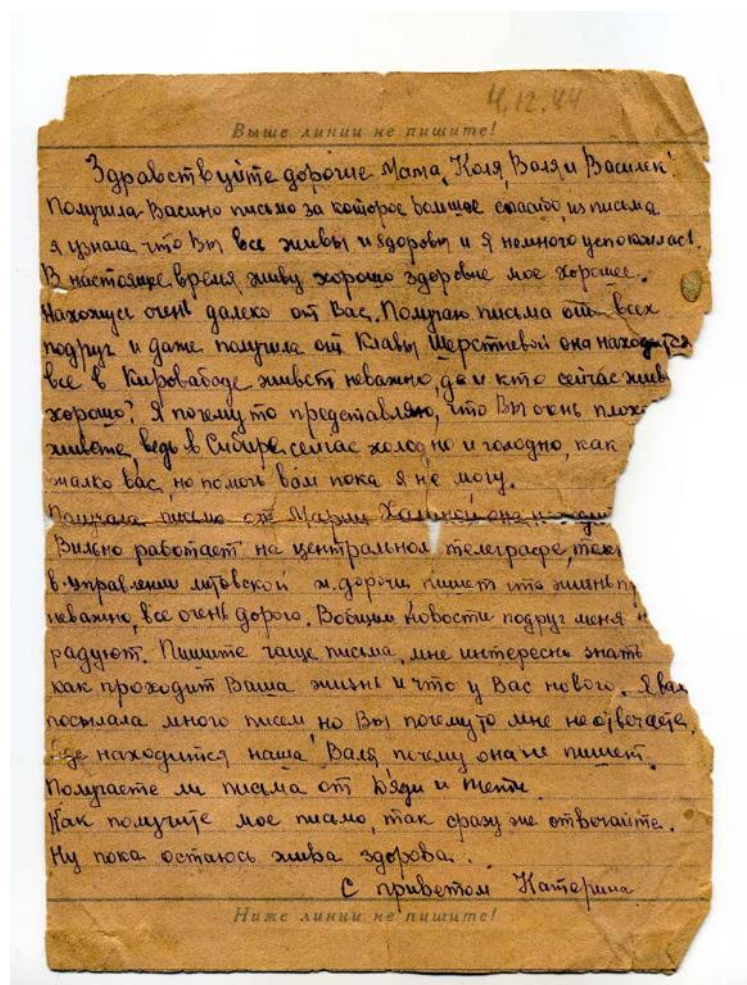
Я живу немного лучше, чем прежде. Правда, переживаю большие неудобства в связи с тем, что потерял свой чемодан. Там у меня было 3 пары чистого белья, а это большое богатство <...>. Ну до безумия жаль то, что я хотел хранить до бесконечности...

Пиши, как живёшь ты. О! Как хочется увидеть тебя! <...> Целую мою милую Аню долго, долго, твой Фёдор».

Анна Тимофеевна вспоминает: «В 1944 году вдруг получаю письмо от Феди. Пишет: «Аннушка, нас переправляют в ваши края, ищи машину с буквой «М». И получилось совсем, как в кино – мы встретились с Федей. Я добилась перевода в его полк. Вроде и хорошо, что мы рядом были, а с другой стороны – я совсем покой потеряла: принесут раненых, а у меня сердце замирает – а вдруг Федя здесь?»

Потом были Латвия, Литва, Польша, Восточная Пруссия и долгожданная, радостная весть – «Победа!» Фашистская Германия повержена, но для капитана Фролова и капитана медицинской службы Фроловой война ещё не была закончена. Они в составе своего соединения отправляются на Дальний Восток – бить японских оккупантов. В сентябре Япония капитулировала, но демобилизоваться Фроловым пришлось лишь в 1946 году.

Использован материал краеведческого музея города Алейска.

Хайтман Ефим Наумович

*Танки находились в такой тесноте,
что непонятно, как они могли
двигаться во время сражения...*

Ефим Наумович Хайтман приехал в Барнаул в 50-х годах, по распределению после окончания института. Алтай стал его второй Родиной. Но он никогда не забывал грозных военных лет, помнил бомбёжки и эвакуацию. *[Интервью с Ефимом Наумовичем печатается в сокращении – прим.ред.]*

Ефим Наумович вспоминает: «До войны жили мы на окраине Харькова, на «Холодной горе», в тихом зелёном районе, где проезжающая по улице автомашина была редкостью. Аккуратный переулок с деревянными тротуарами и крашеными заборами, за которыми буйно росли яблони, груши, вишни и цветы. Зимой на улицах снег был таким чистым, что мы ели его с

брикетиками пастилы вместо мороженого.

До войны папа часто брал меня с собой на работу, всё рассказывал и показывал, познакомил меня с рабочими. По дороге домой папа заходил со мной в гастроном, покупал там что-нибудь вкусненькое. Тогда в продаже было всё – и осетрина, и лосось, и всевозможные консервы, такие как сардины, крабы, и цитрусовые, и прекрасные конфеты, и всякие деликатесные колбасные изделия. Папа любил готовить, делал это он всегда очень аккуратно, и приготовленное им казалось особенно вкусным.

22 июня 1941 года отец взял меня с собой за покупками, мы принесли целую корзину съестного, потратив на всё 21 рубль. Дома по радио мы услышали, что в 12 часов дня будет важное правительственное сообщение. Это оказалась речь Молотова о нападении Германии на СССР. Нам все уши прожужжала песня «Если завтра война», где пелось, что любой враг будет быстро разбит малой кровью, могучим ударом. Мы безгранично верили пропаганде и думали, что война долго не продлится.

Постепенно сообщения Совинформбюро охладили наши горячие головы. Начались воздушные налёты на Харьков. Я впервые услышал рваный гул немецких бомбардировщиков, увидел по-своему красочные картины ночных налётов, когда небо было расчерчено мечущимися световыми полосами прожекторов, которые, поймав вражеский самолёт в перекрестие двух или трёх прожекторов, перестав метаться, вели его, освещая для прицельного огня зениток. Падали с неба зажигательные и фугасные бомбы, медленно

планировали осветительные бомбы, видны были белые, похожие на клочки ваты, разрывы зенитных снарядов над городом.

Пацаны не принимали это всерьёз. У детей моего возраста почему-то была полная уверенность, что кого-кого, а нас-то уж точно не убьёт и не ранит. В каждом дворе жители выкопали «щель» – зигзагообразно проложенную в земле траншею в полный рост, накрытую брёвнами и слоем земли со входами на обоих концах. Вместо того чтобы укрыться в траншее, мы забирались на самые высокие деревья, чтобы лучше видеть происходящее. Нашей окраине просто везло или она не представляла для немцев интереса, а основной бомбёжке подвергались заводы и другие стратегические объекты. Наутро приходили слухи о попаданиях, пожарах, разрушениях, убитых и раненых.

Однажды днём я увидел, как над нашей улицей, прямо над крышами пролетел громадный немецкий самолёт, наверное, разведчик. Он не стрелял и не сбрасывал бомбы. Наша зенитная артиллерия молчала. В сентябре 1941 года, как обычно, начались школьные занятия, только теперь мы учились в частных одноэтажных домах, некоторые из комнат которых были приспособлены под классы, а наша школа, расположенная в том же микрорайоне, была отдана под госпиталь. Идя на занятия и с занятий домой, мы нередко становились свидетелями бомбёжек, наблюдали немецкие самолёты и разрывы зенитных снарядов в виде белых пушистых облаков, а главное, мы подбирали с земли только что упавшие, ещё горячие осколки зенитных снарядов и потом хвалились, у кого их больше.

С середины лета 1941 года к нам стали приезжать беженцы – наши родственники из западных районов страны: из Коростеня, Киева. В тесной квартирке из одной комнаты и кухни ухитрялось разместиться более десяти человек, не считая меня и мамы. Отец уже был призван, его воинская часть проходила формирование в городе Артёмовске, в Донбассе. Немцы всё ближе подходили к Харькову, нам пришлось эвакуироваться. В середине октября мы покинули Харьков.

К концу войны мы узнали, что фашисты расстреляли моих бабушку и дедушку вместе с другими чудновскими евреями, расстреляли в Виннице семью брата моей мамы.

Интересна судьба моего двоюродного брата Миши. Когда-то петлюровцы устроили в Виннице еврейский погром, согнали всех евреев и расстреляли их. Среди тех, кто подвергся расстрелу, оказался брат моей матери, тогда молодой парнишка, который чудом остался жив. Дождавшись ночи, он выбрался из-под тел убитых. Когда он подрос, женился, и у него родился сын Миша.

История повторилась, когда немцы захватили Винницу, они согнали всех евреев, в том числе, родителей Миши и его самого на расстрел. На этот раз мама Миши и его отец, которого уже расстреливали когда-то петлюровцы, были убиты. Но сам Миша, как когда-то его отец, остался жив, добрался до соседней деревни, и там его спрятали от немцев местные жители, рискуя жизнью. Там Миша дождался прихода нашей Армии и стал сыном полка. С этого момента и до конца войны он провёл на фронте.

Мы покинули наш дом и переехали с минимумом пожитков во Дворец кондитеров, где был устроен большой эвакупункт. Там были не только советские граждане, но и поляки. Так как они из капиталистического мира, а я успел начитаться о тяжелой жизни рабочих и крестьян при капитализме, то расспрашивал их о жестокой эксплуатации польскими помещиками и капиталистами, но они меня не понимали или делали вид, что не понимают.

Постепенно, по мере оформления проездных документов и по мере подачи составов люди уезжали далеко на Восток – в Сибирь, в Среднюю Азию. Насколько я помню, плата за проезд либо не требовалась совсем, либо была символической, все, кто хотел, могли уехать.

Моя мама, тётка из Киева с моей двоюродной сестрой Асей и её муж, которого не призвали на фронт по возрасту, а также бабушка и дедушка из Киева решили ехать в Самарканд, там тепло, фрукты и овощи, легче перенести тяготы военного времени. Незадолго до нашего отъезда маме сообщила жена знакомого командира, который был в одной части с моим отцом, что их воинский эшелон проследует в такой-то день через Харьков, будет иметь стоянку на Харьковском вокзале Основа. Видимо, эту информацию получили и немцы, так как к прибытию поезда они совершили налёт на вокзал группой из 26 самолётов.

К счастью, налёт был отбит, вокзал и эшелон не пострадали, маме удалось встретиться и поговорить с отцом. Через несколько дней подошла наша очередь, и мы поехали. Первый состав был обычный, пассажирский. В районе Купянска поезд обстрелял немецкий самолёт из пулемёта, попал в санузел, никто не пострадал. Первая пересадка была в Пензе. Железнодорожные пути были забиты составами всех конструкций – советскими, польскими. От Пензы мы поехали в грузовом составе. Дверь вагона была перегорожена широкой доской, прислонившись к которой я любовался окрестностями. Так мы доехали до Кинели, под Куйбышевым (сейчас Самара).

К этому времени уже выпал снег, наступили морозы. На время формирования нового состава, до утра, нам предложили переночевать в Кинели у местных жителей. Мы долго добирались туда, по дороге я обморозил ноги в летних сапожках, и потом долгие годы в морозы пальцы ног ныли и напоминали мне об этой эвакуации. Из Кинели мы поехали снова в пассажирском составе.

Когда мы прибыли в Ташкент, я не поверил, что совсем недавно ухитрился обморозить ноги - так тепло и благоуханно было в Ташкенте. Эвакупункт в Ташкенте был рядом с вокзалом, под открытым небом, на территории бывшего привокзального парка. Люди занимали скамьи, спали на них и около них на подстилках и пожитках. По земле, по траве ползали вши. Рядом с парком, на другой стороне улицы, продавали экзотические южные фрукты: гранаты, инжир. Помню, и мы с Асей попробовали гранат, которого раньше никогда не видели. Здесь же мы впервые слышали выразительные и энергичные крики ишаков. Через какое-то время, наверное, через пару дней, мы уже сидели в поезде на Самарканд. Это снова был обычный пассажирский поезд.

Когда мы приехали в Самарканд, мы по чьему-то совету добрались до рынка и остались там, прислонившись в тенёчке у какой-то стены. Мы ждали не

слишком долго. К нам подошли пожилой мужчина и подросток и предложили нам поселиться в их дворе, в домике, который они для нас освободят. Мы не стали выяснять, что это за жильё и безропотно пошли за ними. Нашими хозяевами оказались таджики – Хамид Хамдамов и его семья, проживавшие по адресу улица Кахрамана (т.е. героя), тупик 1, дом 44, рядом с хаузом и чайханой, не так далеко от усыпальницы Тимура Гур-эмир, которая сразу поразила нас своей красочностью и величием. В то время это сооружение было в лесах, не так давно был найден секрет изготовления цветных глазированных кирпичиков, которыми покрыты купол и стены усыпальницы, и началась реставрация.

Во дворе наших новых хозяев было четыре небольших домика из глины с плоскими саманными крышами и широкая веранда под навесом. Большой из домиков и веранду они оставили себе, а нам сдали один из домиков, где были сени и комната.

Семья хозяина, кроме него самого и подростка – сына по имени Немат, включала жену и двухлетнего сына Облакула. Облакул был острижен наголо, за исключением трёх, кажется, островков на голове, из которых торчали косички.

Эта замечательная семья стала нашей спасительницей во время войны. Как звали хозяйку дома я, к сожалению, не помню, может быть потому, что соседки, по местному обычаю, вызывали её к воротам именем младшего сына «Облаку-ул». Это была чудесная женщина, хотя и в возрасте, но со следами благородной красоты, внимательная, отзывчивая, высокая, стройная, с царственной походкой и с вызывающим уважение чувством собственного достоинства. В своей печурке под навесом веранды, на открытом воздухе она пекла великолепные лепёшки, прилепляя их к внутренним стенкам сферической глиняной печи и сбрызгивая водой, а угли были на дне сферы. Хозяйка наша имела красивый голос и тихонько напевала младшему Облакулу свои песни, о том, что придёт вода, и вырастут, созреют яблоки, и тогда старший сын Зия придёт с фронта. К сожалению, он так и не вернулся. Хозяйка наша казалась мне обобщённым воплощением матери. Не случайно она вырастила таких замечательных сыновей.

В Самарканде в нашем жильё не было ни электричества, ни радио. Пищу готовили на примусе или на керосинке, уроки делали при свете самодельной коптилки на хлопковом масле. Несмотря на это, и я, и Ася прекрасно учились. Многие школы были отданы под госпитали, под сыпнотифозные больницы, нас переводили из школы в школу, уплотняли классы, увеличивали число учебных смен, сокращали число уроков в смене, но несмотря на это, мы полностью прошли всю программу и знали все предметы назубок. Не мешает напомнить, что в те годы переход из класса в класс сопровождался экзаменами, чуть ли не по всем предметам, без всяких поблажек. И если мы учились хорошо, то это благодаря замечательным нашим учителям.

Вместе с учителями мы готовили выступления перед ранеными в госпиталях, собирали для фронта тёплые вещи, продовольственные посылки, ездили в колхозы на уборку хлопка, работали на некоторых самаркандских заводах. Работали на фабрике по выращиванию тутового шелкопряда, ездили на

строительство горной гидроэлектростанции. При этом мы с носилками, наполненными песком и гравием бегали в вышине, над ущельем по проложенной над ним широкой деревянной доске, высыпали носилки и бежали нагружать их снова. Как вспомнишь, так вздрогнешь.

Уборка хлопка запомнилась экзотикой окружающей обстановки. По вечерам были шакалы. Рядом с хлопковыми полями были поля сахарного тростника, которым мы лакомились. Запомнились вкусные пончики, которые готовились в казане на хлопковом масле. Утром мы по морозцу выходили на хлопковое поле, надевали на шею громадные пустые мешки и становились похожими на кенгуру.

Надо было одним движением захватить пальцами всю вату из коробочки (просунув пальцы между лепестками) и бросить её в свой кенгуроподобный мешок. Работали кто одной, кто двумя руками. Норма была 25 килограмм в смену, т.е. за весь день с утра до вечера. Пальцы у всех были ободраны коробочками.

Умереть от голода в Самарканде было трудно: отличный кишмишный сорт винограда в конце войны стоил 10 рублей за килограмм, помидоры – 3-4 рубля за килограмм. Правда, мясо, сливочное масло, хлеб стоили дорого. Цена сливочного масла доходила до 700 рублей за килограмм. Цены я помню потому, что сам ходил на базар, поскольку старшие не владели таджикским языком.

Летом, проголодавшись, можно было с местными ребятами прямо на улице влезть на тутовое дерево, оставив под ним расстеленное одеяло или простыню, и натрясти ягод тутовника (белые ягоды, размерами и строением похожие на малину, но ещё более сладкие и вкусные). Чтобы закончить продовольственную тему, скажу, что в начале войны, до введения карточной системы, за хлебом были очереди длиною с железнодорожный состав, с появлением карточек они уменьшились. Очереди были отдельно мужская и женская, так как мусульманин не должен видеть лицо замужней мусульманки. По той же причине в глинобитных домиках старого города все окна выходили только во внутренний дворик, и ни одно окно на улицу.

Норма по карточкам была для неработающих 300 граммов в день, для работающих, помнится, 600 граммов. В школе нам приносили один раз в день на подносе ломтики хлеба, посыпанные сахаром, или намазанные печёночным паштетом, а иногда даже приносили пирожки с таким паштетом. При переключке во время уроков английского, жуя эту подкормку, некоторые вместо «Ай эм» говорили «Я ем». На уборке хлопка и на стройке гидроэлектростанции нас кормили бесплатно и вкусно.

Так как отец был на фронте, мне и маме в военной столовой ежедневно отпускали две порции супа и две порции каши – то и другое из муки. По праздникам в кашу добавляли кусочки черепашьего или конского мяса. Это было очень вкусно. Я сам ходил за этим пайком. Наловчился держать судки с супом и кашей так, чтобы даже при моём падении в гололёд, например, паёк оставался в целости и сохранности. На базарах и на улицах продавали шашлыки,

но у меня никогда не было своих карманных денег, а только семейные, которые я не мог позволить себе тратить.

Я уже говорил, что мы жили в эвакуации без электричества и без радио. Рядом, на почте, или на крыше чайханы, точно не помню, был громкоговоритель, слушая который, мы узнавали о событиях на фронте из сообщений Советского информбюро, передаваемых обычно завораживающим до дрожи голосом диктора Левитана. В городе продавались газеты на узбекском и русском языках, были стенды с газетами для чтения под стеклом. Тётка моя приносила с завода многостраничную, диковинную в то время газету «Британский союзник», издаваемую в Англии на русском языке, исключительно благожелательную в отношении России.

После Сталинградской битвы на площадях города появились большие карты, где красной лентой отмечалась текущая линия фронта, а красными звёздочками освобождённые или занятые за сутки нашими войсками населённые пункты. После высадки союзников в Нормандии синими лентами и звёздами стали отражать на картах и продвижение союзников. Территория, контролируемая немецкими войсками, на глазах уменьшалась и, наконец, наступил День Победы.

В день, когда кончилась война, я побежал поделиться радостной вестью с моим другом, соучеником Катышевым. Он очень обрадовался и сказал: «Значит, сегодня в школу не идти!» В этот день Самарканд захлестнуло народное веселье. На соковом заводе выкатили бочки с вином для всех.

В 1945 году отец взял в своей войсковой части отпуск, приехал в Самарканд и увёз нас в Харьков. Поезд проезжал через Орёл, Курск, Белгород, по местам, где проходила летом 1943 года Курская битва и где произошло крупнейшее танковое сражение. Мы увидели громадное поле, покрытое невероятным числом обгоревших, подбитых немецких и наших танков, в такой тесноте непонятно, как они могли двигаться во время сражения. Стволы танковых орудий были нацелены в упор на танки противника. Над полем царила тишина, нарушаемая только стуком вагонных колёс нашего поезда. Эта картина до сих пор стоит в моих глазах...<...>».

Ходак Иван Тарасович

Иван Тарасович Ходак родился в 1910 году. До 1938 года семья жила в Казахстане в селе Мын-Билак. Потом они переехали жить в Барнаул. Жили на улице Жилплощадка, сейчас это проспект Калинина дом 18, квартира 25. Тогда эта квартира была коммунальной. Мама, Лидия Ивановна, не работала, занималась детьми. В семье было трое, брат Стас, сестра Аня и Нина.

Вспоминает Нина Ивановна: «Мама у нас была очень красивая, статная женщина. Очень мудрая была, многому она нас научила и хорошо воспитала. Отцу пришла повестка в первый день войны. Я тогда была маленькой, 3 с небольшим года. Я только помню, как мы провожали отца на вокзале. Было очень жарко, помню огромную толпу народа, и я сижу у отца на плечах. Мама плакала. Потом она рассказывала, что, уезжая на фронт, он сказал ей, что не вернётся живым. Будто чувствовал.

Письма от отца приходили регулярно. Мы всей семьёй их ждали и прочитывались они не по одному разу. Тяжело нам было. Мама пошла работать на Меланжевый комбинат. Работала по 16 часов в сутки, впрочем, как и все жители Барнаула. Трудилась она на выпуске парашютной лямки. Нас ребятишек, определили в круглосуточный детский сад. Зимой на всех нас было одно пальтишко. Саночек не было, мама сделала подобие саночек из лыж и отвозила нас с братом на этих импровизированных саночках в детский сад по очереди. А потом пешком шла на комбинат, транспорт никакой не ходил. Сестра Аня училась в школе, ей на завтрак давали кусок хлеба, посыпанный сахарной пудрой и стакан несладкого чая. Вместо тетрадей у неё были газеты.

Помогала бабушка, мамина бабушка, занималась с нами. Она жила в этой же коммунальной квартире в соседней комнате с нашей тётёй. Иногда она кормила нас драниками из картофельных очисток. Помню, что всегда хотелось есть. Ходили по улице, уткнув нос в землю, вдруг посчастливиться монетку найти!

Однажды мне дали кусок хлеба, посыпанный солью. Я вышла с ним на улицу. На первом этаже нашего дома был магазин продуктовый, в это время разгружали ящики с подводы. Зазевалась я, и лошадь слизнула мой кусок. Так было обидно.

Трудно было в суровые военные годы, но люди старались поддерживать друг друга. С соседями жили дружно, помогали, чем могли. Но была у нас соседка, помнить её я буду всегда. Жила она, по сравнению с нами, очень хорошо. Всегда у неё был вкусный обед, и в одежде недостатка не было. Так вот, она часто пекла и жарила пирожки, булочки, печенье. И всегда оставляла их остывать на самом видном месте. А они так вкусно пахли! Так хотелось их попробовать! Мама и бабушка всегда учили: «Брать чужое нельзя!» Но мой братишка нет, нет, да стянет с тарелки пирожок. Так соседка однажды отравила пирожки. Мой брат и соседский мальчишка долго болели, но, слава Богу, остались живы.

Рядом с нашим домом в школе располагался госпиталь для раненых. Мы ребяташки, в свободное время ходили туда. Кто что умел, тем и помогал в госпитале: песни пели раненым, писали письма за них домой, тяжело раненых поили водой. Нас никогда не выгоняли, благодарили за помощь.

А в феврале 1943 года принёс в наш дом почтальон совсем другой конверт, не треугольник. День был очень хороший тогда, солнце, небольшой мороз. Так и запомнился мне этот день, ярким, но пронизанным горем. Но мы не верили, что отца нет. Надеялись, что это ошибка.

Помню День Победы. Рядом с домом на столбе был рупор. Вокруг него собралось огромное количество людей. Женщины, старики и дети. Когда услышали известие, что кончилась война, что тут началось! Кто-то плакал, кто-то смеялся, люди целовались, радовались все! А потом стали приходить эшелоны с солдатами – победителями. Брат, и я с сестрой каждый свободный день бегали на вокзал, искали в приехавших своего отца, и спрашивали их «Вы не видели нашего папку?» Так продолжалось до тех пор, пока солдаты перестали приезжать эшелонами.

Тяжело было маме поднимать нас троих. Но мы все выучились, окончили десятилетку. Для семей, у которых родители погибли на фронте, была льгота – не платили за обучение в старших классах. Наш выпуск был последним, когда девочки учились отдельно от мальчиков. В классе было 36 девочек, и все они поступили в ВУЗы. Я поступила в пединститут.

Летом 1963 года к нам в дом пришёл корреспондент «Алтайской правды». Он принёс солдатский медальон. Найден медальон был во дворе дома в городе Могилёве, когда там копали погреб. Это был медальон нашего отца. В медальоне лежала записка.

«Дорогой Лидок! Жизнь моя, и не только моя, а многих других, подвергается каждую минуту опасности. Это ты получишь, и будешь знать, что меня нет в живых. Ты не расстраивайся, я иду в бой бить немецких оккупантов. Живите счастливо. Целую вас крепко - крепко: Стасика, Нинусю, Анюту и тебя. Ваш Ваня».

Вся боль, которая с годами немного утихла, вспыхнула с новой силой. Маму тогда разбил паралич, и она вскоре умерла. Второй раз не смогла перенести горе».

Использован материал из семейного архива Н.И. Ходак и музея школы № 114, г. Барнаул

Цимбале́й Матве́й Семёнович

Матвей Семёнович родился в 1901 году в городе Красноярске. Когда ему исполнилось десять лет семья переехала на Алтай в Рубцовск. Когда началась война, его сорокалетнего тоже призвали на фронт. Попал он в 87 кавалерийскую дивизию, которая с августа по ноябрь 1941 года формировалась в городе Барнауле. 21 ноября 1941 года Цимбале́й Матве́й Семёнович вместе со всеми был уже в пути на фронт.

Служил Матвей Семёнович в 241 кавалерийском полку писарем. Сохранился фронтовой дневник, который вёл Матвей Семёнович.

«11 декабря 1941 год. Первая прифронтовая остановка дивизии станция Чебоара Вологодской области. Здесь мы впервые встретили следы войны. Станция и другие постройки сожжены, подвижной состав и железно-дорожные пути разрушены. Короткая передышка наших частей дивизии. Впереди город Тихвин, но он занят фашистами. Идут бои за город. 18 декабря 41 года после упорных боёв город Тихвин взят Дальневосточной армией. Путь свободен для продвижения к фронту 87 Кавалерийской Дивизии. <...>»

Письмо Матвея Ивановича родным.

«11.11.41.

Здравствуйте, милые. <...> Получил от вас вчера письмо. Что меня особенно огорчило, это твои слёзы, которые я видел даже во сне. Правда меня это не удивляет зная, что вся тяжесть условий обстановки обрушилась на тебя. Но что можно сделать, в этом ты не одинока. При мысли, что мы обороняемся, уже надо понимать, что быть в армии наш долг, вы же находитесь в тылу. Должны также крепить оборону страны. <...>

Помни обо мне, как о защитнике правого дела, а не о покойнике, которого обычно оплакивают. <...> Я тобой горжусь, что ты хорошо понимаешь обстановку и умеешь морально понять, только уж не путём слёз и бессонницы. Я думаю, мы с тобой твёрдо договорились – больше ни капельки слёз. <...> Я всегда мысленно с вами. <...>

Как бегают Люлочка, наверное уже пробовал санки. Передай ему, что нужно слушать Мамочку, Милочку и бабушку. Я приеду – гостинцев привезу. Мамочка, поцелуй детей за меня. Ваш».

«18 января 1942 год. Станция Неболоть. Двигаемся собственным транспортом (на лошадях). Длинными тёмными ночами, лесами, оврагами, с небольшими привалами днём, без дорог.

24 января 1942 год. Город Малая Вышегора. Издали виднеются высокие чёрные трубы разрушенных и сожжённых врагом предприятий. Над городом кружатся фашистские самолёты. В 24 километрах линия фронта. Дивизия прошла маршем 17 километров. По пути первый населённый пункт забит ранеными. Из линии фронта виднеется сплошное зарево от пылающих домов. Это враг сжигает дома и постройки населения. Делаем первый привал на опушке мелкого леса. Отдыхаем стоя. Мороз достигает 35-40 градусов, некоторые бойцы обморозились.

26 января 1942 год. Двигаемся мимо населённых пунктов по следам фашистов. Наши убежища – леса, болота, двигаемся по просёлкам, тропинкам. Первая ночь непосредственно у линии фронта. Впереди село Ольховка – идёт бой батареи 87 дивизии. Заняли окраину села, <...>. На пути до села Ольховка нас встретили 16 бомбардировщиков врага. Самолёты фашистов преследовали нас целый день (есть жертвы).

29 января 1942 год. Лунная ночь. Двигаемся эшелонами по лесу на село Новая Деревня. Разведкой нашей установлено, что в селе Новая Деревня размещается отдельный дивизион противника.

30 января 1942 год. Утро в трёх километрах от села Новая Деревня. Части дивизии развернулись в боевой порядок и пошли в наступление, открытая местность. Враг встретил нас сильным пулемётным и миномётным огнём. С нашей стороны большие потери. Однако к вечеру враг оставил село – отступил. Убит командир фашистского дивизиона. Взяты трофеи: 183 лошади, 14 автомашин, продовольственный фуражный склад и документы штаба.

31 января 1942 год. Утро. Сильный миномётный огонь и атака врага заставили дивизию оттянуть часть войск. Оставив один батальон, боевое охранение и артиллерию. К вечеру вновь сосредоточились в Новой Деревне.

3 февраля 1942 год. Новое направление на деревню Ручьи. Части дивизии двигаются без дорог – просёлками по глубокому снегу, солдаты грудью пробивали снег. Орудия буквально несут на руках.

11 февраля 1942 год. Новая задача - занять деревню Конечики, что в 11 километрах от села Б-Еалино. Эскадроны дивизии с противником двинулись на деревню Конечики, а штабы и материальная часть пошли обходным путём, просеками. Лес и глубокие снега задержали нас на 2 лишних дня. Эскадроны

прошли более коротким путём и вступили с врагом в бой, заняли половину деревни Конечики. Но силы были неравные, вынуждены были отступить и закрепиться в 1-3 километрах от деревни.

10 мая 42 г. В 10 часов утра. 16 бомбардировщиков разрушили в селе Веретье двадцать пять домов. Пострадал немного и я, получил контузию, разбит боевой карабин и осколками пробит полушубок. Убито и ранено несколько человек».

В 1942 году Цимбале́й Матве́ю Семёновичу было присвоено воинское звание – «Интендант II ранга» и он был переведён зав отделом 241 кавалерийского полка.

«17 июля 42 года. Часть получила пополнение и переименовалась в 327 стрелковую пехотную дивизию. <...> Города и сёла по р. Волхов разрушены фашистами до основания, а от военного городка «Семиденские казармы» остались обломки кирпича. Название железнодорожной станции у Волхова «Местный бор» - распространилось псевдо название всей территории – «Мясной бор». Это соответствовало названию, трудно назвать количество похороненных солдат и офицеров в этом бору. <...>»

Письмо Матвея Ивановича родным.

«3.09.42.

Милые, Лида, бабушка и сынок. Долго не получал писем, а тут получил целых четыре. Чему очень и очень был рад. 2 письма получил от тебя, мамуля. <...> Вот уже второй день, как я снова на фронте. Всё привычное, через голову летят мины, вблизи рвутся снаряды, над головой часто, как пчёлы, с визгом пули. Ничто не беспокоит. Одним словом, мамуля, война беспощадная, враг ещё силен и опасен. Но думаю, что недалёк тот час, когда он свернёт себе шею. Только должно быть так, за кровь пролитую он должен поплатиться кровью.

Полученным от тебя письмам я был очень рад. Но уж очень начинаю беспокоиться о твоём здоровье, которое ты не бережёшь. Забываешь, что у нас дети. Что со мной может быть, а ты должна поберечь себя для детей. <...>

Я часто вас мысленно вспоминаю. Уж вы там особенно не поддавайтесь хвори. Старайтесь больше отдыхать, лучше питаться, для чего не жалейте ничего – остальное всё будет нажито. <...> Будьте здоровы. Ваши папка»

«5 сентября 1942 год. Наша часть снова отведена на формирование, получили новое пополнение.

7 января 1943 год. Выступили на прорыв вражеской блокады города Ленинграда. Двигаемся ночными маршами к линии фронта. 11.02.43 мы уже

расположились на подготовленных ранее позициях. Штаб занимает хорошо оборудованный блиндаж.

12 января 1943 год. Получен приказ о наступлении, а в 8 утра артподготовка началась. Первые залпы гвардейских миномётов (Катюш) которых поддерживали сотни других орудий, миномётов и артиллерийский бой продолжался семь суток. Враг не выдержал, отступил. На поле боя оставил технику и трупы солдат. 327 стрелковая дивизия заняла посёлок № 1 где и произошла долгожданная встреча Волховского и войсками Ленинградского фронта. Трогательной была встреча. <...>

18 января 1943 год. Блокада города Ленинграда была прорвана. 327 стрелковая дивизия отведена на отдых и формирование. За высокие боевые качества дивизии присвоено звание «Гвардейской дивизии».

29 января 1943 год. В лесу, в торжественной обстановке личному составу дивизии прикреплены на грудь гвардейские значки. Часть получила новое пополнение.

13 февраля 43 год. Передислокация части на Ладожское озеро, между старым и новым каналами. В лесу идёт учёба, готовимся к новым боям.

19 февраля 43 год. Ночными маршами двигаемся к линии фронта. Поставлена задача взять село Карбусель. Бой продолжался до 5 апреля. Часть продвинулась на 3-4 километра. Погибли земляки из Барнаула: помощник начальника штаба Говоровков Дмитрий, командир взвода миномётов – Долгих Пантелей Васильевич.

24 апреля 43 год. Мы уже в Ново-Саратовской колонии, что в 7 километрах от Ленинграда. Наши части расквартированы в лесу, в землянках. Получено пополнение. Идут занятия, готовимся к встрече 1 Мая. Волховский фронт объединился с Ленинградским».

Письмо родным.

«4.06.44.

Здравствуйте, милые! Ну как, сынок, поживаешь? <...> Мама пишет, что ты готовишься к учёбе. Напиши мне, как вы живёте. <...> Будьте счастливы».

«19.06.44.

Добрый день. <...> Я сейчас только пришёл, стирал бельё. Скажу правду, как мне надоела эта процедура и скоро ли я избавлюсь от неё. Будем надеяться и ждать. Чувствую я себя ничего, погода стоит жаркая. Спелые фрукты. Да и

у вас там лето. <...> Что пишет Милочка, я давно от неё не получаю писем, а пишу ей часто. <...> Целую, ваш папка».

«6.05.45.

Здравствуй, милая мамушка. Я несколько дней ожидал, думал, что вот напишу тебе подробное письмо на досуге, но так и не дождался, между работой пишу. Я пока жив и здоров, с 23 апреля нахожусь в Берлине. <...> Ты из газет знаешь, что город Берлин капитулировал. Город сильно разрушен, пузатые немцы очищают улицы, засыпают траншеи и воронки. Всюду следы большой войны. Смотрят на нас исподлобья, другие раскланиваются, но мы знаем их доброту. <...>

Мы перешли на мирную обстановку, живу я ничего, работы тьма. <...> Вам здоровья, целую, ваш папа».

«14.05.45.

Милые мамочка, бабуля и Юрочка. Наконец собрался с силами, встал утром рано и пишу, днём выкроить время не удаётся. <...> Наконец настала полная тишина. Германия поражена – капитулировала! Подписан акт капитуляции, война окончена, сколько радости всё это принесло человечеству! <...>

Писем давно ни от кого не получал, да и сам пишу мало. Очень устаю, как видно становлюсь старым, а как бы хотелось отдохнуть в уютной, домашней обстановке, ведь уж скоро 44 года. <...>».

В 1944 году Матвея Семёновича направили на переподготовку в Уфимское военно-пехотное училище КУКС. По окончании училища с 1944 по 1946 год он был направлен на Белорусский фронт зав делопроизводством отдела кадров 26 гвардейского корпуса.

В 1946 году он был демобилизован и вернулся на Алтай.

Использован материал Алтайского государственного краеведческого музея и музея воинской славы школы № 84, г. Барнаул

Чернов Михаил Евдокимович

Чернов Михаил 1920 года рождения. Семья Михаила была большой, семь детей, он был самый старший. Не смотря на то, что семья была многодетной, родители сумели дать Михаилу образование и он работал в колхозе бухгалтером. В 1938 году его призвали на службу в армию. Служил он в кавалерии. Однажды, будучи на марше, попал отряд кавалеристов в грозу. Молния ударила в Михаила. Конь сразу погиб, а его отбросило от коня в канаву. Долго он лежал бездыханный, но жизнь, к радости, вернулась к нему. Михаила комиссовали из армии, и он вернулся в свою

родную деревню Куяган.

Ещё до армии Михаил дружил с Прасковьей. Вернувшись домой, стал свататься к ней. Она была против их замужества, так как была на шесть лет старше его. Говорила: «Сколько девушек молодых. Женись на ком угодно». Но Михаил любил только её. Ласково обращался к ней и говорил: «Пана, мы всё переживём, главное для нас любовь». Поженились они в 1938 году, а в 1939 родилась дочка.

По воспоминаниям Таисии Михайловны, дочери, со слов матери, жилось им тогда очень голодно. Михаил, как коммунист, не мог позволить, чтобы его семья в деревне была обеспечена продуктами в первую очередь. Семья голодала. Тяжело рожала Прасковья, в беспомощности, свою дочку Таю. Дочка родилась в 1939 году очень худенькая и болезненная. Отец, Михаил, ждал первенца и очень хотел, если родится девочка, назвать её Тая, так же, как дочь друга. На радость родителям, Тая окрепла. Прасковья Сергеевна сшила ей из своей ярко красной кофты платье. Михаил был всегда душой компании, играл на гармошке, любил и умел веселиться. Прасковья Сергеевна рассказывала дочке, как отец садил её, маленькую, в красном платьице к себе на ладонь, и вместе с ней плясал. А Прасковья переживала, вдруг уронит дочку. Михаил очень любил свою дочурку. Жить бы семье, да радоваться. Но грянула война.

Постепенно всех мужчин из колхоза забрали на фронт. Михаил руководил колхозом. Его на фронт не забирали, так как он был комиссован из армии по болезни. Но не мог он стоять в стороне, когда на родную страну навалилось такое горе, и он стал проситься добровольцем на фронт.

Забрали его в начале января. Уходя на фронт, очень ему хотелось на прощанье расцеловать свою дочурку. Но, по словам матери, как он ни тормозил Таю, так и не смог её разбудить. Расцеловал спящую дочурку и ушёл. До Бийска

проводила его Прасковья. В Бийске они зашли в фотоателье и сфотографировались на память. Это была их единственная фотография вместе.

«Письмо писано 20.01.42 года от известного вашего мужа М.Е. Чернова. Письмо пишу родной жене Пана и дочке Тае. Посылаю Вам, Пана, милая жена, свой горячий привет и ещё шлю милой, родной дочке Тае свой родной, пламенный привет. ... Я живу, с одной стороны, хорошо, а с другой, плохо. С хорошей стороны, ты знаешь, что я на трудовом, тыловом фронте. А с плохой стороны, что хлеба мне не хватает, суп неважный, обмундирование своё и одежда, и обувь. ...

Пана, милая жена, я прошу вас, обо мне шибко не страдай и не думай. Я буду жить как-нибудь. Ты, Пана, думай, как прожить самой и пропитать дочь Таю. Ещё раз, Пана и дочь Тая, я вас целую и жму вам правую руку. ... До свидания, ваш родной муж, а вам, доченька, отец. Новосибирск».

Письмо адресовано председателю колхоза села Куяган Авталкину А.Ф.
«25.01.42.

Письмо трудовому большевику и защитнику тылового строя Т.Ф. Авталкину от бойца Красной армии М.Е. Чернова. ... Я к Вам с просьбой, хотя и будет позорно. Прошу весь актив колхоза тружеников колхозного строя, чтоб дали мне, как защитнику Родины-Матери, посылку продуктов. На этом я буду Вас благодарить и защищать Родину. С приветом М.Е. Чернов».

«14.02.42.

... Милая жена Пана, я жил в хорошем настроении, ну а теперь в военном настроении. Я сейчас очень скучаю, но думаю это всё пережить. Пана, милая, очень обиделся на Вас, что не получил от Вас ни одного письма и даже с посылкой то нет письма. Но думаю, что Вы мне сообщите по новому адресу, я сейчас нахожусь в действующей армии. ... Я от Вас получил посылку: кальсоны, рубашку, брюки, мясо, хлеб, бумагу, нитки. Но письма нет, где оно. Ещё я был очень обижен. ... Пока, Пана, милочка, до свидания. И, милочка, крошка Тая, до свидания. Я сейчас пока сыт и обут».

«1.03.42.

... В первых строках моего письма я шлю Вам, милочка Пана, свой горячий, любовный привет. ... Пана, мне очень скучно и обидно. Я думал, что буду в своём батальоне, но не пришлось. Пана, жив буду, будем жить с тобой, и растить свою крошку дочь Таю. А пока, моя доченька, радуйся над моей карточкой и тем письмом, которое я пришлю. Милая дочка, я вижу Вас только во сне, а больше никак. Мне очень жаль Вас, даже пуще себя. ...

Ну, дорогая моя, поехал дальше. Письмо писал в вагоне на ходу, и положил на почту в городе Свердловске. Пока, ваш родной А.Е. Чернов».

Письмо адресовано матери.

«2.03.42.

... горячий привет вам, мама, и целую вас по сыновни. Сообщаю, что я жив и здоров, но уже вступили в военную полосу и продолжаем ехать дальше. Мама и братья, мне очень скучно и очень много разных дум в моём сердце. Но вас, мама я прошу, чтоб вы обо мне не горевали, а думали, что я жив и здоров и сильно не страдали. ... А теперь, мама, я сообщаю свой горячий привет Тая и родной крошке дочке Тая. До свидания».

«5.03.42.

... я вас не вижу, но всем сердцем представляю, какие вы есть сейчас. И если есть счастье у вас, Пана и дочка Тая, то и я буду счастлив, навсегда счастлив. Милая жена Пана, я вас целую и гляжу на карточку, сердце моё обливается чёрной кровью, что нахожусь от вас в дальнем пути. Я еду от вас всё дальше и дальше, вплоть до Севера....

Шлю свой горячий сыновний привет маме. ... Здравствуй и прощай, ваш муж М.Е. Чернов».

«13.03.42.

... привет с дальней северо-западной стороны. Пана, милочка, проехал я много городов и сёл и увидел все разрушения, нанесённые германским фашизмом. Но мы, гордые соколы Родины, должны освободить страну и собаку Гитлера прогнать. ...»

Нет, маме, писем не пишу, в руки не добиваюсь
Я только даю много много Милой сердцу Писем
С приветом Милой маме Пана и родная дочка
Крошка Тая, впервые я вам Милочка шлю свой
родной и горячий жаркий привет и целую вас
и желаю всего хорошего вашей Милочке Мизини и
не забывайте меня на дальней дороге вашей стороне
А еще шлю родной дочке Тая и маме ваш
привет, ваш родной отец Тая, и желаю вам
здоровья, всего хорошего вашей юной Мизини
Маме я сегодня в своем письме описал
с большой обидой и болью описал и вам
своим сердцем и все же вы не вскопите Мизини
и мои слова и спомните мама родная, свои что
ты говорила на прощанье, то все поверю
забыто, но я хочу, чтоб мои слова
пока буду жив и мне не хватает терпения и
моих Милок, нерв я знаю и думаю об вас что
у Мизини есть где-то жена Пана и дочка Тая,
Милочка вы не обидитесь, что я так написал, но
поверь, что возмечу, что сам не знаю, что
сделаю и как написать еще Милочке, описал мне
как вы живете и как растет моя крошка дочка Тая,
Тая еще жива, привел поваров, а дальше не знаю, что будет,
Милочка, пока жив и здоров, а дальше не знаю, что будет,
в сыне, буду еще много о вас писать, как соловей Лейба
и с любовью и прощаньем Милочка, что Тая, с приветом ваш родной
Муж М.Е. Чернов

Письмо Михаила в капельках слёз

«22.03.42.

... Милая и родная моя, я знаю, что вам очень грустно и, может, вспоминаешь меня. А я, милочка Пана и дочка Тая, я каждую живую минуту и час держу в своём сердце вас. Но жизнь моя роковая, про это, Пана, вы знаете. Прожил час – хорошо, а если день – ещё лучше. Моему сердцу очень грустно и пробивает горячая слеза, когда я вспоминаю вас. Мне кажется, что и вам не легко. Когда читаете мои письма, много проливается слёз горячих. Вспоминаешь жизнь, хорошую и плохую, но мы ведь, Пана, жили ничего и поэтому мне грустно и тяжело. Пишу это письмо, а мысль одна – где я и где вы живёте, родная моя Пана и родная моя дочь Тая.

Я вам сообщаю, что озверелый враг много пускает над нашей головой снарядов, пуль и бомб. Но придёт час тот, когда мы поедем с победой домой. Пана, милка моя, залог сердца моего, и вы, родная дочь Тая, пишите ответ, а я буду ждать, как соловей лета, так и я родного ответа. А пока, здравствуй и прощай.

Я в этом письме сообщаю своей родной маме вой сыновний привет. Родная мама, Пана и Тая, обо мне шибко не грустите, я жив и здоров».

«11.03.42.

... милочка Пана, и родная дочка Тая, я целую вас и поздравляю с празднованием 8-е Марта. Как вы провели праздник, я не знаю, но мне пришлось в тот день очень тяжело. Но я пока, Пана, жив и здоров, ожидаю с часу на час идти в бой. Мне очень страшно, какая будет судьба моя и счастье ваше. Дочка Тая и Пана, милочка, не скем мне поговорить и развеселить самого себя, ведь я здесь один с родной стороны.

Пана, милочка, придётся пересилить все трудности и все тяжкие случаи, ни я, Пана, первый, ни я последний. А вас я сердечно вспоминаю и часто вижу во сне, моё сердце от этого радуется. Прошу тебя, дочку воспитывай и не обижай. Будут у вас трудности, но переноси их в своём сердце, как и я. ... С приветом, родной муж ваш».

«27.03.42.

... родная дочка Тая, милочка моя, Пана, очень мне скучно и грустно так, что я очень далеко от вас и не могу я дожидаться от вас ни одного письма. Пишу письмо и не знаю живы вы или нет. Прошло уже три месяца и я, как соловей в поле один, нет со мной родных. Только слышен весенний звук жалобного соловья и ветра скрипучего. Я вспоминаю вас всех. А вы вспоминаете меня?

Но я хоть рад, что, милочка моя Пана, часто вижу вас во сне, когда удаётся уснуть на немного. А то всё время слышен грохот орудий и свист пуль. Здесь ещё раз вспоминаешь всех родных и знакомых. Но я пока жив и здоров, чего и вам желаю. С приветом, ваш родной муж, Пана, и твой папка, дочка Тая».

Весной 1942 года Прасковья забрала свои пожитки, корову, что была приданным, посадила дочку на саночки и ушла пешком в Ойрот Тура (Горно-Алтайск), жить к своим родителям.

В войну косил полиомиелит детей по всей России. Не избежала этой участи и Тая. Заболела, когда ей было всего 4 года. С тех пор она инвалид. Жилось очень голодно. Почему-то не выплачивали пособие, как семье военнослужащего. Прасковья, с одним классом образования была, надеялась лишь на свои силы и корову, которая была кормилицей.

Письма Михаил писал часто. Иногда каждый день. Почти в каждом письме Михаила обида на жену, что не пишет ему. Рвалось сердце у Прасковьи, писала она ему часто, отвечала на каждое письмо, но не доходили они до адресата.

«20.05.42.

Здравствуй, родная моя жена Пана и родная крошка, дочь Тая. С приветом к вам родной муж ваш. ... Я узнал, что вы переехали в Ойрот-Тура к родителям. Я, конечно, не против, вам будет гораздо легче прожить и воспитывать дочь. Но одно меня тревожит, что вы мне ни одного ответа на письма не дали.

Я не знаю, где и что находится из нашего хозяйства и как вы, Пана, набрали такого терпения, что, за пять месяцев, нет ни одного письма, и не отписали, когда поехали. Может быть, я вам сейчас не нужен на дальней стороне? Но я о вас очень тоскую и грущу. Часто вспоминаю вас, милочка и дочь Тая, но думаю, что вы вспомните меня, и наше расставание и прощание встревожит вас, и пошлёте вы мне письмо.

Брат Коля мне написал, что вы уехали, я был очень обижен. Я очень беспокоюсь, как вы живёте. А я, в настоящую минуту, жив и здоров. Служба моя ничего, но в войне есть очень много кровожадной работы. Но, может быть, всё перенесём, если буду жив. А пока, не судите, нечем помочь. Вы об этом, милочка, знаете, что я призван защищать Родину, самого себя и вас, в далёком родном тылу и краю. ...»

Последние 2 письма в странных разводах. Прасковья, когда дочь Тая подросла, объяснила, что эти разводы – капли слёз. Михаил писал, слёзы капали, а потом письмо читала Прасковья – и добавляла свои слёзы. Так они и застыли на строчках полупрозрачными кляксами.

«25.05.42.

... Пана, мне очень скучно и как будто обидно, что вы уехали от меня ещё дальше. Но это не плохо, если вас никто не тревожит. Если меня забудете на дальней стороне, я о вас, сроду, пока буду жив, родная дочь Тая и милая жена Пана, помнить буду всегда. Я вижу вас во сне, каждую тёмную ночь вы у меня на моём сердце. А вас, Пана, прошу, чтобы я сильно не грустил, сфотографируйтесь и пошлите мне карточку.

Я жив и здоров, служба моя пока, что ничего, работаю замполитом. ... Жду от вас радостный привет. О вас, милочка Пана, скучаю и вас, дочь, жму к груди. С приветом, ваш родной муж и отец М.Е. Чернов»

«28.05.42.

Лети моё письмо, никому в руки не давайся, а только дайся тому, кто мил сердцу моему. Здравствуй, милочка жена Пана и родная дочь, крошка Тая. ... Не забывают меня на дальней фронтовой стороне. Пана, я сегодня в своём письме опять к вам с большой обидой и большой грустью в своём сердце. Вы же не вспоминаете меня и мои слова. Пана, родная, вспомни, что ты говорила на прощание, всё это, наверное, забыто. Но я до тех пор буду помнить свои слова, пока буду жив, пока хватит терпения и моих молодых нервов. Я думаю о вас, что у меня есть где-то жена Пана и дочка Тая.

Милочка, вы не обижайтесь, что я так написал, но поверь, что возьмёт скука, что сам не знаешь, что и сделать и как ещё написать. Напиши мне, как вы живёте и как растёт моя крошка доченька. Милочка, я пока жив и здоров, а дальше, не знаю, что будет. Буду ждать от вас приветов, как соловей лета. Здравствуй и прощай, милочка и дочь Тая. С приветом, ваш родной муж М.Е. Чернов».

Это было последнее письмо от Михаила. Потом, в июне 1942 года пришло извещение, что верный воинской присяге, защищая Родину, проявив героизм и мужество, был ранен 2 июня 1942 года в бою под Ленинградом и умер от ран.

Использован материал Т.М. Смолихиной, г. Барнаул

Братья Шарые

Иван Шарый

Федора Максимовна и Леонтий Васильевич Шарые жили в селе Каяушка Родинского района. Федора Максимовна была грамотной и глубоко верующей в бога. Леонтий Васильевич участник первой мировой войны. Он был на Сиваше и в Румынии, где в окопах брался с немецкими солдатами. Красный партизан, участник гражданской и Великой Отечественной войны.

В семье Шарых было трое сыновей: Фёдор, Иван, Егор и дочь Оля. Старший сын Фёдор родился в 1919 году и работал счетоводом в Каяушенском колхозе имени Ленина. Его призвали на службу в армию ещё до войны. Средний сын Иван Шарый родился в 1922 году. В военное время в городе Рубцовске окончил общевоинское военное пехотное училище и в звании младшего лейтенанта был отправлен воевать. Младший, Егор, 1925 года рождения, окончил Каяушенскую семилетку, работал в колхозе.

Сыновей своих и мужа в ратные походы Федора Максимовна благословляла иконой Георгия Победоносца. Её дедушка Мешков уходил на службу царю и Отечеству с сундуком, в котором лежала эта икона. Очень берегла Федора Максимовна письма сыновей с фронта. Натруженные руки с величайшей осторожностью завязывали их в старый полинялый платок. Материнская память сохранила и бессонные ночи у детской колыбели, и голодное босоное детство, и их первые успехи в школе.

Письмо от Фёдора брату Ивану.

«22.09.40.

Здравствуй, брат Ваня! <...> Твоё письмо я получил, узнал, что ты учишься. Это неплохо, это хорошо. Плохо, если ты будешь плохо учиться. Ты поставь себе задачу учиться и всё. Я думаю, отец тебе создал все условия для учёбы. Пока есть возможность - жадно учись. Я сейчас так бы учился, что не знаю как. <...>

И одновременно подготавливай себя к армии. Надо быть живым человеком, развиваться на турнике, брусках, изучать оружие. Это поможет тебе в армии. Поверь, что я пишу тебе правду. Ты скоро, как и я, будем ощущать вот это на своём горбу. Ты ещё мало жил на свете, ещё плохо понимаешь свет. Пока есть время – учись, гуляй и укрепляй себя во всём. <...> Жду ответа».

«6.09.41.

Здравствуйте, дорогие родители отец и мать, братья Иван и Егор, и сестра Оля. С приветом Фёдор Шарый. Сообщаю, что нахожусь в городе Киеве. Жизнь протекает хорошо. Обороняем столицу Украины, которую старается всеми силами захватить кровавый фашизм. <...>

Интересно знать, ходят ли в школу Егор и Оля? Если кто из них не ходит, то пусть обязательно поступает и хорошо учится, так как есть все возможности. И пусть знают, что люди учатся в стенах тех школ, на которые велятся посылаемые Гитлером бомбы. А у вас там мирно, вы ещё не слышали гула германских бомбардировщиков и взрывов бомб. <...>

Писем мне не пишите потому, что определённого адреса нет. С приветом Фёдор Шарый».

Последнее письмо от Фёдора пришло в октябре. Много позже сестра Ольга несколько раз обращалась в разные инстанции, но так и не получила сведений о месте гибели брата. По данным книги Памяти он пропал без вести в декабре 1941 года.

Иван Шарый по своему характеру был очень весёлый, юморной и жизнерадостный. Однажды, в госпитале, где он лечился после ранения, к нему подошла цыганка и сказала: «Офицерик, давай погадаю». На что он ответил: «А вот угадаешь, сколько у меня денег в кармане, то я тебе их все отдам, тогда и погадаешь». Цыганка угадала, получила деньги, лежавшие в кармане, и нагадала судьбу, что, сколько бы его не ранили, он всё равно останется живой.

На войне случалось всякое. Попадал Иван под убитую лошадь, его вытащил и спас ординарец. Во время обстрела командного пункта в живых осталось всего двое, Иван был контужен. В конце войны пуля попала в бинокль, который спас его, но Иван получил тяжёлое челюстное ранение. Было сделано очень много операций на лице по пересадке кожи, которая плохо приживалась, трескалась и приносила бойцу невыносимые страдания.

В госпитале капитана Ивана Шарого выходила молоденькая медсестра и его будущая жена Анна Степановна Белоконь, дочь известного военного врача, ставшая потом капитаном медицинской службы.

«27.05.42.

Здравствуй, дорогая мама! Шлю тебе свой сердечный и пламенный привет и желаю всего хорошего в твоей жизни!

Мама!

Вот закончился бой, и на фронте затишье.

Фашистов – собак ни души не видать.

Друзья мои письма родным своим пишут,

И я тебе, мама, решил написать.

Я жив и здоров. Ты, наверное, знаешь:

*(Рассказывал часто отец наш старик)
На фронте, в боях, ко всему привыкнешь.
Ведь прав был отец, ко всему я привык.*

*Вот кончился бой, и лежу я в окопе.
Мне вспомнились детские годы мои.
Друзья-однолетки, учитель и школа,
Забота и ласки, и слёзы твои.*

*И вспомнилось мне, как меня ты ругала,
За то, что однажды разбил я окно,
За то, что с братишкой поссорился... Мама,
Ведь это же было не очень давно.*

*Не очень давно с ватагой детской
Играли часами в «сражение – войну».
Не очень давно с братишкой вместе
Мечтал защищать от фашистов страну.*

*И вот я на фронте в боях за Отчизну,
За радость, за счастье, за долю твою,
В боях с кровожадным и подлым фашизмом,
Поспешим напасть на Отчизну мою.*

*Не раз я ходил на разведку с друзьями,
Не раз в итыковую ходил на врага.
Фашистские орды бегут перед нами
Под мощным ударом стального итыка.*

*А ты, дорогая, не плачь, не печалься
Не надо так много грустить.
Вот кончится бой, и домой возвращусь я,
И снова по-прежнему будем мы жить.*

*На этом кончаю. Прошу, напиши мне
О жизни знакомых, родных и друзей.
Прости, дорогая, за строчки косые
Писал на прикладе винтовки своей.
Твой Иван».*

«10.07.44.

*<...> от вас получил маленькое письмо, за которое сердечно благодарю.
Несколько о себе: живу по-прежнему, чувствую себя неплохо. Друзей моих
старых много нет. Все разъехались кто куда. Здесь уже вишни и абрикосы
поспели, кушаем, сколько угодно. <...>*

*Почему не написали, где Егор, пишите, что был в госпитале, а куда уехал?
<...>»*

Письмо от друга Ивана сестре Ольге.

«4.01.45.

<...> Иван находится на старом месте, в Карпатах. <...> 18 декабря получил ещё одну правительственную награду – орден Отечественной войны второй степени. По счёту это уже четвёртая награда. Порадуй своих стариков, дорогая Олечка. Пусть они гордятся, что воспитали такого хорошего сына в нашей стране! Честь и слава родителям, воспитавших сталинских соколов! <...>».

Через два года после войны Иван Леонтьевич, Анна Степановна и сын Валера приехали в Волчиху. Анна Степановна стала работать врачом терапевтом. В первую же зиму пересаженная кожа на лице Ивана Леонтьевича начала отторгаться. Пришлось сменить суровый сибирский климат и уехать на родину жены, на Украину.

Младшего Егора призвали в армию в 1942 году. В Алтайском крае он проходил военную подготовку и очень ждал, что к нему приедет отец, вернувшийся по ранению с Отечественной войны. Леонтий Васильевич вернулся без руки, которую потерял во время прорыва блокады Ленинграда. Егор часто писал письма карандашом, а по ночам ему снился родной дом.

«14.05.43.

Здравствуйте, дорогие родные, папа, мама, сестра. <...> Сообщаю, что писем я не получаю. Почему, не знаю. Или не доходят или вы не пишете. Всё ожидаю, каждый день. А когда идём в строю, всё отца смотрю, ведь обещал приехать. Если бы он не говорил: «Когда тебя возьмут, то я приеду» – вот я и жду. Мне всё снится, будто я дома, а от вас писем нет. <...> Если можно, привезите, хотя бы раз поесть, своего хлеба и масла. Перешлите бумаги по почте, а то уже нету тетрадей. <...>

Мама, вы не плачьте за нами, может быть, увидимся, когда-либо. Будете себя держать – дольше будете жить. Не плачьте, с этим ничего не поделать. <...> Ваш сын и брат».

«23.11.43.

<...> Я нахожусь, как вам не грустно, очень и очень далеко от вас. Скоро уедем на фронт. Мама, вы не плачьте и не беспокойтесь обо мне. Я вам высылаю справку для скидки на налог. Пишу вам адрес товарища, с которым был вместе в батарее ездовым. Симушин. Если случаем не будет слышно меня, то напишите к его матери, и она пропишет вам. <...>».

«18.02.44.

<...> Я получил от вас 2 письма и очень благодарю. Из письма я узнал про вашу жизнь. Спрашиваете, как я проводил Новый год, вы и сами знаете как. <...>»

«12.07.44.

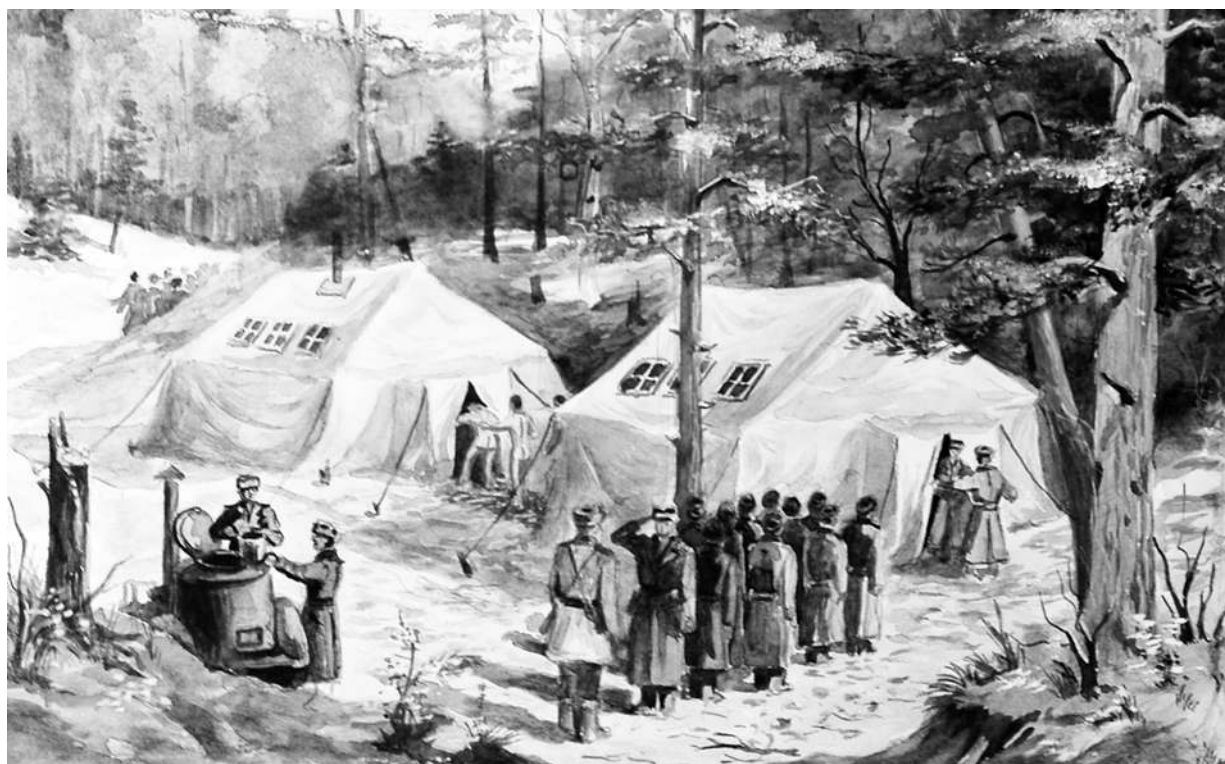
<...> Я жив и здоров, писем от вас давно не получал и не знаю, как вы там живёте. Где сейчас Иван находится, и не слышать ли Феди и дяди Николая? Передавайте всем по приветам родным и знакомым. Новостей нету никаких. Я сейчас на фронте. Ваш сын и брат Егор Шарый».

Это было последнее письмо от Егора. 20 июля 1944 года стрелок 96 стрелкового полка 140 Сибирской дивизии рядовой Егор Леонтьевич Шарый погиб. Похоронен в Тернопольской области. В ту пору ему было девятнадцать лет.

Трое братьев: Фёдор, Иван и Егор вместе со своим отцом Леонтием Васильевичем Шарым побывали в самом настоящем пекле войны и отдали там самое дорогое. Иван с отцом здоровые, а Фёдор и Егор – жизни.

Письма с фронта братьев Шарых сохранила внучка Федоры и Леонтия Шарых (дочь Ольги) Светлана Павлюк. В её семье хранится икона Георгия Победоносца – безмолвный свидетель и хранитель памяти тех далёких от нас времён.

Использован материал из семейного архива С.А. Павлюк, с. Родино.

Прифронтовая баня. Художник К.Л. Глушко.

Шебалина Анна Петровна

Анна Петровна Шебалина родилась в 1924 году в городе Бийске. С детства Аня была очень активной, стремилась везде принять участие. После окончания десятилетки, (училась она в школе №1 города Бийска), Аня поступила учеником на Авторемонтный завод. Здесь пришлось всем по душе. Перед войной возглавляла комсомольскую организацию завода.

Помимо работы на заводе, занималась в Бийском Аэроклубе. Мечтала стать лётчицей. Но не суждено было сбыться мечте. На соревнованиях в Томске Аня неудачно приземлилась с парашютом. На месте приземления в траве оказалась борона, да ещё кверху зубьями. В результате она повредила сильно стопу и была отчислена из аэроклуба. Залечив ногу, она вступила в спортивное общество «Буревестник» и освоила профессию ... водолаза. Училась вместе с мальчишками и ни в чём им не уступала.

В военные годы парнишки и девчонки заменили, ушедших на фронт, кадровых рабочих. Встала к станку и Аня. Да только не работалось ей у станка. Как и другие комсомольцы завода, стала проситься на фронт добровольцем. Не могла она спокойно работать, когда фашисты по родной земле ходят. Не сразу её взяли, но Аня добилась своего. Стрелять она умела, окончила курсы связистов, могла и санитаркой служить. Дважды ходила в военкомат, и на фронт её отправили.

Письма с фронта шли регулярно. Аня любила маму и старалась в любой фронтовой обстановке черкнуть два-три слова о себе. А матери нужно было только знать, что жива, здорова. В январе сорок пятого вдруг заболело сердце у Татьяны Георгиевны. «Беда какая-то с дочкой», - думала она в долгие зимние бессонные ночи. А письма идут. Получит и долго боится распечатывать: а вдруг...

«Здравствуй, дорогая мамочка! Прости, дорогая, что несколько дней я не могла известить о себе. Были на марше. На днях вступили в бой. Скоро войдём в пределы Германии. Час победы с каждым днём всё ближе. Немцы, хотя и сопротивляются, но как их вышибешь из траншей, бегут без памяти, бросая танки, орудия, склады. Всё, всё бросают, гады.

Мамочка, как насчёт дров? Помогает ли завод? Дорогая, как мне жалко тебя. Ты так мучаешься. Целую крепко, крепко. Твоя Аня».

К весне Татьяна Георгиевна вроде бы успокаиваться начала. И вдруг пришло то, что сердцем чуяла. Письмо такое же, как и все фронтовые, присланные до этого. Но какое оно было тяжёлое – в руках не удержать. Не зря болело материнское сердце. Шли письма, а Ани, дочки, уже не было. Аня погибла.

На линии связи был обнаружен порыв. Шёл жестокий бой, и, казалось, не было никакой возможности исправить это повреждение. На поле боя вышла связистка Анна Шебалина. Она взялась устранить это повреждение. Порыв был

устранён. На обратном пути Аня обнаружила ещё одно повреждение. Не считаясь с опасностью, она стала соединять провод.

В это время чем-то тяжёлым ударило девушку. Помутнело сознание. Не было никакой силы снова подняться. Но Анна поднялась. Раненая Аня, теряя сознание, схватила два конца провода и соединила их во рту зубами. Провод был соединён, связь была восстановлена.

Письмо от подруги Ани, Крючковой Клавдии.

«29 января 1945 г.

Уважаемая Татьяна Георгиевна! Я подруга Ани. Узнала Ваш адрес и с прискорбием пишу Вам это письмо. Мы служили с Аней в одной части, вместе получили награды: медаль «За отвагу» и орден Славы III степени. Аню убили. Я санинструктор, многих спасала от смерти, но многие умирали и у меня на руках. Никогда не плакала. Но как мне было тяжело, когда умерла Аня. Я в первый раз заплакала. Очень любила я Вашу дочь. Она была такой замечательный человек: бесстрашная, трудолюбивая, спокойная. Это большая потеря не только для меня, а для всей части. Аню посмертно наградили орденом Отечественной войны I степени.

Понимаю Ваше горе, всем сердцем сочувствую. Но не нужно убиваться. Аня погибла геройской смертью. Мы будем помнить о ней всегда. Мы здесь не в игрушки играем и сможем отомстить за Аню. Её похоронили с воинскими почестями. Фашистские гады ответят нам за её смерть. Напишите мне письмецо. Я буду очень рада. С сердечным приветом Клавдия Крючкова».

Вместе с извещением о смерти, с приказом о награждении Ани Шебалиной орденом, командир части прислал вырезку из фронтовой газеты. Эта статья об Ане Шебалиной – воине Советской Армии, Герое Отечественной войны, и письма, до сих пор хранятся в семье брата, Петра Петровича Шебалина. На месте гибели Ани, в Польше, установлен памятник.

Использован материал из семейного архива П.П. Шебалина, г. Барнаул

Письмо с фронта на этикетке сгущённого молока

Шуклин Илья Захарович

В Ойрот-Тура (сейчас Горно-Алтайск) семья Шуклиных переехала в 1936 году. Отец Ильи, Захар Ильич, работал инспектором Облсельхоз банка в городе Ойрот-Тура, а мама, Мария Григорьевна, занималась детьми. Захар Ильич в селе купил дом на слом и поставил его в городе, уютно расположив его у подножия солнечного склона горы. Удобно был расположен огород, ветры холодные его не задували, овощи вызревали хорошо и урожаи всегда были большие. Это впоследствии, во время войны, здорово спасало семью от голода, их кормил огород.

В семье было четверо детей, Илья, 1922 года рождения, был самый старший. Учился в школе, мечтал, как и его дядя Терентий, стать военным. Собирался поступать в Томское артиллерийское военное училище. Он отправился потом на учёбу в Томск, но не так он хотел учиться. Началась война, 28 июня Илья добровольцем отправился на фронт.

Вспоминает брат Ильи, Владимир Захарович Шуклин: «В то лето я был на отдыхе в пионерском лагере возле речки Майма. Мне тогда было 9 лет. Когда объявили, что началась война, лагерь загудел. Все мальчишки обсуждали, что они все тоже пойдут на войну, и будут беспощадно бить врага. А я лежал в лазарете, простудился, и мне не разрешали выходить из палаты. И вдруг, открывается дверь и на пороге стоит Илья со своим троюродным братом Сашей Банеевым. Я когда увидел его, разрыдался, так было жалко себя. Все на войну собираются, а я лежу! Только потом я понял, что Илья приезжал проститься со мной, ведь он уходил на фронт».

Вспоминает старший брат Василий Захарович: «Помню, как провожали Илью. Собралась вся наша семья и родственники. Илья уже был в военкомате, а мы все стояли у пекарни, ждали, когда повезут призывников. И вот подъехала машина, остановилась. Илья увидел нас, соскочил с машины и подбежал к нам. Всех обнял, поцеловал и быстрее в машину. А мы потом долго стояли и махали в след. Мама плакала».

Вначале Илью отправили на учёбу в военное училище, как он и мечтал в артиллерийское. Обучение проходило по ускоренной программе, и уже через год обучения молодых лейтенантов отправили на фронт.

«31.03.42.

Здравствуйте, дорогие родители папа и мама, Лиана, Вася и Володя!!! Простите, пожалуйста, что я вам продолжительное время не писал. ... Я купил себе серебряные часы в Красноярске за 373 рубля. Часы хорошие попали.

Сейчас я нахожусь в Н-Сибирске в командировке с 23.3. Получил имущество и ожидаю своего эшелона, с которым уеду на фронт бить и уничтожать проклятых фашистов, чтобы не было на нашей земле всякой нечисти, мешающей свободно процветать нашему многонациональному народу.

Наконец-то выпало на мою долю счастье быть участником Великой Отечественной войны. Линочка, Вася и Володя, будьте патриотами в своей учёбе. От папы получил последнее письмо, где он пишет, что его возьмут в Красную Армию. Думаю, что его уже дома нет.

Мама, посылаю 400 рублей, они будут являться небольшой, но помощью. Вас ни на минуту не забуду, со своего пути буду слать письма и телеграммы. ... Ваш лейтенант Шуклин».

«21.04.42.

Здравствуйте, дорогие родители. ... Из Н-Сибирска выехал 1 апреля.. До самого Челябинска идут всё степи, ни одной возвышенности. От Челябинска пошли Уральские горы. ...

На станциях здесь всё дорого. Молоко – 25 руб. за литр, махорка от 25 до 100 руб за осьмушку. А за 5 селёдок, что у меня остались, взял котелок сметаны. Едем не унываем. Настроение хорошее. У всех ребят желание, как бы побыстрее добраться до фронта. ...

Писал на ходу. На серебряных часах по московскому без 4 минут шесть утра».

«22.12.42.

... Пишу письмо вам, дорогие мои, в госпитале, лёжа. Вчера в 14.00 меня на своём наблюдательном пункте нашла вражеская пуля и ранила меня в ногу, пониже колена. В ответ на это я, раненый, перетянул бинтом ногу, чтобы не текла кровь, и подал команду «огонь». Фрицы сразу почувствовали на своих головах десятки килограммов нашего Советского металла!

Рана не сквозная. На машине меня доставили в госпиталь и сделали операцию, пулю достали. ...Сейчас лежу и боли почти не чувствую. ... Крепко вас целую, ваш сын Илья».

«... Сообщаю, что из госпиталя я выписался и работаю на своём старом месте. В госпитале пролежал ровно два месяца. Ухаживали за мной, как за ребёнком, кормили отлично. Раны ещё немного не закрылись и чуть, чуть хромаю. Но это скоро пройдёт.

Мы все были рады и с ещё большей энергией взялись за работу, за обучение личного состава, когда прочитали Указ Президиума Верховного Совета о награждении нашей части орденом «Красного Знамени». Меня можете

поздравить с вступлением в члены нашей Коммунистической партии большевиков. ... Ваш сын Шуклин».

«24.03.43.

... Нахожусь в пути на север. Пишу сейчас на остановке в вагоне. Чувствую себя хорошо, с ногой всё в порядке, здоровье хорошее. ... Много писать нечего, но я знаю, что значит для родителей получить от сына хотя бы маленькую весточку. ... Гвардии старший лейтенант Шуклин».

«1.06.43.

Сижу на КП. ... Противника не видим, но готовы выполнить в любую минуту любую боевую задачу. Политотдел получил награду на моё имя от ЦК Комсомола именные часы. Скоро мне должны их вручить. Я себе выбрал лошадку, которая понесёт меня сквозь огонь и воду. ...

Ну, насчёт того, что на меня послали материал к присвоению звания «Герой Советского Союза» я вам писал, но пока сомневаюсь я. Но думаю, что если сейчас не «герой», так буду «героем». ... Будьте здоровы».

Отца, Захара Ильича Шуклина три раза забирали на фронт. Соберёт ему Мария Григорьевна вещевой мешок, сложит всё необходимое, проводит до военкомата. А через три дня отец возвращался домой. Только после войны семья узнала, что он писал прошения, чтобы его забрали. Но его каждый раз оставляли. Только с третьего раза удалось ему уйти. Тогда семья осталась одна.

Илья всегда и во всём был добросовестным, ответственным. Как учился в школе и военном училище, так и бил врага. Грамотно, самоотверженно, не жалея своих сил. В газетах военного времени писали о подвиге Шуклина Ильи Захаровича и его батареи, когда его батарея встретила вражеские танки и моторизованную пехоту. Многие бойцы, были ранены, пушки выведены из строя. Можно было отражать атаки лишь одним орудием, у которого в конце боя наводящий прибор вышел из строя. Но командир батареи Шуклин, трактором перетащил пушку на другое место, вручную навёл орудие, и прямым попаданием подбил вражеский танк.

Из 30 танков было подбито 14 и 4 автомашины с пехотой, враг дрогнул и отступил. В дальнейшем в боях под Сталинградом батареей под командованием Ильи Шуклина было уничтожено 840 солдат и офицеров, 75 дзотов и блиндажей, 5 миномётных и артблиндажей, 16 автомашин с грузами. Многие бойцы батареи получили награды, а Илью Шуклина представили к высшей награде, ему было присвоено звание «Герой Советского Союза».

Дома очень гордились подвигом сына и брата. Теперь маму, Марию Григорьевну, приглашали на всевозможные собрания, митинги, где она рассказывала про подвиг своего сына. Семью Шуклиных прикрепили к особому магазину и увеличили паёк.

Владимир Захарович вспоминает: «Когда брату присвоили звание героя, нашей семье стали помогать. Помню, пришли мы с мамой в магазин. Был жаркий май и на прилавке магазина, на подносе лежало шоколадное сливочное масло. Оно подтаяло от жары и немного расплылось. От масла шёл удивительный аромат. Это была просто сказка. Я до сих пор помню вкус этого масла.

Однажды меня отправили за хлебом. Мама предусмотрительно разрешила листок с хлебными карточками на несколько частей. Вручила мне карточки, и я пошёл. Хлеб в магазин ещё не подвезли, я занял очередь и пошёл в универмаг поглазеть. Потолкался возле прилавка и, видимо там, в универмаге карточки на десять дней вытащили. Ни с чем пришёл домой. Но мама строго сказала: «Сумел потерять, восстанавливай карточки сам. Иди к директору хлебозавода и проси хлеба». И я пошёл, со слезами объяснил директору, что потерял карточки. Директор пошёл навстречу, выдали мне десять килограммов муки, и я этим кулем пришёл счастливый домой. Ещё выручал огород. Летом заготавливали на зиму картошку, тыквы, солили помидоры и огурцы. Все школьники в то время помогали колхозу, летом работали в поле, собирали колоски, заготавливали дрова для школы».

В бою под Сталинградом Илья был ранен в руку. Лежал в госпитале. А в августе 1943 года в Ойрот-Тура прилетела страшная весть. «20 июля 1943 года «Смертью храбрых» погиб Герой Советского Союза, командир батареи 172 гвардейского артиллерийского полка 79-ой гвардейской стрелковой дивизии Шуклин Илья Захарович». Сейчас на месте его гибели возле города Святогорска установлен обелиск. В городе Горно-Алтайске, в прошлом Ойрот-Тура, его именем названа улица, где когда-то жила семья Шуклиных, его имя носит школа в городе. Память о брате также бережно храниться в семье. Хранятся вырезки из газет с описанием подвига Ильи, датированные сороковыми годами, фотографии, письма. У Владимира Захаровича Шуклина подрастает сын Илья, названный в честь старшего брата. Жизнь продолжается!

Использован материал Алтайского государственного краеведческого музея и семейного архива В.З. Шуклина, г. Барнаул.

Братья Щегольковы

Григорий Щегольков

«Иногда я думаю: как бы мы жили сегодня, если бы не было той Великой Отечественной? Ведь столько прекрасных, здоровых, молодых людей ушли и не вернулись. Сколько людей погибло в пекле этой великой и страшной брони!» - такими размышлениями открывается письмо Марии Дмитриевны Сечневой из села Озёрки Тальменского района. И как же созвучны они мыслям и переживаниям уже нескольких поколений людей! Не было семьи, из которой не ушел на фронт хотя бы один человек, а то и двое, трое, четверо... и сколько же не вернулось! Дорогой ценой завоевана наша победа. Родители лишились детей своих, жены – мужей, дети – отцов».

Семья Щегольковых жила перед войной в маленькой деревеньке с красивым названием Чистая Грива, Пуштулимский сельсовет, Ельцовский района. Три брата Марии были на военной переподготовке и к концу мая должны были вернуться домой. Не вернулись, родные их больше не увидели.

Вспоминает Мария Дмитриевна: «...Когда началась война, мне исполнилось 16 лет. Я уже считала себя относительно взрослой. Но все равно я не задумывалась над тем, что ждет нас, в частности что, ждет нашу семью. Семья, когда-то большая, сразу уменьшилась на четыре человека. Младший брат Сергей с 1918г.р. был на действительной службе, а трех братьев взяли на переподготовку в мае 1941 года. Понятно, что не одни мои братья ушли на фронт, почти из каждого дома кто-то ушел воевать.

Вся колхозная работа упала на плечи нас, подростков, женщин и стариков. Всё, что мы воспроизводили, отправлялось на фронт. Зимой, для нас, школьников тоже находилась работа. Надо было сушить картофель в особых «сушилках». Картофель мыли, резали на ломтики, рассыпали на железные полы, потом переворачивали, ссыпали в мешки и увозили на станцию. И еще для нас была работа, надо было прясть шерсть, вязать носки и рукавицы, которые потом отправляли на фронт.

ЕГОР

Братья Щегольковы оказались в самом пекле первой неразберихи, в самых горячих боях. Егор, 1911 года рождения, был уже на третьей войне. Воевал с японцами на озере Хасан, с белофиннами, и вот снова война. После выхода из окружения он оказался на Смоленском направлении. Бои были жестокие, и 2

сентября 1941 года брат погиб, а семья получила первую похоронку. Егор был танкистом.

СЕРГЕЙ

Самый младший брат – Сергей, 1918 года рождения, самый младший в семье. Образование 7 классов. До войны закончил курсы счетоводов в Салтонском районе и работал в родном селе счетоводом. В армию Сергея призвали в 1939 году. Служил он в Приморском крае, в кавалерийском взводе. Писал, как служит: вот перевели в кавалерийский взвод и сразу же выдали хорошее обмундирование. Вот он в школе командиров, «по новому званию буду унтер-офицер, но, покуда, таких званий не присваивают, нет приказа, но будет. ...У нас сегодня и завтра праздник – празднование дня генеральной атаки на озере Хасан и разгрома японской военицины» (5 августа 1940 г.) объясняет, почему долго не писал – «не было возможности, ибо я ездил на выполнение государственных работ, на выполнение правительственного задания». 8 июня 1941 г. – до войны оставалось 13 дней...

В семье Щегольковых хранятся письма Сергея, датированные 40-ым годом и до его гибели. И вот первое из сохранившихся писем уже военного времени. 322-й стрелковый полк Сергея еще находится в Раздольном:

«24.06.40.

Здравствуйте, родители! Я посылаю Вам свой горячий привет. От мамы получил письмо сегодня, где узнал о том, что Орлов Павел, чуть не заколол Груздеву Елену, но меня это совершенно не интересует... А вот Вы пропишите, как проходит сев, сколь посеяли и когда отсеялись, вот это обязательно пропишите.

Наш Николай был назначен кандидатом на всесоюзную сельхвыставку в Москву, он уехал или нет? ... Вам я сообщаю, что меня перевели в полковую школу учиться на командира. ... С приветом, Ваш сын Сергей».

«5.08.40.

Здравствуй, сестра Мария!... Я сейчас нахожусь в школе, учусь на командира, как по новому званию буду «унтер-офицер», но пока таких званий не присваивают, нет приказа, но будет. Служить буду 3 года, осталось немного, только 2 года и 1 месяц. ...

Пропиши, что делает брат Егор, как там у нас нынешний год растут хлеба, ездил Николай в Москву или нет. Скоро ли придёт брат Григорий домой. ... Пиши про все мелочи. ...

У нас сегодня и завтра празднование дня генеральной атаки на озере Хасан и разгром японской военицины. ... С.Щегольков».

«8.06.41.

Здравствуйте, родители! ... Я долго не писал, так как был на выполнении государственных работ, на выполнении правительственного задания. В настоящее время живу в Раздольном и живу неплохо, а хорошо....

Я рассчитывал, что домой приду в мае месяце, а вышло не так. Ну, осталось не много, каких-то 4 – 4,5 месяца, а там и домой. ... С приветом, Ваши сын».

В конце этого письма есть приписка: «До войны 13 дней, а до смерти – 4 месяца. Братик мой, Серёженька!»

«12.09.41.

Здравствуйте, родители! Во первых строках сообщаю вам о своем здоровье, я в настоящее время жив и здоров. Прошло ровно 2 года с тех пор, как я выехал из дома, я выехал 12 сентября 1939 года, а сегодня уже 12 сентября 1941 года, за это время, наверное, многое изменилось в нашем селе, да и вообще, ведь 2 года промежутков не маленький.

Я живу сейчас очень хорошо, не то, что доля моих братьев. Я узнал, что братья Егор и Григорий на фронте в Смоленском направлении... что Григорий ранен в руку и ногу, да, положение их не очень-то хорошее. Сейчас наши войска перешли в наступление, и в Смоленском направлении уничтожено 7 немецких дивизий, это 240 тысяч человек.

Как получите мое письмо, пишите ответ, как живут там на фронте мои братья, они, поди, часто шлют домой письма. Как живет наш колхоз, как с хлебоуборкой и вообще как работали, как Маша работает, ведь еще молода, как с работой справляется?

Как получите письмо, пишите ответ, живы или нет мои братья Егор и Григорий, и где они находятся, если живы. Наверно, есть убитые из нашей деревни. Напишите, кто у нас в армии из нашей деревни... Как живут колхозники, наверно, сейчас очень плохо, ведь рабочих не хватает. Ну, пока до свидания. Остаюсь жив и здоров, чего и вам желаю...»

«10 октября 1941 г.

Здравствуйте, родители! С приветом ваш сын Сергей Дмитриевич. Во первых строках я сообщаю вам о том, что живу хорошо, продолжаем путешествие из конца в конец страны. 11 сентября 1941 г. выехали из города Ворошилова, приехали на север, в город Волхов Ленинградской области, потом подходили к Ленинграду, прошли много деревень, повидал культуру и быт народов Ленинградской области, местность, землю и растения, а также людей и разговор матушки России.

Вчера, т.е. 9 октября, выехали с одной из станций Ленинградской области и едем в обратном направлении на восток, но до каких мест доедем – не знаю, очевидно, до Вологды, там повернем на юг. Там все же теплее, а то здесь уже выпал снег вчера вечером, хотя сегодня он уже дотает. Сколько проедем, не знаю, и куда – тоже, с места напишу. Пока жив и здоров.

Ну, пока у меня все, пишите ответ, мой адрес: 132 полевая станция, 322 стрелковый полк, литер 03»...

И – последнее письмо Сергея с неровными, падающими вниз словами:

«16.10.41.

Здравствуйте, родители! С приветом к вам ваш сын Сергей. Передаю привет всей своей семье и всем знакомым. Я еду на запад, с места выехали 12.09.41 года. В настоящее время жив и здоров. Пишу в вагоне, очень трясет, поэтому и плохо написал. Пока до свидания. Может, увижу братьев.

С. Щегольков. 16.X.41 года».

... А может, он уже был ранен в тот момент: писал родителям, успокаивая их. Иначе, почему повторяет то, что сообщал уже ранее об отъезде? И какой тряской в вагоне объяснить такие изменения прежде аккуратного и красивого почерка?..

Извещение от 13 июня 1942 г.:

«Гвардии ефрейтор Щегольков Сергей Дмитриевич... в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, убит в бою 20.X.41 г. р-н д. Семеново Можайского р-на Московской области, похоронен в братской могиле 0,4 км западнее деревни Семеново...»

Семья в Чистой Гриве получила вторую похоронку...

ГРИГОРИЙ

Григорий родился в деревне Чистая Грива в 1916 году. Образование всего 2 класса. В родном селе до армии работал в колхозе разнорабочим. После армии уехал в Кемеровскую область, там поступил в школу милиции. После окончания школы милиции работал в органах внутренних дел. За год до начала войны, приехал в родное село и его взяли на переподготовку.

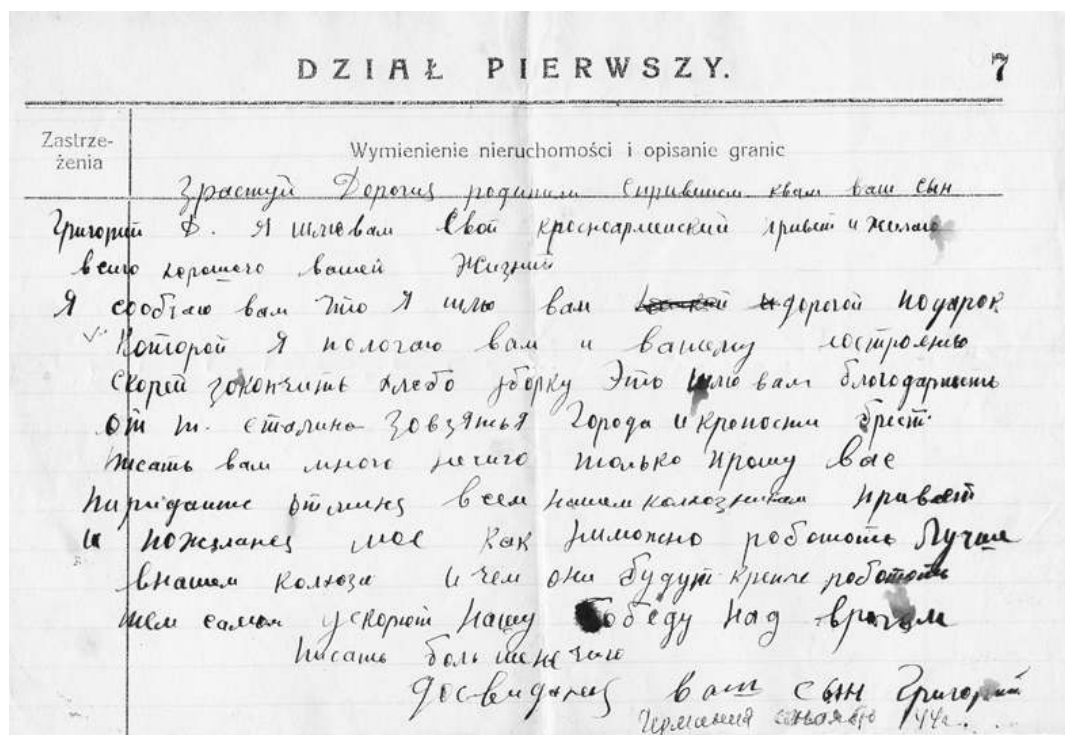
На фронт попал в самом начале войны. Григорий испытал горечь отступлений, был в окружении в районе Ельни. Получил несколько ранений, лечился в госпиталях. После госпиталя опять на фронт. Был командиром тяжелой артиллерийской батареи. О том, как воевал Григорий, написал его отцу Дмитрию Павловичу политрук Вяткин: «Ваш сын Григорий Дмитриевич достоин особого уважения. Он храбро сражается с врагами нашей Родины. Отменное геройство проявил при взятии городов: Бреста, Гродно, Минска, Гомеля, Мозыря, Варшавы, Праги. Награжден четырьмя орденами и шестью медалями. За отличные боевые подвиги мы представили его к очередной награде. Спасибо вам за воспитание такого сына...»

Война близилась к концу. Григорий писал, что они уже добивают врага в его собственной берлоге. Фронт подходил к Берлину...

«Сентябрь 1944 г.

Здравствуйте, дорогие родители. С приветом к вам ваш сын Григорий... Я шлю вам дорогой подарок, который, я полагаю, поможет скорее закончить хлебоуборку. Это благодарность, выданная мне, от товарища Сталина за взятие города крепости Брест.

Прошу вас передать от меня привет всем нашим колхозникам и моё пожелание, как можно лучше работать. Это ускорит нашу победу над врагом. До свидания. Ваш сын Григорий. Германия».

Письмо из Германии

НИКОЛАЙ

Самый старший из братьев – Николай 1903 года рождения, награжденный орденом Ленина за добросовестный труд в колхозе, был участником сельскохозяйственной выставки в Москве в 1940 году – такая честь в то время! Николай воевал на Сталинградском фронте, в одном из боев был ранен, попал в плен. Был увезен в Германию, попытка бежать не удалась, его поймали и отправили в Бухенвальд. Родители и его семья (5 детей) получили извещение, что он «пропал без вести». Конечно, считали его погибшим.

Но он вернулся домой – в феврале 1946 года. И это была награда за все, что пережила семья Щегольковых.

Вспоминает Мария Дмитриевна: «...Война закончилась. Для кого-то это была радость, кто-то вернулся домой хотя и раненный, но живой. День 9 мая 1945 года был ясный, теплый и солнечный. Все вокруг радовались, веселились, пели и плясали. А наша семья шла на этот первый митинг, посвященный Дню Победы, с грустью, печалью и невыплаканными слезами на глазах.

Двое братьев были убиты в самом начале войны Егор в Смоленске 11 сентября 1941 года, и под Москвой Сергей - 20 октября 1941 года. Григорий погиб 27 апреля 1945 года под Берлином.

Да! Трудное было наше время, суровое. Но мы были молоды и умели жить весело и интересно, даже во время войны. У нас не было кино, мы не сидели у телевизоров, зато мы сами готовили и ставили прекрасные спектакли. Я помню поистине театральное представление, которое поставили наши учителя, пьеса называлась «Казнь аббата». Спектакль проходил в старой церкви, где тогда был дом культуры. Или прекрасная пьеса о наших пограничниках «Пядь серебряная», в постановке которой вместе с учителями принимали участие и учащиеся. А сколько мы приготовили и сыграли пьес Островского, Пушкина, Гоголя, современных драматургов. Сельчане с большим удовольствием и даже благодарностью смотрели наши не профессиональные спектакли.

«Когда говорят пушки – музы молчат». Никогда еще ложность этого изречения не была очевидна, как в годы Великой Отечественной войны. В это трудное и суровое время ученики с учителями успевали не только учиться, работать на колхозных полях, но и успевали жить «полной» жизнью. Успевали ставить спектакли и радовать своих односельчан, ведь для деревни это было в то время главное культурное место отдыха. В военные годы умели радоваться всему».

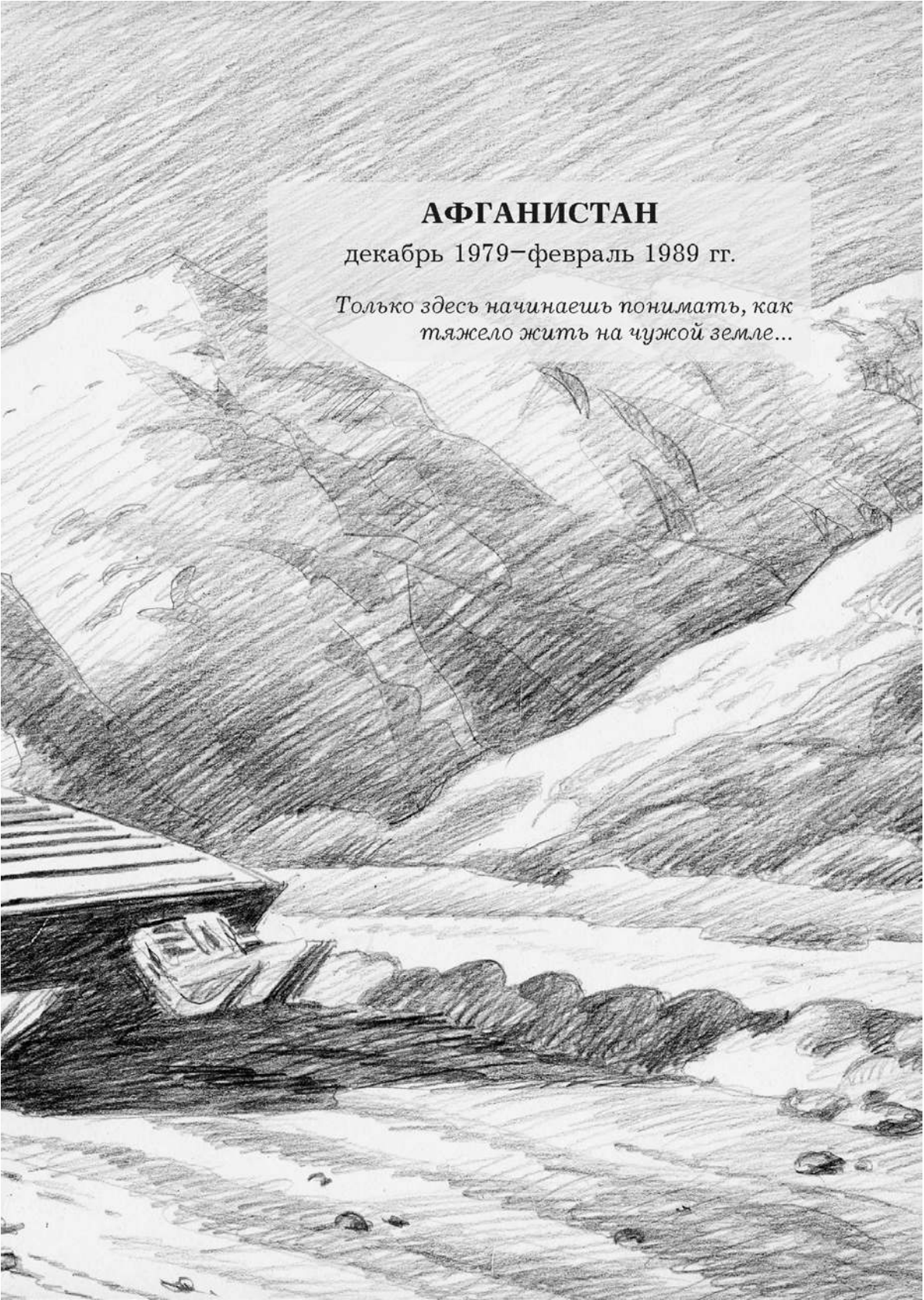
Использован материал школьного музея с. Озёрки.

И.С. Береговых

ПЯТЬСОТ ВЕСЕЛЫЙ

*Завершен поход тяжелый,
Позади орудий гром,
И везет «Пятьсот веселый»
Нас в родной далекий дом.
Путь, что длинная стоянка,
Словно ей и края нет,
Нас на каждом полустанке
Ожидает красный свет.
В тупике молчат колеса,
Лишь из печек вьется дым,
В ожиданье паровоза
Снова день в глуши стоим.
На дорожные пригорки
От вагонов льется тень,
Станционные задворки
Мы коптим десятый день.
Но хулить за то дорогу
Нам не следует вдвойне:
Живы, целы, слава Богу –
Это счастье на войне.
А дорога?
Что ж дорога,
Завершится как-нибудь,
Но запомнится надолго
Этот самый длинный путь.*

Ноябрь 1945 г.

АФГАНИСТАН

декабрь 1979—февраль 1989 гг.

*Только здесь начинаешь понимать, как
тяжело жить на чужой земле...*

АФГАНИСТАН

И.С. Береговых

Ветер. Губы полынной пылью,
Под колесами лента дороги,
Смотрят мрачно дувалы душманов в лицо,
Дремлет смерть за враждебным порогом.
Вот пылает кишлак, пляшет море огня,
В дымном мареве тонет округа,
Смерть уносит друзей на глазах у меня,
Вот и нет уж любимого друга.
Сколько русских могил на просторах твоих
Приютилось в крутых перевалах,
В них покоятся жизни совсем молодых,
Что дрались за твои идеалы.
Я сижу наверху, подо мною броня,
Пули щелкают рядом упрямо.
Вдруг горячий толчок, вот попали в меня,
Не видать мне родимую маму.
Открываю глаза, стены светом горят,
И в окошках распахнуты рамы,
Люди в белых халатах с тревогой глядят,
А у койки родимая мама.
Сколько пролито горьких, мучительных слез
Матерями погибших героев,
Сколько в мирные русские села принес
Смерч войны безутешного горя.

Сентябрь 1989 г.

Востриков Алексей

Алексей родился 27 июля 1966 года в Барнауле, учился в школе № 80. После окончания восьми классов поступил учиться в ПТУ-13. Очень много читал, мама умудрялась пересылать ему в армию по страничкам в конвертах рассказы и повести. Со школы увлекался спортом – классической борьбой, участвовал в соревнованиях и не раз занимал призовые места.

После окончания училища больше года работал помощником мастера на заводе «Химического волокна». В 1985 году был призван в армию. Учебу проходил в Ашхабаде. Мама, Галина Алексеевна, приезжала к нему в «учебку». После учебы он стал командиром отделения мотострелкового полка. Весь отряд,

который обучался в Ашхабаде, был отправлен в Афганистан.

Мама, Галина Алексеевна, вспоминает:

«Алеша был очень хороший сын и хороший друг. В нашем доме постоянно обитали друзья Алеши. Занимался борьбой, но слабых и младших никогда не обижал, не дрался, большой был – в отца, настоящий защитник своей младшей сестры Татьяны. Очень любил бабушку, все просил в письмах, чтобы она дождалась его из армии».

23.03.86 г.

«Здравствуйте, мои дорогие. <...> Мама, у меня все нормально. Когда посадил тебя на самолет, поехал обратно в часть, а там до меня никому дела нет. Развернулся и поехал в кино «Мир», куда мы с тобой ходили, и к отбою пришел. <...> Частенько заходил на квартиру к бабуле (где останавливалась Галина Алексеевна во время приезда), телек посмотрю, тебя вспомню. <...>

Первые дни, как ты уехала, тяжело было на душе, ходил какой-то подавленный, не мог привыкнуть, что ты уехала. А сейчас опять втянулся в армейскую жизнь. Мама, дорогая моя, поздравляю тебя с днем ангела и главное – желаю тебе здоровья. Большие быть веселой, быть всегда такой же хорошей, а чистое небо над головой я постараюсь, чтобы было всегда. Целую и крепко обнимаю, твой солдат Алексей».

Июнь 1986 г.

«Здравствуйте, все мое семейство. <...> От меня до границы с Советским Союзом более 500 километров. На карте Афганистана посмотрите места, где я бывал, – Кундус, Хайратон, ПулиХумри. <...>

Сейчас здесь по афганскому календарю 1365 год, так что я сейчас нахожусь в XIV веке. Тут и действительно такая обстановка, никаких удобств, вместо света – лампа, за водой ездим. Поля обрабатывают серпом и мотыгой, все делают вручную, единственный транспорт – ишак. <...> Женщины все ходят в парандже, так что я ни у одной здесь не видел мордочку, но надеюсь увидеть. <...> Мою бабулю успокойте, скажите, что у внука все хорошо. Жив и здоров, пусть старается меньше болеть и чтобы любимого внука дождалась. <...>»

07.06.87 г.

«<...> Жив, здоров, купаемся, загораем, поглощаем овощи и фрукты. Сильно за меня не переживайте, куда не надо, я не лезу. Сейчас часто стал вспоминать Барсуково [в этой деревне была дача Востриковых. – Прим. ред.], как хочется там побывать, это даже не объяснить. <...> Считаю дни до приказа, а их осталось всего 110 дней! <...> Мама, хоть иногда «недельки» (газету) высылай или какие вырезки поинтереснее. <...>»

13.07.87 г.

«<...> У меня все по-старому. Жив и здоров, правда, недавно разделили в пух и в прах «духовский караван», а это значит, что какая-то банда осталась без боеприпасов. <...> Очень скучаю по дому. Быстрее бы все это кончилось. <...> Передавайте от меня всем огромный привет. <...> Леша».

Последнее письмо Алеша отправить не успел, 20 июля 1987 года он погиб. Письмо лежало в дипломате с личными вещами Алексея, который был разорван осколками. Весть о гибели оглушила семью, ошеломила его друзей. Сослуживцы написали родителям, как погиб Алексей. Ночью на сторожевой пост напали мятежники, убили часового и начали обстреливать из гранатомета дот, где спали солдаты. Одна из гранат попала в маленькое окошко и разорвалась внутри. Пять человек было ранено, в том числе и Алексей. Он получил смертельное ранение, умер, не приходя в сознание.

Алешу хоронили в день его рождения – 27 июля 1987 года. Ему исполнился бы 21 год.

Использован материал из семейного архива Г.А. Востриковой и музея школы № 80, г. Барнаул.

Ерзумашев Сергей

25 января 1983 года у небольшого афганского кишлака в провинции Файзабад была высажена разведгруппа мотострелков для обеспечения отхода батальона, ведущего бой с превосходящими силами противника. Разведгруппа оказалась в окружении и в течение восьми с лишним часов пробивалась к своим. В этом бою погибли два наших земляка: Александр Высоков и Сергей Ерзумашев.

Обеспечивая безопасность левого фланга группы, старший сержант Ерзумашев огнем своего автомата заставил залечь наступающих мятежников. Во время одной из атак противника был тяжело ранен, но, истекая кровью, продолжал вести огонь, отказав себе в первой помощи. Взвод попал в окружение. Только в девять вечера к ним пробилась группа, которая освободила их из окружения. Забрала всех убитых и раненых. Сергей скончался по дороге.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1983 года Сергей Ерзумашев награжден орденом Боевого Красного Знамени, Александр Высоков - орденом Красной Звезды (посмертно).

Многие из тех, кто погиб в Афганистане - молодые мальчишки, вчерашние школьники, не успевшие даже влюбиться. Сергею в этом плане повезло: он встретил свою любовь. Эта любовь была чистой и красивой, такой, какой и должна быть первая Любовь.

Они учились в Барнаульском пединституте: Сергей - на факультете «физвоспитания», Ольга - на «филологическом». У них было много общего, вместе ходили в театр, на концерты, спортивные состязания, оба увлекались туризмом. Каждое лето работали на турбазе «Медвежонок» на Телецком озере. В последнее лето открыли там новый детский маршрут, вместе готовили тропу в тайге.

Потом Сергей ушел в армию. В Афганистан он попросился сам, когда находился в учебке на Урале. Тогда, уходя в Афганистан добровольно, эти парни свято верили, что они выполняют благородную миссию, помогая афганскому народу в борьбе с моджахедами. А своей любимой Оленьке Сергей писал красивые, нежные и ласковые письма.

«30.07.82.

Привет из Афганистана!!! Оленька, милая, любимая, здравствуй!!! Получил твое письмо с фотографиями, огромное спасибо за них. Фотографии, конечно,

не лучшего качества, но они мне дороги, ведь на них - ты. В такой домашней, непринужденной обстановке. Как будто из какого-то другого мира. Да ты, Оленька, действительно живешь в другом мире, который мне кажется далеким и нереальным... Все время думаю о том, как и где мы встретимся? Где я тебя встречу? Дома, на улице, на работе? Представляешь, открывается дверь твоего кабинета, и на пороге стоит солдат. Почему-то такая картина постоянно стоит у меня перед глазами. Думаю, буду я когда-нибудь в такой обстановке или нет?.. Очень скучаю. До свидания. Целую так же жарко, как печет это афганское солнце. Чувствуешь? Твой Сергей».

«26.11.82.

Привет из Афганистана!!! Здравствуй моя милая, любимая Оленька!!! Вчера после пятидневного перерыва, или дождя, прилетели вертушки и, о радость, привезли мне твое письмо... Оленька, милая, огромное спасибо за стихотворение. Оно в точности про нас, хотя здесь не фронт, конечно, но все же. Да, Оленька, мы скоро встретимся. Я знаю, я верю. И время такое придет.

*Останется грусть и разлука за дверью,
А в дом только радость войдет.
И как-нибудь вечером, вместе с тобою,
К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись боя,
Как хронику чувств, перечтем.*

И это время, Оленька, придет максимум через 5 месяцев, эти строки превратятся в действительность, и я буду сидеть в твоей комнате, и ты, милая, будешь кормить меня вкусным обедом или ужином. А потом мы сядем плечом к плечу, и будем смотреть фотографии и перечитывать мои письма. Они ведь и вправду, как «хроника чувств». За время моей службы их у тебя, наверное, немало скопилось и еще немало будет. Я ведь пишу тебе часто, это я так думаю, при малейшей возможности я отправляю тебе письмо. Отправив тебе письмо, я как будто поговорил с тобой... Я считаю себя самым счастливым человеком, которому очень повезло в жизни от того, что ждешь, и помнишь меня ты. И все у нас с тобой будет на «пять». А в сердце у меня любовь к тебе, моему самому дорогому человеку в этом мире... Твой и только твой Сергей».

«22.12.82.

Привет из Афганистана!!! Здравствуй моя милая, любимая, моя родная Оленька!!! С большим солдатским приветом к тебе любящий тебя твой Сергей. У меня, милая, все в порядке. Жив, здоров, чего, как говорится, и тебе желаю. Несу службу, считаю дни, жду Нового года, а там 23 февраля, 8 марта и на 1 Мая я - дома. Совсем немного осталось, не правда ли?..

Оленька, милая, очень скучаю по тебе и, честно говоря, не представляю себе нашу встречу. Интересно, где и как она произойдет? Мне кажется, что я совсем не изменился. Вот хожу остриженным наголо, такая традиция: постригаться, когда до приказа остается 100 дней. Но к нашей встрече волосы успеют отрасти. А вот узнаю ли я тебя, милая?.. Оленька, милая, когда ты получишь это письмо, будет уже 1983 год. Как ты его встретишь и где? Помнишь, как мы встречали с тобой 79-й и 81-й годы? Какие прекрасные были те времена, но я надеюсь, что все лучшее у нас с тобой впереди...

Ну вот, вроде и все. Написал тебе и, как будто поговорил с тобой. Сейчас заклею конверт и лягу спать, если повезет, то увижу тебя во сне. До свидания. Целую крепко, как умею только я. Твой Сергей. 23 ч. 15 мин.»

«14.01.83.

...Извини, милая, не писал тебе 20 дней, но все это время меня не было в части. Опять, Оленька, командировки. Только 2 дня назад я вернулся. И Новый год я встречал по-особенному, под БМП (боевая машина пехоты). Между двумя машинами натянули брезент, сделали что-то типа палатки, поставили печку из танковой гильзы, напекли лепешек, вскипятили в патронном цинке чай, разогрели тушенку и так скромно встретили Новый 1983 год. Было нас 7 человек. В 24⁰⁰ дал салют ракетами и пошел спать в землянку. А на улице шел снег с дождем.

Как видишь ничего похожего на то, как встретила Новый год ты. Я в этот вечер вспомнил, как мы с тобой встречали 1979 год. Помнишь, милая? Я вспомнил его до мельчайших подробностей. И думал о том, как мы с тобой вместе встретим 1984 год. Оленька, это мое такое долгое молчание доставило тебе много горьких минут. Но это моя служба такая. Теперь уже совсем чуть-чуть осталось, моего пребывания в ДРА - 54 дня, а до приказа - 69. Оленька, милая, в тебе я не сомневаюсь, я не представляю свою дальнейшую жизнь без тебя. И все верно, родная моя, чем меньше времени, тем труднее. Но ничего, будет и на нашей улице праздник... Крепко-крепко целую. Привет Надюхе и всем твоим родным. Твой Сергей. Оленька, после 15 февраля мне сюда не пиши. Письмо может меня не застать».

Последнее письмо Сергея приводится целиком. Оно все наполнено любовью, и не только любовью к девушке, но и к родителям, к Родине, к жизни. Это та Любовь, которая вмещает в себя весь мир. Из этого письма невозможно выбросить ни единого слова.

«22.01.83.

Привет из Афганистана!!! Здравствуй моя любимая, самая дорогая для меня девушка, здравствуй, Оленька!!! Вновь я сию дежурным по КПП и

«...а я, а я письма тебе пишу;

а я, а я в письмах к тебе спешу.

И об одном прошу: не забывай...»

Милая моя Оленька, всеми своими мыслями, всем сердцем я спешу к тебе. И наша встреча уже не так далека, как была раньше, через 90-95 дней я смогу тебя обнять и поцеловать по-настоящему. А я очень-очень сильно соскучился по тебе. У меня, милая, все нормально. Жив, здоров, несу службу. Уверен, что все будет хорошо. Так что «... ждите девушки нас, мама вытри глаза, мы живые еще, мы вернемся назад...»

Я обязательно вернусь, Оленька, иначе и быть не может. «...Еще немного, еще чуть-чуть, последний месяц трудный самый. А я в Россию, домой хочу, я так давно тебя не видел...» "

«...А мне б в девчоночку хорошую влюбиться, а мне б до Родины дотронуться рукой...» Ну, хорошая девчоночка у меня есть, в которую я давно влюбился. Осталось только дотронуться до Родины. Родина - только здесь до конца понимаешь это слово. Понимаешь всю ответственность за ее судьбу, то, как она дорога тебе. И ради того, «...чтоб не снились тревоги тому, кто остался на штатских постелях...», ради того, чтоб дети могли веселиться и ходить в школу. Ради того, чтобы Родина не испытывала страдания, не видела крови и смерти, чтобы не пылали дома в огне войны, мы терпим лишения здесь. «...За Россию умереть совсем не жалко. Но все же хочется, но хочется дожить...» И я доживу, милая, «...жди меня, и я вернусь, всем смертям назло...».

Погода у нас нормальная, в долине тепло, появились цветы, а на горах лежит снег. Вертушки прилетают каждый день, так что мое письмо сегодня и уйдет к тебе. Ну вот, милая, и все. До свидания. Привет от меня твоим родным, особенно сестренке. Целую, твой Сергей. Милая Оленька, на гражданке я почти не дарил тебе цветы, теперь исправляюсь и посылаю тебе эти цветочки, предвестники скорой встречи нашей».

А вот, что о Сергее написала Ольга уже сегодня, 20 лет спустя: «Мы познакомились в нашем общежитии пединститута, в «тройке», на танцах. Наши отношения начались с красивого вальса, Сережа бесподобно танцевал вальс, это и тогда было редкостью. Такими же головокружительными, и в то же время удивительно спокойными, были все годы, что мы были рядом, за исключением службы в Афганистане. А разве могли быть эти годы другими, если рядом был надежный человек?

Наши отношения были чистыми, искренними, красивыми... Я была любима умным, добрым, порядочным, красивым во всех смыслах парнем. Сережа был человеком, умеющим любить окружающих людей, любить жизнь. Если бы вы могли слышать, как заразительно он смеялся!...

И еще: при всей своей мягкости, тактичности Сережа был принципиальным человеком, не прощал подлости и предательства, был довольно ранимым человеком. Его жизнь стала примером жизни честного порядочного человека, надежного друга, любящего сына, бесстрашного солдата, в последние часы жизни спасавшего других, жертвуя собой. Это не высокие слова, и я их говорю не потому, что Сережи нет в живых. Это слова, которые он заслужил. Он и в армию-то рвался, желая проверить себя, на что он способен, считая, что не

имеет морального права воспитывать детей, не выполнив свой долг... Как видите, музыка внезапно оборвалась, и танец тоже. Вальс так и не стал нашим свадебным танцем, хотя мы об этом мечтали...».

Использован материал Алтайского государственного краеведческого музея, г. Барнаул.

Листовка с призывом к мирной жизни

Завьялов Владимир

Владимир родился 12 сентября 1968 года. Учился в школе № 60 города Барнаула. Учитель истории Татьяна Александровна Черкова вспоминает: «Володя пришел в первый класс в тот год, когда я, молоденькая, пришла работать в эту школу. Володя рос, учился, мужал на моих глазах. В начальной школе он был, как грибок-груздочек, крепкий, всегда с румянцем на щеках.

Всегда был лидером и заводилой в классе. Помню смотр песни и строя к празднику 23 февраля, как он командовал своим отрядом. Еще с младших классов к нему приклеилась характеристика «настоящий мужик». Очень уважительно

относился к женщинам – к одноклассницам и учителям. Очень любил свою маму, Татьяну Ивановну. Называл ее всегда не иначе как «мамуля».

Учился всегда хорошо. В старших классах дружил с девочкой Тамарой и на уроках сидел вполоборота к учителю и доске, чтобы Тамару было видно. Был душой класса, ни один вечер в школе не проходил без участия Володи. Он на вечерах всегда заведовал музыкой.

Как-то на уроке истории мы разбирали тему «Герои комсомольцы в Великой Отечественной войне». Я тогда классу задала вопрос, сможет ли сегодняшняя молодежь проявить героизм, каких сверстники в Отечественную войну? Володя тогда обиделся, встал и сказал: «Придет наше время, и мы встанем на защиту нашей Родины, и мы будем не хуже».

Вместе с другими мальчишками он занимался в ДОСААФ Барнаульского авиаклуба, прыгал с парашютом. Володя очень гордился, что занимается в клубе. Про них говорили: «Ну вот, все пойдете служить в Афганистан». На что он отвечал: «Служить в Афганистан поеду я один». Так оно потом и вышло».

После окончания школы, чтобы помогать семье, Володя устроился слесарем на работу в 40-й цех станкостроительного завода и поступил на вечернее отделение Барнаульского политехнического института. 15 октября 1986 года его призвали в армию, в войска ВДВ. Вначале был Витебск, затем Фергана, а дальше – Афганистан. Служил Владимир в 350-м гвардейском парашютно-десантном полку в составе 40-й Армии генерала Громова.

19.05.87 г.

«Здравствуйте, мои родные. Извините, что целых 20 дней вам не писал, не было времени. Мамуля, не хочу от тебя ничего скрывать, по разнарядке, да и по собственному желанию я нахожусь сейчас в Кабуле. Погода здесь стоит, как

в Крыму, только воды нет. Сам город напоминает большую деревню, дома в основном глинобитные.

Мамуля, ты за меня не волнуйся, боевые действия здесь уже не ведутся, почти не ведутся, ведь сейчас перемирие. <...> Крепко, крепко вас всех целую. Ваш Владимир».

23.06.87 г.

«<...> Мамуля, не вздумай сад продавать, ты знаешь, как меня сейчас туда тянет. <...> Пишите мне чаще, хотя бы даже если я долго не писал, все равно, что-нибудь да пишите. Здесь письма из дома ждешь, как чего-то особенного. <...> Мамуля, передай привет Розе Андреевне [классный руководитель Володи. – Прим. редакции.], написать ей – просто нет времени. Скажи, что школу я вспоминаю очень часто как самое лучшее время моей жизни. <...>»

02.08.87 г.

«<...> Сегодня у нас праздник профессиональный – день Воздушно-десантных войск, был выходной. Мамуля, как это хорошо – отдыхать, когда нет никаких тревог, когда сидишь и смотришь телевизор, от которого я уже отвык. <...>

Наверное, слышали, перемирие опять продлили, но это у них только в газетах да по телеку все хорошо, а на самом деле здесь все по-другому. Ты бы видела, как эти люди живут, у нас в хлеву свиней чище держат. <...> Мамуля, береги свое здоровье. <...>»

27.08.87 г.

«<...> Служба помаленьку двигается, через месяц уже будет год, останется еще столько же, в общем, служить осталось совсем немного, главное – вы ждите. Мамуля, напишите названия лекарств, какие тебе нужны, здесь можно достать все. <...> За меня сильно не волнуйся, у меня в высшей мере все хорошо. <...> До свидания, ваш Владимир».

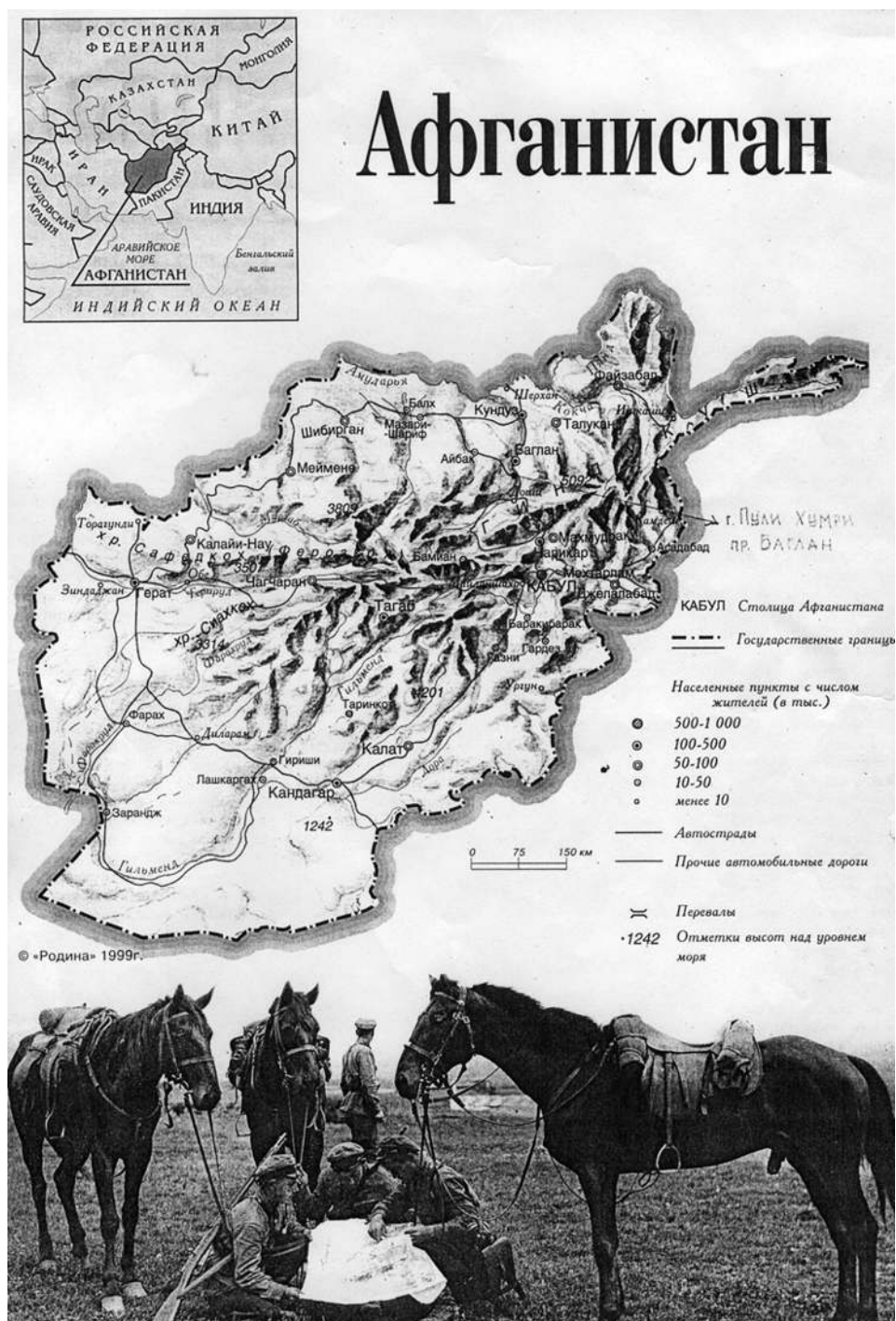
Владимир участвовал в 18 боевых операциях, был опытным и грамотным солдатом. Но... Был последний бой. Погибли ребята. Владимир погрузил погибших на БТР, чтобы тела не достались моджахедам. За несколько метров до перевала раздался взрыв, БТР подорвался на радиоуправляемом фугасе. На месте БТР образовалась огромная воронка...

Последнее письмо от Володи пришло домой через три дня после его похорон.

«<...> Завтра уезжаем в Кандагар, это 600 километров от Кабула, так что если от меня опять долго не будет писем, не расстраивайтесь. <...> До дома осталось 8 месяцев, то есть 240 дней, совсем немного. <...>»

«Завтра Кандагар...», а завтра, это 31 января, был последний день жизни Владимира и «дважды погибших» четверых его товарищей.

Использован материал музея «Локальные войны XX века», школа № 60, г. Барнаул.

Калинин Игорь

Игорь Николаевич родился в 1958 году в Рубцовске в семье педагогов Веры Васильевны и Николая Яковлевича. Когда ему было 2 года, семья переехала в Барнаул. Учился в школе № 62, а заканчивал 10 классов в школе № 73. Ещё в школе Игорь мечтал поступить в военное училище. Учился он хорошо, и после окончания школы успешно поступил в военное училище в городе Кемерово.

В школе, под руководством мамы, занимался в школьном музее, собирал информацию о боевом пути ветеранов Великой Отечественной войны, организовывал встречи с ветеранами,

разыскал родственников Ходак Ивана Тарасовича, когда был найден его солдатский медальон.

Когда Игорь учился в 8-м классе, в сочинении «О Родине, о дружбе, о себе» он написал: «Я не думаю о том, чтобы совершить подвиг, но мечтаю о том, чтобы не быть лишним в нашей великой державе, чтобы быть чем-нибудь полезным Родине. И я постараюсь это сделать». Вера Васильевна, мама Игоря, учитель литературы, говорила: «Я буду счастлива, если слова моих сыновей (имеется в виду ещё старший сын Александр) и моих учеников не разойдутся с делом».

Старший брат готовился поступать в военное училище, за ним тянулся и Игорь. Но брат не поступил и Игорь раздумал, но твёрдо для себя решил, что будет служить на границе со своей собакой Лоттой. В конце концов, выбор был сделан, Игорь поступил в училище связи, и вскоре домой стали приходить письма, к удивлению мамы, оптимистичные, полные увлекательных рассказов об учебных буднях, о товарищах. Однажды по традиции курсантов училища написал письмо на бересте.

«16.10.75.

Здравствуйте, мама, папа и Саша!

Решил я продолжить традицию (Вовка Щ. тоже присылал письмо на бересте). Новостей сегодня нет, как и писем от вас – 2 дня. <...> Сегодня должны получить деньги, по три рубля. Такая зарплата будет у нас, как минимум ещё месяца три. Ну, до свидания. Игорь».

Ещё учась в училище, Игорь в числе других курсантов писал рапорт с просьбой отправиться на службу во Вьетнам. Но в то время рапорт отклонили и Игорь поехал к месту своей дальнейшей службы в посёлок Коченёво под Новосибирском. Спустя какое-то время давний рапорт был принят, но не во Вьетнам. Домой от Игоря пришло письмо, в котором он сообщил, что отправляется служить в Афганистан.

Трудно было передать чувства матери, беспокойство за его жизнь. Но здесь же гражданская ответственность за то, «как слово наше отзовется». Ведь говорила же она: «Я буду счастлива, если слова моих сыновей ... не разойдутся с делом». И вот теперь Афганистан. Два долгих года. Она каждый день ждала писем. Получала, перечитывала, сохраняла.

Письмо Игоря домой на бересте

«7.03.82.

Здравствуйте, мама и папа! <...> У меня всё нормально, служба идёт хорошо. Скоро окончательно превращусь в танкиста, уже делаю успехи в ремонте, главным образом – электрооборудования танков. На службу не жалею, всё отлично. <...> До свидания. Игорь».

«21.03.82.

<...> У меня, как всегда. Всё хорошо. <...> Что-то долго вы не получали моих писем. Видно, письма не шли отсюда из-за погоды. У нас тут недели две или даже три была нелётная погода, а почта доставляется только по воздуху. <...> Сегодня в Афганистане Новый год. <...> Игорь».

«25.03.82.

<...> Пишу на скорую руку. <...> У меня всё отлично, я здоров, бодр и весел. Приходится ограничиться несколькими строчками из-за нехватки времени. Дней 6-7 меня не будет, вернусь – сразу напишу. До свидания, не болейте и не волнуйтесь. Игорь».

«31.03.82.

<...> Получил аж 4 письма от вас, но сумею ли ответить на все? <...> Насчёт «посылки», мне ничего не нужно, всё необходимое у меня есть. Вот только если сумеете взять литровые баночки с различным соком, заполнить их чем-нибудь покрепче и снова закатать крышками. Это было бы неплохо. О себе писать нечего, всё по-старому. До отпуска осталось совсем немного – лишь три месяца. <...>

Наступают жаркие деньки, днём в палатке уже невозможно находиться – пекло. <...>»

«6.04.82.

<...> Меня переводят в Кабул. С сегодняшнего дня сдаю должность. Пока не пишите мне, а дней через 10-15 я сообщу свой новый адрес. Игорь».

«19.05.82.

<...> Я на новом месте. У меня всё нормально. Отношения со всеми хорошие, ровные. <...>».

Далее приводим фрагменты из армейского дневника, который вёл Игорь в Афганистане.

«20.05.82.

Продолжаю краткую хронологию основных событий. Дневником это назвать нельзя, так как записывать сюда буду в основном только факты. Ну, может быть чуть подробнее, чем в записную книжку.

<...> Эти полгода я делал то, для чего предназначен военный человек – воевал. Я убивал людей, если их можно назвать людьми, но убийцей себя не считаю. Я делал то, что должен был делать, что подкрепляется словами присяги.

Не всё было гладко – и неуверенность в своих силах, и страх, настоящий страх, всё это было. Но со временем эти ощущения притупились, страх не исчез, он именно притупился. И лишь неприятный холодок остался при воспоминании особо острых моментов.

<...> Особенно запомнились два случая, когда я по-настоящему, признаю, был на волоске от гибели, это 17 марта и 25 апреля. 17-го погиб мой сержант Анвар Фармонов. А через месяц он мог быть уже дома. Погиб он за неделю до приказа о демобилизации, и 2 дня я не мог его отправить, не было возможности принять вертолёт, их бы сразу сбили. И я возил его тело, завернутое в брезент. Двое суток он воевал вместе с нами, в моём экипаже танка № 621....

<...> Выходили из ущелья два дня (ущелье 8 километров). А потом я обнаружил, что в скобе моего люка сидит пуля. Если чуть ниже.... После этого я стал плотнее прикрывать люк, но не до конца. В момент попадания кумулятивной гранаты из реактивного противотанкового гранатомёта пробивается броня и внутри создаётся избыточное давление. Если люки будут закрыты плотно – весь экипаж погибнет. И- второе: при подрыве на фугасе через открытый люк может выбросить, а если люк закрыт – то танк будет братской могилой.

<...> Девятнадцатого пришлось выдержать серьёзное испытание. <...> наскочил на хорошо организованную засаду «духов». Метров с пятидесяти в лоб огнём из гранатометов и всех видов стрелкового оружия. <...> В течение двух

часов вёл бой. Засаду уничтожили. <...> За этот бой и был представлен к ордену «Красной Звезды».

А 25 апреля вновь почувствовал, как «костлявая» обдала меня своим дыханием. <...> напоролись на засаду прямо в кишлаке Рогани. Били залпами из гранатомётов с 20-30 метров слева. Мы им, конечно, дали..., но потом меня бил озноб. Ведь это был мой последний бой, уже приехал мой «заменщик».... <...>».

Письмо от Игоря домой.

«21.05.82.

Здравствуйте, мама и папа. Получил ещё два письма от вас. Столько вопросов.... В бытность мою в Джелалабаде мне было о чём писать – но нельзя было. Теперь же я могу подробно описывать свой рабочий день. <...>

В городе я был всего два раза: когда приехал, и в патруле, и то ночью. Образ жизни афганцев? Очень разнообразный. Даже в столице существует несколько укладов. <...>

Обстановка в городе довольно спокойная, но поодиночке и без оружия появляться в городе запрещают. После обеда в город не сунешься, задержался до сумерек – едва ноги уносишь. <...>

Сами мы живём в палатках на окраине города. <...> До свидания. Игорь»

«24.05.82.

<...> Сейчас я в наряде, время 5 часов утра. Скоро отдыхать. <...> Никак не могу привыкнуть к здешнему климату. Днём жарко, а ночью – холодно. <...> Будни, будни и будни и никаких тебе экзессов. Тоска!»

Афганский дневник.

«24 мая.

Кончатся сутки в наряде. Сейчас в Панишере идёт крупная операция, в ней принимает участие и «моя» бригада, Джелалабадская. Говорят, очень тяжело там, потери большие (30 – 300???) Но и «духам» хорошо вкатили... Чёрт возьми, я почти жалею, что уехал <...>. Не потому, что здесь плохо, а потому, что мне нравилось там. Там я воевал, а здесь – служу. Если вдуматься – разница огромная. А сейчас такое ощущение, будто я сбежал оттуда.... Если честно, мне стыдно за это тихое место. <...> А жизнь идёт своим чередом. Получил 8 писем из дома. Как я соскучился по ним! <...>

<...> техника здесь ужасная, всё разграблено, разбито, запчастей нет, ЗИПов тоже нет, снабжение не на высшем уровне. <...>»

Письмо домой.

«25.05.82.

<...> Сегодня после обеда был сильный ливень с градом, очень крупным, <...> как получил два удара по спине и по голове, ноги у меня побежали обратно. <...> После ливня было сущее наводнение – с гор пошла вода. Кругом ручьи, потоки воды шириной 3-5 метров. <...>

Не болейте, не скучайте и не волнуйтесь за меня. Игорь».

«30.05.82.

<...> Я сейчас нахожусь в таких условиях, которые не представляют ни малейшей угрозы даже здоровью, не то что жизни. А тех, кто слишком красочно рассказывает об Афганистане, не слушайте. Если бы отсюда уезжали только те, кто «родился в рубашке» - в Союзе давно бы все ходили голыми. Короче, всё ерунда. До свидания. Игорь».

Афганский дневник.

«7 июня

<...> Очень - очень соскучился по родным. Скорее бы август...»

«20 июня

Завтра выезд на операцию в Газни. Теперь еду как связист. Двое суток готовил людей и технику. Говорят, сопровождать нас будет ДШБ из Джелалабадской бригады. Вот здорово! Своих увижу»

«22 июня

Марш в Газли прошёл отлично – ни разу не обстреляли, ни одного подрыва не было».

«4 июля

Вчера вернулся из Газни. Операция прошла успешно. <...> 27 июня пришлось немного понервничать. Возвращаясь, нарвались на засаду в самом Газли. «Духи» буквально расстреливали колонну метров с 200-300 на протяжении двух километров.

Вот тогда я почувствовал себя неуютно.... Машина – это не танк, пробивается из рогатки, не то что из стрелкового оружия. Когда ударили залпы справа, я думал, это не страшно, ведь мы в городе. Но увидев фонтанчики пуль перед машиной и услышав свист пуль над головой, понял, что дело пахнет «керосином». Остановиться нельзя, колонна идёт. <...>

Высунул автомат в окошко и начал поливать дувалы. Одна обезьяна выскочила к самой дороге. Оборзели совсем. Видно, хотел гранату бросить. Пришлось в него чуть не треть магазина выпустить, живучий, гад. Затем было несколько разрывов впереди, из гранатомётов били, затем на повороте взяли в «клещи». <...> Когда выскочили – не верили, что уцелели. <...>

Обошлось всё как нельзя лучше. Пробоин нам наделали предостаточно, раненых куча, но все живы. В рубашке я родился.... <...>»

«14 июля

Судьбе ещё раз угодно было испытать моё здоровье. Возвращался вчера из патруля в 00.30 минут. <...> Проскочили наше посольство, осталось 4

километра до батальона. В это время справа и слева полетели трассеры. Едва успел затормозить, крикнул: «К бою!» и прямо из кабины «щучкой» нырнул на обочину. Там канавка 20-30 сантиметров глубиной, одно название.

2 часа не могли поднять голов, настолько плотный был огонь. Как выяснилось, мы подъехали вовремя. «Духи» напали на Министерство обороны и на наш штаб армии. На меня упало штук 10 срезанных пулями веток. Урвав момент, приказываю водителю развернуть машину, прыгаем в неё и ходу.

Справа очередь. Слышу треск сзади, попали-таки по кузову.... Отвечаю полновесной очередью, затем падаю на пол. Подлетели к нашему посольству, надо вылезать, а ноги трясутся. Так и переночевали в посольстве, а утром спокойно приехали в батальон».

«25 августа

<...> Мы готовы встретить «духов» достойно. Людей у нас достаточно. Патронов маловато, да не беда».

«26 августа

Ложная тревога была. Всё нормально»

«31 августа

Ну вот и кончилось лето. Завтра – 1 сентября. Скоро 10 месяцев, как я здесь, в Афганистане. В отпуск пора бы. <...> Сегодня от нечего делать перекидывал вещи в чемодане. Померил то, что взял себе полгода назад. Видно, здорово я похудел за лето, всё болтается. Ничего, дома наберу вес. Главное – здоров и прекрасно себя чувствую. <...>

Везучий я всё-таки. В таких переделках довелось побывать, а ничего – цел. Все мои потери заключаются в рассечённой брови и разбитых часах. Сколько раз я волею судьбы оставался невредимым. <...>».

Через 2 года Игорь, с орденом Красной Звезды вернулся из Афганистана домой. Поступил в военную академию в Ленинграде. Когда он её закончил, это уже был город Санкт-Петербург.

Использован материал из семейного архива И.Н. Калинина и музея школы № 114, г. Барнаул

Кузоб Александр

Самым памятным событием Сашиного детства был день, когда гордый и сияющий, вошёл он в свой первый класс, школы 68, города Барнаула, прижимая к груди букет цветов. К учёбе относился всегда серьёзно и с большой ответственностью. Охотно помогал тем, кому учение давалось трудно, а на переменах его красный галстук то тут, то там вспыхивал, как маленькое пламя – минуты не сидел он без дела.

Большой интерес проявлял к точным наукам: математике, физике, химии, военному делу. Посещал факультативы математики и немецкого языка, кружки – волейбольный и стрелковый. Саша был физически здоров и крепок. С 6-ого класса посещал клуб «Звонящие клинки», в 9-10 классах занимался каратэ. Участвовал в соревнованиях по спортивному ориентированию. Читал много.

Принимал активное участие в работе комсомольской организации класса и школы. Возглавлял идейно-политический сектор комитета комсомола школы. Саша был трудолюбивым, серьёзным, уравновешенным, честным человеком.

Была у Саши мечта – стать военным. И ещё хотелось ему на завод «Трансмаш», где работают его родители. После школы пришёл Саша на завод. Там радушно приняли молодого рабочего. Саша как учился в школе, так и работать начал – добросовестно, увлечённо. Очень быстро освоил оборудование, на котором ему предстояло работать: два токарных станка. И начал свою трудовую деятельность, выполняя, а потом перевыполняя сменные задания в среднем на 10-15%.

На заводе, «в смене», люди разные по возрасту, однако, это не мешало Саше быстро познакомиться со всеми и быть среди них, как равный. За время работы на заводе, Саша не имел ни одного взыскания. Он очень любил жизнь и свою работу.

Не оставался Саша в стороне и от общественных дел. Он вступил в добровольную народную дружину. Сразу записался при заводе «Трансмаш» в оперативный комсомольский отряд «Феликс». До призыва в армию Саша добросовестно относился к поручениям штаба отряда. Он вместе со своими товарищами нёс службу в городе: в электричках, в лагерях, в общественных местах, оберегая покой людей, и наводя страх на тех, кто ещё не хочет честно трудиться. За образцовое выполнение задания и активное участие в жизни отряда Саша из рядового оперативника вырос до начальника штаба отряда. И

Занимаясь в ОКО «Феликс», мечта стать военным не покидала его. Часы отдыха заменяет учёба в Морской школе ДОСААФ. Здесь он был награждён значком «Меткий стрелок» и знаком «За отличную учёбу».

Весной 1983 года Александр Кузоб добровольно идёт служить в Афганистан. Уже 23 июля 1984 года он получает благодарность за безупречную службу. Из армии он писал в клуб «Феликс».

«21.10.83.

Привет, дорогой и незабываемый «Феликс». Пишет вам, как вы уже догадались, бывший начальник штаба Кузоб Александр Петрович, ныне гвардии рядовой Кузоб. Все новости, касающиеся переезда Барнаул – Фергана, вы, вероятно, знаете от мамы. Я попал в 8-ую роту, здесь у нас готовят пулемётчиков, гранатомётчиков, автоматчиков и телефонистов. Я попал во взвод пулемётчиков. Буду бегать с пулемётом «Калашникова».

Житуха идёт ничего, сержанты делают из этого гражданского материала, который прибыл в часть, настоящих солдат. За одну неделю пребывания в роте я уже успел отстоять два наряда по роте дневальным. Почти всё время занято занятиями, иногда приходится ночью подшивать воротнички, бриться, писать письма. Нагрузки здесь большие.

Гришка, то, что давали в отряде и те нагрузки, которые были, всё это туфта, по сравнению с армией. У нас была тренировка, разминка. Так, что, батька, гоняй парней, не жалея, после армии они сами тебе спасибо скажут! Особенно в армии ценится, это подъём на перекадине с переворотом не менее 10 раз. Подтягивание, отжимание на брусьях, чем больше, тем лучше. В части я уже втянулся, дело идёт легче.

А как у вас там дело, как идёт набор, как поживают «старики», думают возвращаться в отряд? Тем, кто вернулся в отряд, у меня просьба, сделайте из отряда боевую единицу. Тогда сбылись бы наши мечты в то, что мы хотели сделать из отряда. До свидания. Всем огромный привет».

Чуть больше года прослужил Саша. 23 августа 1984 года его не стало.

Из письма командира подразделения:

«Здравствуйте, уважаемая Зоя Александровна! Ребята 4 Б класса. Пишет Вам командир подразделения, в котором проходил службу рядовой Александр Кузоб. Прослужил он у нас недолго, но зарекомендовал себя только с положительной стороны. По прибытии к нам он был назначен на должность пулемётчика и быстро освоил эту специальность

Принимал участие в 6-ти боевых операциях, за что получил ряд благодарностей. Погиб Саша в бою «смертью храбрых» 23 августа 1984 года. Наша рота в составе десанта высадилась в ущелье с задачей блокировать несколько важных высот и не допустить отхода банды душманов в горы. После высадки с вертолётов мы начали выдвигаться на указанный рубеж, но неожиданно с правого фланга были обстреляны душманами. Саша в этот момент был там. Рота укрылась за камнями, но при этом был тяжело ранен один из командиров отделений Сашиного взвода. Саша со своим пулемётом выдвинулся на удобную позицию и стал прикрывать роту и вынос раненого из-под огня противника. Благодаря его действиям раненый был эвакуирован в безопасное место, рота вышла из-под огня противника, но при этом Саша тоже был ранен. Мы оказали ему необходимую медицинскую помощь, но ранение было слишком тяжёлым, и он скончался через 30 минут.

Очень жалко терять своих ребят. Мы отомстили душманам за смерть наших товарищей. В этом бою мы уничтожили 10 душманов и захватили большое количество трофейного оружия и боеприпасов. Его пулемёт сейчас вручается сейчас лучшему пулемётчику роты, а в спальном помещении оформлен стенд.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга, рядовой Александр Кузоб представлен, посмертно, к ордену «Красной Звезды».

Вот всё, что вкратце я могу Вам написать.

С уважением командир роты, гвардии капитан Чумичёв».

За мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга, Александр Петрович Кузоб награждён орденом «Красной Звезды» - посмертно.

Использован материал музея «Русская словесность» школы № 68, г. Барнаул.

Павлюков Константин

Из Афганистана вернулись тысячи человек. Тысячи матерей, не спавших ночами и живших в то время в тревоге, могли вздохнуть с облегчением. Закончилась горестная девятилетняя война. Но тысячи матерей так и не дождутся своих сыновей. В Барнауле похоронки пришли на каждого девятого ушедшего в Афганистан.

Родился Костя Павлюков в Барнауле, жил вместе с родителями в совхозе «Цветы Алтая». Учился в посёлке Южном. Вспоминает первая учительница Кости Никитина Ольга Сергеевна: «Из «Цветов Алтая» пришли учиться в нашу школу 3-е детей: Галя, Катя и Костя Павлюков. Костя был небольшого роста, загорелый, очень подвижный, любил бегать на переменах.

Ребятишкам приходилось в любую погоду добираться до посёлка пешком. Часто, зимой, Костя не мог равнодушно пройти мимо сугробов. Ему непременно нужно было его измерить. Иногда девочкам приходилось вытаскивать, застрявшего в сугробе Костю. И тогда, опоздав, в класс являлись три снежных «колобка».

Трое мальчишек, ставших друзьями в последствии, были из разных мест – это Костя, Саша Кадач и Юра Лобалов. Костя с Сашей и Юрой дружили все 10 лет учёбы в школе, а с Сашей Кадач поступили вместе в БВВУ и окончили его.

Как сейчас помню первый Костин рисунок. На нём была нарисована большая грузовая машина с очень большими колёсами. Но следующими его рисунками были только самолёты. Рисовал он их везде: на промокашке, на черновичках, на клочках бумаги. Самолётики были маленькие, величиной с зёрнышко подсолнуха. А помню, к Новому году, мы рисовали ёлку, все дети на верхушке нарисовали звезду или пику, а Костя нарисовал самолёт.

По натуре, мне кажется, от рождения он был добрым, спокойным мальчиком. За всё время учёбы у меня, я не помню случая, чтобы Костя ослушался. Он всегда улыбался. Вот эта доброта и душевность исходила от его родителей, Светланы Григорьевны и Григория Герасимовича. Им низкий поклон за то, что они воспитали такого сына, который в трудный час своей жизни, смог собраться, сделать всё возможное и невозможное и отдать свою жизнь, не посрамить семью, школу, своих друзей и всех тех, кто жил и работал вместе с ним».

Из воспоминаний Быкова Александра, одноклассника Кости: «В классе я сидел как раз за Костей и Сашей Кадач. В то время они оба уже учились в «школе

космонавтов», так как оба собирались стать военными лётчиками и готовились к поступлению в Барнаульское высшее лётное училище. Бросалось в глаза тогда то, что все тетради, промокашки были у них изрисованы какими-то самолётами, танками и прочей военной техникой.

Сейчас приходишь к мысли, что есть люди при мысли о которых не возникает никаких отрицательных ассоциаций и вспоминается только светлое, хорошее. Костя был именно таким.

Последняя наша с ним встреча произошла году в 1987-м. Совершенно случайно при входе в магазин на «Урожайном», я нос к носу столкнулся с красавцем-офицером. Я знал, конечно, что Костя к тому времени осуществил свою мечту и стал лётчиком. Он был в парадной лётной форме. Весь собранный и подтянутый. Мы с ним посидели на лавочке, поговорили, вспомнили школу, учителей и одноклассников. Я так понял, что он получил новое назначение, и должен был уезжать.

Про войну в Афганистане я впервые услышал где-то в конце декабря 1979 года, когда у нас дома собрались одноклассники моей старшей сестры, которая к тому времени уже закончила школу. Классная руководительница моей сестры сообщила, что пришло известие о смерти их одноклассника - Михаила Шелестова. Та командировка, куда отправлялся Костя Павлюков, и была командировкой на войну, в Афганистан. Потом я уехал жить в Приморский край, где из писем одноклассников и узнал о героической смерти Кости Павлюкова».

Крячков Алексей вспоминает: «Много лет прошло со дня окончания школы. Много стёрлось из памяти. Об этих чудесных годах из-за житейской суеты вспоминаешь сейчас только при просмотре школьных фотографий. Класс у нас был необыкновенный. Только, прожив определённый отрезок времени, даёшь этому оценку. Были в классе и лидеры, которыми гордились даже за пределами школы, были и забияки, были просто примерные ученики. У каждого свой характер, свои взгляды на жизнь.

С Константином мы проучились в одном классе десять лет. Он не был лидером, но в нём было главное – честность и доброта. Вспоминаются его ясные чистые глаза, его улыбка, без всякой тени лукавства, откровенная, добрая улыбка. Ещё в школе он начал проявлять такие черты характера, как умение отстаивать свою точку зрения. Мог поспорить с учителями, если чувствовал, что прав.

1980 год, позади школа, сданы экзамены. Мы с Костей принесли документы в училище лётчиков. Но перед поступлением нужно было пройти предварительную медицинскую комиссию в местной поликлинике. Костя прошёл раньше, а у меня обнаружили гайморит. Тогда Костя говорит: «Не робей, я схожу и за тебя сделаю этот снимок под твоей фамилией, ведь летали в войну лётчики без ног, на протезах, а тут какой-то гайморит, главное, чтобы желание было, огромное желание».

Так я с Костиным носом на снимке и пришёл на вступительную комиссию в училище. Костя, пройдя комиссию, ждал меня на улице. По зрению меня забраковали. Помню, вышел я расстроенный. Костя стал меня успокаивать: «Не

переживай, всё, что ни делается, всё к лучшему, на земле тоже люди нужны». И как-то грустно улыбнулся. Я тогда вскипел, но, увидев его глаза и добрую улыбку, понял, что он говорит мне без иронии, от всего сердца. Я тогда и предположить не мог, что вижу его в последний раз».

Письма Кости. К сожалению, их сохранилось мало.

«14.06.84.

Здравствуйте Мама, Папа и Славик. Привет из Камня-на-Оби. У меня всё хорошо, летаю помаленьку, здоров, и болеть пока не собираюсь. Цветы, которые я брал дома, мы посадили около казармы, они вроде бы растут нормально, по крайней мере, ещё не завяли. Новиков сказал, что если они зацветут, он меня на неделю в Барнаул отпустит. ... В общем, у меня всё прекрасно. Да, Мама говорила, что я ей фотографии не посылаю и писем не пишу, так вот, делаю и то и другое. Кстати, не только фотографии, но и «молнию» в честь самостоятельного вылета посылаю, хотел сам привезти, да боюсь, где-нибудь порву или потеряю.

Ну, до свидания, пишите. Целую, ваш Костя».

«1.12.86.

... Привет из Баграма. Отослал Вам позавчера письма, а сегодня спохватился, ведь сегодня первый день зимы, начало декабря. Я вспомнил, что закрутился и не поздравил маму с днём рождения. Ну, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Так что, поздравляю от всей души.

У меня всё хорошо, летаю, помаленьку, и живу потихоньку. Пишите. Ваш Костя».

Мама Кости Павлюкова рассказывает: «Костя был простым парнем. В школе, в нашем селе, в училище у него много друзей. Его все уважали за честность. А из Афганистана он писал: «Мама! Я тебя никогда не подведу!»

В Афганистан Костя вместе с группой лётчиков прибыл в октябре 1986 года. За четыре месяца Костя выполнил 70 боевых вылетов. Летал много. В последнем полете, машина была сбита ракетой «стингер» класса «земля-воздух». Попытки Константина подчинить своей воле машину не удались, и он решил катапультироваться. Когда спускался под куполом парашюта, был обстрелян с земли и ранен. Мятежники не оставили лётчика в покое. Начали окружать его, стреляя с разных точек. Костя отстреливался до последнего патрона. Оставалась одна граната. Когда к нему приблизилась группа захвата, Костя отпустил предохранительную скобу гранаты. Прогремел взрыв...

Письмо Александра Кадач приводится полностью.

«27.06.87.

Здравствуйте, тётя Света и дядя Гриша! На первых строках прошу извинить меня, но... ...Вот и сейчас я опять не знаю, что писать. Как только подумаю, что Кости нет, так последнее мужество уходит от меня.

Дорогие мама и папа, простите, но мне очень больно писать, я не могу.

На первом курсе я на неделю раньше стал летать самостоятельно, а Костя всё жалел и расстраивался, что, не смотря на полученный допуск к самостоятельным полётам, инструктор не разрешил ему сделать этот полёт. Потом, уже после третьего курса, Костя был очень счастливым. Боевая машина подчинялась ему, как игрушка. А сейчас ...

Мама и папа, я постараюсь быть достойным памяти Кости.

До свидания. Ваш Александр».

Константин Павлюков похоронен на Аллее воинов-интернационалистов в Барнауле. Ему присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Использован материал Алтайского государственного краеведческого музея, Музея боевой славы гимназии № 5, г. Барнаул.

Рыбин Гигорий

Гриша родился и жил в Барнауле. Учился в школе № 85. Весной 1987 года его призвали на службу в армию. Находясь в «учебке», он сам попросил направить его служить в Афганистан. Писал родителям много и часто.

31.05.87 г.

«Здравствуйте, папа и мама! Получил ваши письма, чему был очень рад. <...> Жизнь моя идет нормально, все в полном порядке. Правда, по дому скучаю страшно. На заставе три земляка – я, один из Бийска, другой из Барнаула с улицы Попова. Так что есть с кем вспомнить родной город. <...>»

Как здесь живут. Здесь идет сейчас 1366 год. Новый год празднуют в апреле, сейчас здесь средневековье. Дамы ходят в парандже, дома глинобитные, называются «дуваны». Но крепкие, пуля не пробивает. Колодцы у них для воды очень глубокие, до 30–40 метров.

Природа где-то есть, но я ее не видел. Сидим на горке около 2,5 тысячи метров над уровнем моря, а вокруг горы, горы, горы. <...> До свидания».

20.08.87 г.

«Привет из Афганистана. <...> Живу я нормально, лето в полном разгаре, печет – градусов под 40. Я думал, комары только у нас, а они есть везде, а здесь еще и москиты, это мошка такая. Недавно спускались к афганским воинам. Они такие запуганные, их «духи» часто посещают, зовут на свою сторону. Но все-таки афганцы – люди разные и служат по-разному и старые и молодые. <...>»

29.09.87 г.

«<...> Вот и приказ вышел. Мне осталось служить всего год. Служба моя идет нормально. Скучаю, а насчет того, что редко пишу, так это точно – времени нет. <...> У нас уже не так жарко днем, а ночью уже холодно, ведь рядом горы. Кочевники уходят на юг в Пакистан, скоро и «духи» уйдут туда, ведь они зимой не воюют.

Папа, ты спрашиваешь, слушаем ли мы «Маяк». Да, когда батарейки есть или аккумуляторы. И не только «Маяк», но и «Голос Америки». Сколько же они на нас льют грязи, но и много нового чего можно узнать. <...> Пишите».

07.10.87 г.

«<...> Пишу очередное письмо, потому как есть свободное время. Живу я нормально, на здоровье не жалуюсь, жизнь идет своим чередом. Ждем, когда прилетят молодые из Ферганы. Как только они прилетят, так сразу гражданские уедут, у кого приказ вышел, и легче жить станет.

Мне осталось служить немного – 359 дней, а дома я не был 355 дней. Дни моей службы пошли на убыль. <...> Поражают меня афганцы, их противоречивые действия. С одной стороны, точный расчет, с другой – глубокое средневековье. В ход у них идут даже гильзы, и дома строят, как крепости с бойницами и толстенными стенами. <...> Гвардии ефрейтор Рыбин».

26.10.87 г.

«Здравствуйте, мои дорогие родные. Спасибо за письма, которые я получаю. Все парни завидуют, потому, как почту привозят и мне обязательно письмо. Спасибо вам за заботу, за открытки, за лезвия и иголки, спасибо. <...>

Я жив и здоров. Дела у меня идут нормально. Ноги, слава Богу, пока не подводят. Скоро приедут молодые на заставу, ну, а я постараюсь нос не задирать, а помочь им чем могу. <...>»

30.11.87 г.

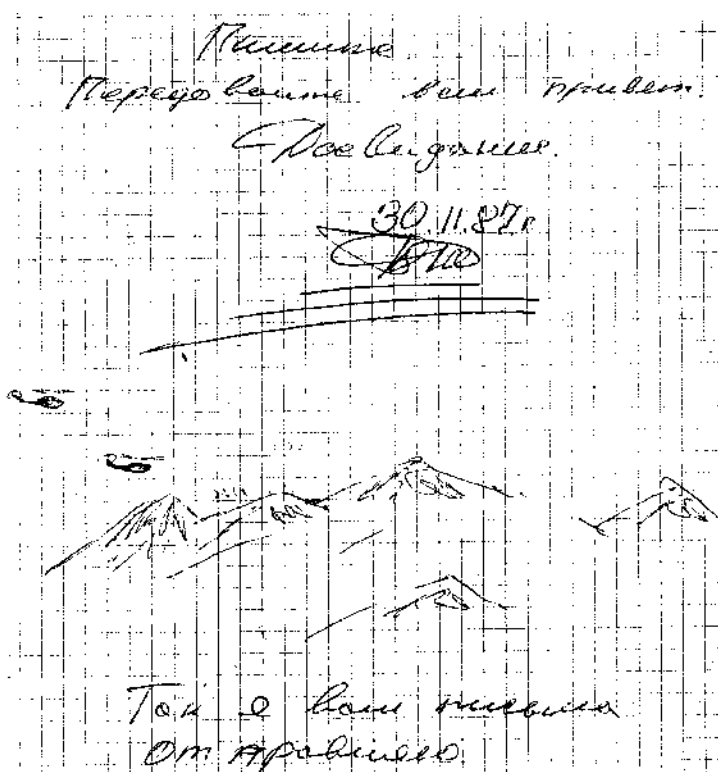
«<...> Прошел год, и домой стало тянуть. Вчера стоял на посту и вспоминал, как мы с отцом в лес за грибами ходили и на рыбалку. А служить еще около 300 дней. <...> Вы извините, что писать вам стал редко, но пока молодежь привыкнет к службе. Я постараюсь писать чаще. <...>»

10.12.87 г.

«<...> Извините, что долго не писал. Не буду оправдываться, но почему-то так выходит. У меня все в полном порядке, живу нормально. Да вы сильно за меня не переживайте. Все будет нормально. <...>»

06.01.88 г.

«Здравствуйте, мои дорогие родные. Получил сразу после Нового года большую пачку писем. <...> Папа, ты спрашиваешь, не привлекают ли нас на операции. Нет. Нам и на заставе хватает работы по уши. Я сейчас, кроме связи, еще и

командир расчета пулемета. Так что сами видите, какая нагрузка.

Новый год мы встретили на уровне. Я был Дедом Морозом. Смотрели телевизор. <...> Перед Новым годом на заставе баню устроили, воды нагрели и помылись. <...> До свидания».

07.02.88 г.

«<...> Жизнь моя солдатская идет нормально. <...> Папа, ты спрашиваешь, как у меня отношения с молодежью. Они все разные и служат по-разному, а по службе и отношения. У нас главное – это несение службы ночью, ведь от этого зависит не только твоя жизнь, но и жизнь твоих товарищей. А некоторые спят на посту. Ну, а так все нормально. <...>»

12.02.88 г.

«<...> Вчера по приемнику услышали про подписанный договор между Пакистаном и Афганистаном, и что с 15 мая начнется вывод войск. Но это не значит, что 15 мая все войска соберутся и улетят. Наш полк вообще, говорят, в 1989 году выведут. Так что домой я из Афгана поеду. Сейчас тихо, зима, «духи» не воюют. В «галошах» по горам лазить неудобно. Недавно мне приснился дом. Я утром встал, как будто с другой планеты прилетел. Так весь день и проходил, тоска страшная, а здесь еще и «дембеля» домой собираются. <...>»

12.09.88 г.

«<...> Писать просто не знаю что, мне бы у отца учиться. Он целые сочинения с продолжениями, а я на пару строк новостей набрать не могу. Так что извините за короткие письма. <...>»

С честью отслужив положенные два года, Гриша весной 1988 года вернулся в родной Барнаул.

Использован материал музея «Локальные войны XX века» школы № 60, г. Барнаул.

Олег родился и вырос в селе Власиха под Барнаулом. Учился в школе № 50 в поселке Новосиликатном. С детства мечтал о небе и, когда подрос, записался в школу ДОСААФ, стал заниматься парашютным спортом.

После окончания школы устроился работать в учхоз АСХИ «Пригородное». А в 1983 году его призвали на службу в армию.

Брату Сергею и родителям писал письма.

23.10.83 г.

«Здравствуй, Серега. <...> У меня дела идут нормально. <...> Ты спрашиваешь, что случилось в Афганистане. Там произошла революция в 1979 году, и наша страна помогает

Афганистану. У них там есть банды, и мы, солдаты, будем выполнять интернациональный долг. Ты спроси у мамы с папой, они объяснят тебе, что это такое. <...> Ты учись хорошо, вот я дурак был, что плохо учился.

Думал, что так себе кончу 10 классов, и все. А теперь нет, лучше бы в институт пошел бы. <...> Серега, ты слушайся маму с папой и помогай им во всем, в той же учебе, им все-таки приятно будет за тебя. <...> Крепко целую тебя, твой брат Олег. <...>»

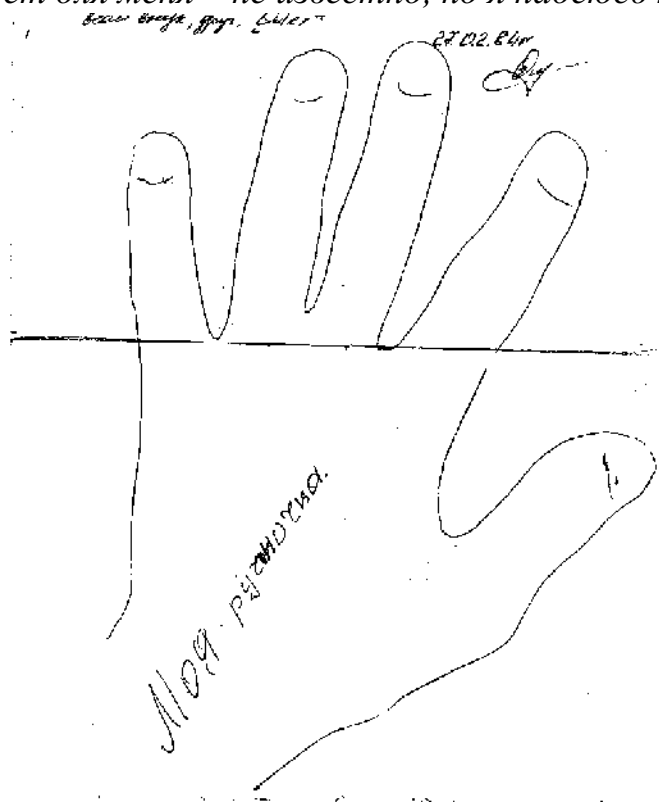
20.12.83 г.

«Здравствуйте, мамуля, тятя, Серега, баба и деда. <...> Сегодня 20 число, день моего рождения. Получилось так, что я оказался в наряде. <...> Ребята поздравили меня с девятнадцатилетием. <...> Дела мои идут нормально. Вот только не могу смириться, что зима, а снега нет, дожди с ветром, ночи стали прохладней. Что новенького дома, в колхозе, на Силикатном и в крае. Как мама, здоровье твое и наших? Какая там, интересно, погода, как поживают деда с бабулей. Серега, поди, на каникулах, интересно, как он окончил четверть? <...> Знаешь, мамуля, как соскучились мои руки по скотине, особенно по лошадям, и вообще, по настоящей сельской работе. Мамуля, соскучился я по вам всем, так и тянет домой. Вышлите поскорей фото всей нашей семьи. <...> Целую вас всех, пишите. Жду ответа, ваш сын и внук Олег».

26.12.83 г.

«<...> Получил от вас всех письма, но пишу ответ для всех сразу. Дело в том, что здесь проблема с конвертами. Спасибо за ваши письма, за поздравление. День рождения свой справил по-солдатски, в наряде. <...> Скоро Новый год 1984.

Гляжу вот на фото мамки и бабули, снег белый, и не верится моим глазам. <...> А здесь идут дожди. Все готовятся встретить Новый год, каким он будет для меня – не известно, но я надеюсь на лучшее. <...>

Как вы там живете без меня, как здоровье, как дела, что новенького. Напишите, как справили Новый год. <...> Ох, как охота домой, ты бы только знала, мамуля. Но надо же кому-то и служить. Мои родные, пишите, жду от каждого весточку, это же так приятно читать, когда каждый пишет сам, а не за всех. Это очень важно для меня, очень даже. <...> Пишите чаще. <...>»

27.02.84 г.

<...> Получил от тебя, мамуля, сегодня письмо с конвертом и лезвием. Спасибо, мамуля, за новости. <...> Дела

мои идут нормально, погода становится все теплее. Пустыня немножко зеленеет и «духи» – это так мы называем афганцев – гоняют свои стада овец. 23 февраля справили нормально, был спортивный праздник. Из города приезжали пионеры. Вот не знаю, почему детей афганцев прозвали «бочатами». <...>

Как ваши дела идут, мамуля, что новенького. Как твое здоровье, тятино и деда с бабой, и Серегино. Что собираетесь брать? На сколько свинью продали? Ну, ладно, мамуля, кончаю свое письмо. Извини, что мало так пишу, служу так же, как все. <...> Крепко целую тебя. Твой сын и ваш внук, друг Олег».

Олег погиб 2 августа 1984 года. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Использован материал музея школы № 50, г. Барнаул.

Угрюмов Андрей

Угрюмов Андрей Владимирович родился 11 августа 1969 года, в городе Барнауле Алтайского края, учился хорошо. Увлекался спортом, и самым любимым предметом в школе у него была физкультура. Кроме уроков занимался в кружках баскетбола, секции бокса. В соревнованиях по боксу занимал в крае 2 места, а в городских турнирах – 1 места.

После окончания школы учился в Барнаульском строительном техникуме. В армию был призван 17 ноября 1987 года. Сначала служил в Фергане. В Афганистан был направлен в апреле 1988 года. Воевал в городе Гордесе в провинции Баслан, на перевале Хост.

Из Ферганы.

«Здравствуйте все! С солнечным Ферганским приветом Андрей! Как идёт ваша жизнь? У меня всё в норме, по плану. Служу не тужу. Сегодня бежали мари-бросок на 10 км. Всё в норме, я уже привык. Но в горах ещё плохо ходить, тяжело, особенно с нашими железками.

Сегодня получил летнюю форму. Панама, ботинки лёгкие, всего весят 250 граммов. Только мы на летнюю форму перешили, так погода испортилась, дождь пошёл и был даже снег. ... Получили новый миномёт, теперь стрелять будет удобнее, чем из старого.

Пока идёт письмо, уже выйдет приказ министра обороны, и будет считаться, что отслужил пол-года. Тут у нас скоро конец периода обучения и намечается праздник перед отправкой. Так что с вашей стороны я жду посылку и «чирик» (10 рублей), так как мы последний призыв, который уходит в Афган. Сейчас бегаем кросс, хуже нет, чем убегать или догонять.

Ну всё, привет. Андрей».

«3.05.88.

... Дядя Ваня, поздравляю тебя с Днём Победы! Желаю тебе всего самого наилучшего, не болеть и жить всё время без войны. ... Дела идут своим чередом. Скоро сдадим проверку и поедem в войска. Только недавно пришли с гор, там жили 3 недели. ...

Сюда не надо мне писать, письма могут не застать. В горах мы стреляли из миномёта, я был командиром и мой расчёт отстрелялся на отлично. ... Сейчас стоит жара, я уже загорел, сгорел и снова загорел. На базаре продают черешню, всё зелёное и всё цветёт. До свидания. Андрей».

«27.07.88.

Здравствуйте, баба Валя, дядя Ваня, Татьяна, юра, Иринка! Привет из Афганистана! Пишу вам письмо уже второе, а ответа всё нету и нету. Как у вас дела, как себя чувствует дядя Ваня, к лучшему или нет? Что у вас нового, гараж построили или нет? Как урожай виктории и малины, что ещё есть в огороде? ...

У меня всё нормально, жив и здоров, сейчас находимся на базе. Жары уже не чувствую, привык. Стал чёрный, как негр. Сейчас чистим гаубицы, машины. Скоро опять на месяц на боевые, а потом будем выходить в Союз, скоро уже говорят. Народ у нас в батарее нормальный, земляков, правда, нет, но ничего, зато в полку много.

Вышлите свою фотографию, общую. Как там Озёрки, расстроились, наверное, нового много. Озеро большое стало или как? Рыба, наверное, есть. Как ваши яблоки в огороде? Ну, вот и всё. До свидания. Андрей. Баграм».

Демобилизовался Андрей 14 ноября 1989 года. Вспоминая свою службу, говорит: «Всё таки как страшно убивать людей». К Чеченкой и вообще к любой войне относится отрицательно.

За выполнение боевых задач в Афганистане награжден медалью «За отвагу», медалью «От благодарного афганского народа», медалью « 70 лет Вооруженных сил СССР». Сейчас работает и живёт в своём родном селе Озерки. Женат, имеет сына.

Использован материал школьного музея с. Озёрки

Шелестов Михаил

Это имя открывает трагический список Погибших в Афганистане солдат и офицеров, чья судьба связана с Алтаем. Семье Миши Шелестова первым на Алтае и в Барнауле принесли похоронку нашего времени.

Миша родился в Барнауле, окончил среднюю школу № 63. Друзья, одноклассники, учителя помнят его, как спокойного, выдержанного, честного парня. Он основательно думал о будущем: работал на заводе, поступил на рабфак Алтайского политехнического института. Любил гонять на мотоцикле и играть на гитаре.

Когда пришла пора идти в армию, он, с честью, как и его отец в Великую Отечественную войну, пошёл служить

Родине. Письма домой старался писать регулярно.

«10.07.79.

Здравствуйте мама и папа. Вот вчера получил твоё письмо, мам. Я и посылку вчера получил. Спасибо за деньги, так как сама знаешь, столовая солдатская, там одна капуста, а охота в буфет ведь сходить, лимонада или кефира выпить, пирожок купить.

... Я жив, здоров, служба идёт нормально, порой, конечно, бывает трудно. Да ещё эта жара. Сейчас я нахожусь в патруле по городку, вчера ходили по городу, в кино сходили. И вообще, это почти отдых.

P.S. Сегодня ровно 2 месяца, как я служу.

До свидания. Ваш сын Миша».

«Август 1979 год.

... У нас здесь арбузы по 9 копеек за килограмм. ... по дороге с учений заехали в сады, там наелись абрикосов, винограда. Хотя всё это и продаётся в полку, но «бабай» гостеприимные, сами угощают.

Вот скоро дослужу уже до 3-х месяцев, как раз вы получите письмо, и будет ровно 3 месяца, останется 21 месяц, но я раньше побываю дома. Мы ещё съездим обязательно!»

«19 августа 1979 год.

... Немного о себе. Я жив, здоров, по-прежнему хожу в наряды через день. И выходит сутки в наряде, сутки, можно сказать, отдыхаю, как и отец, он ведь так работал.

Весь батальон сейчас в наряде, а мы готовимся к нему. Постриглись, нагладились, в буфет сходили, скоро вот на обед пойдём. Вчера ходили в кино, я пришёл и сразу заснул, Витька в конце разбудил.

Мам, что-то ты не пишешь про мотоцикл, сделали его, как я просил или ещё до сих пор стоит в том же виде, как я уехал? Сделайте, как надо, а то ведь испортится за 2 года.

... здесь я теперь совсем другой стал и работаю, как не знаю кто, и ем, что дадут, а дают здесь капусту, и вот уже 3 месяца не курю, не говоря уже, чтобы выпить. Передавайте всем наилучший привет, пока всё. До свидания, ваш сын Миша».

После гибели Михаила, отец все его личные вещи мотоцикл, гитару, приёмник отдал Мишиным друзьям. Наверное, гораздо легче было переносить горе, не видя любимых Мишиных вещей.

«27.10.79.

Здравствуйте, дорогие родные мама и папа! ... Служба у меня идёт нормально... Мама, ты пишешь, что у вас идут дожди, грязь, сыро. А у нас по-прежнему жарко, и такое чувство, что всё ещё лето и как будто пол года не прошло.

... Да, Витька вам правду сказал. Он по болезни в отпуск поехал, мне такой отпуск не нужен, я лучше потом, позже, здоровым приеду.

Ты мам, спрашиваешь, что мне купить, да что мне сейчас покупать, лучшие денег отложи, чтобы перед демобилизацией купить, или когда приеду, чтобы деньги были. Не болейте. Берегите себя, особенно ты, пап. До свидания. Пишите, жду. Миша».

«7.12.79г.

Здравствуйте дорогие мама и папа! Извините за долгое молчание, но я надеюсь, вы поймёте меня правильно, ведь я сейчас человек военный. Мам, ты не расстраивайся, письма теперь от меня будут редко. Я жив, здоров, сейчас в командировке буду находиться длительное время.

Поздравляю вас с Новым годом.

До свидания. Всего хорошего. Ещё раз прошу, за меня будьте спокойны. Ваш сын Михаил»

Это было последнее письмо от Миши. Принесли его 28 декабря. В доме Шелестовых наряжали ёлку. До этого от Миши долго не было писем, и мама очень радовалась этому коротенькому посланию. Вдохнула облегчённо, что теперь всё в порядке. А Миши уже не было в живых. Он погиб 27 декабря 1979 года.

Вспоминает отец Миши, ветеран Великой Отечественной войны, Шелестов Василий Михайлович: «Ржа ест железо, а печаль сердце.

Мишино детство проходило среди леса и степи, заросшей бурьяном. То детство пропахло полынью. Миша был чудесным, лучезарным, послушным мальчиком. Он был общительным, весёлым, играл на гитаре. Где был Миша, всегда собирались ребята, и слышался смех.

В школе он учился средне, был комсомольцем, его уважали в школе и любили. Он мечтал: «Окончу 10 классов и пойду работать на завод, заработаю денег и куплю машину. Обязательно встану на очередь на получение квартиры и продолжу учёбу, потуплю в институт».

После окончания школы в 1976 году поступил на работу на завод «БАМЗ» в Барнауле. На заводе Миша зарекомендовал себя достойно, работал с удовольствием, стремился непременно докопаться до истины. Успешно сдал экзамены и поступил в «Политех». Проучился он там всего 1 год. 9 мая 1979 года Мишу призвали в армию. Он мечтал служить в десантных войсках и просил в военкомате, чтобы его именно туда отправили.

Мы, родители, воспитали своего сына не быть умнее жизни, не быть равнодушным. Хотели, чтобы плодами его духа были любовь, радость, мир, долготерпение, милосердие и вера. Учили честности, порядочности, учили уметь отвечать за свои дела и поступки. Вот таким и воспитали своего сына Мишу.

Миша для нас и всех общая боль, а боль, как память, её нельзя навечно спрятать в себе, рано или поздно она выходит наружу. Когда в жизни что-то кончается, остаётся пустота. А пустоту, после хорошего, можно заполнить, отыскав только лучшее. Но мы, родители, ещё не нашли лучшее, и, конечно же, не найдём. Прости, Маша. Боль не закрывшейся раны остаётся навечно со мной. Растут среди нас другие Миши, но нашего Миши не может быть во множестве, потому что он не повторим. Людей много, а Миши нет».

Использован материал семейного архива Шелестовых и «Музея истории школы» № 63, г. Барнаул.

Шестаков Олег

Шестаков Олег до семи лет вместе с родителями жил в Горном Алтае в селе Каракокша. Затем переехали жить на станцию Повалиха Алтайского края. Здесь он окончил 8 классов и поступил учиться в Барнаульское железнодорожное училище на помощника машиниста. Осенью 1985 года Олега призвали в армию. Первые полгода он служил в Узбекистане в городе Фергана. В части, где служил Олег, по желанию стали набирать ребят для службы в Афганистане. Олег был в их числе. Началась военная жизнь Олега, о которой он знал только из книг и кинофильмов.

Мама, Людмила Степановна, даже и не подозревала, что её сын служит в Афганистане. Спустя некоторое время, от подруги Олега она узнала, где находится её сын.

Людмила Степановна вспоминает: «Остальные полгода, я не жила, даже смеяться не могла, думая о том, что сына в любой момент могут убить»

А в письмах домой Олег успокаивал маму, что у него всё хорошо, служба идёт своим чередом.

«1.01.86.

Здравствуйте, мои родные. Ну вот и встретил новый год сегодня, а мне интересно узнать, как вы там без меня Новый год встретили. У нас праздник прошёл хорошо. Ту посылку, которую вы отправили мне, вернее всё съедобное, сберегли, и все другие ребята на Новый год выставили свои посылки на стол. Что тут было! Всё завалено конфетами, сладостями, закупили лимонад, пирожные и яблоки. Большие половины не съели, осталось на столе. Но утром всё доели.

Такой концерт отгрохали, вся казарма тряслась от смеха. Сейчас сидим в ленинской комнате, пишем письма. Посмотрели бы вы какие здесь фрукты, яблоки с футбольный мяч, слюнки текут. У меня стали друзья появляться, но, скажу вам, местное население здесь ой-ой, оторви да брось, я не знаю, как здесь офицеры живут. ...

Пишите, как живёте. Желаю всем здоровья и счастья в Новом году. Олег».

«6.01.86.

Привет из Ферганы. ... Мы скоро заканчиваем курс молодого бойца и начнём обучаться на сержантов, т.е. командиров отделений. ... Мамуль, получил извещение на посылку. ... Мамуля, как у тебя с головой, болит ещё, или, может быть, прошла? Как бабуля, держится? Обнимаю всех, очень скучаю».

«11.01.86.

... Получил от вас письмо и 1 рубль в складках листов, большое спасибо, он очень пригодился. Хорошо, что все здоровы. ... А у меня здесь скучно, сижу, нюхаю листья лимона, смотрю на Танюшкины украшения, которые вы мне в письме выслали, и так домой хочется, словами не выразить. Так хотелось посмотреть, какая Татьяна была на Новый год, красивая, наверное, в таком костюме. Ну ничего, года через 2 посмотрю. ...

Ну, а как бабуля моя, скучаете, наверное. С каким удовольствием я бы сейчас супу домашнего поел, или картошечки жареной. ... Мамуль, пиши, как твоё здоровье, что дома нового. ...»

«23.05.86.

Привет из Кабула. Да не удивляйтесь, я самого начала знал, что буду служить в Афганистане, но скрывал, не хотел расстраивать. Но больше скрывать не могу, а то сядешь письмо писать и не знаешь, что писать. ... Я жив и здоров, питание отличное. Сегодня пришли с боевой операции, это уже шестая операция у меня. Здесь всё нормально, служить можно, не расстраивайтесь за меня, всё будет хорошо.

Сегодня пришёл с боевого выхода и получил ваши письма, столько радости было, вы даже не представляете. Да поздравляю вас с новой квартирой. Спасибо за лимон, хоть домашний запах вспомнил. ...

Насчёт жары, так здесь больше 60 градусов не бывает. Горы здесь очень высокие, ходить по ним много приходится. На днях опять будет боевая операция дней на 25-30. Так что пишите мне больше писем, приду, сяду на кровать и буду читать до упаду. ...».

«1.07.86.

... Вчера пришли с боевых действий. Были на этот раз в Черикарской долине, но это только одно название, что долина, а на самом деле так налезались по горам, что до сих пор ноги болят. Но, всё равно, эта война прошла интересно, столько орудий захватили, что даже самому удивительно. Чего здесь только нет, кремневые ружья, американские винтовки, китайские автоматы и наши «ППШ». Душманов на этой войне много положили, а у нас ни одной потери нет. ...

Насчёт еды. Я ещё не видел и не ел столько вкусных вещей, и персики, и бананы, и всё, что душа пожелает. Ну, а войну я вам описал. А я жив и здоров, курить, правда, не бросил. Скучаю очень по вам. Только здесь по настоящему

начинаешь понимать, как тяжело жить на чужой земле. Ну, ничего, Ведь уже 9 месяцев отслужил. ... Ваш сын Олег».

«15.08.86.

Привет из Баграма. ... Мамуль, ты не обижайся, что редко пишу, просто не имею возможности. ... Потерпите до зимы, там будем редко выходить на войну, будет время письма писать.

Да, вы писали, что Горбачёва слушали, что 6 полков выводят, но ты, мамуля, не заметила, что среди них нет ни одного десантного. Тем более наш полк самый боевой, его вряд ли вообще отсюда выведут. ...

Я жив и здоров, поправился на 1,5 килограмма, сейчас вешу 71,5 кг. Вот, на лысо подстригся, а то многие здесь летом лысеют от солнца. Вы пишите, у вас ягоды много, варенье варите. А я здесь тоже отъедаюсь. Лежишь около бронетранспортёра, руку протянешь, вокруг тебя сплошные гроздья винограда. А метров 50 подальше, сады заброшенные, там вообще всего навалом, и яблоки, и груши, и абрикосы, гранаты, грецкие орехи, персики. Живём хорошо, правда по ночам немного постреливают, не высыпaeшьeся иногда, а так, всё нормально.

Вечером сядешь под колесо БТР-а и начнёшь вспоминать дом. Скучаю очень по вам, как вспомню, что ещё целый год служить, тошно становится. ... Ваш сын Олег».

«11.11.86.

... Простите, долго не писал. Я жив, здоров, правда, 5 дней назад вышел из госпиталя. 21 октября мы выводили полки с территории ДРА и наш бронетранспортёр подорвался на mine. Но видите, я родился в рубашке, мина оказалась небольшая. Сейчас уже всё нормально, отлежался в госпитале, отдохнул.

В горах у нас уже лежит снег, а днём жара до +40. Позавчера мне вручили грамоту, я сейчас лучший связист в нашем полку. Фотографию напечатали в дивизионной газете. ... Пишите, очень жду ответа. Возможно ответ получу в горах, скинут с вертолётa, а там письмо, я хоть порадуюсь. Ещё раз извините, что редко пишу. ...»

«29.12.86.

Здравствуйте, мои родные! Пишу перед самым Новым годом. Настроение праздничное. Я жив и здоров, служба идёт нормально, отдыхаем, готовимся к Новому году. ... Наш ансамбль готовит концерт. ...

Пишите мне чаще, мне писать про службу нельзя, запрещено. А вам можно писать всё, что захотите. ... Ещё раз поздравляю всех вас. Счастья и удачи в Новом году».

«31.12.86.

... Ну вот скоро и Новый год начнётся, хотелось бы узнать, каким он будет. Сижусь сейчас и мечтаю, как домой приеду. Скорее бы этот день пришёл, кто бы знал, как я по вам соскучился. Сижусь, смотрю, дом вспоминаю. ...»

«21.01.87.

Привет из Кабула. ... Я жив и здоров. ... Сейчас перемирие с «духами», сидим в полку, ни куда не ходим. Говорят, если переговоры пройдут успешно, то в течение двух лет наши войска полностью выведут из Афганистана. ... Как бы хотелось на Союз посмотреть, а этот Афган до того опротивел, что и слов нет. Куда ни глянь, кругом всё чужое.

Дом очень часто начал сниться, домой хочется. Осталось 6 месяцев и я дома, уже сейчас начинаю готовиться».

«28.03.87.

... На днях пришли с большой «войны», были в самых южных районах, там уже лето во всю с вою силу развернулось. Жара. А в Кабуле только тюльпаны начали вылезать. Настроение хорошее, ведь вышел приказ № 93 и служить мне осталось 6 месяцев. И ещё новость, мне вручили грамоту ЦК ВЛКСМ и нагрудный знак».

«29.03.87.

... Только что пришли с боевых, были на войне очень долго. ... Очень часто нас поднимают по тревоге, ездим вытаскивать сбитые самолёты. Зато в газетах пишут, что банды в связи с перемирием сдаются пачками, лично пока не видел. Да и какое к чертям перемирие, когда каждый день боевые действия».

«18.04.87.

... Мне присвоили звание «младший сержант», я теперь командир отделения и командир боевой машины БТР-70. ... Мамуля, у меня вопрос, когда ты со своего завода уйдёшь, или так и думаешь там здоровье угробить? ... До скорой встречи».

«Здравствуйте, мои дорогие. Извините, что долго не писал. ... Мы, как всегда, воюем, новостей особых нет, правда подорвались ещё раз. Хотя подрыв этот сильнее первого, но всё обошлось хорошо, полежали в медсанбате немного, и вышли, совершенно здоровыми. Но у меня есть особая новость. Родные мои, можете меня поздравить, 7 июня 1987 года мне командир части вручил орден «Красной Звезды». Так, что, сын у вас теперь орденосец.

Если бы вы знали, как у меня дрожали руки от волнения, когда командир дивизии вручал мне награду, это не описать словами. ...

110 дней до приказа!»

«2.08.87.

... Извините, долго не писал, была большая операция. Вчера пришло от вас целых пять писем, радости, конечно, было много. Почитал, дом вспомнил, немного ведь уже осталось. Сегодня День ВДВ. Мне вручили ленту «Лучший связист». ... У меня всё хорошо, понемногу домой готовлюсь, думаю, к концу октября дома буду. Скорее бы уже. ...

Пишите, как вы живёте, как погода. Здесь она всегда одна и та же +50, +53, дождей нет. ... »

«6.09.87.

... Помаленьку готовлюсь домой, до приказа осталось 23 дня, даже не верится, что через каких то 2 месяца я буду дома, а то и раньше. Недавно мы летали в Кандагар. Жара там, невероятная, сам город раньше видно был очень красивый, а сейчас на нём живого места не найдёшь, всё разбито, разрушено. Зато фруктов очень много.

Бабушка, спасибо тебе большое за письмо, я его в горах получил. Сухпайки с вертолётов сбрасывали и письма сбросили. Я и не думал, что мне письмо будет, почитал, даже настроение лучше стало. ... До свидания. Ваш сын Олег».

Вспоминает Людмила Степановна: «Во время службы был у сыны такой случай, счастливый случай. Во время одного из боёв, когда отряд окружили «душманы», одна из пуль врага убила врача части, друга Олега. Олег в долю секунды бросился к нему, и в это время, другая пуля попала ему в ногу. Не встань он в этот миг, пуля могла попасть ему в голову».

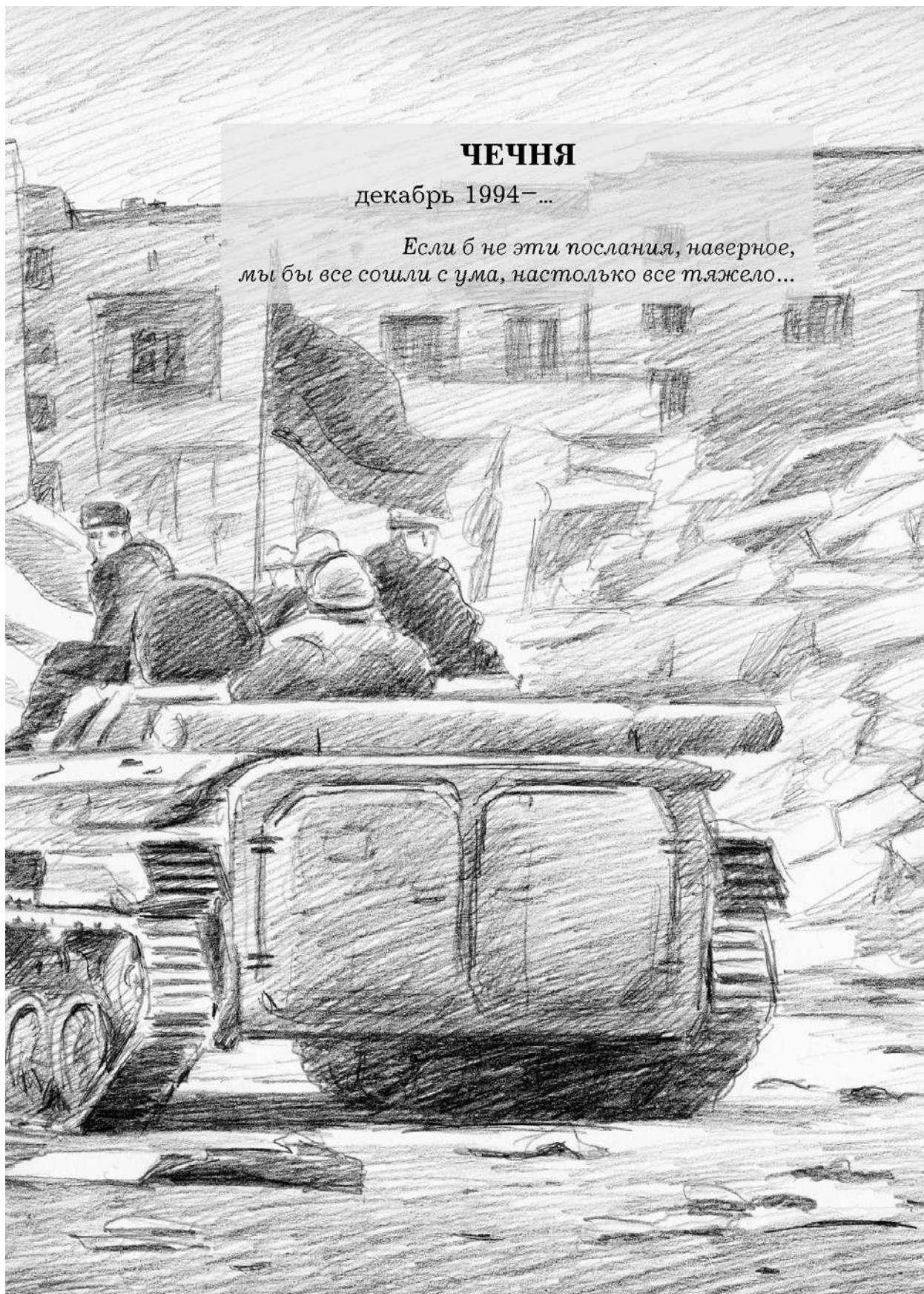
Демобилизовался Олег в ноябре 1987 года. Вернувшись домой, продолжил учёбу в железнодорожном училище, окончил с отличием. Сейчас живёт в селе Озёрки, растит двух прекрасных сыновей Сашу и Диму.

Использован материал школьного музея с. Озёрки.

ЧЕЧНЯ

декабрь 1994—...

*Если б не эти послания, наверное,
мы бы все сошли с ума, настолько все тяжело...*

Колосветов Володя

Письмо из вечности

Владимир Колосветов многим при первом знакомстве казался великаном. Мягкосердечным великаном, несмотря на квадратный, упрямый подбородок, ширину плеч и массивные мускулы. Рядом с ним невольно чувствовали себя лилипутами даже ребята, что называется, не из «мелких». Но на лице была написана такая доброта, мягкость, что порой появлялось желание защитить его, уберечь ранимую душу от всех невзгод, однако, приходилось принимать во внимание его очевидную физическую силу.

Его спокойствию всегда завидовали. Ровный характер привлекал к себе друзей. Бывало, возникает какая-либо

неприятность, знали – Володя может помочь. Просто что-нибудь расскажет по поводу, и проблема отпадала сама собой или решение быстро находилось.

Для всех родных же он просто был незаменим. По мнению всех окружающих, знающих семью Колосветовых, именно Владимир был её главой, надёжной опорой. Володя всегда был подтянутый, аккуратный, вежливый, умел и очень любил танцевать вальс. С малых лет в нём была духовность, почитание и уважение дедовских традиций и устоев. С детства мечтал учиться в духовной семинарии или в военном училище. Но в год окончания школы он опоздал на поступление в духовную семинарию, а в командное училище в городе Рязани в этот год набора не было. Идти в какое либо другое учебное заведение, Володя не захотел. И его призвали в армию 27 ноября 1999 года.

Армии он не боялся. Шёл служить с лёгким сердцем. Осенью 1999 года он уже учился в городе Перми в отряде специального назначения, через полгода ... Чечня.

«Здорово, Ден! Я недавно получил от тебя письмо, было очень приятно. Спасибо тебе, что не забываешь товарища. Ты себе представить не можешь, как приятно получать письма, находясь здесь, в армии. Если б не эти послания, то, наверное, мы бы все сошли с ума, настолько всё тяжело. Например, вот я целые три месяца не знал о том, что происходит дома. Под конец у меня уже совсем поехала крыша, я думал, что что-нибудь натворю. А дело всё было в том, что каким-то неизвестным и нештатным органом велась проверка тех, кто отобран был в ГСН (группу специального назначения).

Да, Дениска, ты смотри у меня, не взболтни ничего лишнего моим родным, если вдруг встретишь их, где нибудь. Они у меня не знают. Это дело непростое, потому как ровно через три недели я уезжаю в Чеченскую республику, ты, наверное, можешь себе представить то, как отреагирует на это моя родня. Я немножко сожалею о том, что оторвался так далеко от дома, но теперь уж ничего не поделаешь, от судьбы не уйдёшь. Пол года уже есть, ещё пол года и если не убьют, в чём я уже сомневаюсь, то вернусь домой.

Знаешь, армия вообще о многом заставляет задуматься! Ты начинаешь вспоминать прошлое, прокручивать свои поступки и под конец приходишь к выводу, что был не прав. Это на самом деле так, потому как эти мучения говорят сами за себя: - «Не учился – страдай, не думал – погибай». Вот так, дружище, вспоминай мои слова почаще, и старайся не делать ошибок. Я уже наделал, и честное слово, искренне раскаиваюсь о содеянном, особенно о том, что добровольно пошёл в разведку. Мне ведь скоро ехать на войну, мне скоро отвечать за жизнь людей, и мне, наверное, скоро умирать. (Из моей роты разведки, которая состоит из двадцати человек, уже погибло, только за один выезд, её четверть). Не знаю я, что со мной будет? Если выживу, то, наверное, буду очень, очень долго лечиться, оттуда нормальными не возвращаются.

Ну ладно, дружище, я прощаюсь с тобой! Может, когда-нибудь ещё увидимся! Попрощайся с ребятами от меня, пускай не забывают! Ваде, Дёне, Серёге отдельно большой привет! Извинись за меня перед ними, я часто был не прав, пускай помнят меня человеком! ВУЦИК»

Володя никогда не писал маме, что забирают его служить в горячие точки. Предчувствие своей гибели у него было. Всегда говорил, что хочет жить, понимал, что значит жизнь и её цена. В письмах писал просто о службе, что всё хорошо и просил не волноваться за него.

Маргарита Викторовна из Перми регулярно получала письма от сына. А когда несколько недель не было вестей от Владимира, начала сильно беспокоиться. Потом получила письмо из Чечни.

«Здравствуй мама! Прости меня непутёвого, я столько уже натворил, уже столько печали принёс тебе и всем окружающим. Знаешь, я сам порой не знаю, почему совершаю такие поступки, просто мне что-то внутри говорит: «делай так» и я подчиняюсь. И знаешь, зачастую это приносит только положительные результаты. Нет, не сумасшедший я, а просто такой оригинальный по характеру. Не судите меня, я и так сполна ответил!

Предыдущее письмо, наверное, показалось тебе очень странным, да, это просто от переизбытка пережитых острых моментов. Здесь не всё так просто, но и к этому, со временем, начинаешь привыкать. Я не написал тебе то, что я попал на СБЗ уже на третий день своего пребывания в разведбате, побоялся, что будешь очень сильно переживать. Я хотел, поэтому, сам оценить обстановку, посмотреть, как это выглядит изнутри, оказалось не так уж страшно. Здесь я уже полтора месяца, живу в землянке, заступаю на

службу, езжу на выезда, хожу в засады и поиски. Да и, в общем, жизнь идёт нормально, жаловаться не на что. Одна вещь немного грустная, я остался здесь совсем один, всех моих друзей пораскидали.

Мама, я честно для себя решил, что у меня за смысл к жизни, и я думаю окончательно определиться относительно отношения к человеку. Ты себе представить не сможешь, что происходит с людьми, когда они чувствуют страх перед смертью, это вообще чётко здесь просматривается, меня это так бесит. Верить нельзя никому. Я не знаю, что случится, если, не дай Бог, произойдёт какая-нибудь гадость. Они хоть и в одной роте, но больше половины из них уже готовы стрелкнуть в спину другому, очень обидно.

Может быть, мир окончательно стал другим, изменился, чтобы исчезнуть навсегда, люди озверели, стали ненавидеть друг друга с такой силой, что порой даже слышно из их уст: - «Зачем враги, когда есть такие товарищи», просто ужас. Я уверен, что гражданские такие же, а может даже и хуже. Просто в армии свои чувства очень тяжело скрыть, вот и выплывает наружу вся эта душевная гниль. Не знаю, как я выдержу свой срок, честно говоря, не знаю. Если они не исправятся, если до них не дойдёт то, что нужно быть единым коллективом, то это всё, того и глядишь, и срок за какого-нибудь идиота пришьют. Ах да, как раз о сроке ещё одна неприятная новость. В нашем районе отменили день да два, и так же и деньги, которых положено только за одни сутки 850 рублей. Так что ждите меня, дорогие мои по сроку, я обязательно вернусь, дембель неизбежен! В отпуск я тоже не приеду, не пустят, как говорят, чтобы там не происходило ты наш. С роты спецразведки в отпуск ездят только один раз и в один конец... Гостей здесь тоже не любят, ни мам, ни пап.

Да и ещё раз! Не обижайтесь на меня за то, что долго нет писем, я просто не хочу писать, потому, как приятного в этих посланиях быть ничего не может. А сейчас мне просто хреново, надо излить душу, поплакаться на этот листочек, я просто немного устал. Пожалуйста, не обижайтесь на меня. Ну а вам, огромное спасибо, что прислали письма, я был очень осчастливлен этим, мне это придало немалых сил, спасибо!

Пожалуйста, в письмах пишите всё в подробностях, даже о мелочах, мне всё будет интересно. Я сейчас бы прочитал даже какую-нибудь сказку, лишь бы отвлечься от армии хоть на минуту. Напиши мне всё, всё, всё, что нужно и не нужно, я хоть немножко расслаблю свой мозг, а то даже во сне стал плакать, отдохнуть надо.

За здоровье же моё не волнуйтесь, я себя чувствую достаточно хорошо, болеть не боюсь. Здесь в горах хороший тёплый климат, постоянно светит солнце, это вообще самый настоящий курорт, здесь самое то, поправлять своё здоровье. У меня даже зрение восстановилось.

Я буду заканчивать своё письмо. Ты мама не болей, не переживай, живи веселее, не огорчайся! До свидания! Вечно ваш...»

10 августа 2000 года группа разведки под командованием капитана Зайцева И.А. попала в засаду боевиков. Был открыт огонь, и Володя получил тяжёлые ранения. По словам приехавшего из части старшего лейтенанта Гаврюшкина А.Н., командиром группы прилагались все усилия, чтобы вывезти Володю из зоны боя, но слишком долго шёл бой...

Перед отъездом в армию, Володя показал маме рисунок, который нарисовал он сам карандашом. «Мама, хорошо?» «Красиво». Но Маргарита Викторовна в тот момент не поняла смысла этого рисунка. Осознание пришло позже, после его гибели. Он нарисовал свою судьбу. Маргарита Викторовна так её объясняет:

«Воин с мечом – олицетворение воина духов.

Единорог – символ единения всех сил

Камень с цифрами 33 – это указан возраст Христа

Ворон – символ смерти.

Дорога с различными преградами, воин дошёл до вершины, остальные дойти не смогли, остались внизу. А путь дальше воину предстоит не лёгкий. Дорога трудная, с преградами и трудностями. Путь в Храм и далее в царство небесное соединён нитями с землёй. Всё это символизирует зарождение новой жизни».

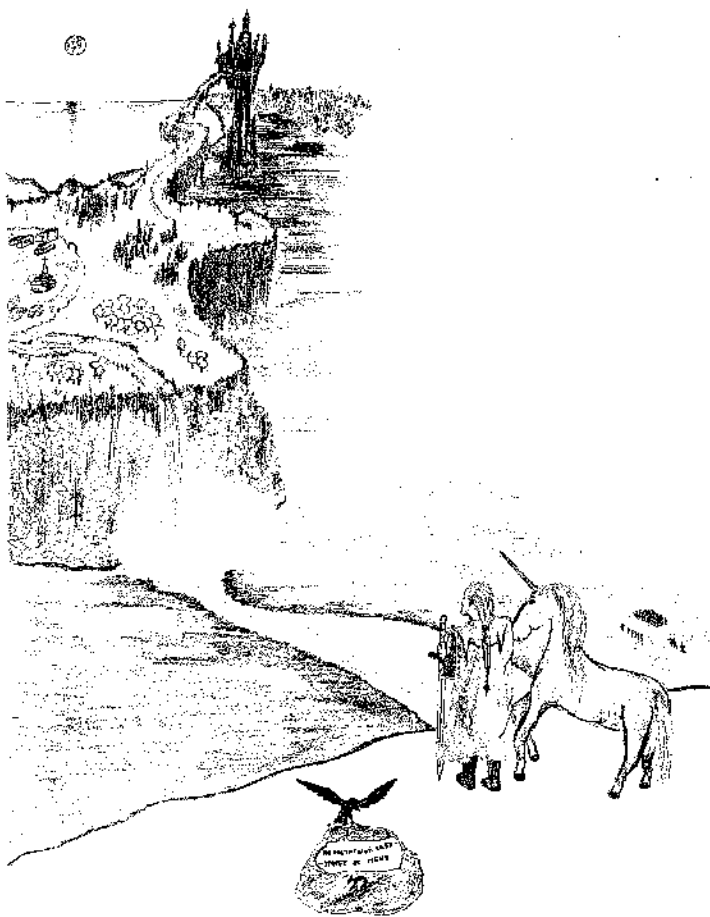
После смерти сына Маргарита Викторовна начала писать стихи. А

совсем недавно, показалось Маргарите Викторовне, что стали её сына забывать, вспоминать стали реже. И тогда Сын «прислал ей письмо из вечности».

*Мама, милая, родная,
Ты меня должна понять,
Что не смог сын, двери
открывая,
В дом войти, тебя обнять*

*В дом, где пахнет мёдом,
свежим хлебом,
Где звенел недавно детский
смех,
Дом, наполненный небесным
светом
От негромких слов святых
молитв твоих.*

*В тиши ночи, под образами
Стоишь с зажжённой свечой
И молишь Бога о спасенье*

Души, ушедшей в мир иной.

*Твоя любовь не угасает
Незримой птицей в высь летит
И взгляд, наполненный слезами
В даль бесконечную глядит.*

*Прости за всё меня, родная,
Прости, что слово не сдержал,
За то, что шепчешь ты в бреду не сознавая
«Вернись, сынок, ведь ты же обещал!*

*Вернись, хоть на часок, хоть на минутку,
Вернись, чтоб знали все, что ты живой,
Чтобы забыли эту злую шутку
Безжалостно сыгравшей с нами судьбой».*

*Прости меня, что так немного
Слов нежности тебе дарил.
Что от беды и от печали
Родное сердце не прикрыл.*

*Прости, за каждую слезинку,
Скатившуюся из потухших глаз.
Прости за каждую сединку,
Попавшую от горя в прядь.*

*Ты слышишь, мама, я дождём весенним стучу в окно
Быстрее открывай!
Я свежим ветерком прохладным ворвусь в твой дом,
Скорей меня встречай!*

*К твоим ногам я положу охапку
Из сада райского цветов.
И дом нальётся ароматом
С небес ниспосланных даров.*

*Из солнца лучиков блестящих
Тебе одежду я сотку
И радуги кусочек яркий
В густые волосы вплету.*

В сиянье этой благодати

*Поймёшь, кто призрачный творец.
Поймёшь, что горькой нет разлуки,
Для любящих, родных сердец!*

ВЕЧНО ВАШ!

Использован материал семейного архива М.В. Колосветовой и краеведческого музея ЗАТО ПО Сибирский

* * *

*Чечня в огне, здесь не Афган.
Был дан приказ – войти войскам,
И мы вошли, но... – «Не стрелять!»,
Ведь тут же дети.
Колонны шли, и тут их жгли,
Дым простирался до Москвы,
Кто ж нам за боль и смерть
Теперь ответит?*

Солдатский фольклор.
Из книги: «Мы ждали вас, сыновья...»,
Барнаул, 1999 г

Кузнецов Константин

Родился 23 марта 1973 г. в городе Новоалтайске. Закончил Новоалтайскую школу № 30, затем Новоалтайское железнодорожное училище. До призыва в армию работал в Алтайском отделении железнодорожного транспорта. В начале июня 1994 года был призван в армию. Попал служить в город Псков в ВДВ. В декабре 1994 года направлен в Чеченскую республику. Домой, родным, писал длинные подробные письма о своей службе.

«21.01.95.

Здравствуйте, мои дорогие, мама, папа и братишка Шурик!!! Пишет ваш сын Костя. Знаю, что вы сейчас беспокоитесь за меня, и я хочу успокоить вас вот этим письмом, которое пишу уже почти ночью,

так как днём на написание писем совсем нет времени. ... Нас на самолёте отправили в Чечню, только вы сильно не переживайте, я ещё жив и буду защищать вас от этой чеченской нечести до самого конца.

У меня всё в порядке. Живём в блиндаже, который вырыли сами. Есть у нас и печка, это не простая печка, вы такую ещё не видели, она тоже вырыта в земле. Сверху мы накрыли блиндаж старыми плащ-палатками и присыпали землёй, так что жилище получилось не плохое и очень даже тёплое. ... У нас на позиции всё спокойно, пока не стреляют, тащим помаленьку караул, а остальное время, когда не работаем, «фазим» - т.е. спим.

С питанием у нас, кормят, как на убой, каждый обед и ужин дают по шмотку сала и по банке сгущёнки. Раз в неделю нам приходит гуманитарная помощь, это шоколад разный, чипсы картофельные, несколько баночек кока-колы и всякие другие сладости и сигареты.

Отделение, куда я попал по распределению, оказалось, на редкость дружным и меня здесь встретили очень хорошо. ... Горячо всех целую, вас сын Константин».

«20.03.95

Привет из Чечни! ... Вот уже заканчивается третий месяц, как я нахожусь в Чечне. Раньше мы стояли в полях, а теперь перебрались в горы. Целую неделю была плохая погода, то дождь, то снег, а по ночам мороз. Хоть и не большой, но из-за сырого климата он кажется омерзительным, совсем не такой, как наши сибирские морозы. Но теперь, с 18 марта погода совсем стала другая, целый день светит солнце и стоит жара. То что погода установилась,

это хорошо, как раз к моему дню рождения. Плохо то, что справлять день рождения без вас, да ещё на войне. Ну ничего, скоро должно всё закончиться. ...

Получил от вас сразу два письма. Я очень обрадовался, как никак весточка из дома, а тут ещё и два письма. Очень хочется домой, хотя бы в отпуск. Приехать домой, истопить баньку, отпариться, да так, чтоб из бани чуть ни на руках вынесли. Затем прийти домой, выпить 100 грамм и уснуть в тёплой, чистой постели раздевшись, как спят все нормальные люди. Очень соскучился по вам, хочется поскорее вас всех увидеть, поговорить с вами про ваши гражданские дела.

Как там мой Каджар, всё так же проказничает? Скажите ему, что когда приеду, я ему куплю большую палку колбасы, пару килов мослов и большой – большой торт. Но это будет только в том случае, если он будет себя хорошо вести.

Как дела у Шурика, из его письма я узнал, что у него с учёбой не всё ладится. Мне это не нравится, пусть подтягивается, а то тельняшку я ему не привезу. Как здоровье бабушек, передайте им большой привет, особенно бабушке Марусе от меня самый горячий поцелуй. Скажите ей, что на свадьбе у меня она должна быть и будет самым дорогим для меня гостем. И бабушке Шуре внуковский поцелуй. Частенько вспоминаю её блинчики и оладушки, которыми она нас баловала.

Вообще в армии, а особенно здесь на войне я всё чаще и чаще вспоминаю детство, эти прекрасные беззаботные годы, когда ни о чём ещё серьёзно не задумываешься, живёшь у родителей под крылышком и не знаешь всех проблем и забот. Я думаю, что если меня стали тревожить такие мысли, значит я уже помаленьку начинаю взрослеть.

Вот видишь, мама, а ты всё говорила: «Ну, когда же ты станешь взрослым и возьмёшься за ум». А долго ждать и не пришлось, нужно было всего-то сходить в армию и всё. Вообще, я здесь многое что понял о жизни и думаю, что прежних ошибок в своей гражданской жизни я уже не совершу.

Сегодня во сне видел тебя, мама, как будто та снова приехала ко мне и увезла меня с собой. ...

У меня всё нормально, здоровье хорошее, теперь, к тому же живём в горах и дышим чистым воздухом. Так что приеду я не с войны, а с горного курорта здоровеньким и помолодевшим. ...

До свидания, крепко, крепко всех целую, ваш Константин».

Отслужив в армии Костя вернулся домой, в Озёрки, где и живёт до сих пор.

Использован материал школьного музея с. Озёрки.

Олейник Юрий

Юра родился 24 января 1977 года в Киргизии. В 1991 году его семья переехала в село Озерки Тальменского района. В Озерской средней школе окончил девять классов и поступил в Тальменское строительное училище № 6. Весной 1995 года Юру призвали в ряды вооруженных сил. Попал служить в ВДВ в городе Ульяновске. Потом его перевели в Москву.

Регулярно писал письма домой. Во всех письмах писал, что он служит в Москве, а на самом деле, после прохождения учёбы в Ульяновске, находился в Чечне. Во всех письмах говорил, что писать нет времени, учится, готовится к экзаменам или находится на полевых учениях. Мама и не подозревала,

как и где служит её сын, только удивлялась иногда тому, что в армии уж больно много времени отводится на написание различных рефератов. И лишь однажды смутил её штемпель на письме, он был не Московский. Но в письмах Юры всё также было всё хорошо и спокойно.

С мая по ноябрь 1996 года нёс службу Юра в Чеченской республике. Был контужен, горел. С ожогами 2 степени лежал в госпитале. Награжден Орденом Мужества.

«13.01.96.

Привет из городка под названием Ульяновск. Здравствуйте, мои любимые, папа, мама, Маша, Лёлик. Ну, вот и пришло время написать вам весточку. ...

Перед Новым годом мы ездили на прыжки. ... Прибыли, нас проверили, осмотрели систему парашюта, просмотрели запасной, распределили по бортам. Я попал в 3-ий борт и должен был выпрыгнуть 4-м по счёту. Первый самолёт поднялся в воздух, набрал высоту до 900 метров, сделал над нами круг, полетел по заданной траектории. Все с земли наблюдали за этим. Вдруг крохотная дверь открылась, и оттуда вылетел маленький комочек. Потом другой, третий и т.д. Через секунды с этих комочков выросли огромные белоснежные купола. День был ясный, солнечный и было очень красиво – белые купола на фоне синего неба.

Подошла и наша очередь, ... мы цепочкой побежали к самолёту. У меня было такое чувство, как будто я прыгаю впервые. Поднялись мы ввысь, а оттуда такой красивый вид! Всё белое, на Волге лёд. Снег ослепляет глаза.

Ответственный скомандовал: «Приготовиться!», и над дверями замигала оранжевая лампочка. Открыли дверь и по команде «Первый пошёл, второй пошёл...» мы начали исчезать в воздушном пространстве. Я выпрыгнул и меня сразу же прокрутило в воздухе. Дыхание перехватила холодная струя воздуха. Я дёрнул кольцо и надо мной раскрылся купол. Сразу же вся суeta куда-то делась. Я поправил под собой ремни, и, усевшись поудобнее, стал наслаждаться полётом.

Везде царила тишина, и только было слышно купол, развевающийся в воздухе и перекичка ребят. Полёт наш длился около двух с половиной минут. Приземляться было неудобно, снег слепил глаза, и не было видно, когда же будет поверхность земли. Поджав ноги, я провалился в снег. Посадка была мягкая, толчка почти не было. Погасив купол, я пошёл к пункту сбора. Все делились впечатлениями о своих полётах. Это было здорово! ...

Хорошие мои, сейчас начнётся вечерняя поверка, а после отбой. Я до завтра отложу письмо. Спокойной ночи.

Утро, 6.40. Вот и опять я с вами. ... Как вы, мои хорошие, встретили Новый год?... Как у тебя, папа, дела? Я сейчас чую, что ты читаешь это письмо с сигаретой, после работы. Так вот, ты всё брось, сядь и напиши мне письмо. Ты мне очень подробно всё опиши, по-мужски. ...

До свидания, мои золотые, не болейте. Храни вас Господь. Ваш Юрий».

С мая по ноябрь 1996 года нёс службу Юра Олейник в Чеченской республике. Был контужен, горел. С ожогами 2 степени лежал в госпитале. Награжден Орденом Мужества.

«23.07.96.

... Простите меня, пожалуйста, за то, что заставил вас так долго ждать. Проблем было очень много. ... Экзамены сдал без троек. Самый лёгкий предмет был – топография. ... Самым трудным оказался предмет «уставщина», как мы его называем. Эти уставы мне с самого начала не нравились. И всё равно на «четвёрку сдал». ...

8-ого числа я совершил свой очередной прыжок с самолёта Ан-2 с высоты 1400 метров. При укладке купола я немного перекрутил стропы и когда летел, меня раз пять перекрутило в воздухе вокруг своей оси. Приземлился удачно, только вот к пункту сбора топал около двух километров с куполом на спине. ...

Пятого августа будет уже 14 месяцев со дня моего призыва. Так, кажется, время быстро пролетело. Если повезёт, то после Нового года приду домой совсем. Сейчас я нахожусь на полевом выходе, в 20 километрах от Москвы. Кругом одни луга и небольшие лесопосадки. Вчера рыл окопы весь день. Сегодня занимаюсь тактикой. Носились по полю, как угорелые. ...

Здоровье пока не беспокоит, жаловаться не на что. Служба. Как служба, нового ничего нету. ... Что у вас нового? Что и как выросло в огороде? Пишите всё, буду ждать. Заканчиваю писать, торопят. Сейчас начнутся какие-то

занятия. Сейчас машина пойдёт за продуктами в Москву, письмо отдам водителю, чтобы отослал. Берегите себя, я вас очень люблю.

Р.С. Дорогой и любимый мой папа. Я опоздал, но лучше поздно, чем никогда. Поздравляю тебя с днём твоего рождения. Хочу тебя, отец, отблагодарить за то, что ты меня воспитал настоящим мужским воспитанием. Мне здесь в армии твои советы и то, чему ты меня учил дома, пригодилось. Не знаю, как бы я выжил здесь без всего этого. Ты мне очень помог. Спасибо тебе за всё, что ты для меня сделал. Желаю тебе, папа, всего самого хорошего, счастья, крепкого здоровья, успехов во всём, а главное, береги себя. С любовью и уважением к тебе, твой сын Юра».

«17.08.96.

Приветик из Москвы. ... Вот я и вернулся с полевого выхода. Учения у нас длились целый месяц и за этот месяц я многому научился. Конечно было и очень много трудностей, и что-то не получалось с первых разов, но всё равно было очень интересно. Самое плохое, что постоянно мешало нам, это погода. Замучили дожди. ... Ходили в поход на Москву-реку, там, на берегу жили 2 дня.

...

Когда уезжали на полевой выход под сливом на крыше у воробышков были маленькие птенцы, а сегодня с утра тишина какая-то, наверное, уже улетели.

21 августа будет ровно 3 месяца, как я служу здесь в Москве, осталось ещё столько же, а затем экзамены и в Ульяновск. Было бы только всё нормально. Видите, у меня всё идёт отлично, не болею, служу хорошо, с ребятами и офицерами в хороших отношениях. ...

Целую вас 10000 раз. До свидания, мои хорошие. Здоровья вам, берегите себя. Мой адрес: 103400 Москва 400; в/ч 73612; 1ПДБ; 1ПДР Мне. Храни вас Бог».

«8.10.96.

Привет с большого и красивого города Москвы. ... Хочу перед вами извиниться. За то, что так долго вам не писал. У меня скоро начнутся экзамены, и всё это время я доставал материалы, всякую литературу, и писал рефераты. На письма не было времени. Даже в увольнения не ходил. ...

Мы сейчас отрабатываем те задания, которые могут нам достаться на экзаменах. До обеда стреляем. ... Стволы пулемётов аж накалились. ... Помню, как в первый раз взял в руки автомат. Я боялся его, как не знаю что. А сейчас я с ним обращаюсь, как с игрушкой. ...

Здоровье меня не беспокоит, за исключением вылетевшей пломбы в зубе. ... Вот так вот я и живу. Служу отечеству. Занимаюсь разной ерундой. Как говорится «служу – не тужу». ... Передавайте всем от меня привет. Не болейте, будьте здоровы и счастливы. Целую вас много, много раз. До свидания. Ваш сын – гвардии сержант воздушно-десантных войск».

«12.09.96.

... В среду, т.е. 4-ого числа, у нас проводился конкурс художественной самодеятельности. Наша рота тоже принимала в нём участие. Было очень интересно. Все шутили, пели, танцевали, рассказывали стихи, анекдоты. ... Но сколько бы мы не старались, а всё равно получили 2-ое место. Призовое место досталось 3 роте. ...

5-ого числа у нас проводились стрельбы со снайперского оружия. Меня поразила одна вещь, это снайперские прицелы. Они новейшего образца. Называются «телеприцелы». В него видно всё, как на телеэкране. Цель видишь в увеличенном виде, настраиваешь её и видно всё, как на ладони. Классная штука! ... были занятия по общественной государственной подготовке. Замполит нам рассказывал новости, о том, что творится на белом свете. Говорил о том, что из Чечни сейчас выводят Российские войска. И что наша 104-ая дивизия выводится из Чечни 17 сентября. Так что все мои друзья скоро приедут из Чечни в Ульяновск. ...

Мы опять тренировались прыгать, укладывать учебные парашюты. Наверное, скоро опять прыгать будем, и, поговаривают, что с вертолёт МИ-8. ... Сейчас допишу вам письмо и пойду в медпункт. У меня на глазу такой ячмень вылез, веки не поднимаются. ...

Пишите, как у вас дела? Что народил огород в этом году? ... Главное, берегите себя, не болейте, за меня не переживайте. У меня всё хорошо. Целую вас много, много раз. До свидания, мои родные, скоро будем вместе. Немного осталось».

Письма домой Юра писал регулярно. И когда лежал в госпитале, попросил друга написать домой, чтобы родители не волновались.

«Здравствуйте, Татьяна Владимировна. Пишет вам сослуживиц и земляк вашего сына Юрия. Он вам написать не успел, так как его отправили на месяц в Тоцк на учения. Он меня попросил вам написать, чтобы вы не беспокоились. От него писем пока может и не быть, потому что там нет почты.

От Ульяновска они будут ехать двое суток. Там они будут обучаться, отстреляют с БМД и вернуться. Ну, вот вроде вам коротко всё объяснил, не беспокойтесь. До свидания. С уважением, Майоров».

Юра, отслужив положенное время, вернулся домой, в свои родные Озёрки. До сих пор о службе в армии не любит вспоминать и старается не рассказывать.

Использован материал школьного музея с. Озёрки.

Раченков Вячеслав

Слава родился 26 июля 1975 года в селе Екатерининское Третьяковского района Алтайского края. После окончания девяти классов поступил учиться в Алтайский строительный техникум в селе Благовещенка.

Какая короткая биография у этих ребят, которые служили в Афганистане и Чечне. И у Славы жизнь только начиналась. По окончании техникума его призвали в армию. Призвали в январе 1994 года, а 7 апреля 1995 года Слава погиб от пули, пущенной снайпером, в бою у села Самашки в Чеченской республике.

11 апреля в дом Раченковых принесли телеграмму,

где сообщалось, что Слава погиб... У мамы, Галины Афанасьевны, хранится поздравительная открытка, которую она получила более чем через месяц после гибели Славы - 14 мая 1995 года.

*«Любимая мамочка! С днём рождения тебя поздравляю!
Я сейчас далеко от тебя,
Эти строки тебе посвящаю.
Будь же счастлива, мама моя!
В этот день я тебе пожелаю:
Будь весёлой и доброй всегда,
Будь красивой и помни, родная,
Что твой сын охраняет тебя.
Долгих лет тебе жизни, мама, и сибирского здоровья!»*

Больше писем от Славы не было.

Использован материал Благовещенского краеведческого музея.

Сальников Вячеслав

Сальников Слава родился в 1974 году 25 января в Барнауле. Окончил девять классов средней школы № 60. По окончании поступил в ПТУ-24 города Барнаула. Службы в армии он не боялся, хотя мог по состоянию здоровья не служить. Но не служить не мог, не хотел отличаться от своих сверстников. В армию его призвали 20 декабря 1993 года. Вначале Слава служил в Кемеровской области рядовым мотострелковых войск, был оператором-наводчиком БМП.

Скучал по дому, по родным и всегда с нетерпением ждал писем.

«Здравствуй, мама. Это письмо – просьба. Много чего нужно, оказывается в армии очень и очень нужного. Если можете, вышлите поскорее.

- 1. Крем для рук от цыпок.*
- 2. Конверты и тетради, желательно общие, для занятий.*
- 3. Ручки с красной, если найдёте, и чёрной пастой.*
- 4. Зелёнку или йод с ватой и лейкопластырем.*
- 5. Маленькие ножницы.*
- 6. Таблетки от гриппа и зубной боли.*
- 7. Зубную пасту и крем для сапог чёрный.*
- 8. Курить – много не нужно.*
- 9. Конфеты, чай, кофейный напиток <...>.*
- 10. Зажигалку.*
- 11. Нитки белые и чёрные, иголки.*
- 12. Лезвия бриться.*
- 13. Пасту «гойя» чистить пряжку.*
- 14. <...>.*

Вот эта тысяча мелочей. Слава».

«18.02.94.

Здравствуй, Максим. <...> Через 4 дня будет месяц, как я здесь. За этот месяц я уже наслужился досыта <...>. Ко мне собирается приехать мама, какого числа ждать? Пусть сладостей побольше привезёт, особенно печенья и сгущёнки. Хоть вешайся, как хочется. <...> Твой брат Славик».

« 9.03.94.

Здравствуй, мама. Как доехали? Я доехал нормально, гостинцы с земляками сразу съели. Меня чуть не растоптали. Всё было вкусно. <...> Хочу домой в отпуск, посмотреть на родной «забой». Но это будет не скоро, но полтора месяца прожили, проживём и полтора года. <...>».

«Май 1994 год

Здравствуйте, мои любимые мама, папа, сестрёнка и бабушка. Пишу вам снова из караула. <...> Я жив и здоров <...>. Посылку получил, огромное спасибо, шоколада наелся до тошноты, да и лезвия пришли как нельзя вовремя. Сегодня снова были на полигоне, снова стреляли. <...> Это вам конечно мало интересно, но о чём может написать солдат, ведь кроме этого «металлолома», который, кстати, стоит миллионы, я ничего не вижу. <...>

Пусть бабушка напишет хотя бы строчку, о себе, о здоровье. <...> Сейчас закипит чайник, будем греться, пить кофе, которое вы прислали. В карауле незаменимая вещь, спать не так хочется.

Приду домой, наемся домашнего, и на неделю в летаргический сон впаду, нет на две. Эх, сейчас бы к кофе бабушкиных блинчиков или запеканки, как я соскучился по таким вещам. <...>».

«Июль 1994 год.

Здравствуй, сестрёнка. Получил твоё письмо и выкроил время написать ответ. <...> 10 человек, и я в том числе, снаряжаем снаряды, вернее сказать вкручиваем в снаряды взрыватели. Эта работа требует большой осторожности. До 1 августа мы должны привести в боевую готовность 1800 ящиков, в каждом по 2 снаряда и весит ящик 86 килограмм и всё это на руках.

Как там у вас дела. Я получил письмо от бабушки. <...> Если бы ты знала, моя сестрёнка, как я по вам соскучился. Иногда вспоминаю наши совместные вечеринки и тогда становится грустно. Ну, ничего, мы ещё погуляем. А это я напридумывал сегодня. Я не поэт, не судите строго.

Снова знакомая тяжесть в глазах

Снова в патруль от поста до поста.

Вижу знакомые ветви, цветы,

Я в караул, а где сейчас ты?

Может скучаешь ты в доме одна,

Иль веселишься в толпе до утра?

Где б ни была, ты родная сестра,

Ты мне ответ поскорей, а пока...

Я тебе тихо «гут бай» прошепчу

*Ты напиши, а я подожду.
Эти стихи я сам написал,
И в тексте я просьбу свою передал.
Так что, сестрёнка, пиши мне письмо,
Что б сердце солдатское грело оно.
До свидания, твой брат Слава».*

«Август 1994 год.

Здравствуйте, мама, папа, бабушка, сестрёнки и братик Максим <...>. Интересно спросить, почему это тело, по имени Аркаша не пишет? У меня всё нормально для армейской жизни, через день в караул хожу. <...> Сейчас ужин, спать минут на двадцать и снова на пост и так целые сутки. К концу дня одна только мысль, скорее бы упасть и уснуть. Я раз даже нос разбил, стоя уснул и «врубился» в стену. <...>

Сегодня ночью два раза нарушитель спрыгнул, к сожалению, не удалось поймать, а то, гляди, в отпуск бы поехал. <...> Два раза на Томь ходили купаться. Вода тёплая, течение быстрое, река мелкая, но дно – вилы, острые камни - наступить невозможно. <...>».

«Осень 1994 год.

<...> Если ждёте, что приду в отпуск, то зря. Я не буду писать, какой «хороший» у нас комбат. <...>».

«Декабрь 1994 год.

Здравствуйте, это письмо из поезда, немного трясёт, поэтому такой почерк. <...> Всю прошлую неделю наша рота провела на улице. Днём на марше, ночью – подготовка к погрузке. Стреляли боевыми снарядами, отрабатывали тактику взаимодействия с вертолётками. Научились устанавливать мины – сюрпризы. <...>

Люди падали с ног из-за того, что неделю не спали и ели через раз. Я ходил в валенках в тридцатиградусный мороз, хочешь верь, хочешь нет, но портянки примерзали к деревянным валенкам и не было времени и места, что бы их просушить. <...> Оружия набрали, можно Барнаул разнести на куски. Все мечтали поскорей загрузиться в эшелон и упасть спать. И всем было всё равно, что они едут на войну, правда, не всем, двое сбежали. <...>».

«Декабрь 1994 год.

Здравствуй, Алёнка. Я ещё в пути. Урал почти проехали, какая там природа!!! Если бы ты видела горы, холмы, тайгу, реки, озёра. Особенно понравился город Миасс, стоящий на высоком холме. Вокруг тайга, а внизу большое озеро. Красота! С остальными городами не сравнить! <...>

До Нового года осталось 4 дня, а до приказа 3 месяца. <...> Жаль, что вместо отпуска я еду на войну. Ну, ничего, мы уже дни считаем – сто дневка

идёт. Как приеду, пришлю адрес, и буду ждать писем от вас. А пока, до свидания, сестрёнка. <...>».

«Январь 1995 год.

Здравствуйте, мама, папа, бабушка и Лена. Писать неудобно, поэтому такой почерк. Да и писать нечего, я жив и здоров. Пишите лучше вы мне. Адрес такой: Кемеровская область, Юрга-10, В/Ч 21006в, а внизу под адресом напишите Москва – 400.

Жду писем. <...> Сегодня 24 января, завтра у меня день рождения <...>. До свидания, привет всем. Слава».

Штурм города Грозного 2 февраля 1995 года стал последним боем Вячеслава Сальникова. Ему только, только исполнился двадцать один год...

Использован материал музея «Локальные войны XX века» школы № 60, г. Барнаул.

* * *

*«<...> Душа твоя в письмах дышит,
Трепещет, живет – лишь не слышит,
А мы тебя слышим, слышим...»*

Смоленцев Александр

Родился в 1977 году 12 июля в Восточном Казахстане. Саша, как и все дети, ходил в детский сад, рос обыкновенным деревенским пареньком.

Вскоре семья Саши переехала на Алтай в Угловский район, уже здесь началась школьная жизнь. Саша учился, занимался спортом – до позднего вечера в любую погоду играли в футбол.

Шли годы. Учеником 4 класса он пришел в Озерскую среднюю школу. Затем поступил в училище, по окончании которого получил диплом каменщика. Летом он работал в городе, в свои 17 лет умел построить гараж, выкладывать погреб кирпичом. Саша был умелым и старательным в быту. Он многого мог достичь в жизни потому, что знал, чего хотел для себя и стремился к этому.

В декабре был призван в армию во внутренние войска в Рубцовске. Подъем, тревога, отбой. Саша с честью носил военную форму и звание рядового солдата.

Перед отправкой в «командировку» в Чечню, а именно так называли, когда увозили бойцов в никуда, и не понятно зачем. Были учения – стреляли из автоматов, учились уличным боям, совершали пятикилометровые марш-броски. В день своего девятнадцатилетия, 12 июля 1996 года, Сашин батальон отправили в Чечню. После недельного пути в поезде они прибыли в город Гудермес, где началась настоящая военная служба с ночными караулами, сменой блокпостов, обходом территории.

Саша часто писал домой письма, и все они начинались одинаково: «Я жив, здоров, у нас не стреляют, не волнуйтесь».

«17.03.96.

*Любовь и пламенный привет,
Наперекор судьбе и ветру,
Несёт мой маленький конверт,
За много, много километров.*

Здравствуй, мама!!! С огромным приветом к тебе твой сын Саша. Вот решил написать тебе письмо и поздравить с Днём рождения.

*С Днём рождения тебя поздравляю
На листочке стихи тебе илю
Этот день я с тобой не встречаю
Лишь письмо тебе я дарю.
Будь счастливой долгие годы
Только счастье встречай на пути
Пусть не льются из глаз твоих слёзы
И лишь смех излучают они.
Иногда ты будешь печальна
Когда горе коснётся тебя,*

*Вспомни ты, что в мире есть сердце,
Которое любит тебя!!!*

У меня всё хорошо, живём по-прежнему. Жив и здоров. А как у вас дела? Как у Ани учёба? ... Сижу в каптёрке у Женьки, он Барнаульский. Сегодня выходной, рота смотрит телевизор, а там, может, будем играть в футбол. Письма хранить в роте запретили, я теперь храню их у Женьки в каптёрке.

В столовой кормят нормально, только чай сейчас без сахара дают. Уже стало хватать одной порции. Как у Ани здоровье, как учёба? Ещё раз поздравляю, мама, с Днём рождения!!! Жду ответа. Твой сын».

«5.08.96.

... У меня всё хорошо, жив, здоров. ... Кормят тут нормально, письмо пишу сидя на бронезилете, а вокруг стоят ящики с боеприпасами, и я их охраняю. Рядом лежит автомат с полным магазином.

Здесь не похоже, что когда-то была война. Завтра это письмо повезут в Кизляр и когда оно дойдёт, не знаю, но верю и надеюсь, что вы его получите. Мама, здесь 2 раза собирают урожай, скоро будут снимать второй.

У нас в роту прибыло много человек. На постах делать нечего, вот их и сняли. Ночи здесь тёплые, утром постоянно туман, не видно, как выходит солнце. Время летит так быстро, что и в днях запутался, а в числах и подавно.

...

Письмо дописываю уже поздно вечером, строчек не вижу. Мама, не переживай за меня, тут мы отдыхаем, вода здесь родниковая, правда бежит по трубе самотёком. ... Ну, пока. Мама, не переживай за меня, у меня всё хорошо. Твой любящий сын Саша».

«1.09.96.

*Здравствуйте, мои дорогие, мама и Аня. Спешу поздравить Аню с первым сентября. У меня, как всегда, всё **хорошо**, жив и здоров. Сегодня прочитали указ Ельцина, что с 17 августа, кто находится в горячих точках. Один день идёт за два.*

Мама, как твоё здоровье? Ты, наверное, переживаешь за меня, и это всё зря, потому что мы тут сидим, едим и ничего не делаем. Погода стоит хорошая. Сейчас закончил писать письма, только писать нечего, всё одно и то же. Сейчас хоть стали привозить газеты, хоть какую то информацию получаем.

... Самое главное сообщаю, что жив, здоров и всё спокойно. До свидания. Любящий сын Саша».

А осенью домой пришло страшное известие, словно земля расступилась под ногами «Ваш сын погиб»...

Использован материал школьного музея с. Озёрки.